

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

ВОПРОС ПРАВА

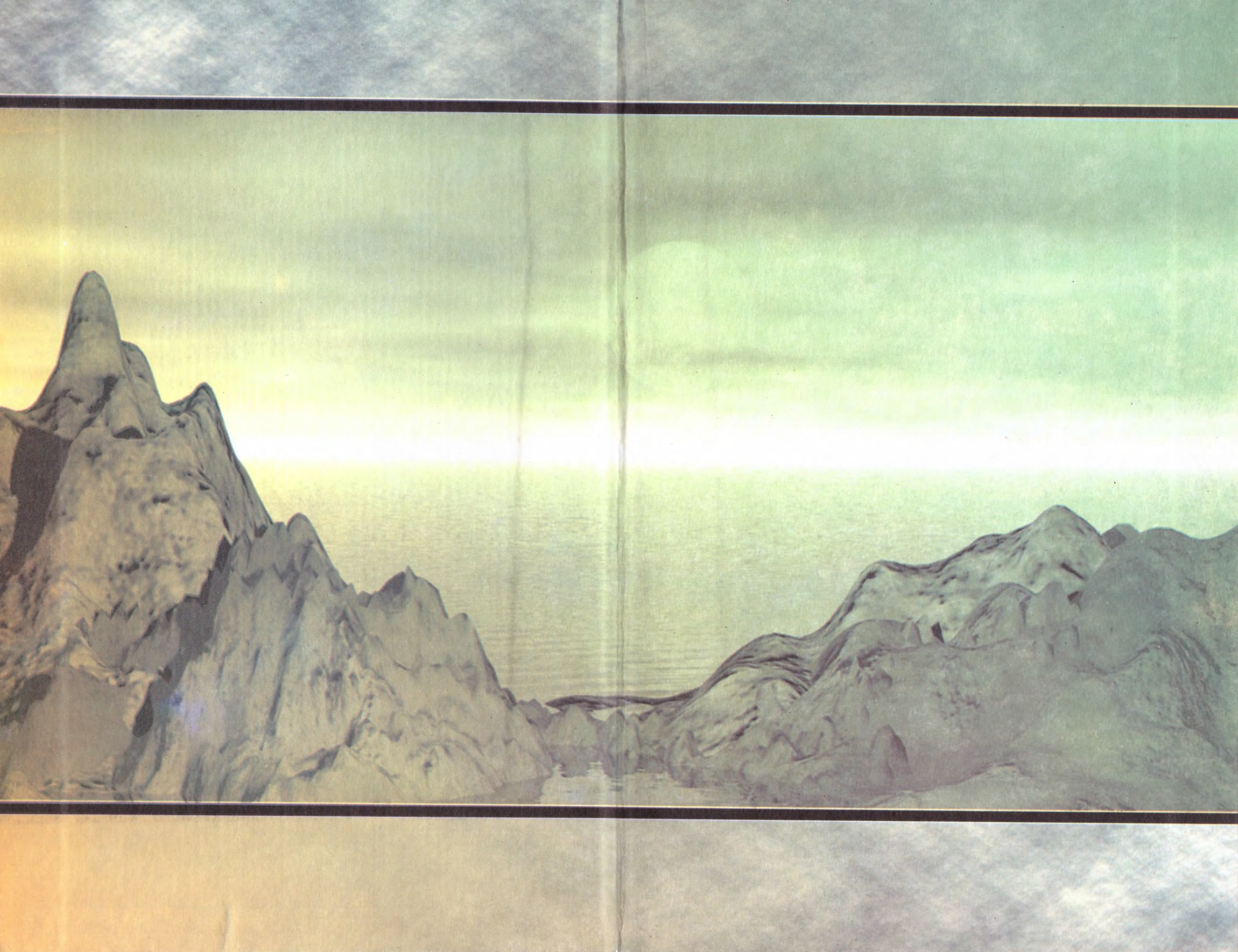
ВОПРОС ПРАВА

АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ

З В Е З Д Н Ы Й

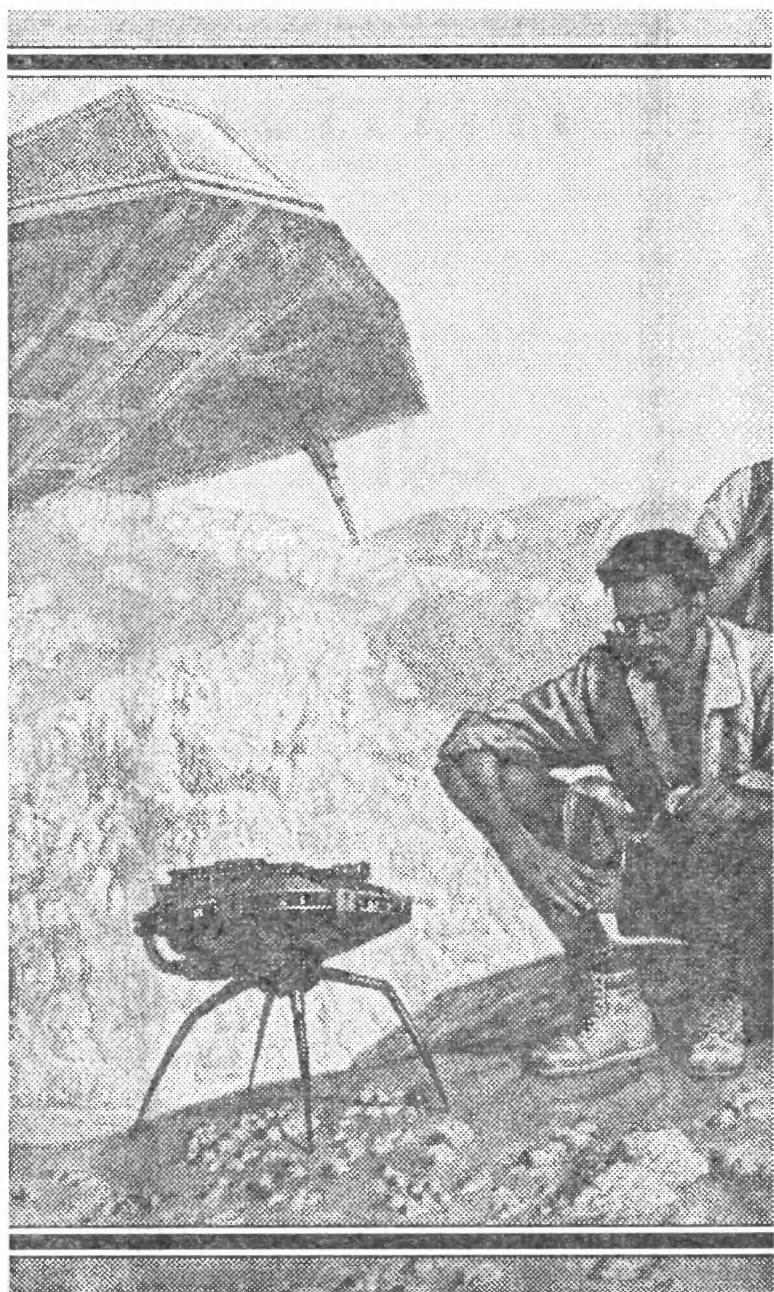
Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

ВОПРОС ПРАВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ • МОСКВА

2000

ББК 84 (2Рос-Рус) 6
Г87

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

Художник В.Н. Ненов

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству АСТ. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Громов А.

Г87 Вопрос права: Фантастические повести. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2000. — 416 с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-17-001069-9

Александра Громова называют верным последователем братьев Стругацких. То есть фантастом, рискующим исследовать в своем творчестве проблемы социальные.

Произведения Александра Громова не просто талантливы, но — оригинальны. Увлекательная приключенческая форма и захватывающие сюжеты становятся здесь лишь обрамлением для заданных писателем вопросов. Вопросы, заставляющих всерьез задуматься о прочитанном!..

© А. Громов, 2000

© ООО «Издательство АСТ», 2000

**МЕНУЭТ
СВЯТОГО ВИТТА**

*Я должен был строить, повинаясь лишь
своей вере, не слушая ничьих советов.*

Уильям Голдинг. «Шпиль»

*О странники! А мы тут, наверху, видели,
как в раздавшиеся швы крыши просачивалась
синяя ночь. Этого крошечного отверстия
было достаточно, чтобы через него
могла просочиться одна-единственная звезда.
Процеженная для нас сквозь все небо. Эта
звезда приносила болезнь. Мы отворачивались:
от нее умирали.*

Антуан де Сент-Экзюпери. «Южный почтовый»

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

Холодно. Господи, как холодно! Боже, помоги мне вынести эту ночь. Если ты есть, сделай так, чтобы я согрелся. Если тебя нет или ты остался далеко, пусть кто-нибудь другой сделает так, чтобы я согрелся. Кто-нибудь, мне все равно. Пусть это сделает Стефан... пусть даст хоть немного тепла, в нижних ярусах еще много тепла, я знаю. Здесь, наверху, холодно. Стефан не знает, как холодно наверху по ночам, когда бьет дождь и низкие тучи бегут с севера. Откуда ему знать? Проснется, сунет нос проверить, не заснул ли часовой, и тут же обратно, холода и не почувствует. У-у... А как может часовой спать, когда такой холод? Ничего он не может, вообще ничего, пальцы окочене-ли, и голос сел. Этот холод меня убьет. Вон какой дождь, как только не замерзает в полете? Печку не разожжешь, торф мокрый весь, и навес прохудился, куртка не греет... Совсем не греет. Холодно. Очень холодно. Пусть Стефан даст немного тепла, все ему прощу, пусть только прикажет протянуть снизу какую-нибудь кишку с паром, чтобы хоть руки греть... Нет. Не прикажет. Не даст. Бесполезно спрашивать.

Тщедушная фигурка мотнулась в сторону, уперлась в ограждение на краю площадки. Ноги скользнули по мокрому металлу. Медленно-медленно фигурка двинулась вдоль ограждения, перебирая зазябшими пальцами по тонкой гнутой трубе, приваренной для страховки на уровне пояса. За трубой в мутном свете качающегося фонаря не было видно ничего, кроме

черноты и дождя с летящими крупинками снега, не было видно ни земли, притаившейся метрах в ста внизу, ни частокола кольцом вокруг башни, ни кособокых сараев и навесов внутри частокола, ни тем более горизонта, растерзанного бегущими ключьями туч. Вперед, вперед! Не останавливаться. Только так можно вынести эту ночь — идти и идти, идти в никуда, мерить и мерить шагами верхнюю площадку донжона, пока не наступит утро... Скорее бы. Стефана бы сюда, хотя бы на одну ночь... Или хоть кого-нибудь, ведь предлагали же дежурить ночами вдвоем, греться друг о друга. Стефан запретил. Почему он запретил, когда так холодно? Никто не знает...

— Эй, кто внизу?

Показалось. Никого там нет. Да и кто может быть? И зачем ему быть в черноте в такой холод? Некому, некому приходиться, никому мы тут не нужны, говорили же ему... От белых клоунов или бродячей паутины защитит частокол, а если опять придет цалькат, он частокола и не заметит, пройдет как по ровному, но с башней ему не справиться и часового ему не достать, и вот тогда-то придет время посмотреть, подействует на цальката хоть как-нибудь пружинный стреломет или не подействует. На черепах или, скажем, болотных червей он действует, проверяли, а вот гарпию можно сбить только случайно, что стрелометом, что бластером, попробуй в нее еще попади, заразу... Но хорошая, очень хорошая вещь этот стреломет, всегда в смазке и на боевом взводе, сделал-таки Стефан одну полезную вещь. Нужно крутить ворот минут пятнадцать, зато потом только дави на спуск: первая стрела летит на пятьсот шагов, вторая на четыреста девяносто, третья на четыреста семьдесят и так далее, а последняя в магазине, десятая, на триста десять. И точность боя что надо. Конечно, Стефану помогали: и Дэйв помогал, и Ронда, и даже Питер работал с ин-

тересом, а потом наделал тупых деревянных стрел и пытался ловить их руками на излете... Ни одной не поймал. Потом Фукуда напиллил настоящих тяжелых стрел из поручня трапа и высверлил каждой хвостовую часть, чтобы не кувыркались и пели в полете, а химик Диего смазал наконечники каким-то зеленым желе и велел без нужды не хватать руками... Хорошая вещь этот стреломет, завалил бы только цальката... Как валит цальката «махер», мы все знаем, хорошо видели. Почему Стефан не дает часовым оружие? Бойтся? Конечно, бойтся.

Шаг. И еще один шаг, и еще. Не греет ходьба. Боже, как холодно... Даже если я не замерзну, завтра вряд ли смогу встать. А завтра неплохо бы быть веселым, завтра день рождения Петры, она хорошая девчонка. Сколько же это ей будет — сорок семь? Да, она на год младше меня, совсем малышка, такая пухленькая, а значит, сорок семь. Уже сорок семь или еще сорок семь?.. У-у, глупые какие мысли, это от холода. Точно. Может, попытаться попрыгать или побегать? Свалюсь ведь, поскользнусь и сорвусь, и перила не удержат... Нельзя же так. Несправедливо. Ну, малыши не дежурят, это я понимаю, ну, девчонки дежурят только старшие и только днем, это я тоже понимаю, а почему не дежурит, скажем, Анджей? Он что, маленький? Или девчонка? Нет, у него, видите ли, наблюдения, ему днем бодрствовать надо, ночью спать, а днем он даже торфа не ковырнет... Господи, я же не выдержу... Пальцы на ногах ничего не чувствуют. Погреться бы. Только на минутку, на одну-единственную маленькую минутку зайти внутрь и погреться, вот он люк, никто ведь не заметит, а потом сразу обратно... Стефан накажет? Так ведь не застрелит же. И не накажет, все спят сейчас, и Стефан спит, а мне только на одну минутку...

Мальчишеская фигурка отклеилась от перил, стояла в нерешительности, дрожа всем телом, попыталась плотнее запахнуться в мокрую куртку и, пригибаясь навстречу дождю, побрела к люку на середине площадки. На верхних ярусах автоматика не действовала, этот люк открывался вручную. У люка мальчик еще раз остановился, борясь с искушением, затем оглянулся, будто кто-то мог его увидеть, подышал, стуча зубами, на окоченевшие пальцы и с натугой откатил крышку по направляющим. Внутри было темно, зато тепло почувствовалось сразу. Мальчик присел над люком, наклонил к черноте осторожное ухо. Тепло притягивало. Теперь мальчик знал, что не уйдет отсюда. Спят? Нет, пожалуй, не спят... Стук дождя по металлу площадки мешал слушать. Что там — сигнал общей тревоги? М-м... Нет, только не сигнал, он звучит совсем не так и вдобавок воеет по всему кораблю, а это где-то в одном месте. Нет, не сигнал это общей тревоги, это только что-то очень похожее на сигнал, а вот теперь сигнала нет, зато бубнят два голоса...

Маленький озябший мальчик сидел на краю люка на верхней площадке круглой башни-донжона, почти цепляющейся за бегущие клочья низких туч, и холодный косой дождь все хлестал и хлестал по этой площадке и по тщедушной дрожащей фигурке; дождь шелестел по всей башне, глубоко вплавленной в грунт широким основанием, по башне, которая с носовой надстройкой, давно снятой и разделанной на металл, не была бы похожа на башню-донжон в центре крепости, а была бы похожа на то, чем являлась в действительности: малым туннельным кораблем «Декарт» звездного класса, земного порта приписки, средней дальности свободного полета, стандартной автономности, на сто восемьдесят пассажиров и шесть членов экипажа...

2

В каюте кто-то был. Кто-то невидимый осторожно ступал босыми ногами, шарил впотьмах, очень стараясь не шуметь. Стефан Лоренц проснулся так, как просыпался всегда — без переходного состояния с морганием и потягиваниями, без застилающего глаза розового тумана с уплывающими обрывками ночных снов. Тело включилось, и голова была ясной. Он лежал молча, лицом к переборке, его дыхание оставалось ровным, как во сне, но тело против воли было напряжено. Он пошевелился, и тот, за спиной, замер. Тогда Стефан дернул щекой, немного поворочался, подогнул под себя ноги, затем снова замер, заставив себя расслабиться, и стал ждать. Некоторое время того, другого, не было слышно, но Стефан хорошо представлял себе, как у ночного пришельца гулко бухает сердце. Он усмехнулся про себя: дышать и то боится... Удерет? Нет, не удерет, пока не доведет дело до конца, слишком долго они этого ждали, терпения нет, никуда он не удерет, коли уж они опять решились...

Так. Шарит на полке, где одежда. И кобура, конечно, тоже там, вот она поползла наружу, по звуку ясно. Долго как копается... Ну что, много ты там нашел? Где теперь искать будешь? Надо думать, под подушкой, на большее фантазии не хватит. Так... лежать тихо. Приближается. На цыпочках идет, осторожничают, и руки, наверно, в темноте растопырил, как лунатик. Как он вообще в дверь вошел? Там три ИК-луча. Впрочем, если ползком и если очень постараться, то можно подлезть под нижним, но ведь это же знать надо!.. Значит, знают.

Противно все это, слов нет.

Невидимый наткнулся на койку. Медленно, очень медленно рука поползла под подушку. Интересно,

кто это, подумал Стефан. Илья, Дэйв, Диего? Рыжий Людвиг? Или, может быть, Ронда — что-то она вчера по-волчьи смотрела, с этаким вызовом, кто-то ее даже одернул. Если бы Питер был здесь, нечего было бы и гадать. Хотя нет, Питер сам не сунется, не его это метод, придет кого-нибудь другого, кто поглупей...

Голова вместе с подушкой мягко приподнялась — ночной пришелец запустил руку по локоть. Стефан резко повернулся и попытался схватить эту руку, но рука тотчас отдернулась. Стефан вскочил на ноги. Кто-то рядом издал странный высокий писк, вывернулся, крутнувшись волчком, из рук, отскочил, еще раз увернулся, и сейчас же по полу часто-часто зашлепали босые ноги. Чужой легко ударился в дверь, в распахнувшемся проеме мелькнул невысокий силуэт — на вид лет десять, определил Стефан, — исчез было, метнувшись вбок, но Стефан уже был в дверях, и в каюте уже тянуше гудел сигнал самодельного сторожевого устройства — негромко, чтобы не разбудить спящих, как и положено сторожевому сигналу, предназначенному только для одного человека, для одного-единственного против всех...

В коридоре Стефан настиг бегущего в три прыжка.
— Уве?

Схваченный мальчишка не сопротивлялся, только прикрывал голову руками. Стефан втащил его в каюту, по пути вырубив сигнал, и, осмотревшись, толкнул пойманного подальше от двери. Затем подошел к шкафу, молча достал и натянул на себя комбинезон. Сняв с верха шкафа тяжелый, с массивной рубчатой рукояткой, «махер», покачал его на ладони.

— За этим приходил?

— Бить будешь? — спросил мальчишка. — Ну бей...

— За этим приходил, я спрашиваю?

— Нет, — соврал было мальчишка и, встретив усмешку, вскинул голову. Черт ему был не брат. — Да! Да! За этим! И что?

Стефан молча прошелся из угла в угол. Мальчишка следил за ним волчьими глазами. Так... значит, теперь и Уве? И этот ненавидит. За что? Хорошо бы сейчас и навсегда плюнуть на все на это, пусть Питер делает что хочет, если только вернется, и остальные пусть делают что хотят... Нельзя. Никак нельзя, это и есть самое противное. Когда-нибудь они меня непременно подловят, подумал Стефан, дурака я сваял, когда выскочил без оружия, в следующий раз в коридоре наверняка будет засада. Или в следующий раз осмелеют и просто придут с ножом... Давно надо было сменить сигнализацию. Их можно удерживать долго, очень долго, но, разумеется, не вечно, и чем дальше, тем будет хуже. Когда-нибудь это плохо кончится, может быть, даже раньше, чем я думаю...

— Зачем тебе понадобился «махер»?

Уве вызывающе шмыгнул носом.

— А что, нельзя? Тебе, как всегда, можно, а нам нет?

— Вам нельзя, — сказал Стефан. — А мне можно.

— Вот так, да? — Мальчишка повысил голос. — Думаешь, раз самый старший, так самый умный? Тебе пятьдесят три, а мне пятьдесят ровно — много разницы?

— Существует и другой счет, — сказал Стефан. — По этому счету тебе десять, а мне тринадцать с половиной. Надо еще объяснять? Может, малыша Джекоба предложишь назначить старшим? Ему скоро сорок один, цветущий возраст. Кстати, «много разницы» — так не говорят. Говорят — «большая разница». Не забывай.

— Питер старше тебя на две недели...

Стефан усмехнулся углом рта.

— С Питером половина из вас перемерет через полгода, а вторая половина будет пытаться украсть у него

этот самый «махер». Нашли себе кумира. Я лучше других знаю корабль и лучше других понимаю, что нужно делать, чтобы выжить, — так кто должен управлять вами: я или твой Питер? Мне по крайней мере на вас не наплевать.

— Надоел ты мне, — с ожесточением сказал Уве. — Привел бить, так бей, чего тянешь?

Стефан прошелся по каюте, толчком ноги подвинул к Уве стул:

— Садись.

Уве поколебался и сел на краешек.

— Ты мне напомни, я забыл, — медленно сказал Стефан, — когда-нибудь был случай, чтобы я бил кого-то?

— Ну... не бил. Только замахивался — думаешь, легче от того? На торф посылал. Бластером грозил...

— Это не одно и то же. Спрашиваю в последний раз: зачем тебе понадобился «махер»?

— Это не мне! — тонким голосом выкрикнул Уве. — Это на крышу! Дежурному!..

— Врешь, — холодно сказал Стефан. — Не дежурному. Сегодня дежурит Киро, а я вас всех наизусть знаю. Ради Киро ты бы не пошел воровать бластер. Ты бы ради Питера пошел. Он тебя надоумил?

— При чем здесь Питер? — с трудом, будто ворочая комок в горле, проговорил Уве. — Питер же не вернулся еще... Услал человека, теперь на него валишь? Ребята хотели узнать, правда ли последний заряд остался или еще есть. Тут всякое говорили... И Анджею выпало идти.

— Занятно. А он что же?

— А он заявил, что никуда не пойдет. У него, мол, такие правила, и вообще знать ему про «махер» неинтересно. Ребята собирались его побить, может, уже и побили, не знаю. Толку-то — бить его... А потом кинули жребий еще раз, и выпало идти мне.

— Ты и пошел?

— Угу. — Уве неожиданно всхлипнул.

— Ну, проверили бы вы «махер», — сказал Стефан, — а потом?

— Что — потом? — спросил Уве, не смотря в глаза.

— Я спрашиваю: что бы вы потом с ним делали? Надо думать, нашли бы применение?

— Не знаю... Ребята хотели проверить... Мы ничего такого не...

— Людвиг был с вами? — перебил Стефан.

Уве всхлипнул и покачал головой:

— Не скажу.

— Ясно, был. Про Илью с Дэйвом и не спрашиваю. А девчонки? Ронда была?

— Не скажу...

— Значит, была...

Уве вдруг расплакался — тихо и по-детски неудержимо, отвернувшись и часто шмыгая носом, чтобы не было слышно всхлипываний. Все-таки мы дети, подумал Стефан. Даже страшно становится, когда подумаешь, какие же мы еще дети. Мы разучились задавать детские вопросы. Но мы плачем, как дети. Наверно, поэтому мы плачем так редко.

— Ну-ну, — сказал Стефан. — Перестань.

Он подошел, обнял Уве за плечи — тот попытался вырваться. Стефан присел рядом.

— Ну хватит, хватит, — мягко сказал он. — Разве так можно? Тоже, нашел из-за чего... Перестань, я сказал. Ты думаешь, мне не трудно? Мне, если хочешь знать, труднее всех, а я ведь не хнычу. Ну ладно, малыш, с кем не бывает. Соберись, соберись, парень, разве так можно...

Плечи Уве вздрагивали. А вот этого он мне никогда не простит, вдруг с неожиданной ясностью понял Стефан. Никогда. Лучше бы я его побил. Теперь он притихнет и будет держаться в стороне из страха, что я расска-

жу всем, как он тут пускал сопли, какое-то время его можно будет даже использовать, но теперь всегда придется помнить о нем и не подставлять зря спину. Он мне враг. Теперь у меня появился еще один враг.

— Иди умойся, — сказал он, отстраняясь. — Завтра тебе на торф идти, дыхания не хватит, и толку от тебя не будет. Спать иди.

— Завтра не моя очередь, — возразил Уве, всхлипнув в последний раз. Потом его голос стал злым. — Вот так, да? На торф меня? За что?!

— Я передвинул очередь. Завтра должна быть Петра, а у нее день рождения. Поэтому будешь ты, Дэйв и Агнета. Это не наказание. Будет укороченный день, а вечером — праздник. Постарайся его не испортить.

Уве стер рукавом слезы. На впалых щеках остались темные полосы.

— Ладно... Что будет к празднику?

— Пирожные. Диего сказал, что постарается. По девяносто граммов.

— Мало.

— Сам хотел бы больше. Ну, ты иди, иди. Ночью спать надо.

Уве кивнул. Перед дверью он остановился, повернул к Стефану голову через плечо и спросил:

— От Питера ничего не было?

— С какой стати? — сказал Стефан. — Насчет связи — сам знаешь. Или у нас что-то накрылось, или у них. Донна копается.

— Я сам вчера копался, — сказал Уве. — Это не у нас. Это у них. Они еще позавчера должны были вернуться.

— Вернутся.

— Если нет, я тебе не завидую, — негромко проговорил Уве. — Чего там, все равно тебе донесут. Имей в виду, ребята так и говорили: если Питер не вернется, плохо тебе будет, Лоренц. И Маргарет плохо будет. Сами решим, как нам жить.

— Принято к сведению, — холодно сказал Стефан. Уве еще постоял секунду и вышел, направился было вправо по коридору, но тут же развернулся и быстро-быстро пошел влево. Стефан выскочил следом — направо.

— Так, — сказал он. — И этот здесь. Ты где должен быть? Почему не на посту?

Киро улыбался вымученной глуповатой улыбкой. С него капало. Дрожь еще не прошла, зубы часто-часто колотили друг друга.

— Почему бросил пост, спрашиваю!

— Я... это... холодно ведь. Дождь там, снег, холодно очень... Я это... слышу — вроде как сирена...

— Хороший слух, — усмехнулся Стефан. — Просто феноменальный слух, всем бы такой. И нюх на уют тоже редкостный. Губа не дура. Ему еще стоять и стоять, а он сбежал. А если, пока ты здесь, придет цалькат — что тогда?

— Не придет он в такую погоду, — возразил Киро. — Сколько лет не приходил... А может, он тут всего один и был, откуда мы знаем...

— Ты уже понял, что надо делать? — спросил Стефан.

Киро кивнул. Он шел обратно к трапу медленно, как лунатик, оставляя за собой мокрые следы. Он ловил каждую секунду отсрочки.

— А ну, стой! — Киро остановился как вкопанный и посмотрел на Стефана с недоверчивой надеждой. Стефан отвел глаза. — Иди переоденься...

3

До рассвета он провозился с сигнализацией. То, что получалось, никак не удовлетворяло. Незаметные волоски-паутинки, обрываемые вошедшим, разлитое

по полу машинное масло возле шатких механических конструкций, обрушивающихся с жутким грохотом при малейшем прикосновении, емкостные ловушки, невидимые пучки тех или иных лучей в дверном проеме, акустические датчики, электромагнитные датчики, реагирующие на биение сердца вошедшего, хеморецепторы, соединенные с сигнальной сиреной, — все это, включая вульгарные грабли-самоделки на полу у двери, однажды с блеском сработавшие, уже было придумано, изготовлено, опробовано, принято на вооружение, рано или поздно раскушено и с потерей новизны переставало быть защитой. На каждую выдумку неизбежно находилось противоядие — иногда спустя месяцы, как, например, в случае с детектором биотоков. Чаще — спустя дни. Но контрсредство находилось всегда. Иногда Стефан думал о том, что лучшей защитой была бы толстая стальная дверь с неподъемным амбарным замком. Но это означало бы преподнести подчиненным такой подарок, о котором они едва ли могли мечтать. Это означало без боя признать поражение.

Наконец он остановился на варианте, который показался ему приемлемым, молча закончил работу и вышел из капитанской каюты. Спать не хотелось совершенно. Сутки здесь длились тридцать один час, и даже летом почти половину их занимала черная беззвездная ночь. Зимой — чуть больше половины. Планета практически не знала смены времен года, природа в средних широтах навеки застыла в прохладном робком лете, зимой чаще обычного дули северные ветры и шли дожди — вот и все. Пятнадцатичасовая темнота давала время выспаться всем, включая двоих дозорных на крыше, делящих ночь на два дежурства. Вполне достаточно, чтобы весь день быть бодрым и не скулить. Так нет же — скулят... Даже не от холода скулят, размышлял Стефан, не от дождя этого идиот-

ского — от жизни такой. От вынужденной убогости, от четкой размеренности работ, зачастую бессмысленных, но необходимых для того, чтобы не деградировать в колонию простейших, а самое главное — от отсутствия перспективы. От полнейшей никчемности нашей жизни и нашего вечного детства, это-то давно дошло до каждого. И каждый почему-то уверен, что Стефан Лоренц этого не понимает — то ли вообще не способен понять, то ли, что вероятнее, понять не желает. Как же: Лоренц — капитан! Лоренц — диктатор... Стефан напрягся, скаля зубы. Шаги против воли сделались пружинящими. Да! Да!! Диктатор! Шейх! Пахан, черт вас подери! Узурпатор! И так будет! Думайте обо мне что хотите, только я вас самим себе не отдам, так и знайте...

Тяжелая кобура при каждом шаге била его по боку. Так было нужно, хотя до рассвета оставалось еще не меньше часа, и Стефан ясно понимал, что до самой сирены общего подъема мог бы спать спокойно: второй раз за ночь они не сунутся. Наверняка. Времени у них навалом, торопиться некуда. А мы пройдемся... Стефан помнил, что когда-то второй вахтенный при отсутствии на борту нештатных ситуаций был обязан раз в смену совершить обход служебных помещений, больше по традиции, чем по необходимости. Иногда это делал сам Бруно Лоренц, капитан «Декарта», бывая в такие минуты строгим и добродушным одновременно, и его тяжелые шаги внушали спокойную уверенность в благополучном исходе чего бы то ни было, один только раз Стефан помнил отца в ярости... Ладно, назовем эту прогулку обходом... Назовем это преемственностью. Скорее всего в ближайшие дни они ничего существенного не предпримут, будут все как один фальшиво равнодушны и до некоторой степени исполнительны, но будут в конце концов работать, без энтузиазма принимая поощрения и без особых

пререканий снося наказания, особенно старшие. И все как один... нет, не все, а почти все — с едва заметным «почти» — будут ждать... ох, как они будут ждать, когда вернется Питер! Если вернется...

Если не вернется, будет плохо, подумал Стефан. Но если Питер вернется, тоже будет плохо, и даже еще хуже. Было бы идеально, если бы вернулись Вера и Йорис, а Питер где-нибудь сгинул: на порогах, что ли, или на озере — там водяной слон очень даже не прочь перевернуть лодку и позабавиться с гребцами, а озера Питеру никак не избежать... Нехорошо так думать, не надо бы этого. Нет, он вернется, конечно. Всегда возвращался. Десятки дальних экспедиций, сотни небольших вылазок — и ведь все, кроме одной, удачные! Вот в чем штука: неудачных он себе позволить не может. Рискует, очень рискует. Разбил три лодки, доламывает четвертую, а у самого за сорок лет ни одной серьезной раны, ни одного паршивенького перелома! Отчаянная и разумная голова этот Питер, что есть, то есть, вот к нему и тянутся аутсайдеры вроде Йориса или Уве. О Ронде Соман и говорить нечего: влюблена в Питера до фетишизма, или, как это называется, молится на него, вешает на себя всякую дрянь, которую он ей привозит и дарит: блестящие камешки, ракушки какие-то... Прикажи он ей броситься с верхней площадки — ведь бросится, и еще с радостью, что до нее, дурочки, снизошли. Но дурочка она только с Питером, а было бы хорошо, если бы не только... Ладно, она-то не аутсайдер, она — исключение из правила. Будем так считать. А кто тогда Людвиг? Тоже исключение? Да. Исключение. И Дэйв... Что-то много исключений. Обоим чуть-чуть не хватило до лидерства, Людвигу — оптимизма и быстрого действия ума, Дэйву — выдержки и возраста. Дикий он какой-то, Дэйв. Опасный звереныш. Хорошо уже то, что он одинаково ненавидит и Питера, и меня, вооб-

ще всякое начальство он ненавидит, что существующее, что потенциальное, и поэтому к Питеру он не примкнет, не тот случай. Зря его Питер приручал, таскал по экспедициям — как не было между ними ничего общего, так и осталось...

Гнутые корабельные коридоры были пусты и пыльны. «Велеть прибраться», — мельком подумал Стефан. Аварийное освещение давало причудливые тени. Недавно вывешенный рукописный лозунг «Равные права — равный кусок» был изъеден кислотой и плохо читался. «Выяснить, кто и где раздобыл кислоту», — отметил Стефан. Где-то наверху в нескольких ярусах над головой на продуваемой насквозь верхней площадке стучал зубами замерзший Киро Васев, где-то внизу, куда ушел Уве, копилась привычная ледяная злоба, и длинно, неумолчно и безнадежно, как всегда перед восходом солнца, кричала запертая в изоляторе медотсека сумасшедшая Абигайль, а за ближайшим углом кто-то прятался. Стефан не увидел и не услышал его, он не смог бы объяснить, почему он почувствовал человека за поворотом коридора, но, почувствовав, замедлил шаги. Кто-то невидимый стоял там. Ждал. Он был один, и Стефан с облегчением перевел дух. Рука, начавшая движение к кобуре, опустилась. Перед одним противником — если это противник — нельзя показывать свою слабость, Стефан знал это очень хорошо. Угрозы бластером — всегда слабость. Спасительная слабость, к которой с каждым годом приходится прибегать все чаще и чаще...

За углом была Маргарет.

— Ты чего прядешься? — спросил он.

— Так... — Маргарет пожала плечами. — Несла Абби успокоительное, а то так и будет кричать, ты же знаешь. Слышу — кто-то идет. Не хотелось встречаться. Я думала, или к тебе идут, или от тебя. Чувствовалось что-то такое... в общем, со мною вчера почти никто не разговаривал. Хотела предупредить.

— У меня уже были, — мрачно сказал Стефан. — Как они догадались про инфракрасную завесу, хотел бы я знать. Может, кто-то надоумил?

— Не знаю, — сказала Маргарет. — А кто был?

— Уве.

— Уве?

— Вот именно.

— От него я не ожидала, — заявила Маргарет. — Надо же — теперь и Уве...

— Бывает, — сказал Стефан. — Все, что возможно, то и бывает. На то и жизнь. Иногда даже бывает то, что невозможно, только редко.

— Например? — с интересом спросила Маргарет.

— Например, мы с тобой. И все вокруг. Мальчики и девочки по пятьдесят лет. Эта планета. Это солнце, от которого взрослые умирают, а дети живут очень долго, чтобы со временем стать маленькими старичками, — это возможно? Кто-нибудь о таком слышал? Думал о таком?

— Ну, ты-то еще не старик, — улыбнулась Маргарет. — Да и я не совсем старушка. Погляди, у меня даже морщин почти нет.

— Я не об этом...

— А почему? Мы стареем, это надо принять и успокоиться. Похоже на то, что мы стареем медленнее, чем нормальные люди, но все-таки мы стареем. И когда-нибудь нам придется умереть.

— Ты боишься?

— Я? Пожалуй, да. Немножко. Тут есть такие, для кого это было бы большим облегчением. Но мне бы не хотелось. А они вспоминают Иветт. Помнишь, как она умирала?

— Помню. Она за месяц выросла во взрослую, и у нее был громадный аппетит. Но тогда у нас было лучше с едой. Никто не понимал, что с ней происходит, она и сама не понимала. Ты мне потом сказала, что ее организм просто не выдержал.

— Да. Может быть, теперь я смогла бы ей помочь. Но все равно она умерла бы через две-три недели. Как все взрослые. Будь она постарше, она умерла бы одновременно со всеми. Ей ведь было уже двенадцать — совсем девушка.

— Мне тринадцать с половиной...

— Глупый, — сказала Маргарет. — Девочки же раньше развиваются, ты этого не знал?

— А тебе двенадцать, — сказал Стефан.

— Даже двенадцать и четыре месяца. Мне просто повезло: видишь ли, начало перестройки организма зависит прежде всего от самого организма. Тут уж у кого как. Ронде вот тоже повезло. И тебе.

— И Питеру.

— И Питеру, — согласилась Маргарет. — Кстати, о нем. Ты не думаешь, что за нами сейчас наблюдают?

Вряд ли сейчас, подумал Стефан. Позже — да. С этим всегда приходится считаться. Но сейчас все они внизу и им не до того: Уве объясняет, почему у него сорвалось с «махером», остальные изошряются в унылом остроумии по его адресу, Дэйв бесится, а неторопливый умный Людвиг, мозговой центр этой шатии, молчит и раскладывает все по полочкам. В следующий раз они изберут иную тактику. Рано или поздно они доберутся до цели.

— Мне бы не хотелось, — сказал он вслух.

— Мне бы тоже, — отозвалась Маргарет. — Между прочим, нас могут не только слышать, но и видеть. Вчера Донна искала в барахолке запасной «глаз» и, кажется, нашла. А она хороший инженер.

— А ты хороший врач, — улыбнулся Стефан. — Правда, я не шучу, ты очень хороший врач. И хороший товарищ.

— Спасибо... — сказала Маргарет. Ей было приятно, и она не пыталась это скрыть.

— Донна не станет им помогать, — сказал Стефан. — Кто угодно, только не Донна.

— Почему? Кажется, она тебя не слишком любит.

— Она и Питера не любит. Точнее, она боится прихода его власти. Ей будет трудно выжить, она слабая.

— А Уве?

— Уве — другое дело. В прошлом году Питер брал его к восточным болотам. Но до сегодняшнего случая я считал его нейтральным. А он, оказывается, ждал момента... — Стефан с усилием сглотнул и облизнул губы. — Понимаешь, Анджей отказался идти, а Уве пошел. Да еще, наверно, с радостью.

— Я тебя предупреждала, — сказала Маргарет. — Давно надо было прикрыть эти экспедиции: Питер всякий раз имеет полную возможность обрабатывать людей поодиночке. Ты заметил, кого он тащит с собой? Сторонников? Как бы не так. Колеблющихся!

— Тебя он тоже звал? — хмуро спросил Стефан.

— Нет, конечно. Я же не колеблюсь, ты знаешь. Колеблются другие, особенно малыши, хотя им-то при власти Питера ничего светить не будет. Но видишь ли, у него есть интересные идеи.

— А у меня?

Маргарет рассмеялась.

— Твои идеи уже реализованы, в том-то вся беда. Получилось надежно, безопасно и скучно, ты уж извини. Да ведь ты, наверно, сам это понимаешь. Надежно и скучно. Плавно... как менюэт. И ты сидишь у всех в печенках, и никто не знает ответа на вопрос, зачем живет и кому нужна такая жизнь...

— Замолчи! — сказал Стефан.

— Вот видишь, ты уже сердисься, — покачала головой Маргарет. — Всегда ты такой. Отталкиваешь от себя людей, а Питер обращает их в свою веру... А ты знаешь, почему я за тебя? Думаешь, потому, что на твоей стороне логика? Ха! Да просто потому, что при Питере никто не задаст себе вопроса, зачем живет.

Каждый будет просто пытаться выжить. И кое у кого это не получится... Я вот о чем подумала: если Питер и в этот раз вернется... В твоём «махере» ещё есть заряды?

— Конечно. Ты сомневалась?

— Я? Нет. А сколько осталось? Один?

— Мне хватит, — сказал Стефан.

— Значит, один... — сказала Маргарет. — Что ж, это уже хорошо. Я боялась, что не осталось ни одного.

— А если осталось десять?

Маргарет фыркнула.

— Все знают, что нет там десяти. Считали много раз. Только счет получился разный. Максимум — два заряда. Минимум — ноль.

— Не ноль, — сказал Стефан. — Уж будь уверена.

Маргарет внимательно посмотрела на него.

— Я пойду. А то Абби кричит.

— Счастливо.

Она нарочно замешкалась, дожидаясь, пока он уйдет. Перед поворотом коридора Стефан, улыбнувшись, махнул ей рукой и исчез, только удаляющиеся шаги гулко бухали по всему кораблю — Маргарет догадывалась, что Стефан пытается подражать походке отца. Что ж, для этого есть основания: он — сын капитана. И он капитан. Капитан корабля, который научился летать. Который никогда не взлетит. Пока еще капитан...

Вентиляционная отдушина располагалась недалеко от пола: вентиляция в коридорах корабля всегда была приточная, в каютах — вытяжная, с отдушинами под потолком. Положив на пол лекарство для Абигаиль, Маргарет опустилась на колени и просунула пальцы сквозь решетку. Микрофон по-прежнему был на месте, а вот «глаза» не было — то ли его еще не успели установить, то ли он был нужнее в другом месте. Ладно и так... Вряд ли кто-нибудь сейчас слушал, но наверняка любой

разговор в коридоре где-то записывается, а значит, рано или поздно обязательно будет прослушан со всем вниманием. Стефан не подвел — умница. Видимо, насторожился, что-то почуял, но не подал виду. Насчет бластера немножко переиграл, но все-таки сказал почти так, как надо. Пусть задумаются. Что ж, сегодня и она, Маргарет, сказала им почти все, что хотела сказать. Сомнительно, чтобы это на них как-то повлияло, даже на колеблющихся, но сказать было нужно, тем более что подслушанный разговор — Маргарет чуть не рассмеялась — во много раз эффективнее надоевшей проповеди...

Она чувствовала удовлетворение.

4

Ходовая рубка помещалась внизу верхней трети корпуса корабля. После того как корабль лишился носовой части, она стала немножко ближе к небу, но внутри оставалась такой же, как при Бруно Лоренце, — просторным строгим помещением с панорамными экранами по закругленным стенам, с экраном-потолком, с большим сдвижным люком в полу, открывающим доступ к верхнему кожуху корабельного мозга, с шестью креслами и двумя пультами маршевого управления, один из которых был спящим, резервным, а на втором вахтенной смене иной раз приходилось играть в четыре руки, с маленьким пультом туннельного управления, ныне навсегда погасшим. Какая-то часть корабельного мозга еще действовала, кое-где светились индикаторы систем жизнеобеспечения и мигала надпись, сообщающая о работе синтезатора пищи, но все это было лишь малой каплей, долей процента от

доли процента того, что корабль должен был уметь делать и что он когда-то умел.

В углу, поджав под себя лапки, жалким комком скорчился ремонтный робот-червь. Стефан легонько пнул его ногой. Ему показалось, что червь слабо шевельнулся в ответ, но, конечно, только показалось. Червь был мертв, он только притворялся живым, он выглядел как новенький: сизые сегменты его туловища за много лет не съела никакая коррозия. Когда-то роботов-червей было несколько десятков, они неутомимо ползали по коммуникационным шахтам и лазам, куда не было доступа человеку; после посадки на планету они еще долгие годы выдавали тревожные сообщения, диагностируя начало разрушения той или иной системы корабля, они неумолчно шуршали по лазам, пытаясь что-то отрегулировать и что-то исправить, а потом начали замолкать один за другим. Никто не видел, как этот, последний, приполз в ходовую рубку и здесь умер. Или заснул? Во всяком случае, многочисленные попытки Уве и Донны вновь задействовать его не привели к желаемому результату.

А вот корабль был еще жив. В последние годы он даже как будто перестал разрушаться, за десять лет в нем не вышла из строя ни одна из систем, словно обреченный корабль, большая часть которого была давно и, по-видимому, необратимо мертва, вдруг раздумал умирать своей последней оставшейся частью. Словно он решил жить ради самого факта жизни, как безнадежный инвалид, навсегда прикованный к больничной койке. Он не собирался сдаваться. Он жил теми упорными крохами жизни, которыми еще держится иногда двухтысячелетний дуб с одной-единственной зеленой веткой и тоненькой полоской живой коры, протянувшейся вдоль мертвого ствола. Для Стефана корабль всегда был кораблем, а не башней-донжоном, как для большинства остальных. Летаргический мозг «Декарта» еще был спосо-

бен управлять тем немногим, что осталось: поддерживать внутри корабля сносную температуру и влажность, следить за синтезатором пищи, иногда — рассчитать для Анджея одну из его заумных моделей. Постоянно работал радиомаячок — обыкновенная пищалка с всенаправленной антенной. Анджей однажды сказал, что при низкой электрической активности атмосферы сигнал маячка может быть выделен из шумов с расстояния в миллиард километров. Еще работали корабельные часы, показывающие земное и бортовое время — застывшая разница не превосходила нескольких часов, потраченных «Декартом» на форсажный набор релятивистской скорости в устье Канала сорок земных лет и сто семнадцать считанных земных дней назад...

«...Всем на борту! Готовность к входу в Канал! Повторяю: готовность к входу в Канал! Прошу пассажиров пройти в свои каюты и оставаться в них вплоть до полного прохождения Канала, о чем будет объявлено особо. Пассажирам категорически запрещается приближаться к служебным помещениям. Экипаж также рассчитывает на то, что его не будут отвлекать вызовами по аварийному интеркому. Желаю всем благополучного туннелирования. Удачи нам!» — и через минуту снова: «Всем на борту! Готовность...» Это была запись, транслируемая с маяка предварительного наведения. Корабельный мозг заботливо снабдил ее интонациями Бруно Лоренца.

Стефан хорошо помнил и этот голос, разнесшийся по всем корабельным закоулкам, и свои ощущения. Он как раз играл в «догони-замри» с Питером и Маргарет и почувствовал, что двигаться стало тяжелее. Корабль вышел на траверз маяка с предкритическим значением функции «масса-скорость» и теперь дополнительно разогнался.

Разумеется, Стефан не остался на пассажирской палубе. Поймав по пути не один завистливый взгляд, он напрямик направился в ходовую рубку. Что с того, что он, подобно большинству пассажиров, совершал туннельный прыжок впервые в жизни. Он был сыном капитана и не мог подавить искушение время от времени давать это понять. Жутковатые параграфы Специального Устава, применяемого только в нештатных ситуациях, просто не могли относиться к нему. Он не мог создать никакой нештатной ситуации.

Обида! — вот что осталось на долгое время, после того как Бруно Лоренц вышвырнул его из рубки, ухватив железными пальцами за штаны и воротник. Он упал на палубу в коридоре и от боли и обиды света невзвидел. А отец — отец повернулся и задвинул за собой дверь, мгновенно забыв о Стефане и ни словом потом не обмолвившись о причиненном сыну унижении. Как так и надо. Хорошо еще, что ни Питер, ни Маргарет ничего этого не видели.

Стефан усмехнулся: если бы видели, осложнения могли начаться раньше...

Канал оказался виртуальным, вдобавок еще и инверсным. И если последнее означало для корабля всего-навсего повышенный расход энергии на разгон и защиту от встречного потока космических частиц, то первое обстоятельство было куда более серьезным и чреватым самыми неприятными последствиями.

Стефан знал о Каналах лишь то, что доступно большинству. Капитан не обязан знать все. В отличие от стабильных внепространственных Каналов, пронизывающих преимущественно спиральные рукава Галактики и их ответвления, виртуальные Каналы встречаются где угодно, в том числе, по мнению теоретиков, и в галактиках, начисто лишенных спиральных ветвей, а возможно, и в межгалактическом пространстве. Такие Каналы возникают и исчезают, устья их зачастую дрейфуют са-

мым причудливым образом, к восторгу наблюдателей и ужасу расчетчиков; нижний предел их жизни не определен из-за невозможности обнаружения «секундных» Каналов, верхний — из-за недостаточного срока наблюдения за Каналами вообще. Срок жизни виртуального Канала не коррелируется ни с его направленностью, ни с протяженностью. Прогноз невозможен уже потому, что сколько-нибудь разумной теоретической модели виртуального Канала не существует.

Каналами просто пользуются.

Пользователь не обязан понимать. Сомнительно, чтобы древний китаец, первым додумавшийся до компаса, имел представление о магнитном поле планеты.

Существовали столетние, слабо дрейфующие Каналы, давным-давно освоенные и считавшиеся относительно надежными. Имелись, напротив, Каналы, не внушавшие к себе никакого доверия со стороны звездолетчиков. Человеческая психология вырабатывала зачастую удивительные критерии оценки возможной опасности. Не всякий готов был принять истину: риск одинаков в обоих случаях.

Сингулярная трубка могла просто-напросто схлопнуться. И такие случаи бывали.

Бесследно исчезнувший «Фромм» подозревался в туннелировании через неизвестный виртуальный Канал. За несколько лет до последнего рейса «Декарта» невероятно повезло линейному корвету «Эразм», кораблю заслуженному и на редкость удачливому — вполне казалось бы благополучный Канал схлопнулся в каких-то микропарсеках перед его носом. Случалось, Канал выводил корабль прямо в метеорный рой. Отмечались случаи, когда дрейфующее в пространстве устье Канала цепляло звезду.

Это было почти все, что надо знать. Специальную литературу изучал один Анджей — терпеливо терзал корабельный мозг, выгребая из библиотеки заумь,

составил, как сам хвастался, каталог существующих теорий, от дурацких до безумных включительно, и вдобавок находил подобное занятие вкусным, ненормальный извращенец. Стефан содрогнулся: умеет корабль летать — и жирного уroda, пожалуй, пришлось бы определить в штурманы, терпеть рядом...

Даже поставленный поперек, туннельный корабль звездного класса «Декарт» мог бы свободно разместиться в кормовой дюзе таких гигантов, как «Аль-Кинди», «Чаадаев» и «Сенека», специально построенных для перевозки переселенцев и вмещавших от тридцати пяти до пятидесяти тысяч пассажиров в одном только туристском классе. Ни экономичностью, ни степенью защиты, ни скоростью хода в пространстве «Декарт» никак не мог похвастать перед этими монстрами, не говоря уже о таких материях, как отделка кают или наличие на борту развлечений. «Декарт» не был ни роскошным лайнером, ни грузовозной «рабочей лошадкой»; в лучшем случае он сошел бы за «рабочую блоху» и в этом качестве предназначался для передачи в вечное пользование растущей колонии на Новой Тверди, точно так же, как красавец «Антисфен» навсегда уходил на Новую Обитель, а старый, но еще добротный «Зенон» направлялся через три спиральных рукава в распоряжение колонистов Новой Терры.

Риск был невелик: что значат расчетные семьдесят две секунды локального времени, когда от одного туннелирования до другого проходят недели и месяцы, а время жизни используемых Каналов — годы и десятилетия? Но риск был.

Канал схлопнулся на третьей секунде.

Корабль выбросило.

И это казалось чудом: существующие теории, при всем их различии, сходились на том, что корабль, оказавшийся в положении «Декарта», должен был немину-

емо превратиться в пучок жестких квантов, в мгновенную вспышку излучения.

Этого не произошло.

В сущности, не произошло и чуда: Стефан давно осознал, что чудес не бывает. Бывают события, более или менее вероятные. И уж конечно, бывают неверные теории.

Стефан откатил кресло, сел. Осторожно положил руки на пульт маршевого управления. Иллюзия не приходила: не зажегся мягкий свет, не засияли индикаторы, и корабельный мозг не спросил, что от него нужно человеку. Мозг был болен.

А был бы здоров, неожиданно для себя подумал Стефан, — признал бы он меня капитаном? Допустим, нам удалось бы восстановить... Разве может капитан не знать в подробностях, как управляют этим чудовищем? Может ли он не иметь в своем распоряжении команду, готовую подчиняться ему добровольно и вдобавок квалифицированную? Специалисты... На самом деле они не знают и десятой доли того, что им надо знать о корабле. По справочникам и руководствам не шибко выучишься. Да и не на всякую всякость найдется справочник.

Все тлен, чепуха. Этому кораблю уже никогда не летать. Донжон — вот он кто.

Стефан не глядя протянул руку, набрал код, пошарил в ящике под пультом. Бортовой журнал был тут как тут, услужливо подставлял корешок, облохматившийся по краям от старости. Из журнала выпал — вечно он выпадает! — плоский, как закладка, ползучий жучок-диктотайп и остался лежать на столешнице лапками кверху. Стефан равнодушно смахнул покойника в ящик и раскрыл журнал. Содержание последних записей он помнил наизусть, но если бы сейчас кто-нибудь спросил, для чего он собирается их перечитывать, он только удивился бы прихотливым зигзагам чужих мыслей. Обще-

ние с бортовым журналом составляло ритуал. Сам Стефан записей не вел, так и не решившись добавить к записям отца хотя бы одну свою запись.

Ровные диктотайпные строчки, красящий пигмент вылинял:

«...По-прежнему не знаем нашего местонахождения. Движемся с торможением 0,9 g в плотном пылевом облаке невыясненных пока размеров и конфигурации. Классический «угольный мешок». Сигналы маяков не обнаружены. Поиск Каналов безрезультатен. Непрерывно передаем сигнал бедствия по международному коду. Ведем расшифровку гравиграмм и пассивное сканирование в ИК-диапазоне...

Пассажиры еще не знают».

Стефан перебрал несколько страниц. Действия отца в той обстановке были совершенно правильными. О том, что «Декарт» идет к ближайшей звезде, знал только экипаж. В ослепительно белом капитанском кителе Бруно Лоренц появлялся в пассажирском салоне, шутил, пил шампанское. Для пассажиров все еще продолжался полет к Новой Тверди, лишь чуть удлинившийся, как было объявлено, из-за непредсказуемого дрейфа устья Канала.

«...Система — двойная. Компонента А — звезда главной последовательности, класса F5. Уже видна невооруженным глазом. Поглощение света в облаке просто чудовищное. В — коричневый карлик M9. Удача: период обращения порядка тысячелетия. После торможения до 0,01С приступаем к поиску планет у звезды А.

Добрые вести из навигаторской: Хансен утверждает, что «Декарт», по-видимому, находится в пределах нашей Галактики. Хорошо бы так.

Пассажиры — проблема».

Ни за что на свете Стефан не желал бы поменяться ролями с отцом в те предпосадочные дни. И первой проблемой был он сам, Стефан Лоренц, не посвященный в происходящее наравне с рядовыми пассажирами. Пересилив обиду, он приставал к отцу, когда тот валился на койку в капитанской каюте, и отец, черный от усталости, обрывал его и гнал прочь, что было еще более обидно, а потом, уже после посадки, Стефан обиделся всерьез, потому что незнание происходящего на борту сильно повредило ему в глазах Питера и Маргарет, и долго дулся на отца, избегая с ним разговаривать. И уж самым обидным было то, что отца это, по-видимому, устраивало.

Не вдруг и не через месяц, а лишь годы спустя, уже ощутив на себе тяжесть власти, Стефан понял, что отцу было попросту не до него. Нет, Стефан не желал бы быть ответственным за жизнь ста восьмидесяти пассажиров. «А смог бы?» — не раз спрашивал он себя.

Он знал ответ. Да. Смог бы. Как смог отец.

Ошибки? Они были. Быть может, самой крупной ошибкой Бруно Лоренца было решение о посадке на эту планету. Все могло обернуться иначе, не окажись рядом с точкой, где из схлопнувшегося Канала был выброшен «Декарт», звездная система с единственной, зато — на первый взгляд — чрезвычайно благоприятной для человека планетой.

Будь это балластный рейс, капитан мог склониться к прямо противоположному решению. Почти наверняка экипаж «Декарта» не стал бы тратить времени на исследование ничем не примечательной звезды, а сосредоточился бы на поиске виртуальных Каналов. Однажды Стефан рассчитал вероятность благополучного исхода. Она оказалась до смешного малой — «Декарт» не предназначался для поиска Каналов. Даже если бы Канал был обнаружен, оставался риск раз-

рушения корабля из-за неточного наведения в жерло, что, учитывая отсутствие маяков, представлялось вполне закономерным. Не говоря уже о том, что плотность пылевого облака вряд ли позволила бы кораблю осуществить разгон до критической скорости. Но даже в случае успешного входа в Канал существовала лишь исчезающе малая вероятность того, что корабль «вынырнет» в известной человечеству области Вселенной. Почти наверняка корабль затерялся бы в космосе, исчерпав автономность. Но все же это был шанс, и следовало им воспользоваться.

Наличие на борту пассажиров навязывало иное решение.

«Декарт» сел.

«Декарт» сел в западной части северного, наиболее крупного материка, в равнинном краю озер, и болот, и быстрых речек, прочно вплавившись основанием в плоский скальный выход. Только после посадки, когда скрывать правду стало невозможно, она была объявлена пассажирам в умеренно оптимистических тонах. Против ожидания, обошлось без истерик и заламываний рук, а нескольких объявившихся скептиков отец великолепно образом высмеял и поставил на место, чем, несомненно, отдалил риск беспорядков на борту. Размышляя, Стефан давно понял правоту отца. Он сам поступил бы так же. Люди удивительные существа, и преступен тот, кто не пользуется этим обстоятельством для их же блага. Почему-то они чувствуют себя увереннее, когда под ногами у них твердая земля, а не десяток переборок, отделяющих их от пустоты. И когда они заняты делом... Сажая корабль, Бруно Лоренц уменьшал срок его автономности минимум на полгода, но он знал, что делал. Окончательное решение оставалось за капитаном, но твердое желание выбраться отсюда и спастись, как бы ни был

ничтожен шанс на спасение, должно было исходить от пассажиров, и только от них.

В этом отец был прав.

Он ошибся в другом, и винить его за ошибку было невозможно.

Стефан раскрыл журнал с конца. Последние записи были сделаны от руки. Будто отец специально подчеркивал неофициальный характер этих записей.

Пробелы, перечеркивания, заметки на полях.

Неудобочитаемые каракули.

Тщательно, в двух ракурсах выполненный рисунок сложного морского узла. У отца было хобби — конструирование узлов.

Оборванная запись без даты: «Сегодня умерло пятеро. Карантинные меры...»

Кобура «махера» давила бок. Стефан отстегнул ее, положил на колени. Перевернул назад десяток страниц.

«...ближнюю разведку и картографирование. Первое впечатление: типичный постледниковый ландшафт. С запада озеро, с востока болото, посередине — моренные гряды и наша площадка. Леса здесь хилые, как и по всей планете. Совершенно невероятно, чтобы они могли продуцировать кислород в наблюдаемом количестве. Может быть, водная растительность в океанах?..

Вернулась группа — Хансен, Максименков, Игуадис. Расход боеприпасов — ноль. Доставленные образцы будут подвергнуты исследованию, однако ясно уже сейчас, что биологическая активность этого района планеты незначительна. Результаты микробиологического анализа обнадеживающие. Дал команду на подготовку к развертыванию полевого лагеря. Добровольцев хоть отбавляй. Досадно, что у нас нет ни инструментов на всех, ни сколько-нибудь значительных запасов пищи. Синтезатор работает исправно, однако запасов органического топлива, за вычетом необхо-

димого для подъема НЗ, хватит не больше чем на восемь-девять месяцев. Стартовать на маршевых двигателях — самоубийство.

Игуадис предложил идею: перенастроить синтезатор под местные ресурсы — древесину или торф. Вряд ли нам это понадобится, никто не собирается застрять здесь надолго. Тем не менее поручил Максименкову предварительную техническую разработку.

Пассажиры работают плохо, но охотно. Кустарный энтузиазм, суета и бессмыслица. Все дают советы. Очень хороша чета Пунн — оба прирожденные организаторы. Предполагаю назначить Огастеса Пунна своим заместителем вне корабля...»

Стефан резко захлопнул журнал. Здесь коренилась другая, самая значительная ошибка отца, хотя, конечно, отец не мог предвидеть отдаленных последствий. Честно говоря, Стефан не помнил, плох ли, хорош ли был Огастес Пунн в роли распорядителя внекорабельных работ, да и не в нем было дело, а в его сыночке, который с тех самых пор вбил себе в голову бог знает что.

Питер Пунн... Опасный человек, самый опасный из всех. Кумир большинства, дурачьё за него в огонь и в воду. Худших всегда большинство — кто это изрек, бородатый такой, из соотечественников Игуадиса? Не помню, и не важно. Главное — хорошо знал грек, что говорил.

Лучше бы Питер не вернулся...

ИНТЕРМЕЦЦО

Пачка бумаги. Субтильный карандаш с неустранимым дефектом, приобретенным при изготовлении где-то на просторах между Чанчунем и Гуанчжоу. Пусть

так. Терпеть не могу шариковых ручек и фломастеров, даже тонких.

Компьютер? Да. Но после.

Стол. Табурет. Штаны, устойчивые к истиранию. Что еще?

Некоторое количество свободного времени.

Со временем у всех туго. И — звонит телефон.

Не нормальным неторопливым внутригородским звонком, когда в промежутке между двумя сигналами успеваешь дописать фразу, и не суматошным междугородным вызовом, похожим на дыхание астматика на марафоне, а длинным непрерывным звонком-воплем, от которого подскакиваешь и сатанеешь. Аппарат из розетки не выдернуть, она у меня за шкафом. Не хочу и вспоминать, как я пытался его отодвинуть.

— Слушаю!

Горячее дыхание в трубке. Так и есть. Он. Опять. Теперь можно не суетиться и поздно надеяться, что аппарат возопил из-за какой-либо дурной неисправности в телефонном узле. Тем более не стоит воображать, будто мои телодвижения способны что-то радикально изменить. Скажем, если отсоединить провод вон там, где, уже оборванный однажды, он залечен изолянткой, голос в трубке не исчезнет. Проверено. Можно, конечно, разбить саму трубку, но тогда заговорит какой-нибудь другой предмет в квартире, например, начнет резонировать стекло в книжной полке, отчего слова окрасятся гнусным стеклянным дребезгом. Лучше уж телефон.

— Говорите, ну!

Товарищ Саахов.

Молчание. Треск. Бросаю трубку. Звонок.

Сдохнуть можно.

— Слушай, как тебя... Могу я наконец поработать спокойно?

Смешок в трубке — и тот с акцентом.

— Разве в твоём мире можно что-либо делать спокойно?

Философ...

— А в твоём это запросто? — парирую я.

— Тоже нет, конечно. Разве что какой-нибудь дятел продолбит себе дупло и попытается в нём что-нибудь высидеть.

Хочу быть дятлом.

Оглядываюсь — а толку? Ещё не привык... Хуже всего то, что я никогда не знаю, в какой момент нахожусь под взглядом, а в какой нет. Подозреваю, что этот тип интересуется буквально всем. Моей работой почему-то в особенности. С чего бы?

Проникнуться к себе уважением, что ли?.. Не настолько я наивен.

Мой знакомец мог бы немало порассказать, откуда берутся сюжеты. Зато жена, вопреки очевидному, почему-то убеждена, что фантасты поголовно на наркотиках. А все гораздо проще.

— Ладно... — сдаюсь. — Что там опять? Сильно напорол?

— Изрядно. Прежде всего имей в виду, что никаких таких Каналов, в особенности виртуальных, в Пространстве не существует. Мы пользуемся иными методами.

— Это какими же?

— Так я тебе и сказал... Во-вторых, отца Стефана звали отнюдь не Бруно. Вообще, с именами ты так наколбасил, что теперь трудно понять, кто есть кто.

— Мелочи, — отмечаю. — Подумаешь — имена... Ты давай по существу.

Смешок.

— Чего там — по существу. Едва начал, а уже чего-то хочешь. Продолжай кропать, а я посмотрю.

Вскипаю. Успокаиваюсь.

— Не хаами, потомок. Все-таки я старше тебя лет на двести... или на триста?

— Не скажу. — Он начеку и легко разбивает мои неуклюжие поползновения узнать больше, чем мне положено.

Сейчас я начну канючить, отвернитесь.

— Ну хотя бы скажи... было все это? То есть — будет? «Декарт», Стефан, Питер...

— И главное, дети, переставшие взрослеть?

— Да! Было?

Короткое молчание.

— Ну... было.

Гудки в трубке: ту-у... ту-у... ту-у...

Каша в голове. Геркулес с изюмом.

Ужаснусь я потом. А пока — радуюсь...

5

Лодка была длинная, из легкого блестящего металла, с хищно заостренным носом и узкой, ровно срезанной кормой. Когда-то в корме помещалась дюза маршевого двигателя, но потом дюзу сняли, двигатель выбросили за ненадобностью, горючее мало-помалу сожгли, начинку исследовательской ракеты одно время пытался использовать Уве для каких-то своих нужд, а пустой корпус распилили вдоль и получили две лодки. Одна разбилась пять лет назад на порогах Безумной реки, другая большей частью лежала кверху днищем под навесом внутри частотола, в повседневной жизни была не нужна и изредка приводилась в порядок для затеваемых Питером экспедиций, если таковые намечались по воде. Остойчивость лодки при полной загрузке оставляла желать, маневренность тоже, но ходкость была удовлетворительная.

Несмотря на умытый блеск металла, лодка была старая. Вмятины на корпусе, оставленные камнями порогов, были осторожно выправлены, загрунтованы, залиты самодельным пластиком, выровнены заподлицо с обшивкой и тщательнейшим образом отшлифованы и отполированы. Этой работы Питер не доверял никому — гнал всякого, кто осмеливался приблизиться с доморощенными советами. За время экспедиции на днище прибавилось несколько свежих царапин, но Питер считал их несущественными.

Ему хотелось считать их несущественными — так точнее.

Эту ночь всем троим пришлось провести под лодкой на голом, полого сбегаящем к реке склоне, усеянном выпирающими из лишайника валунами. Выше начинался и тянулся за вершину холма чахлый полулес-полукустарник, но никто не выразил желания в нем заночевать. Питер все же сбегал до вершины и обратно, порыскал и, вернувшись, сообщил, что опасности нет. Двое младших — мальчик и девочка, — промокшие и вымотавшиеся за день, встретили это сообщение почти равнодушно.

Нужно было торопиться: еще час назад стало ясно, что надвигается дождь. Лодку втащили до половины подъема и, перевернув, закрепили камнями. С нижней стороны склона под бортом оставили лаз, а с верхней навалили земли и лишайника, чтобы дождевые струи не затекали под лодку. Когда огромный бледно-желтый диск упал за холмы на том берегу и в распадке вспыхнул и сторел ослепительный зеленый луч, ночлег был готов, и Питер успел еще сбегать разведать следующий порог, а на обратном пути отыскал в ручье целую гирлянду водяных сосулек, и они съели их сырыми, потому что туча уже накрыла небо и блуждать среди кремнистых стволов в поисках горючего кустарника для костра было поздно. Сырые сосульки

резко и неприятно пахли, и Йорис поначалу даже отказался их есть, несмотря на голод, но Питер рассказал, как однажды прожил на реке неделю, питаясь только сырыми сосульками, правда, чуть не умер, — тогда Йорис зажмурился и осторожно откусил первый кусочек. Сосулька зашипела и принялась извиваться. «Ешь!» — крикнул Питер, и Йорис, торопясь, проглотил свою долю. Насмешек он сносить не желал. Вера не привередничала. Она уже была один раз с Питером в экспедиции, и в тот раз тоже не хватило еды. Она молча радовалась, что Питер нашел сосульки, он молодец, всегда что-нибудь найдет, сосульки еще не самое худшее, они ничего, только после них щиплет во рту и нельзя сразу пить, плохо будет... Дождь пришел вместе с яростными порывами холодного ветра, тогда Питер вынул два оставшихся химпатрона для спальных мешков и отдал их Вере и Йорису. Уже лежа под лодкой — Питер в носу кокпита, Вера посередине, а Йорис под кормой, — они поговорили о том, откуда идет этот дождь, и Питер сказал, что, должно быть, теплое течение на севере уже размыло шельфовый ледник и теперь там море, но чтобы это проверить, нужно, как минимум, туда добраться. «Полторы тысячи километров?!» — с ужасом и восхищением спросил Йорис. «Чуть больше, — подумав, сказал Питер. — Но в пределах возможного».

Он почти не спал в эту ночь, потому что для него не осталось ни одного химического патрона. Слыша, как по днищу лодки лупит дождь, Питер думал о том, что завтра, если повезет, он будет спать в тепле; эта мысль долго не отпускала его, но совсем не грела. Тогда он прогнал ее и стал думать о том, чем все это должно кончиться. Четырнадцать экспедиций только за последние восемь лет... нет, даже пятнадцать, если считать ту, не удавшуюся в самом начале, когда утонула Астхик и все, ну почти все пришлось начинать снова-

ла, заново доказывать сначала себе, а потом всем остальным то, что ясно без всяких доказательств.

Впервые им удалось так далеко забраться на север. Почти на триста километров, если считать по прямой. По рекам и ручьям, разумеется, выходило больше. Перед водоразделом пришлось оставить лодку и дальше двигаться пешком, потому что удобный волок, тщетно разыскиваемый прежде, не был найден и теперь. Обрато на водораздел вышли почти без сил от усталости и голода, но результаты экспедиции того стоили.

На сей раз он взял с собою этих двоих. Он мог бы взять и четверых — в кладовке «Декарта» хранилось еще два спальных мешка, а Диего обещал подзарядить еще десяток химпатронов, — но четверых работников сразу Лоренц не отпустил бы ни при каких обстоятельствах.

Дождь сменился мокрой крупой. Питер по звуку чувствовал, как на днище лодки нарастает ледяная корка. Он немножко помечтал о том, чтобы наконец пошел настоящий снег, навалил сугроб и стало тепло, но снег обманул, как обманывал всегда, снова забарабанили капли, и тогда Питер, пытаясь отвлечься, начал рисовать в уме карту этих мест — безымянная река с безымянными притоками, петли, развилки, протоки, острова... Он шел от устья вверх, к истокам. Змеящиеся притоки отнимали у реки воду, и синяя нить сужалась. Вот она запетляла в болоте — там много старых протоков, почти сухих, и, наверно, река каждый год промывает в торфяниках новое русло. Питер вносил поправки. Вот крупный левый приток, он исследован дважды, нет там ничего интересного... Ряд коротких черточек поперек синей нити — цепочка порогов в верхнем течении. Целая сеть притоков, как разлапистая пятерня, разбегающаяся пальцами к водоразделу, — и не скажешь сразу, где собственно река, а где притоки. Вот этот, крайний, совсем не иссле-

дован — судя по карте, он ведет в маленькое болото, питаемое скорее всего грунтовыми водами. Поэтому опять неинтересно, зато от второго справа притока, где завал из незнакомых деревьев, которые как бочки, и очень неудобный обнос, отходит любопытный ручей, вероятно, доступный лодке при высокой воде. Хорошо бы дожидаться паводка, чтобы подняться по ручью прямо к водоразделу... сидеть и ждать затяжного дождя, и чтобы пища была, и тепло, а Стефана не было, и каждый вечер ходить смотреть надоевший зеленый луч...

Глупости. Никому это не нужно.

Питер улыбнулся, услышав, как Йорис мучительно простонал во сне. Парнишка еще не понял... А вот Вера догадалась, она сообразительная. Результаты экспедиции не в нескольких нанесенных на карту ручьях и болотцах, хотя и это важно. Главный результат — вот он, лежит под боком и, кажется, даже греет — две прозрачные фляжки с темной маслянистой жидкостью. Йорис не понял, что они означают, а Лоренц поймет сразу. Он чует опасность издалека, как осторожный зверь.

Уже скоро, Стефи. Немыслимо больше ждать.

К утру он сильно замерз и выполз из-под лодки. Светало. Туча ушла. Дождь кончился совсем недавно, стывшая земля была пропитана ледяной влагой. Лязгая зубами, Питер заставил себя отбежать метров на сто вверх по склону и там заплясал, запрыгал, заколотил окоченевшими ладонями по бедрам и заду. Сейчас он ничем не напоминал привычного всем Питера, а был похож просто на продрогшего до костей мальчика, каковым являлся в действительности, и отчетливо сознавал это. Он напряг мышцы, тихонько зарычал, сясь унять дрожь и ненавидя себя за нее. Оглянулся. Его не должны были увидеть в таком состоянии и его не видели: младшие спали, а значит, можно было немного пожить простыми желаниями. Он быстро спра-

вил нужду, бегом перевалил через холм — бегом, скользая в промоинах, спустился в распадок — повернул — бегом понесся вверх — повернул — опять бегом вниз. Мокро блестели седые валуны, попадались кости вымерших животных, давно обглоданные лишайником и выбеленные. Лес был как лес: кремнистые несгораемые деревья, сумев как-то выжить, перестали расти и завязались узлами. Листьев на деревьях почти не было. Хилый горючий куст, запустив под валуны жесткие корни, целился в небо прямыми в струнку ветвями. Хвоя на нем не росла, а та, что росла когда-то, пошла на корм лишайнику, однако куст был жив и даже затрепетал при приближении человека, словно пытаюсь выкопаться из земли и удрать. Наверно, чувствовал, что пойдет в костер. Питер усмехнулся: куст чувствовал правильно.

Вверх. Бегом. Вниз. И еще раз так же. Ему пришлось трижды спуститься с холма и трижды подняться, пока он не ощутил возвращающееся в мышцы тепло. Напоследок не утерпел: взял короткий разбег и с криком «йю-хо-о!» крутанул переднее сальто. Дрожь унялась, теперь Питер чувствовал себя в порядке, и даже приступ острой ненависти к Стефану, нежащемуся в тепле, прошел и сменился предчувствием удачи и спокойной уверенностью в своих силах. Он едва не рассмеялся. Сегодня. Это будет сегодня, Лоренц. Если повезет — сегодня к вечеру. Что, Лоренц, не ждал? Хочешь, очень хочешь ты, чтобы я не вернулся, и у тебя еще есть шанс, ты еще можешь надеяться на последний порог и водяного слона на озере, — но я ведь и в этот раз вернусь, Лоренц. Ты же понимаешь, что я вернусь.

Очень скоро он нашел то, что искал, — смолистый корень, спрятавшийся в лишайнике. Корень был большой, толщиной в руку взрослого человека, — строго говоря, корень не был корнем, а был самостоятель-

ным организмом, паразитирующим на лесной подстилке, не то растением, не то животным, однако в костре он горел превосходно, а большего от него не требовалось. Радуюсь удаче, Питер выкопал корень руками. Как бы ни промокли ветки горючего кустарника, костер теперь будет, а значит, можно будить Йориса и Веру...

Он поднял глаза и мысленно охнул. Прямо на него шел белый клоун. Еще несколько отставших кривляющихся фигур, торопливо поднимаясь из распадка, настойчиво лезли вверх по склону. Питер бросил корень.

Запах человека необъяснимо притягателен для белого клоуна. Этой загадки так и не удалось разрешить: человек не являлся добычей белого клоуна; если человек не бежал, клоун жадно тянулся к нему, выбрасывая ложноножки, прилипал к человеку, обволакивая его только лишь для того, чтобы через секунду отклеиться и побрести дальше. Побрести — или потечь? Ног у клоунов не было, но перебирание ложноножками карикатурно походило на ходьбу, и сами клоуны издали карикатурно походили на человека. Убить их ножом или стрелой было невозможно. Однажды Маргарет, единственная из всех, кого клоуны интересовали профессионально, высказала предположение, что их бесскелетные студенистые тела суть вовсе не тела в обычном понимании этого слова, а живые коллоидные сгустки, структурируемые собственным магнитным полем. Так это было или не так, никого особенно не интересовало. Гораздо актуальнее было то, что на теле человека, не успевшего увернуться от объятий белого клоуна, оставались долго не заживающие ожоги.

Шрам на подбородке Питера был следом ожога более чем тридцатилетней давности, памятью о том, как он уводил белого клоуна от группы малышей, ока-

завшихся слишком далеко от частокола. Он тогда застрял в зарослях и был достигнут. Кожа стянулась и изменила цвет. На руках тоже были шрамы. Такие шрамы были на руках у всех, исключая немногих счастливых, вроде младенца Джекоба. Даже у Лоренца они были.

Питер молниеносно окинул взглядом бугорок, обозначающий перевернутую лодку. Нет, белые клоуны не почуяли младших. Еще не почуяли. Пока что они шли мимо и для таких увальней очень быстро, со скоростью бегущего вялой рысцей человека. Их было много.

На открытой местности человеку, как правило, нетрудно уйти от белого клоуна. Нужно заманить его подальше — если человек не очень спешит, клоун идет за ним как привязанный, — а потом убежать от него, сделать большой круг и вернуться. Клоун не вернется, он быстро потеряет след, а вместе с ним интерес к человеку. Труднее уйти от стада, но тоже можно. Хорошо, что клоуны чаще бродят в одиночку. Хорошо, что на этой планете летаргическая жизнь дала так мало подвижных опасных тварей и ни одной неподвижной опасной твари, если не считать того пня, который оказался не пнем... Но и он сжимал челюсти так медленно и робко, что можно было еще раз-другой сесть на него и успеть встать. Пожалуй, опасные виды фауны можно пересчитать по пальцам. Клоуны. Болотные черви. Вонючие крылатые гарпии. Водяной слон. Цалькат. Человеку в лесу нечего дрожать перед зверьем: если он не ранен и не дурак, он не будет съеден. Однако и пищи себе не найдет, это точно. Сосульки годятся лишь на то, чтобы обманывать голод, да поди их еще найди...

Его почуяли. Крупный, в рост взрослого человека, клоун, шедший прямо на него, ускорил движение. Другой, который должен был пройти мимо, вдруг зап-

нулся на ходу, зашевелил отростками и уверенно свернул к Питеру. Белый клоун способен почуять человека шагов с десяти — пятнадцати, независимо от направления ветра. Наверное, Маргарет права: клоуны ориентируются не по запаху, а по окружающим человека слабым электромагнитным полям.

Первого клоуна Питер подпустил на два шага. Потом отскочил, метнулся вбок, обманывая, выждал секунду, прислонившись спиной к дереву, и подставил вместо себя корявый ствол. Краем глаза успел заметить еще двоих — те заходили справа, и один из них шутя протек сквозь горячий куст, нимало при этом не замешкавшись. Серьезной опасности пока не было: с тремя-четырьмя клоунами Питер мог играть в догонялки часами. Но сейчас он должен был привлечь внимание всего стада.

Йо-хо-о!.. Он рванулся с места, как спринтер, в самую гущу стада и заметался зигзагами по склону холма. Ноги путались в лишайнике, а один раз Питер споткнулся о камень. Теперь клоуны были со всех сторон — спешили догнать, обтечь, ощупать человека жгучими отростками, попробовать на вкус, и надо было петлять, уворачиваться, сбивать с толку, не давать окружить себя плотным кольцом — а потом, если повезет, выскочить из стада и увести его как можно дальше. Вот, сейчас... Нет, еще рано. А вот теперь пора. Йо-хо-о!..

И все получилось бы, если бы ночью не прошел дождь, если бы на обманном финте нога не заскользила так неожиданно, если бы только удалось удержаться на ногах и почва именно в этом месте не выперла из лишайника каменный обломок, угодивший прямо в солнечное сплетение, — а когда пропала тошнотная чернота перед глазами, вернулось дыхание и Питер почувствовал, что снова способен вскочить и бежать, нужно было уже не бежать, а укрываться: крив-

ляющееся кольцо вокруг него сомкнулось, оно было похоже на студень или медузу, в нем не было ни единого просвета, и оно сжималось.

Питер скорчился, прижался к лишайнику, пряча руки под тело, вжимая шею в воротник драной куртки. Лишайник шевелился, щекотал лицо. Было досадно, что так не повезло. Теперь-то, конечно, обожгут... затекут под одежду и обожгут хуже кипятка... придется потерпеть... Он негромко и скверно выругался. Ну и обожгут, подумал он с ожесточением, пусть жгут, подумаешь — ожог, не барышня, да и не в первый раз, уж как-нибудь перетерпим...

Сжавшись, он считал секунды. **Глупые** твари, самые глупые на этой планете, если не считать трясиновых черепах на болотах, слишком тупые для разумения человека и оттого непредсказуемые. Может, они не могут договориться, кто в кольце главный?..

Он рискнул поднять голову и присвистнул от удивления. Кольца уже не было, оно распалось; клоуны, кривляясь пуще прежнего, уходили кто куда, но по преимуществу вверх по склону, мимо лодки. Разбегаются, с недоумением подумал Питер. Разбегались... Чего для? Он еще успел обрадоваться удаче, но тут же осмотрелся и понял, что до удачи далеко и радоваться рано, а бежать, напротив, поздно.

Клоуны не просто уходили — они спасались. С самого начала стадо бежало от хищника, и лишь запах человека сбил стадо с толку, на время пересилив инстинкт самосохранения. Преследователь был хорошо виден и знаком — бродячую паутину не заметишь разве что в сумерках, и тогда она тебя схватит, зато сейчас, в первых лучах солнца, она сверкала всеми радужными нитями. Она была просто нарядна и двигалась с легкой воздушной грацией, закидывая невесомые нити на грубые замшелые стволы, стремительно подтягиваясь, выбрасывая новые нити, и нити падали сверху вниз,

разрастались, ветвились и снова втягивались, паутина словно бы катилась, было в ней что-то от морского ежа и перекасти-поля одновременно. Клоун, отставший от стада, был схвачен и задергался, тщетно пытаясь протечь сквозь паутину. Через секунду он был оплетен и обвис. Питер знал, что паутина на этом не успокоится: схватив одного, она обшарит пространство радиусом в несколько десятков шагов в надежде поймать кого-нибудь еще, длина нитей это позволяет, а потом она подтянет к жертве коричневый белоглазый сгусток размером с кулачок младенца Джекоба — по сути, пищеварительный и нервный центр хищника — и замрет, высасывая. Неделю будет сосать. Две...

Питеру случалось на спор убивать «паука» выстрелом с пятидесяти шагов, и сейчас он пожалел о луке, оставленном в лодке. Бродячая паутина намного опаснее белого клоуна. Как ни странно, она не любит путешествовать по вертикали, предпочитая обходить препятствия, а не переваливать через них, и частокол вокруг лагеря поставлен не зря. Можно также с надеждой на удачу забраться на высокое дерево. А на открытом месте первая и главная заповедь настигнутого паутиной: не шевелись. Замри. Тебе может повезти: паутина хватает тех, кто движется, она полагается прежде всего на зрение. Правда, на осязание тоже, и еще она чувствует температуру ощупываемого предмета, так что шансы остаться необнаруженным пятьдесят на пятьде...

Ноги опутало сразу же. Рвануло, повалило. Питер яростно резал нити, они пружинили и пищали под ножом и рвались с натужным дребезжанием лопающихся струн, но их было много, и все новые и новые пути хищно тянулись к человеку, к законной и лакомой добыче — будто человек с сорокалетним опытом жизни на этой планете мог позволить себе быть добычей! — радужные жгучие бичи хлестали справа и слева, тонкая

живая проволока закручивалась вокруг тела, падала сверху на голову, ползла к шее... Десятки, сотни сверкающих нитей. Паутина была в ярости: ей еще не попадалась жертва, вооруженная стальными когтями.

Натянулось, просекло кожу... Поташило. Захлестнуло правую руку — Питер не глядя перебросил нож в левую. Он ждал. Неожиданно для себя он обнаружил, что совершенно спокоен. Теперь он защищал только шею и руку с ножом, предоставив паутине оплетать остальное коконом. Он ждал и терпел боль. Он умел терпеть и ждать. И когда паутина, вспахивая его телом лишайник, доволокла его туда, куда ей хотелось, и на расстоянии вытянутой руки он увидел покачивающийся над ним безобразный коричневый комок с тонким дрожащим хоботком в проеме распахнувшихся зазубренных жвал, он, перерезав мешающие нити, хладнокровно и точно, как делал не раз прежде, всадил нож в промежуток между жвалами и парой отвратительных выкаченных глаз...

Ему не сразу удалось освободиться — некоторые нити были еще живы, старались вырвать нож. Белых клоунов на холме уже не было, кроме одного, схваченного. Питер оставил его в покое — еще оживет, увяжется... Горючий корень был на месте — не уполз, дурак. Питер хмыкнул: хоть в чем-то повезло. Теперь ничто не мешало развести костер, вскипятить в котелке воду на завтрак и разбудить Йориса и Веру...

6

— А, это ты, — сказал Стефан. — Входи. Можно.

В дверь просунулась лапа в бугристых наростах кожной болезни, которую давно отчаялась вылечить

Маргарет. Затем явилось лоснящееся лицо-блин с коротким носом-обрубком, и следом — брюхо наперевес — вкатился сам Анджей по прозвищу Пупырь, поутиному переваливающийся на коротких тумбах. Можно было подумать, что, если его толкнуть, он встанет вроде неваляшки. Всякого другого Стефан сейчас с удовольствием выгнал бы вон, да и вообще не дело посторонним торчать в ходовой рубке, но как раз Анджей посторонним не был. Когда он не занимался прямыми наблюдениями, его рабочее место помещалось здесь.

Стефан остался сидеть. Кресло сейчас по праву принадлежало Анджею, но если этот пухлый слон заполнит его своим могучим задом и уронит кошмарные лапы на пульт, толку от него уже не добьешься. Стефан изобразил улыбку. Ему в самом деле было приятно, что Анджей и сегодня пришел работать рано, еще до сигнала общего подъема. Редкий трудяга, все бы так.

— Как дела? — спросил Стефан.

Как у Анджея дела, было видно невооруженным глазом. Зато Анджей теперь мог вооружить только один глаз — второй заплыл.

— А ну повернись к свету, — приказал Стефан. — Та-ак. Били?

Анджей виновато развел руками: били, мол, ничего не поделаешь.

— Кто?

Анджей поднял кверху толстый, в наростах палец.

— Не так важно, кто бил, — квакнул он, — как важно: за что?

— За что, мне уже доложили, — сказал Стефан. — Я тебя не спрашиваю, за что. Я спрашиваю: кто?

Анджей насупился.

— Мне повторить вопрос? — осведомился Стефан.

Анджей досадливо махнул лапой.

— А не все равно? Ну, Дэйв бил... Никак не пойму, почему это тебя интересует. Ты его наказывать будешь, что ли? Он глупый, его не надо.

У тебя все глупые, с холодным ожесточением подумал Стефан. Все, кто не потусторонний, как ты, кто не витает духом в иных слоях мироздания, а живет сегодняшним днем, таскает из болота торф и ни бельмеса не смыслит в твоей астрофизике, — все они для тебя не более чем глупые дети, не поумневшие за сорок лет, и я, наверно, в их числе. А ты подумал, умник, что Дэйв бил тебя по роже не только из-за твоего отказа идти воровать бластер? По такой роже тому, кто голодный, бить одно сплошное удовольствие. Они ведь все как один убеждены, что я тебя подкармливаю за их счет, ни один не поверит, что это не так...

Вслух он сказал:

— С Дэйвом мы разберемся. Я, собственно, не это имел в виду. Как дела?

Анджей облизнул толстым языком толстые губы и моментально стал похож на жабу, только что слопавшую вкусного жука и оттого невероятно самодовольную. Всякий знал, что это означает: готов материал для доклада. Пупырь обожал делать доклады. Без сомнения, в такие минуты он ощущал себя серьезным ученым, выступающим перед коллегами, и не снисходил к уровню слушателей. Стефан не раз думал о том, что на Земле Анджей мог бы стать ученым. Может быть, даже крупным ученым. Здесь ему не хватало масштаба исследований и чувствительности аппаратуры.

— Сегодня делаю доклад. По теме — итоговый.

Стефан с трудом удержал себя в кресле. Врет? Нет, он бы не решился... Этот — нет. Кончилось. Не просто очередной доклад, целиком, полностью и в приложениях посвященный очередному уточнению очередной модели, — а итоговый доклад по теме! Окончательный.

Финиш. Больше тридцати лет работы, нудной и каждодневной, если считать от того времени, когда Анджей, разобравшись в приборах и собрав крохи наблюдательного материала, слепил кое-как первую модель этого солнца, крайне наивную и даже смешную с позиций сегодняшнего дня. За тридцать лет ему удалось сделать то, на что астрофизики Земли потратили столетие, притом что Солнце устроено много проще этой гнусной звезды. И ведь никто не верил, что получится, сам же Анджей не верил: «С таким бараклом, как наш нейтриноскоп...» А я его заставил, подумал Стефан с гордостью. В этом и моя доля успеха. Иногда это очень важно — заставить.

— Ну? — спросил он.

Жаба поцокала языком. Пупырь наслаждался — держал паузу.

— Вечером расскажу всем. Ты им объяви, чтобы собрались.

— А почему не сейчас?

— Вечером, вечером.

— Мне ты расскажешь сейчас, — медленно и раздельно произнес Стефан.

И тотчас исчезла самодовольная жаба, прыгнула в болото и затаилась — остался лишь нескладный толстый **по**дросток с уродливыми руками и подбитым глазом, очень старающийся не скреститься взглядом с неподвижным взглядом Стефана.

— Ну, может, вечером, а? — проныл он. — Я и не готовился еще...

— Поговори еще у меня, — фыркнул Стефан. — Обойдешься.

Анджей тяжело вздохнул. Его грабили. У него отнимали аудиторию. Трибуну. Но он справился.

— Я это... диаграммы нарисовал... принесу.

— А без диаграмм? — с интересом спросил Стефан.

— Без диаграмм ты не поймешь... Ой, то есть я хотел сказать... я не хотел...

— Уже сказал. Ладно, я не слышал.

И Стефан уступил кресло. Анджей снова вздохнул, но уже не так обреченно, кашлянул, побряхтел в кулак, и кресло под ним, прогнувшись, пискнуло о пощаде. Уродливые лапы легли на пульт с каким-то даже изяществом, а короткие пальцы словно бы удлинились необъяснимым образом по меньшей мере втрое. Кроме Анджея, лишь Стефан да еще Уве и Донна знали наизусть всю последовательность операций по пробуждению работоспособных остатков корабельного мозга, но Анджей справлялся быстрее.

— Когда-нибудь он точно откажет, — бормотал Анджей. — Не вечный же он... Всякий раз боюсь: а вдруг сейчас, а?

— Не сейчас, — сказал Стефан. Он не был уверен в этом.

Наконец экранчик засветился, тускло и робко, и почти сразу — Стефан не успел заметить, как Анджей это сделал — на экранчике возникла модель звезды: набор концентрических окружностей в левой части экранчика и плотные колонки цифр в правой. Анджей с облегчением выдохнул, задвигался, усаживаясь поудобнее, и потер руки столь энергично, что Стефану стало даже непонятно, как это все его наросты и болячки не ссыпались на пульт.

— Итоговая модель, — объявил он и повозил толстым пальцем по экранчику. — По сути, это первая непротиворечивая модель нашей звезды и, вероятно, последняя. Лично я думаю, что она верна, причем отнюдь не только в первом приближении. До сих пор мы исходили из естественного предположения, что планета и звезда имеют одинаковый возраст, что во все не очевидно и ниоткуда не следует. Будь это так, и прежняя модель была бы хороша. Я, конечно, не ут-

верждаю, что новая модель идеальна, просто с нашей аппаратурой большего не сделать... — Анджей выдержал укоризненную паузу, словно в малой пригодности аппаратуры «Декарта» для астрофизических исследований был виноват не кто иной, как Стефан. Стефан фыркнул. — Возраст планеты нам известен с приемлемой точностью. По-видимому, звезда старше планеты, и если мы это допустим, а мы должны это допустить, то сразу же устраняется ряд существенных расхождений между наблюдательными данными и результатами расчетов, тем более неприятных, что...

— Понес, понес... — морщась, сказал Стефан. — Тебя об этом спрашивали? — Он ткнул пальцем в экранчик. — Это что?

Анджей вмял в щеки воротник — пожал плечами. Вопрос был для него дик.

— Внешняя конвективная зона, что же еще...

— Так. А это?

— Тоже конвективная зона. Внутренняя.

— Две конвективные зоны?

— Так я же и говорю! — закричал Анджей и даже вскочил с кресла, но тут же прикусил язык и сел. Кресло крякнуло. — Третью я не нарисовал, она маленькая и влияет лишь количественно. Тут у меня расчеты, я мог бы подробно...

— Подробно на докладе наболтаешь, — прервал Стефан. — Ты давай самую суть.

— Самую суть я не умею, — уныло признался Анджей.

Стефан махнул рукой. Приходилось терпеть. Если хочешь управлять людьми, нужно уметь снисходить к их маленьким слабостям, а слабости Пупыря еще не из худших. Эта мысль, пока Анджей, ловя за хвост прерванную фразу, кряхтел, облизывал губы и колыхался в кресле, успела прокрутиться в голове Стефана несколько раз. Вот интересно: почему я, собственно

говоря, решил, что хочу управлять людьми? Не хочу я этого, с внезапной ясностью понял он. Давно уже не хочу. Устал. Как же вы до сих пор не дотюкали, не допетрили, что не я хочу вами командовать, а мне приходится вами командовать, потому что я не знаю, кем вы станете, когда от вашего зада уберут кнут и покажут путь в кладовку, где хранятся пряники... Нет, не так... Не знаю — так можно сказать при всех, на общем сборе, и это будет неправдой. Знаю. То-то и оно, что очень хорошо знаю.

Потому что мы — общество, подумал Стефан. Без стаи особь погибнет. И человек без общества погибнет тоже, без структуры он погибнет, а структура — это иерархия. Между прочим, ничего умнее метода кнута и пряника человечество в области управления еще не выдумало. Не нравится? Понимаю. Хочешь выжить один? Пожалуйста. Катись! Твой уход ослабит структуру, но ослабить ее НАСТОЛЬКО — твое право. Уходи — и это будет честно. Мы всего лишь люди, дети людей, не требуй от нас большего. Почаще глядись в зеркало и утверждайся в правоте Дарвина.

Пупырь вешал, ворочая толстыми губами. Тыкал пальцем в экран. Звезда старая, ей уже пора сходить с главной последовательности... Развитие внутренней неустойчивости, которая через миллион лет приведет звезду к фазе красного гиганта... Стефан механически кивал, когда Анджей к нему поворачивался. Да... Миллион лет — срок, прямо скажем, замечательный. Приятно планировать будущее на миллион лет... Ну же, дальше! На кой ляд мне знать об исходных аномалиях протозвездного облака? Дальше! Как он квакает, как он мямлит, этот карманный Эддингтон! Неудивительно, что когда-то на доклады этого олуха ломились с ожиданием и надеждой, а ныне приходится загонять едва ли не палкой — у каждого враз находится неотложное дело... Так. Спектр фотонный, спектр нейт-

ринный, околополюсные инверсии... Это уже ближе к теме. Еще Аристид Игуадис понял, что разгадка в звезде, а не в мифических местных вирусах и не в скороспелой мутации вирусов земных, и даже пытался начать подготовку «Декарта» к взлету, но отца уже не было в живых, и Хансена не было, и Шварцбаха не было, а Максименков умирал среди запертых в изоляторе, и Игуадис один, конечно, не справился... Дальше! У-у... Кто даст мне терпения? Теперь циклы активности... Аномальные ядерные реакции в подповерхностном слое, редчайшая картина изумительной красоты... Скотина! Значит, ты полагаешь, что вспышка, истребившая девять десятых видов живых организмов на этой планете и продолжающаяся по сей день — красива?! Думай, балбес! Не ляпни такое вслух в присутствии Дэйва: он тебе за одно это словечко и второй глаз уделает — в окуляр не влезет...

— Стоп! — холодно сказал Стефан. — Я про вспышку который год уже слышу. Меня не интересуют процессы. Меня интересуют выводы. И прежде всего: когда?

Анджей раздулся и побагровел: начальство опять помешало. Анджей с оскорбленным видом выразил начальству претензию. Анджей перешел на официальный тон. Анджей заявил, что готов, памятуя об убогoutilитарных запросах капитана, специально пояснить: возраст вспышки, если капитану угодно называть так кратковременную спектральную аномалию данной звезды, не превышает полутысячелетия, что, помимо астрофизических расчетов, подтверждается прямым анализом возраста костных останков вымершей фауны. Что же касается материй, связанных с механизмом воздействия аномального спектра звезды в период вспышки на биологические объекты, то он, Анджей, если капитану угодно знать, подобными материями никогда не интересовался, не интересуется и впредь

интересоваться не намерен, он не врач и не биолог — пусть Маргарет рассказывает любопытным про биологические механизмы, если только сама поймет, хотя, по правде сказать, где уж ей понять, коли она даже руки ему, Пупырю, вылечить не может... И ноги.

Стефан схватил Анджея за воротник. Рывком приподнял — затрещали швы, — встряхнул с усилием. Анджей задушенно молчал, выкатывал глаза и демонстрировал полную готовность отвечать незамедлительно и по существу.

— Я тебя спрашиваю, — прошипел Стефан, с наслаждением комкая и крутя ворот, — когда кончится вспышка?

Он разжал пальцы — кресло под Анджеем хрюкнуло. Анджей натужно заворочал шеей.

— Э-э... лет через триста. Собственно, триста лет — нижняя граница оценки... Может быть, и через пятьсот. Тут у меня расчеты, а их точность определяется...

— Подавись своими расчетами, — сказал Стефан, остывая. — Триста лет — это достоверно? Не меньше?

Анджей покивал. Он еще что-то говорил, но Стефан уже не слушал. Остальное не казалось существенным. Окончательный ответ был получен — ясный, точный и беспощадный. Триста лет. Этого достаточно. Хватило бы и пятидесяти. Стефан почувствовал, что лоб у него взмок, и смахнул пот ладонью. Он подзревал, что ответ будет именно таким, и был готов его принять, но сейчас ощущал в себе потерянность и пустоту. Оказывается, все это время он ждал чуда... Мы все останемся на этой планете, подумал он. Пусть мы старимся медленнее, чем люди на Земле, но, оставаясь детьми, мы все-таки старимся... Мы умрем маленькими морщинистыми старичками. У нас никогда не будет потомства — вот и ответ тем, кто еще не устал считать нас основателями новой колонии. Мне первому, но мне же и последнему...

— Ты вот что... — Стефан навис над Анджеем, дышал в лицо. Он вколачивал слова, как гвозди. — Запомни как следует: никакого доклада не будет. Ни слова, ни звука. Кроме тебя и меня, об этом не должна знать ни одна живая душа. Можешь заниматься чем хочешь, но будешь делать вид, что работаешь над уточнением модели. Год будешь уточнять. Два. Сколько потребуется. Проболтаешься — пойдешь на торф. Я не шучу.

Анджей молчал, разинув рот.

— Ты хорошо понял?

— Да. — Анджей судорожно сглотнул.

— Вот и чудесно.

7

— Вчера это выглядело лучше, — сказал Питер. — Сегодня совсем дрянь.

Они стояли на краю обрыва и смотрели на беснующуюся внизу реку. Утро обещало теплый день, и куртка Питера была уже сброшена с плеч и завязана узлом вокруг пояса. С болота принесло тучу мошкеры, она толкалась перед лицом, но на кожу не садилась. Порог был не слишком длинный, всего около полукилометра, и перепад воды в нем составлял метров семь, но три метра из семи приходились на выходной каскад с крутым падением. За узким гребнем водоската река ревела, там кипел пенный котел, тяжело вздымались и опадали бурые водяные горбы, взлетали в воздух бестолковые брызги, в облаке водяной пыли висела блеклая радуга, а дальше был виден плес, струя порога никак не хотела сдаваться и простреливала плес до середины, но дальше река успокаивалась

в болотистых берегах и медленно несла свои воды в озеро. Питер уверял, что от плеса до озера на веслах можно пройти за час.

— Четыре ступени. — Питер говорил неторопливо и веско, вроде бы не обращая ни к Вере, ни к Йорису, но Вера знала, что говорит он для них, и только для них. — Ну, первую проскочим и не заметим... надводный камень и два обливных, от них мы уйдем. На второй ступени поворот, там нас прижмет к левому берегу, и пусть прижимает, справа камни... потом гранитная гряда поперек реки, проходы посередине — дрянь, в прошлый раз тут вообще не было никаких проходов... настоящий проход только справа, вон между теми валунами. Всем видно? Вчера я думал, что перед третьей ступенью можно пересечь струю траверсом, а сегодня нас навалит на гряду...

— Ночью вода поднялась, — робко вставил Йорис. Будто только что это заметил.

— Именно. Я тут третий раз прохожу, и каждый раз это разный порог. Значит, так: вначале идем на отрицательной скорости, в конце второй ступени делаем рывок и уходим к правому берегу. На повороте не даем себя слишком прижать и вон оттуда, — Питер размахнулся, испугав мошкар, и далеко бросил камень, — нет, не оттуда, а метра на три выше по моей команде начинаем работать. Все понятно?

— А четвертая ступень? — маясь, спросил Йорис. Он смотрел на гребень водоската и зябко ежился. Вера усмехнулась. Она была всего на полгода старше Йориса, но выше на целую голову и привыкла смотреть на него сверху вниз. Йорис не очень-то и возражал.

— Ты Смерть-каньона не видел, — сказал Питер. — Вот туда я бы второй раз не пошел. А этот падун я знаю. Если правильно зайдем в струю и хорошенько разгонимся, ничего он с нами не сделает, окатит только... Гряду бы проскочить, а там — дело техники.

Да, проскочить бы гряду, подумала Вера. Дальше — проще. Ну, в крайнем случае опрокинет... Если это произойдет после гряды, лодку так или иначе вынесет на плес, и она скорее всего не получит вмятин. У атмосферных развед-ракет прекрасные обводы — лодка идет, как нож сквозь масло, без всплеска. Вмятины на корпусе — это страшно. Соппротивление воды и вихревой след за кормой. Это называется турбулентностью. По ней нас обнаружит водяной слон.

— Может, лучше берегом? — спросил Йорис.

Вера почувствовала, что злится. Было прекрасно видно, что Йорису совсем не хочется тащиться по берегу с лодкой на плечах. Он слабенкий. А идти в порог ему страшно. Много бы он сейчас отдал, чтобы заснуть и проснуться уже в донжоне. А какой хвост петушиный распускал поначалу — Питер его взял! Ронда просилась — не взял, Людвиг просился — не взял, а этого мальчишку взял почему-то. Устал мальчишка, выдохся еще на пути к водоразделу, в носу ковырять и то забыл, спотыкается на каждом шагу, так ведь на то и экспедиция. Чего ждал? Что еды хватит до возвращения? Никогда еще не хватало. Дурак и трус — спорит с Питером... С Питером спорить не надо, он лучше знает, что нужно, а что нет.

— Здесь скалы, там болото, — сказал Питер. — Если делать обнос, провозимся до вечера. Тогда в лагерь попадем не сегодня, а завтра. Устраивает?

— Нет. Кхх... — Йорис вдохнул мошку. — Кха!

— Пройдем! — Питер ладонью стукнул Йориса по спине. — И не то проходили.

Для большей остойчивости на дно уложили наскоро очищенный от сучьев ствол дерева, открытый нос лодки поверх ног Йориса затянули спальным мешком. Багаж увязали в узлы и закрепили веревками. Напоследок Питер осмотрел стоянку: не забыли ли чего? Вера знала, что не забыли, все вещи были в лодке,

даже вышедшая из строя рация, лишний груз, но, может быть, ее сумеют оживить Уве или Донна. Рация была тяжелая и неудобная, когда-то она входила в комплект единственного на корабле спасательного вельбота и вовсе не предназначалась для переноски на спине. Связь с лагерем прервалась после того, как Йорис при загрузке лодки оступился и уронил рацию в воду. Вера вспомнила: Йорис еще там, за водоразделом, виновато пряча глаза, предлагал рацию бросить. Тогда она воспротивилась, а Питер даже не раскрыл рта и три дня тащил рацию через водораздел поверх своей ноши, втрое большей, чем у нее или Йориса. Рацию нельзя было бросать, во-первых, потому что даже сломанные вещи рано или поздно находят в лагере применение, вещи дороги, а во-вторых, нельзя провоцировать Стефана на нудное разбирательство, в ходе которого виновным неизбежно окажется Питер — как только Йорис этого не понимает? Питер, конечно, и тогда справится, а может, ему даже удастся выставить Лоренца смешным, иногда это у него хорошо получается...

Вера обернулась. Питер выводил лодку на стремнину, его движения были точными, ни одного лишнего, ими можно было любоваться, и Вера залюбовалась. Она догадывалась, что это лишь один из рефлексов, многократно отработанных на сотнях стоянок и сотнях порогов десятков рек и речек, и она сердито отогнала мысль о том, что смешно любоваться рефлексом. Сожженное загаром лицо, очень светлые внимательные глаза, и весло в руках сидит как влитое, хоть от холода воды пальцы давно потрескались и кровоточат. У всех с пальцами плохо, один Питер никогда не ноет. Как он прошел по стоянке, как прыгнул в лодку, как внушает младшим внимательней слушать команды!.. В такого можно влюбиться. Неудивительно, что Ронда Соман вертится перед ним во всех видах, прохода не

дает, а как он ее прозвал — Секс-петарда? Очень похоже. Нет, это Стефан прозвал... Белокожий Стефан. Надо с ней поговорить, чтобы бросила эту дурь: Питер — общий. Он — лидер. Наш настоящий вождь. Нет, когда-то и Стефан был ничего себе; это страшно, что сделала с ним власть, а лет через десять он окончательно обрюзгнет... Не хочу о нем думать. С Питером ничего не страшно. Пройдем. Что? Грести? Правильно, нужно войти в поворот точно посередине главной струи... вошли... а вот Йорису страшно, зря он так суетится. Уймись, глупый, с нами же Питер, а значит, все будет хорошо...

Уже на первой ступени лодку начало швырять. Совсем рядом с днищем проносились камни, заметные только по меняющемуся характеру струй и гладким, как стекло, неподвижным водяным горбам с беснующимися бурунными хвостами. Лодка не умела взлетать на валы, она протыкала их носом, и Йориса окатывало до подмышек. Вера охнула, когда во впадине между горбами ее весло скользнуло, не достав до воды. А Питер кричит... Йо-хо-о! Кричи, Питер! Мы должны тебя слышать. Мощная какая вода... Гребок! Р-раз! Еще! Ушли от камня... Теперь прижим... Вера неожиданно поняла, что нисколечко не боится. Нужно только внимательно слушать. Нужно делать так, как скажет Питер, он знает как, он все умеет. А вот Йорис чем дальше, тем больше боится, и гребок у него мелкий, суетливый... Сейчас нельзя бояться. Как ты гребешь, Йорис, Питеру же трудно, разве ты этого не понимаешь? Нас кренит... нет, выправились... Пора!!! Команда — и теперь только вперед, Питер на корме работает как бешеный, и лодка летит, пусть наши мышцы лопнут, но она должна лететь, ей надо успеть пересечь струю до гряды, вон он — проход, его уже видно, но как же до него далеко...

Вера слышала, как позади отрывисто кричит Питер — задает темп. Она чуть не улыбнулась между взмахами: мне не надо, а Йорис не слышит... Она знала, что Питер выкладывает все силы, и сама выкладывалась без остатка. Крайний камень в гряде надвигался с пугающей быстротой, в главной струе их снесло далеко вниз, но проход справа приближался с каждым взмахом весла, и Вера знала, что они успеют, непременно успеют, иначе просто не могло быть...

Они не успели. Лодка бортом налетела на валун, и тут же ее повалило набок.

8

Грузовой лацпорт корабля был распахнут, и на грунт спускался широкий, в ребрах-поперечинах трап. Прямо перед ним в граните зияла глубокая трещина: сорок лет назад скала не выдержала нагрева при вплавлении в нее корабля. Кое-где за гранит цеплялся лишайник. Через трещину был переброшен мостик, и от него, петляя и ветвясь, по лагерю разбежались тропинки: к огороду, к мастерским, к навесам и сараям, к перелазам в частоколе, а самая широкая и утоптанная шла к воротам и, миновав их, сворачивала к болоту.

Стефан осмотрелся. Лодырей в поле зрения не обнаружилось. Под трапом — тоже.

Солнце стояло уже высоко.

Под ближайшим к кораблю односкатным навесом, в котором легко угадывалась снятая с «Декарта» переборка, горела топка. Едкий дым уходил в небо сквозь полый ствол кремнистого дерева, выше частокола круто загибался по ветру и рассеивался по-над болотом. Над топкой шипел и плевался паровой движок, соединенный с электрогенератором, — прожорливое детище

Фукуды и Людвиг, обеспечивающее корабль энергией и, как ни странно, достаточно надежное. Свистела струя пара. Со скрипом крутился маховик, и что-то надоедливо дребезжало. От генератора к кораблю змеился тощий кабель, просунутый в аварийный люк. Большую часть энергии поглощала ненасытная прова синтезатора пищи, меньшая тратилась на питание корабельного мозга и радиомаячка, утилизацию отходов, освещение и отопление жилых помещений. Последнее наполовину обеспечивалось собственным теплом людей, находящихся внутри «Декарта».

Из сарая, прижимая к животу корзину с торфяными брикетами, появился Фукуда Итиро. Поставив корзину, встал на цыпочки, пощелкал пальцем по врущему манометру, пошуровал в топке и только тогда заметил Стефана. Заметив — совершил полупоклон. Он не просто кланялся Стефану, как кланялся всем, кто был старше его, а именно СОВЕРШАЛ обрядовое действие, встроенное в него, очевидно, генетически.

Стефан кивнул в знак приветствия. Здесь можно было не опасаться ни подвоха, ни саботажа: размеренную работу механика, помимо прямого приказа, могло бы остановить разве что стихийное бедствие. В остальном Фукуда был загадкой. Не друг, но и не враг. Молчун. Раз молчун и не дурак — значит, думает. А о чем? Вопрос... Но лоялен к начальству, а это главное. Умеренно лоялен. Ладно и так.

— Все в порядке? — спросил Стефан.

Он выслушал краткий и точный отчет, из которого уяснил, во-первых, что торф последнее время не успевает как следует просохнуть, из-за чего сажа осаждается в трубе с ненормальной быстротой, во-вторых, что пресс для брикетирования торфа работает штатно, а в-третьих и в-главных, что котел работает нештатно, и если Диего сегодня же не синтезирует жидкость для снятия накипи, достигшей угрожающей

толщины, то Фукуда ни за что не ручается и ручаться не может.

Фукуда был ценен уже тем, что никогда не предлагал административных решений. Самолюбие его не было уязвлено. Попроси Стефан совета — он только удивился бы: здесь, как и дома, в рыбацком поселке на Окинаве, каждому следовало заниматься своим делом, не перекладывая на посторонних личную головную боль. В своей же области Фукуда был незаменим.

— Сегодня Диего занят, — возразил Стефан, делая в памяти зарубку. — Сегодня будет праздник. А жидкость будет завтра, я прослежу.

Фукуда, по-видимому совершенно удовлетворенный, повторил полупоклон и принялся кидать в топку брикеты. После ухода с Питером сразу двух работников он обходился без кочегара, уставал, но не жаловался. Идеальных специалистов не бывает вообще, а этот — лучший из неидеальных... Стефан вдруг понял, почему начал утренний обход с хозяйства Фукуды, хотя обыкновенно заканчивал им: не было желания портить себе с утра настроение.

Дела в мастерских сегодня не было.

Стефан миновал огород — шесть десятков кустиков, вытянутых двумя нитками в тени частокола и прикрытых длинным навесом от косых рассветных и закатных лучей. Без навеса картофель погиб бы в считанные дни, разделив судьбу двух десятков картофелин, случайно найденных в кухонной кладовке «Декарта» и высаженных в грунт в незапамятные времена. Тогда уцелела только одна картофелина. Результаты огородничества не впечатляли: кустики росли болезненными, а урожай снимался один раз в два земных года, что выходило все-таки чаще раза в год, если считать годы местные. Сегодня в честь праздника будет выкопано пять кустов — не меньше чем по полкартофелины на человека, а то и больше.

Еще будут пирожные, если Диего не подведет. Праздник должен запомниться.

Он сходил к болоту. Постоял, посмотрел, как идет добыча торфа. Болото было обширное и мелкое, его давно следовало осушить или хотя бы понизить его уровень, пробив для стока канаву в скальной перемычке, но для этой работы вечно не хватало рук. Ближе к берегу среди коварных, расползающихся под ногами кочек попадались торчащие, в пятнах плесени верхушки валунов, и была между ними настелена жердяная гать; дальше от берега валуны исчезали, еще дальше исчезали и кочки и начиналось собственно болото — черно-коричневое, неподвижное, с едва различимой глазом щеточкой леса на том берегу и размытыми пятнами островов.

Рыжая макушка Людвиг маячила там, где кончалась гать. Он и Уве забрасывали ручную драгу. Со стоном тянули. Драга шла нехотя, ей хотелось остаться в болоте насовсем, она упорно цеплялась за что-то на дне, и гать под ногами добытчиков погружалась в жижу. Драгу опорожняли в деревянный короб для отцеживания. Сырой торф, сменяясь, таскали под навес. Ульрика, Агнета и Киро. Все было как надо. С лиц носильщиков градом катился пот. От леса по краю болота тащился Дэйв — мрачно волок срубленное для гати деревце. Не без причины мрачно... Вдали, то явно показываясь, то ненадолго скрываясь в лесу, слонялся почему зря белый клоун.

Не найдя отлынивающих, Стефан повернул было к строителям. Его остановил крик. Девчонки, вереща, бежали по гати к берегу, из-под босых ног фонтанчиками выбрызгивалась вода, а рядом с гатью над уже не неподвижной, а дрожащей и хлюпающей черной жижей качалась на толстой глянцевой шее безглазая голова разъяренного болотного червя, видимо, заде- того драгой. Бежал, забыв в руке пустое ведро, Киро,

бежал бросивший драгу Уве, и только Людвиг, хладнокровный умный тугодум Людвиг единственный из всех не бежал, а медленно отступал, пятясь по краю гати, стараясь не оказаться на линии выстрела и выманивая червя на гать. Это было мудро: иначе червь опять ляжет на дно и рано или поздно повторит нападение. С червями лучше кончать сразу.

С верхней площадки донжона ударил стреломет. Жужжа, прилетел толстый металлический стержень — коротко чавкнув, ушел в голову червя по хвостовой торец. Обрызгав Людвига, червь взбаламутил грязь. Девчонки взвизгнули от восторга. Киро запрыгал на берегу и замахал ведром; запрыгал, победно вопя, и Уве; один только мрачный и злой с утра Дэйв все так же — нога за ногу — тянул вдоль болота срубленный ствол. Спасти стрелу не удалось — червь затонул.

Благодарность часовому, отметил про себя Стефан, игнорируя невнимание к себе. Вынести благодарность. Отменная работа. Первой же стрелой наповал с двухсот шагов — выстрел, прямо скажем, замечательный. Профессиональный выстрел. А кто нынче часовой — Инга? Она. В Питере души не чаёт, сопливка. И когда это она научилась так стрелять? И кто ее научил? Меня, между прочим, она ненавидит и не дает себе труда это скрывать. Гм. Все равно — благодарность. Потом.

Все они в Питере души не чают.

Он представил себе, как такая же стрела с размаху вонзается ему между лопаток, и пошел к строителям. Только теперь он заметил, что все это время держал руку на кобуре «махера», и с досадой поморщился. Рефлекс... Когда-нибудь они меня подловят, подумал он не в первый раз. Поставят перед необходимостью стрелять... Он прекрасно видел, как это будет: стрелы, выбрасывая черные фонтанчики, шлепают в грязь вокруг толстого глянцевого червя, вывинтившегося из болота рядом с испуганным малышом, нога которого

застряла между жердями гати... Мимо... мимо... малыш верещит, старшие бегают и суетятся, кто-то кричит: «Стреляй! Да стреляй же!» — кричит прямо в уши, и Стефан, с ужасом понимая, чем это кончится, рвет из отцовской кобуры тяжелый отцовский «махер», единственное штатное оружие на корабле, давно уже не символ власти капитана, а ее основу...

С внешней стороны лагерь и впрямь напоминал крепость, — еще не рыцарский замок (для полной иллюзии недоставало зубчатых стен и подъемных мостов), но уже зародыш замка, чудовищную тупорылую башню, способную выдержать годичную осаду, родовое гнездо мятежного барона, владельца окрестных лесов, лугов и полей, предводителя головорезов, не признающего иных прав, кроме права меча, и в бесстрашной дерзости знать ничего не знающего, кроме своей силы, своей воли и своей прихоти.

Цитадель.

Ближе к лагерю иллюзия рассеивалась. Средневековая башня оборачивалась обыкновенным звездолетом, вдобавок изуродованным, а частокол, коему надлежало стоять прямо и несокрушимо, шел волной, местами норовя завалиться внутрь лагеря, а местами наружу. Забить в скальный грунт бревна не представлялось возможным — частокол держался на подпорках и поперечинах. Снизу бревна были укреплены камнями и утрамбованной землей, натасканной из леса. Тощая земля пополам с ветками и сухим лишайником держала слабо. Пригодилась бы глина, но единственное в этих краях глинище находилось километрах в пятнадцати к югу и вдобавок на другом берегу озера.

Не только старшие — каждый малыш в лагере великолепно знал: появись снова зверь, сравнимый по размерам с цалькатом, ограда не задержит его и на минуту. Наиболее умные головы с ехидцей утверждали, что главная польза от ограды заключается в уйме

уничтоженных для ее возведения деревьев, благодаря чему полоса леса между болотом и озером отодвинулась от лагеря на полкилометра. И во многом это было правдой.

Команда строителей — Илья, Маркус, Ронда — поправляла частокол. Работали молча, вертели ворот с арканом, накинутым на острие бревна, один только Илья время от времени принимался кричать: «Еще!.. Заснули! Камень подложи!» Порой он прибавлял к этому по-русски отрывистую трехсложную фразу, точного перевода которой Стефан не знал, но об общем смысле догадывался. Который день работа двигалась вяло: не хватало Веры, умевшей работать за двоих.

Здесь еще сильнее, чем у болота, чувствовалось отчуждение. Там Стефана постарались не заметить, но и придаться было не к чему. Здесь заметили, а заметив, забегали быстрее, зашевелились молчаливо-мрачно, кидая косые взгляды. Как всегда, это было неприятно и более всего походило на ощущение от занозы, которую забыли вынуть. Заноза была застарелая, в воспаленной гноящейся ранке, и привыкнуть к ней за годы и годы оказалось невозможным. Кошмар, с неожиданным недоумением подумал Стефан. Почему они меня так ненавидят? Глупо же. Что им во мне? Не я, так другой...

— Это работа? — спросил он, поковыряв податливую землю. — Кто так трамбуется, разгильдяи? Это работа, я вас спрашиваю?

Илья, перестав крутить ворот, глядел дерзко.

— Сам трамбуешь. — И добавил по-русски.

Стефан поднял бровь.

— Ты видишь, что нас трое? — враз потупившись, забормотал Илья и вдруг, вскинув голову, даже не выкрикнул, а высверлил тонким голосом: — Много мы втроем наработаем, а? Много, Лоренц? Что смотришь? Кто Веру услали в экспедицию, я?

Это была ложь, явная наглая ложь: Вера ушла сама, а Стефан лишь не помешал ей уйти с Питером, изобразив для публики, что вполне одобряет и, более того, будто бы даже сам планировал эту никому не нужную экспедицию — и ведь ясно понимал, что никого этим не обманет, — но сейчас он чувствовал: Илья верит в то, что говорит. Легко верить в то, во что хочется верить.

— Может, лучше Веру назначить бригадиром, — задумчиво произнес Стефан, равнодушно наблюдая полное поражение оппонента, — раз уж ты не справляешься... Как полагаешь?

— Если она еще жива! — немедленно вмешалась Ронда. Ее глаза горели, как у кошки. Она рвалась в бой.

Стефан открыто усмехнулся: можно было подумать, Секс-петарду и впрямь волнует Вера, а не Питер. Ха! И тридцать три раза — ха! Правда, если экспедиция не вернется... На этом им меня не подловить, подумал он. Я знаю, с кем имею дело. А связь... что ж, я отдал им лучший комплект, упрекнуть меня не в чем. И заблудиться они не должны, у них прекрасная карта, еще «Декарт» снимал. Разве что карта устарела, но это вряд ли: планета пассивна, за все сорок лет ни землетрясения, ни урагана...

— Ты лучше о себе думай, а не о Питере, — сказал он Ронде. — Он-то о тебе думать не станет.

Почувствовав неладное, он обернулся. Так и есть: Маркус маячил за спиной. Как ни резко обернулся Стефан, мальчишка успел принять самый невинный вид. Шустрый мальчишка. Щенок, сорок восемь лет всего, а туда же... Кинулся бы под ноги, а эти двое насели бы сверху и тогда, пожалуй, добрались бы до бластера. Когда-нибудь и доберутся — эти или другие. Кто-то из них облил кислотой лозунг. Вот что самое смешное: стоит начальству уйти, как Маркус, сопя и шмыгая от досады, начнет выговаривать Ронде за то,

что та не вовремя и не туда скосила глаза... Они поймут, что Стефан обо всем догадался. И они начнут ссориться. Глупые, они думают, что их губит несогласованность действий. Чушь! Она их спасает, только никто из них не может этого понять. Кроме Маргарет, но ведь она не с ними.

Пусть ссорятся. Что-то давненько не было ссор. Давно не приходится выслушивать жалобы на то, что Дэйв опять дерется, и кляузы друг на друга, бесконечные наслоения кляуз, целые геологические пласты, и не обращать на них внимания... либо, наоборот, обращать, в зависимости от обстоятельств. Юлить, вертеться ужом, одновременно демонстрируя твердость, и гнуть, гнуть мнение большинства в свою пользу. В сущности, в пользу того же большинства. И почему-то думать, что дрызгам и склокам не будет конца, проклинать свою участь, не догадываясь, что это-то и есть настоящая жизнь.

Теперь они объединились. Не все, но многие. А он еще радовался, что драки на борту стали редкостью! Они объединились против него, своего капитана. Он проморгал тот момент, что было непростительно. Теперь уже поздно что-либо исправлять, любое решительное действие пойдет во вред, нужно ждать, когда вскроется этот нарыв, и тогда...

Тогда — посмотрим.

— Не на дядю работаете, — буркнул он. — Отсюда до огорода — ваша сегодняшняя норма. Если не управитесь, будете ворочать вместо праздника. Качество проверю сам. Ясно?

Идя к трапу корабля, он чувствовал на себе ненавидящие взгляды. Пусть, пусть... Ему захотелось прибавить шагу. Нет, нельзя. Им ничего со мною не сделать. Никогда. Пусть все останется так, как есть, как было, ведь на самом деле было не так уж плохо, а значит, пусть это продолжается как можно дольше...

9

Сидя на корточках перед грубой станиной пружинного стреломета, закрыв ладонями лицо, Инга плакала совсем так, как плачет девятилетняя девочка, не получившая ко дню рождения обещанного подарка. Появись сейчас из леса цалькат, она опоздала бы поднять тревогу. Ее никто не видел — у кого найдутся время и желание подняться на верхнюю площадку донжона? Разве что явится Стефан... похлопать по плечу, поздравить от имени тех, кого он, как ему кажется, ведет и направляет.

Она его упустила! Помешал проклятый червь, достаточно крупный и подвижный, чтобы испугаться за Людвига. Она выстрелила в червя. И лишь когда со звонким щелчком новая стрела, выскочив из магазина, легла на ложе стреломета, Инга поняла, что теперь поздно. Червя надо было бить второй стрелой. А первой... Она сказала бы потом, что не учла поправку на ветер. Или что дрогнула рука. Ей, конечно, не поверили бы, она знала, что не умеет врать. Но сделали бы вид, что верят, а разве не это главное? Э, что теперь думать! Стефан ушел, и надо было начинать все сначала: убедить себя, настроиться, решиться... Невозможно больше терпеть. На дистанции в двести шагов она бы не промахнулась, а Стефан все-таки ушел и еще непременно захочет выразить благодарность и похлопать по плечу...

Пошмыгав, она вытерла слезы. Прошлась по периметру площадки — пусть снизу видят, что часовой не спит. Можно сказать, что глаза заслезились от ветра — наверху всегда ветер, не то что у земли. Стефан, конечно, все поймет, потому что она не умеет врать...

Долго-долго, до нестерпимой рези в глазах она смотрела на спокойное, в искрах слепящих бликов озеро. Она шептала, не вникая в смысл слов молитвы.

Питер должен вернуться. Он не может пропасть — это было бы больше, чем несправедливость. Это было бы предательством. Во что бы то ни стало он должен вернуться.

ИНТЕРМЕЦЦО

Дрынннь!..

— Опять ты?

(А кто еще станет звонить в третьем часу ночи?)

— Опять я.

Давить тяжелые вздохи я уже давно разучился.

— Нет, ничего, я так. Просто захотелось поболтать.

Шалтай-Болтай. И вся королевская конница.

Галоп по аксонам.

— Слушаю.

— Поправка. Та, кого ты называешь Ингой, стреляла не в червя. Она стреляла в Стефана и промахнулась. Кстати, именно потому, что не учла поправку на ветер.

— Ну и что?

— Как что? Навертел выше меры дугой психологии, а все было гораздо проще. Неужели ты думаешь, что маленькое чудовище в возрасте сорока девяти лет остановилось бы перед хладнокровным убийством? Да еще после того, как она и другие столько вытерпели от Стефана?

— Но ведь не убила?

— Случайно не убила, а имела редкий шанс. Кстати, и Стефан для самосохранения использовал отнюдь не только тот наив, который ты описал. Убрать его не так-то просто.

Не понимает жанровой специфики, а советует. Если я начну убивать своих героев прямо со старта — с кем я останусь? Мне жаль их всех, и я никому не желаю зла. Не исключено, что даже попытаюсь поддержать кое-кого до поры до времени.

Что это ему — триллер?

Размышляю о том, что чем слово отстраннее звучит, тем легче прививается на отечественной почве, а почему — загадка... Триллер — похоже на трейлер.

А он-то при чем? Скребу в затылке.

Ага, вывозить трупы. Из триллеров.

Мучительные потуги к остроумию.

— Кстати сказать, ты к Стефану присмотришься. Как-никак он твой прямой потомок.

— ??

— Твоя правнучка выйдет замуж за прибалта, ну и вот...

Удружил... Притом наглет на глазах.

— Подсказать тебе, кого надо грохнуть в первую очередь?

Вот так, да?

— Не старайся, — пресекаю. — Обещаю и торжественно клянусь, что во всем повествовании ты не найдешь ни одного трупа.

Довольно-таки опрометчивое заявление с моей стороны. И кто дурака за язык тянул?

— Спорим?

Назвался груздем — продолжай лечиться.

— Спорим. На щелбан.

— За каждый труп?

— Еще чего, — спохватываюсь. — Оптом.

— Дешево отделаться хочешь. Ну ладно, черт с тобой. Кто разобьет?

Некому. Жену разбудить разве? Гм... пожалуй, не стоит. Я своей супруге не враг. Рука, высунувшаяся из стены, имеет цвет обоев — зелененькая в цветочек. Меня и то вгоняет в пот.

- А если об угол стола?
- Ой!..
- В чем дело?
- Больно об угол-то...
- Потерпишь. Стенку поправь.

10

Они потеряли много времени, вылавливая вещи по всему плесу, и все же спасли не все. У Веры уплыла куртка, у Питера — лук, и рация таки утонула. Питер нырял, но не смог ее найти.

— Хорошо, что вторая фляжка уцелела, — сказала Вера.

Йорис молчал. У него шла носом кровь, он стеснялся и отворачивался.

— Ляг на спину, — посоветовал Питер. — И курткуними, пусть просохнет.

Везло ли ему, сказался ли опыт — не имело значения. Главное, цел и невредим, а ссадина на спине не в счет. Даже когда лодку кувырало в потоке, как глупое бревно, и несло на гранитный зуб, а он помешал, подставив себя, все обошлось, хотя ударило крепко и могло бы сломать спину. И еще потом, когда за водоскатом пенный котел хотел его утопить, он не дался и выплыл, выдернув из котла и Йориса. Того ударило головой, но не сильно — отойдет.

Вера баюкала руку — ей повезло меньше. Питер, осмотрев, сказал, что перелома нет, но рука все равно распухла и не гнулась в локте. Руку пришлось подвигать, и все равно было больно, а на весло не хотелось и смотреть. Вера успокаивала себя: до озера осталось всего ничего, Питер справится один, а на озере можно поставить парус...

При ударе о гряду сильнее всего пострадал левый борт лодки. Корпуса развед-ракет «Декарта» выдерживали, как следовало из документации, до тридцати «г», однако предпочитали равномерно распределенные нагрузки.

Опять принесло мошкару, она обнаглела и лезла в глаза, и кто-то страстно урчал и хлюпал в болоте за бугром, то ли опасный, то ли нет. На плесе вода сделалась темнее и холоднее на вид: здесь была глубина. Крупные прозрачные насекомые, неопасные для человека, гонялись за мошкарой, стараясь держаться подальше от воды. Там их ждали. Шумно плеснула, выпрыгнув на мгновение, крупная рыбина и снова ушла в глубину, несъедобная тварь.

Солнце жарило вовсю.

— Поесть бы что-нибудь, — сказал Йорис, шмыгая носом. — Может, у нас осталось? Крошки какие-нибудь...

Питер покачал головой.

— Потерпи, — сказал он. — Первая сосулька, какую найдем, — твоя. Обещаю.

— Почему это моя? — благородно возмутился Йорис. — Я поделюсь...

— А я-то думал: как нам быть, если ты не поделишься? Лежи уж... выздоравливай. Ты, Вера, прости: сосулька — Йорису. Мне гребец нужен.

— Правильно, — сказала Вера. — Я не хочу есть. — Она вдруг испугалась, что ей не поверят, и замотала головой: — Правда, я совсем не хочу.

Но ей поверили, и от этого стало немножко обидно.

Они еще поговорили о том, как они наедятся в лагере и сегодня же вечером — не позже! — улягутся спать сытыми, и о том, что пищевая паста не столь уж дурна на вкус, а потом Вера вспомнила, что сегодня день рождения Петры, поэтому должен быть особенный стол, и всех троих немного мутило, а рты на-

полнялись пустой слюною, но они говорили о еде, чтобы не говорить о лодке, о страшной вмятине в ее днище и о том, что ждет их на озере. Вернее — кто ждет. Многодневный путь пешком в обход озера по болотам был молчаливо отвергнут как нереальный.

— Говорят, у Стефана в башне целый склад консервов, — зло говорила Вера, а Йорис поддакивал и щупал голову. — Только никто не знает, где он, этот склад.

— Сказки, — веско возражал Питер, и Йорис снова поддакивал. — Нет у него склада. Мы бы знали.

— Да? Сказки? А когда испортился синтезатор, откуда взялись консервы? Мясо, овощи, молоко для малышей? Откуда все это?

— Отчего же не спросила? — без интереса интересовался Питер. — Побоялась?

— Ну, не так чтобы... — оправдывалась Вера и морщилась, потревожив руку. — Просто как-то не пришло в голову. Как-то так... Я же тогда еле ноги волочила, ты помнишь. Да и ты тоже. Сам-то почему не спросил?

— Потому что нет никакого склада. Не спорю, раньше был, а теперь нет. Так-то вот.

Было жарко. И было сыро и дрожко. Все сразу.

11

Услышав осторожный свист, Илья перемахнул через перелаз с такой скоростью, что запутался в перекладинах и едва не грохнулся оземь. Дождался наконец! Черви бы болотные сожрали рыжего зануду — ходит нога за ногу.

— Зачем звал? — спросил Людвиг.

Илья оглянулся — мальчишка Маркус маячил на верху частокола и был похож на нахохлившегося вороненка. Свистнет, если что. За частоколом торчала черным пнем верхушка донжона и тяжкими кругами вокруг башни летала старая седая гарпия. Часовой не обращал на нее внимания — гарпии опасны стаей.

Илья осмотрелся еще раз, вопросительно кивнул Маркусу, дождался ответного кивка, подтверждающего: все в порядке, Стефана нет, и тогда, наклонившись к уху Людвига, сказал шепотом:

— Я знаю, как добыть бластер.

12

— Так, пожалуй, и ветер стихнет, — озабоченно произнесла Вера.

Тему не поддержали. Плохая примета — говорить о ветре перед переходом через озеро. Оно этого не любит.

— А если вмятину залепить глиной? — предложил Йорис.

— Размокнет и отвалится. Да и глины нет.

Завалив лодку набок, Питер возился, закрепляя киль. Киль был мал, внезапный боковой шквал мог опрокинуть лодку, но другого кия не было. В сущности, киль не был килем, а был одним из стабилизаторов ракеты, достаточно аэродинамически совершенным, чтобы использовать его на воде. Само собой, только на озере. На порогах киль был мешающим неудобным грузом и покоился внутри лодки.

— Надо бы сделать катамаран, — сказал Йорис. Он поддерживал лодку с кормы, стараясь не глядеть на страшную вмятину в днище («Неужели это я сюда головой?..»). — Тогда можно без кия. И надежнее.

— А на реке?

— А на реке катамаран можно разобрать. Получатся две лодки. Одну спрятать, ничего ей не делается, а на другой плыть по реке. Потом вернуться и снова собрать. И идти по озеру хоть напрямик. Сделать катамаран пошире, тогда его, наверно, даже водяной слон не перевернет...

— Сорок лет думали и не додумались, — презрительно сплюнула Вера. — Много ты знаешь про водяного слона. Ты его хоть раз вблизи видел? Ну и молчи.

— Видел!

— Когда видел? Ну?

— В прошлом году видел! — От обиды Йорис чуть не выпустил корму. — Видел, видел, видел, видел! Вот! А ты катамаран когда-нибудь видела?

— На картинке. Давно, на Земле еще.

— А я его живьем видел!

— Врешь ты все...

— Нет, отчего же, — сказал Питер. Когда он начал говорить, другие умолкали. — Идея сама по себе интересная. Просто очень хорошая идея. — Краем глаза он проследил за тем, как на лице Йориса разливаются румянец смущения и удовольствия. — Вот только один вопрос: где взять вторую лодку?

— Распилим еще одну ракету, — быстро сказал Йорис. По тому, как Питер, не прерывая работы, медленно покачал головой, он понял, что сказал не то. — Ну, еще что-нибудь...

— Последнюю ракету Стефан не даст, — хмыкнула Вера. — Особенно нам.

— Правильно.

— Почему?

— Потому что если мы утонем, Стефану будет легче, — сказала Вера. — Ты еще не понял, что он нас не ждет?

Йорис запнулся. Двигал кожей лица, переваривал мысль.

— Как же так...

— А вот так!

— Лоренц по-своему хороший человек, — неожиданно сказал Питер.

— Что? — Вера была потрясена. — Кто? Лоренц? Ты больше так не шути, ладно?

— Не буду. — Питер усмехнулся.

— Сказал тоже — Стефан... Убила бы.

— Нет, он человек талантливый. Сорок лет всех вас держать в узде — я бы так не смог.

— И не нужно, — тихонько сказал Йорис.

— Понимаешь, когда пытаешься сделать всем хорошо, всем почему-то становится плохо, — сказал Питер. — Беда в том, что даже самый лучший человек не может определять, что для другого человека хорошо, а что плохо. Мне Лоренца жаль, он вам добра желает...

— Убила бы, — повторила Вера.

— А я бы не стал... Ну, взяли разом!

Лодку поставили на воду. Теперь, чтобы ее загрузить, приходилось заходить в реку по пояс. Укрепили растяжками мачту — тонкую прямую трубку из системы охлаждения реактора «Декарта». Перед тем как отчалить, Питер срезал длинную палку и привязал к ней свой нож. Получилась пика. Если водяной слон всплывет под лодкой, его можно будет кольнуть, и тогда на минуту или две он уйдет на глубину, всколыхнув воду. Потом он всплывет снова. За это время надо успеть что-то придумать, потому что с каждым разом слон все менее охотно будет отступать, он быстро привыкает к ударам пикой, а потом он выдавит лодку из воды и перевернет ее. Он не понимает, что лодка неживая и несъедобная, но когда люди окажутся в воде, он разберется, что к чему. Поэтому опасно удаляться далеко от берега — водяной слон любит глубину, его никогда не видели на прибрежных отмелях.

Впрочем, его вообще трудно увидеть: когда он охотится, а охотится он почти всегда, его тело теряет бурую расцветку и перед самой атакой становится настолько прозрачным, что сквозь толстую мембрану становятся хорошо видны пищеварительные вакуоли, ядро и туманные пятна органелл.

Озеро было большим — шесть километров шириной в самом узком месте и до двадцати пяти в длину, — прозрачным от почти полного отсутствия микроорганизмов и скудным на рыбные запасы. Точно так же, как гигантское одноклеточное животное именовалось водяным слоном, рыбой назывались стремительные торпедообразные беспозвоночные, иногда до двух метров в длину. Отвратительные на вкус человека, они были основной пищей слона. Каждый знал, что в озере, на берегу которого стоит «Декарт», живет только один водяной слон — двоим здесь не хватит пищи. По-видимому, животное было относительно редким: Питер, облазивший всю округу и разведавший десятки больших и малых озер, знал лишь три озера с водяными слонами.

Иногда слон размножался делением — всегда на три части. Они расплывались в разные стороны, охотились порознь и до поры до времени мало интересовались друг другом. Но рано или поздно их отношения всегда выяснялись беспощадной схваткой, и тогда вода в озере кипела, а волны выбрасывали на берег скользкую пену. В сценариях схваток, иногда наблюдаемых с верхней площадки донжона, не замечалось никакой общей закономерности, только финал битвы всегда был одинаков: двое из трех должны были погибнуть. После этого в течение одной-двух недель по озеру можно было плавать вполне безнаказанно, даже пугливая рыба смелела и выпрыгивала из воды, радуясь отсрочке: водяной слон был занят перевариванием своих собратьев.

Вера послунила палец, пробуя ветер. Промолчала, кусая губы. В правой руке, подвязанной к шее, поселилась горячая дергающая боль. Вере предстояло быть балластом. Последний бросок через озеро всегда был лотереей, в которой не все и не всегда зависело от гребцов, но физическая беспомощность унижала.

— Возьми. — Она протянула Питеру свой нож. — Сделай еще одно копье.

— Для тебя? — спросил Питер, но нож взял. — Нет.

— Пожалуйста, сделай. Если он нападет, я здоровой рукой...

— Здоровой рукой ты будешь держаться за борт, — сказал Питер, — иначе вылетишь в воду. Если он как следует боднет...

— А Йорис? — ревниво перебила Вера. — Для него ты копье сделаешь?

Прежде чем ответить, Питер убедился, что мальчишка не слышит.

— Он будет держаться обеими руками.

13

Грубо заостренные бревна частокола занозили кожу. Маркус не обращал внимания. Под частоколом начались события. Это было интересно. Илья был ниже и шуплее Людвиг, зато куда суетливей, а Людвиг с равнодушным видом сидел на корточках, прислонившись спиной к частоколу, и с величайшим вниманием соскребал плоской щепкой с ладоней болотную грязь. Он всегда был таким: знаешь — говори, я выслушаю со вниманием, а не знаешь — так нечего языком зря молоть и займись делом.

— Могли бы додуматься раньше, — торопясь, шептал Илья и оглядывался. — Проще же пареной репы,

ей-ей! Меня сегодня как бревном ударило — понял! Все гениальное просто! Вот Уве ночью не смог, так? А почему? Потому что Лоренц этого ждал! Понимаешь? Он знает наш следующий шаг раньше нас. Мы просто идиоты: который год играем в игру, им же для нас и придуманную! Он нас всех просчитал с потрохами — знает, что днем мы на него не кинемся. Побоимся. Помнишь, пытались? Мы по месяцу колем его защиту, а ему только этого и надо. Вспомни хорошенько: когда он смастерил первую?

— Ну? — спросил Людвиг.

— То-то и ну! Первую защиту он сделал задолго до того, как мы надумали отобрать у него «махер». Он знал, чего от нас ждать, — у него было время подумать. У нас вот нет времени и не было, мы работаем, а у этого короля некоронованного времени хоть отбавляй. И изучить нас, и прикинуть, на что мы способны... Мы, как дураки сопливые, тычемся в одно место, а Лоренц только этого и ждет. Можешь мне поверить: или у нас вообще ничего не выйдет, или мы один раз ради разнообразия сработаем по-умному.

Людвиг дочистил одну ладонь, перешел к другой.

— Как?

Сверху было видно, как Илья растянул рот до ушей.

— Подумай.

— Знаешь, я, пожалуй, пойду, — сказал Людвиг. — Работа стоит.

Но с места почему-то не тронулся. Маркус тихонько хмыкнул с частокола — знал эту привычку.

Илья сплюнул и растер плевков ногой.

— Есть идея. Нужно, чтобы каждый... кроме Маргарет, естественно... Малыши пусть будут. Чтобы толпа. И — к Лоренцу в каюту...

Маркус легонько свистнул — в то же мгновение Илья был наверху. Тревога оказалась ложной — из донжона по пандусу спускалась Петра с коробкой мусора в руках.

Людвиг обнажил зубы в ленивом зевке.

— Лоренц к себе не пустит, поверь пожилому человеку. Что я, первый день Лоренца знаю, что ли? Да и ты тоже.

— То-то и оно: надо, чтобы впустил. Никакой агрессии! — Илья уже не шептал, а говорил в полный голос. — Мы — просители, корректные, но настойчивые. Умилительная картина субординации. Только Дэйва не надо — спугнет... О чем я говорю? Да! У каждого накопилось — вот пусть каждый и канючит в меру сил, за рукава хватается, а Стефан пусть отмахивается от нас, как от мух... Усекаешь? Главное — создать толчею.

— Зачем?

— Тебе прямо разжуй и в рот положи, — сказал Илья. — Я думал, ты уже догадался. Лоренц не дурак, но и не гений: может, что и заподозрит, да не враз поймет. А когда поймет, будет поздно. Я дело говорю. Кто-нибудь из мальцов... да вот хотя бы Уве... нет, тот напуган. Тогда вот этот...

Внизу понизили голос. Сколько ни напрягал ухо Маркус, разобрать, о чем шептались, не удавалось. Досада была непродолжительной: главное он понял, а поняв, даже немного позавидовал. Оказывается, и Илье раз в год приходят в голову стоящие идеи!

Маркус раздвинул губы в улыбке, показав черный провал. Во рту его не хватало четырех передних зубов. Молочные резцы выпали у него еще на Земле. А постоянные зубы так и не выросли.

Внизу надолго замолчали.

— Не надо убивать, — сказал вдруг Людвиг.

Илью подбросило.

— Кто сказал, что надо?! Потом разберемся, надо или не надо, вопрос десятый. Ты мне вот что скажи: получится это или нет, как мыслишь? По-моему, очень даже...

Людвиг опять долго молчал. Илья маялся в нетерпении, переступал ногами, на месте ему не сиделось, но торопить не стал — знал, что бесполезно.

— Может получится, — сказал наконец Людвиг без особого удовольствия.

Маркус пожалел, что не видел, как у Ильи сверкнули глаза.

— Сегодня, а?

— Нет, — категорически отрезал Людвиг.

Это было как с разбега об стену. Как остановиться в воздухе во время прыжка. Маркус вцепился руками в острие бревна.

— Почему?! — взвыли снизу голосом Ильи.

— Потому что я не согласен, — объявил Людвиг.

Маркус перегнулся через частокол, рискуя упасть. Теперь-то и начиналось самое интересное.

— Ты станешь капитаном? — спросил Людвиг. — Или я? А может, Дэйв? — Он деревянно хохотнул. — Лоренц — свинья, это доказано. Да только без него и без Питера мы перегрыземся на следующий день, как ты сам этого не понимаешь...

14

Универсальный синтезатор «Ламме» был раскурочен, и в его потрохах, насвистывая себе под нос, копался Диего Кесада. В штатном расписании «Декарта» он числился шеф-химиком, и его основная работа заключалась в настройке и проверке синтезатора. Как правило, «Ламме» использовался в качестве источника пищи, ненасытного пожирателя просушенного торфа, производителя пищевой пасты и едкой сухой пыли, которую приходилось топить в болоте, — пыль раз-

дражала кожу и не годилась даже на топливо. Старая идея Аристиды Игуадиса о перенастройке приемного блока «Ламме» под местное сырье оказалась малоудачной — КПД синтезатора был чудовищно низок.

Диего был не виноват. Он сделал, что мог. И Стефан тоже сделал, что мог: в дни сытого изобилия, за много лет до того, как последняя топливная цистерна показала дно, он снял с общих работ двоих — Диего и Фукуду. Позднее Фукуда занялся другими делами, заткнув собою наиболее зияющие прорехи в хозяйстве лагеря, а Диего так и остался при синтезаторе.

Стефан понял раньше других: быстрое угасание взрослых было не трагедией, а благодеянием для выживших детей. Медленная смерть от голода или отравления местной пищей после истощения топливных цистерн — не самая лучшая перспектива. Когда-то Стефан всерьез полагал, что взрослые, останься они в живых, непременно нашли бы выход, путь к спасению. Отец — точно нашел бы.

Теперь он не был уверен в этом.

С опытом жизни пришло понимание: взрослые часто бывают беспомощнее детей. Последние из них опустили руки. Кто-то целыми днями пребывал в оцепенении, кто-то молился или плакал, прижимая к себе испуганных, отбивающихся малышей, а некоторые прятались, забившись в самый дальний угол трюма, — но все они покорно ждали. Просто ждали конца, приняв его как неизбежное, противоестественно сжившись с ужасом близкой и неминуемой смерти. Произошел надлом. Даже Игуадис, единственный из всех сохранивший потребность действовать и в последний свой день научивший Стефана работе с синтезатором, и тот ждал.

Выход «Ламме» из строя означал катастрофу. Стефан давно уже запретил приближаться к кухне всем, за исключением себя, Диего и Зои. Зоя была поваром — сменным оператором на работах, не требующих особой

квалификации. Еще она была швеей и шила рабочие рубы. Перенастройка и поверка синтезатора была делом Диего, и только его одного.

Меньше всего следовало мешать. Стефан подождал, пока голова маленького не по возрасту Диего, похожего на извергнутого синтезатором по ошибке шустрого чернявого гомункулуса, вдобавок дефектного, вынырнет из-под кожуха «Ламме». Смотреть на него не хотелось, но было надо.

— О! — с преувеличенной радостью просиял Диего, перестав свистеть. — Начальство блюдет. Это хорошо, что ты пришел. Надеюсь, ненадолго?

Он тихо захихикал. Фрондер, с неясной тревогой подумал Стефан. Гомункулус вульгарис. Шут гороховый, ненадежный.

— Поговори еще, поговори... Никак не надоест кривляться передо мною?

— Ты не можешь надоесть, — мгновенно возразил Диего. — Надо-есть. Чувствуешь глубокий смысл? Надо есть, так будем. Ты начальство. Встань вон там, я тебя съем глазами.

— Старо и глупо, — ответил Стефан. — Это я уже слышал. Придумай что-нибудь свеженькое.

— А зачем? Ты меня цени, ничтожного: я-то тебя глазами есть буду. Другие — те не глазами. Хрустнут косточки.

Шут. Циник. Умный шут.

— Кто — другие?

— А я к тебе в стукачи не нанимался, — обиделся Диего. — По мне, что ты, что Питер — один черт. Синтезатор всем нужен. И всегда будет нужен. А при синтезаторе — человек.

Как всегда, гомункулус был прав.

— Ладно. — Стефан вдруг вспомнил, зачем пришел. — Сколько у нас накоплено пасты?

— На три дня хватит с гарантией.

— А молока?

— На два дня.

Пусть будет на три, решил Стефан. Можно сократить рацион малышам, и Джекобу молока хватит. Один день оставим в резерве... и целых два дня нештатной работы синтезатора: на праздничный ужин и всякие нужные мелочи. Однако! Давно такой благодати не было — по сути, с прошлогодней экспедиции Питера. Нехватка рабочих рук имеет свою прелесть, когда сопровождается нехваткой жующих ртов.

— Скоро будут пирожные? — спросил он.

Диего фыркнул, как еж:

— Пирожные! Будут пирожные. Всем будут. Во-о-от такие будут! В три объёма. Миндальные!

— Сколько штук?

— Двадцать четыре, сколько же еще. Каждому по одной минус, естественно, Джекоб и Абби. Первая мне на пробу: помру — не помру...

— Сделай двадцать семь.

— Думаешь, Питер вернется сегодня?

— Обязан думать. Двадцать семь, я сказал.

— Кому праздник, а кому одна морока. День рождения! Я в восторге.

— Морока, а придется еще поработать, — сказал Стефан.

— Что еще на мою голову?

— Жидкость для снятия накипи. Фукуда просит.

— Только не сегодня! — взвыл Диего. — Мне из-за этого праздника и так полночи не спать.

— А я и не говорю, что сегодня. Но завтра — обязательно... Кстати, у тебя последнее время реактивы не пропадали?

— С чего это вдруг?

— Да так. Просто спросил.

Диего замахал руками столь решительно, что стало очевидно: в порче лозунга гомункулус не виноват. В

общем, и неудивительно. Так грубо они не работают. Тогда кто из них? Хорошо бы дознаться, пока не плеснули в лицо из-за угла.

— Чтобы завтра была жидкость! — сказал Стефан. — Понял меня? Работай.

Он навестил Зою и убедился, что дело движется. Зоя плакала ночами, но шила быстро, доботно и экономно. Одежды пассажиров «Декарта», пригодной для перелицовки в робы, должно было хватить еще на несколько лет: переселенцы везли с собою непомерные вороха, целые груды одежды! Ее удалось сохранить: Диего разработал противогнилостный состав и поубивал моль.

Указаний здесь не требовалось. Стефан потоптался без толку. Он знал, что Зоя способна на большее, чем шитье и рутинное обслуживание «Ламме», но большего он ей предложить не мог. Мозгов не хватало, но куда больше не хватало рабочих рук. Однажды Стефан взял на себя труд разъяснить: Зое еще повезло, что она не попала ни в добытчики торфа, ни в строительную бригаду.

Благодарности он не ждал, но вспышке ненависти удивился.

В пассажирском салоне, ярко освещенном по случаю остановки синтезатора, Донна натаскивала малышей. Их было четверо — младших в возрасте до пяти лет, непригодных к физической работе, кому Стефан в конце концов нашел занятие, оторвав от бесконечных глупых игр. Здесь давно не играли. Здесь под началом Донны вызревала резервная смена специалистов, шуршала бумага чертежей и схем, по ней водили пальцами, тонко кашлял простуженный Аксель и надоедливо, по-заученному лепетала маленькая Юта: «...втолой вспомогательный контул охлаждения леактола соплягается с авалийной следящей системой посредством клиогенных клапанов, ласположенных в ава-

лийных лазах тлетьего и седьмого голизонтов...» «Соплягается!» — поморщился, входя, Стефан. Смеяться было не над чем: двухлетняя малышка так и не сумела преодолеть логопедический дефект. Терпеливая Маргарет нашла этому объяснение, она собирала бесценный наблюдательный материал, не в силах объяснить, для кого и зачем. Стефан не препятствовал.

— Как успехи? — бодро спросил он.

Заботу не оценили — Юта тут же сбилась, понесла чушь и, одернутая, замолчала, готовая разреветься. Это был ее коронный номер. Игорь, Аксель и Синтия испуганно замерли. Худенькая анемичная Донна (ее дразнили «шкилетиной», с чем Стефан внутренне соглашался — бледная же на фиг, прозрачная!), давая отчет, пожалала остренькими плечиками: продвигаемся, мол, что мешаешь.

Он выслушал, и, конечно, следовало бы остаться, позкзаменовать будущих экспертов по корабельным системам, выразив обычное неудовольствие поверхностным усвоением материала, а главное, спросить, не ожила ли связь с группой Питера — просто так, показа заботы ради, — но на этот раз Стефан пренебрег. Связи не было, он это знал. Оживи вдруг связь — через пять минут об этом стало бы известно всем и каждому.

— Донна, — сказал Стефан, — тебе нужно чаще бывать на солнце. Нельзя себя хоронить. И вредно.

— Спасибо. — Донна чуть усмехнулась. — Оно нас убивает, это солнце.

— Оно и здесь нас убивает. То есть я хотел сказать, что уродует. Ты все же выходи иногда на воздух.

— Спасибо за заботу. Если, конечно, это совет, а не приказ.

— Пока совет, — сухо сказал Стефан. — Все. Работайте.

Он прекрасно слышал, как за тонкой переборкой позади него облегченно выдохнул Игорь, как неудер-

жимо раскашлялся забывший в его присутствии о кашле Аксель, а Синтия вдруг прыснула неизвестно почему — что-то такое ей показалось забавным... Зауряднейшая реакция подчиненных на начальство — но нет надежности. Кончилась. А без запаса надежности нет перспективы... Стефан покусал губы. Знать бы, зачем Донне «глаз»? С кем она — с Питером?

Потом, потом...

Он сердечно поприветствовал Петру, попавшуюся навстречу с мусорной щеткой в руках. Поздравил, похвалил работу. Кругленькая, пухленькая Петра расцвела. Пол был нечист, но Стефан закрыл на это глаза — заставить Петру трудиться целеустремленно и последовательно еще никому не удавалось. Порхающий характер, вечно на подхвате. Очень добродушная, жалостливая, безвредный мотылек... Друг всем и каждому, а значит, бесполезный друг. Годится разве что в прачки. Ладно и так.

Он был один, и следовало с этим смириться. Одиночество особенно ощущалось внутри корабля, но корабль давал и защиту. Он был личной крепостью Стефана, облизавшего сверху донизу каждый лаз и знавшего на ощупь многое из того, что Донна и другие знали лишь по чертежам. И места в этой крепости хватало всем. Корабль был велик, ненормально огромен для кучки выживших детей. Стоило подняться на один горизонт, как звуки пропали. Стефан слышал только шаги, и эти шаги были его собственными. Иногда, но редко-редко, и то лишь затаив дыхание, можно было уловить легкий треск, шелест или поскрипывание — собственные звуки корабля, возникающие от старения металла. Когда-то ватная тишина пустых горизонтов угнетала Стефана. Теперь он привык.

Его владения.

Незапертые помещения — входи, пользуйся. Пыль на полу, и нет следов на пыли. И нечем пользоваться,

если честно. Жилая зона — шестьдесят кают, салон. Игровая для самых маленьких — куклы какие-то давным-давно сломанные, ни одна говорить не умеет... Служебные ходы, коридоры, аварийные лазы. Лестницы, шахты лифтов. Старая-престарая, вырезанная ножом на переборке, многократно покрашенная, но все еще читаемая надпись: «Людвиг + Паула». Трехлепестковый знак радиационной опасности при входе в реакторный зал с давно и надежно заглушенным реактором — зона номинальной ответственности Питера. Трудно придумать большую синекуру, вот его и носит по экспедициям, и Маргарет права: это опасно. А только хорошо, что его сейчас нет...

Зашлифованные сварные швы — был ремонт после аварии. Похабщина, пристыкованная к фамилии Лоренц, — опять...

Доискаться кто и наказать виновного.

Стихи. Стефан остановился, поскреб пальцем. Уголь древесный. Танка не танка, но напоминает. Значит, танкетка.

От любви до ненависти
Лишь шаг один.
Сорок тысяч шагов
Можно пройти,
Делая в день по шагу.

Занятно, подумал Стефан. Зоя? Фукуда? Либо у писавшего нелады с арифметикой, либо он надеется прожить до ста с гаком. Стало быть, поощрить за оптимизм и наказать за пачкотню на переборке.

Еще рисунок на стене: усатая кошка. У Питера была собака, фокстерьер, забыл, как его звали, все равно он умер, а у Веры была кошка — трехцветная, у нее должны были родиться котята, но так и не родились, и она долго мучилась и мяукала. И умерла первой из всех. Странно: почти никого из взрослых с «Декарта» я не помню, а мяуканье помню...

Сауна, солярий.

В молельне Стефан тщательно запер за собой дверь. Здесь стены окутывал полумрак, однако не такой густой, как в коридорах, а в нишах был настоящий мрак, и из мрака в полумрак выступали символы мировых религий. У каждого символа была своя ниша. Символам не было тесно.

Бесшумный гироскоп указывал мусульманам направление на условный восток. Бронзовое распятие обозначало христианскую зону. Католики довольствовались скромной статуэткой девы Марии. Православный Спас строго смотрел на неугасимый светодиод в узорчатой лампаде.

Всепонимающе улыбался лакированный Будда.

Священные книги различных конфессий покоились в строгом порядке, каждая в особом ящичке, выдвигаемом из стены. Никто не жаловался, никто не имел преимуществ перед другими.

Медвежий череп. Деревянный толстый кит с выпученными в изумлении глазами. Тотемы.

За иконой Спаса открывался аварийный лаз, недостаточно просторный для взрослого человека, но пригодный для ремонтного червя. Стефан провел пальцами по окладу иконы, нашел контрольный волосок и убедился, что тайник остался необнаруженным. Конечно, этот лаз был отмечен на схеме коммуникационных ходов и теоретически в него мог бы проникнуть особо тощий мальчишка — но кому это нужно, когда в корабельных потрохах сотни и сотни подобных лазов? И все же страховка не мешала: противоположный выход лаза Стефан давно забил хламом.

Стефан вставил ключ, сдвинул икону. Рука наткнулась на твердое, цилиндрическое. А вот и еще одно, и еще... Весь лаз был перегорожен консервными банками, остатками старых запасов и корабельного НЗ. Против воли рука ощупывала, ласкала богатство. Банки

не вздулись за сорок лет, в прохладе лаза они пребывали в полной сохранности, их было не так уж много для всех, но много, очень много для одного человека... Стефан сглотнул слюну, ощущая дрожь, понятную лишь тому, кто изо дня в день давится пищевой пастой. Который раз он боролся с искушением вскрыть хотя бы одну банку. Это же так легко! И кто узнает? Никто, никогда...

Он резко отдернул ладонь. Если бы он вытащил банку, если бы увидел дразнящую этикетку, то не смог бы совладать с собой и знал это. Терпеть! Как терпят другие. И главное — он пришел сюда не за этим...

«Махер» лег в руку стволом. Сегодня пальцы были непослушными, и пришлось повозиться, на ощупь подсоединяя к рукоятке потайной разъем. Машинально оглянувшись и обругав себя за это — кто мог его видеть! — Стефан двумя осторожными прикосновениями ввел оружие в режим подзарядки.

И вроде бы не случилось ничего — ни звука, ни движения, только едва заметно запахло озоном и полумрак в молельне стал гуще: электричество внезапно подсело по всему кораблю. Так бывало часто. Неискушенный человек видел в этом случайный сбой и ругал Фукуду, Людвига и всю альтернативную торфяную энергетику в придачу, но быстро остывал, потому что сбой прекращался сам собою и никогда не был продолжительным. Держать «махер» в режиме подзарядки больше десяти минут было просто опасно. Несомненно, корабельный мозг своими последними жизнеспособными остатками отметил бы недопустимый перегрев одного неприметного блокка, скрытого в неприметном месте совсем в другой части корабля, и, пожалуй, выдал бы диагностику ненужных, с его точки зрения, довесков и переделок, если бы Стефан не принял мер к тому, чтобы этого не произошло. Он воровал энергию почти каждый день, стараясь лишь

не пересечься во времени с часами работы синтезатора. Иногда красть приходилось по ночам, опустошая заряженные за день аккумуляторы. Почти вся энергия пропадала впустую — Стефан не нашел техническую документацию на «махер» и понятия не имел о режиме подзарядки. Пока что индикатор на рукоятке высвечивал круглый наглый ноль — «махер» содержал в себе меньше одного заряда стандартной мощности. Ползаряда? Одну стотысячную? Иногда Стефан радовался, что не знает — сколько. Победная единица на индикаторе могла вспыхнуть уже сегодня. Завтра. Через десять лет. Индикатор мог врать от старости и износа. Может, он и вправду врет... С человеком можно делать все что угодно, кроме одного: нельзя лишать его права надеяться...

15

Будь они прокляты, эти могилы!

Он был мал и глуп, а потому распорядился устроить кладбище в низине, в складке гранитной плиты, заполненной древними наносами, всего в сотне шагов к югу от лагеря. До скалы можно было копать — на полметра в глубину, иногда на метр. Будь он старше и опытней, он вытянул бы кладбище в нитку по краю болота — и что с того, что холмики расползались бы грязью? Мертвым все равно. Оглядываясь назад, Стефан видел, что сумел бы переломить настроение большинства в свою пользу. Вежливость мертвого состоит именно в том, чтобы не мешать жить живым.

Могилы обозначались кучками камней. На последних могилах их было меньше, чем на первых: в радиусе километра вокруг лагеря давно уже не осталось ни

одного гранитного обломка, который нельзя было бы поднять и унести.

Он и не мыслил крошить гранит вручную. Каждая яма в скале требовала выстрела, а то и двух. Укрытый за переносным щитом, Стефан стрелял — и гранит, словно взорванный изнутри пиропатроном, заложенным в шпур, разлетался мелкой крошкой, осыпая щит шальными осколками. Восторг свершения гасил ужас потери, и с трудом доташенное до могилы неподъемное взрослое тело споро опускалось в гранит. Кладбище съело почти весь боезапас. А сколько драгоценных зарядов было истрачено просто так, без всякого смысла?..

Он опомнился непоправимо поздно. Оставалось еще три заряда. Целый год он не вынимал оружие из кобуры, отвечал отказом на надоедливые просьбы малышей подстрелить то или иное местное чучело, приучил себя не реагировать пальбой на суматоху, всякий раз возникавшую при атаке лагеря стаей вонючих гарпий, метящих в людей ядовитым пометом (много позднее Диего обнаружил в нем комплексы, выделяющие на свету вещество, близкое к фосгену); иногда он даже оставлял кобуру в капитанской каюте на целый день — тогда это еще ничем не грозило. Но в тот день, когда пришел цалькат, «махер» при нем был.

Стефан не заметил, как зверь появился из леса, он лишь услышал глухой шум рухнувшего неподалеку дерева и в первый момент не связал его с опасностью. Деревья иногда падают сами собой. Кажется, был чей-то крик — короткий, потому что у кричавшего перехватило дух. Потом и Стефан увидел зверя. Доледниковая тварь, может быть, последняя из уцелевших, нанесла детям первый и единственный визит.

На вид зверь был страшен и потешен одновременно. Будь он только страшен, трагедии скорее всего не произошло бы — при неповоротливости зверя ничего не стоило укрыться в корабле, или донжоне, как его

уже тогда полюбили называть. Вялая громадина ростом с дерево, низко несущая тупую бегемочью башку, слабо вязалась с обликом хищника.

Отступили — да. Но никто не побежал. И Стефан, борющийся с искушением взять «махер» на изготовку, поборол искушение. А кто-то уже фыркал, прыскал в кулак: на боках твари густо торчали роговые пластины, длинные и радужные, как павлиньи перья, а пара плоских выростов на спине, также покрытых «перьями», до смешного напоминала щуплые цыплячьи крылышки. Пластины покачивались и гремели в такт дыханию чудища, и по громадному телу пробегали радужные волны. Зверь по-птичьи клюнул мордой, затем разинул пасть, будто зевнул, обнажив черный мокрый туннель и зубы, что росли даже на языке, и это тоже показалось забавным. Но не всем.

«Кецалькоатль!» — ахнул, падая на колени, Ансельмо. Сын воспитанника католической миссии, затерявшейся в сельве Гватемалы, истинно верил в Христа, сына Кецалькоатля, искупившего смертью грехи человеческие. И вот он увидел живого Кецалькоатля, явившегося с небес, чтобы спасти островок человечества еще раз...

Цалькат глотнул. Отчаянно брыкая ногами, Ансельмо исчез, тогда закричала Донна и Людвиг кинулся бежать, а Стефан поднял обеими руками тяжелый «махер» и дважды разрядил его в тянущуюся к нему тупую морду. Пластины на боках зверя встали дыбом. Обугленная голова отскочила прочь, а цалькат рванулся вперед многотонным тараном, только теперь показав свою истинную мощь. Лишенный головы, он вовсе не собирался умирать так просто, он сделал еще несколько шагов, обратив Стефана в бегство, потом споткнулся, неуклюже заваливаясь набок, и скала дрогнула под ногами, когда на нее рухнул самый тяжелый зверь на этой планете. Последний заряд ушел на то,

чтобы рассечь брюхо цальката и достать тело несчастного Ансельмо — почему-то верилось, что он еще жив... Запомнилось, что могилу пришлось долбить вручную, самого же Ансельмо мало-помалу стали забывать и забыли. Осталось лишь название зверя, быстро упрощенное малышами — не каждый мог выговорить «ке-цалькоатль». А тушу цальката потом несколько дней рубили на части и топили в озере на корм водяному слону. Слон пасся в воде у самого берега, жирел, за три дня дважды подряд поделился, и в озере на время стало девять водяных слонов...

На десятой минуте Стефан выдернул разъем.

ИНТЕРМЕЦЦО

— Стоп, стоп! Вот и попался. Кто обещал, что во всем тексте не будет ни одного трупа?

— Это труп плюсквамперфектум. Он не считается. То же, кстати, касается Астхик, Паулы и Иветт. Они, увь, в действии не участвуют. Печально, конечно...

— Зато достоверно?

— Не могу принять твой тон.

— Чистоплюй... Нет, вы посмотрите на этого типа! Не сочинитель, а карга с косою, и все ради достоверности. Достоверность ему подавай!

— А что, разве ошибся?

— Не скажу.

— Значит, не очень-то и ошибся.

— Допустим, не очень... А вот ты мне объясни: отчего у тебя совсем нет пропавших без вести? За сорок-то лет? Чего проще: потопал этакий сорокапятiletний парнишка в лес по дрова, а там, конечно, местный серый волк, а? Поиски, организованные Стефаном, прочесы-

вание леса, ауканье результатов, естественно, не дают... По-твоему, такое событие невероятно?

— Очень вероятно. Но я думаю, что этого не было.

— Это почему?

— Мне так кажется. Угадал?

— Ну угадал... Случайно, конечно. Или по моему тону?

— По тону.

— Усек. Тогда замолкаю.

— Давно пора.

16

В мире Джекоба тьма и свет сменялись бессистемно. Чаще была тьма. Свет появлялся неожиданно и всегда больно бил по глазам, заставляя тело бессмысленно шевелиться в неподатливом коконе, а рот — издавать звуки, удивлявшие его самого. Прошло много, очень много периодов света и тьмы — так много, что он не смог бы их сосчитать, если бы задался такой целью, — прежде чем он научился предсказывать наступление периода света и даже угадывать, как долго он продлится. Он редко ошибался.

Свет означал перемену кокона и нередко пищу. И всегда означал появление великанов. Чаще великан приходил один, иногда их являлось несколько. Джекоб знал, когда его будут кормить, а когда нет. Наступление периода света после длительной темноты всегда означало кормление. Хорошая великанша подносила к его рту мягкий колпачок, из которого текла сладкая белая пища, и он охотно мял колпачок деснами, сосал, глотал, пил. Случалось, пище предшествовала смена кокона. Это вызывало неудовольствие, и он протестовал.

Его мир был велик, но конечен, и даже в темноте Джекоб знал, где проходят границы мира. Ближайшая была совсем рядом, он много раз дотрагивался до нее и мог бы дотронуться и теперь, если бы не мешал белый кокон. Три другие боковые границы находились далеко — даже великанам для пересечения мира требовалось несколько шагов. Верхняя граница являлась источником света и тьмы, цветные квадраты на ней были послушны и всегда выполняли приказы великанов. Эта граница проходила сравнительно близко — всего в двух ростах самого крупного из великанов и не более чем в шести ростах самого Джекоба. Он подсчитал это давным-давно, еще тогда, когда учился считать, рассматривая свои пальцы. Названия того или иного количества пальцев он узнал позднее. Он подсчитал также количество цветных квадратов на верхней границе мира и знал, сколько там квадратов того или иного цвета. Верхнюю границу мира он видел чаще других, потому что почти всегда лежал на спине, лицом вверх. Нижней границей он не интересовался.

Владения Джекоба были лишь малой частью его мира. Мягкая теплая преграда под ним не была границей мира, а являлась его принадлежностью и называлась словом «кровать». Когда кокон бывал неплотен, Джекобу удавалось выбраться из него и обойти свои владения от края до края. Правда, это всегда требовало много сил: владения были обширны. На такой кровати вполне мог бы спать великан.

Владения кончались бортиками, ничтожными для великанов и непреодолимыми для Джекоба. Прежде бортиков не было. Когда они появились впервые, он сразу догадался об их назначении.

Это было очень давно.

Сколько он помнил себя, он понимал язык великанов. Так он узнал, что существуют и другие миры, подобно его миру называемые «каютами», и скоро

постиг существование Большого мира, вместилища множества малых миров, одни из которых были похожи на его мир, а другие нет. Память сохранила воспоминание об одном из таких внутренних миров, который был большим и назывался «медотсек». Труднее оказалось принять конечность Большого мира — Джекоб помнил потрясение, испытанное им, когда он узнал о существовании еще одного, Внешнего мира, наделенного особыми и таинственными свойствами. Однажды из разговора великанов он понял, что уже однажды побывал во Внешнем мире, но это произошло, когда ему было всего три месяца от роду, и он, конечно, ничего не помнил. В конце концов он смирился с существованием Внешнего мира, приняв его как данность. Отчего бы нет? Мать он не помнил тоже, но знал о ее существовании в прошлом.

Был ли у него отец, он не знал. Вопрос не казался существенным. Вероятно, был. Это роднило его с великанами: у каждого из них когда-то были мать и отец. Кроме Главного великана. У того был только отец.

Иногда светлый период в мире Джекоба продолжался дольше обычного: добрая великанша разговаривала вслух. Ее огорчало, когда Джекоб ее не понимал. На самом деле не понимала его она. Одним из самых сильных потрясений в жизни Джекоба было открытие, что великаны могут общаться друг с другом только при помощи звуков, издаваемых ртом. Следовательно, он был не таким, как они. У доброй великанши была плохая память. Говорить вразумительно и подолгу она могла лишь в том случае, если одновременно смотрела в раскрытую кипу скрепленных по краю белых листов, испещренных рядами знаков весьма убогого количественного набора. Чтение книг, на взгляд Джекоба, было довольно бессмысленным занятием, но в них попадались интересные картинки.

Когда Маргарет читала про себя, он понимал не хуже, но быстрее уставал. С дискомфортом он боролся так же, как сорок лет назад.

Его успокаивали.

Потом наступал период тьмы. Добрая великанша уходила.

Иногда появлялись маленькие великаны. Их было четверо: двое великанов и две великанши. Они были небольшие, особенно самая маленькая, которую звали Юта и которая не умела правильно издавать звуки ртом. Лучше других ее понимал Джекоб, и он знал это. Мешали слова. Из-за них понимание было неполным. Слова искажали смысл.

Джекоб пускал пузыри, слушал. Он хотел понимать. Случалось, за словами не оказывалось образа. Это было — непонимание. Непонимания он не любил. Случалось и так, что слова не соответствовали образу. Это было — ложь.

Большая великанша — не та, не добрая, а другая, поменьше, бледная — тоже приходила и побаивалась Джекоба. Она не умела с ним обращаться, хотя в этом не было ничего сложного. Бледную великаншу интересовал Большой мир, и то, чего она о нем не знала, маленькие великаны подолгу пытались понять, читая кипы скрепленных листков и рассматривая другие, большие белые листы, разложенные на полу. Большой мир был болен. Джекоб знал, что такое болезнь.

Неожиданно для себя он понял, что знает о Большом мире больше великанов. Это было открытие! Иногда ему хотелось помочь великанам. Они не понимали его, как он ни старался. Они даже не пытались понять. И он разражался ревом.

Его успокаивали.

Он знал причину непонимания. Однажды добрая великанша подумала о том, что все грудные младенцы — бессознательные телепаты и только потом

развитие речевых центров заглушает природный дар. Джекоб обрадовался, но Маргарет, как будто испугавшись этой мысли, перечеркнула ее и больше к ней не возвращалась. И Джекоб обиделся на добрую великаншу.

Его успокоили.

Он спал и видел сон Дэйва. Ночь была днем, и бой шел при свете солнца. Королевская пехота трижды бросалась на приступ и трижды откатывалась, оставляя десятки тел в проломе и во рву. Арбалетчики со стен били на выбор. Минуты затишья сменялись криком катапульта, гудением камней, пролом в стене рос, как дупло в гнилом зубе, — и снова гнусаво, густо ревел на той стороне сигнальный рог, и снова, снова штурм!..

Дэйв исчез, и никто о нем не пожалел, а меньше всего Джекоб. Он был самим Бернаром де Куси, гордым сеньором, восставшим против ничтожного, но, нужно отдать ему должное, упрямого короля, притащившего сюда армию, чтобы уничтожить его, Бернара де Куси. Ха! Разве де Куси можно уничтожить! Глупый король с гнусавым рогом! Парламентер дал понять: отец и брат будут пощажены, если выдадут разбойника Бернара. Так и сказал: разбойника, церкви-де грабил, бесчинствовал, повесил кого-то не того... Великая важность! Удавленного парламентера отправили назад при помощи баллисты, чтобы рассказал своему королю: де Куси пощады не просят! Малодушный скопидом, не проклятый ни одним священником, тебе бы родиться не королем, а менялой!

Стая стрел прошла по зубцам, и арбалетчики попрятались. В пролом лезли спешенные рыцари, увлекаемая на штурм отхлынувшую было пехоту. Первого Бернар обманул ложным замахом и рассек ему шлем ударом сбоку. Второй надвинулся рьяно, но брат Бертран расплющил его, вовремя приняв из рук оруже-

носца боевую палицу. Третьего они искрошили вдвоем, и каждый отступил на шаг вбок, чтобы не мешать брату разить мечом. Удар!.. Боль, темно в глазах, его заставили пошатнуться, но меч не прошел сквозь нагрудник, а в следующую секунду королевское войско уменьшилось еще на одного человека. Бернар сорвал с себя шлем, отбросил щит. Перед ним пятились, как псы перед разъяренным львом. Они знали, каков он в ярости, норовили подло ударить в шею, в пах, в колено. Он крушил, сбивал с ног. Оруженосцы прикончат упавших. Вот-вот дрогнут эти королевские псы, вот-вот побегут, а в спины им твякнут арбалеты... Но снова, снова ревет проклятый рог и свежий отряд рвется к пролomu, кто-то хватает за плечи и трясет с опаской, а рог почему-то уже не ревет, а протяжно ноет, тягучий знакомый звук побудки, и это конец боя, нужно отступить, укрыться в донжоне, уйти тайным ходом...

Кажется, Дэйв кого-то ударил, когда его будили. А Джекоб долгое время лежал тихо, переживая странный чужой сон, и думал о том, почему не все великаны согласны принять себя такими, какие они есть. Почему в снах и наяву они разные? И почему-то боятся вскрикнуть во сне и никогда не рассказывают друг другу своих снов. Странные эти взрослые. Разве во сне Дэйв стерпел бы унижение и приказ работать на торфе десять дней, как скрипя зубами стерпел наяву?

Даже Главный великан не был свободен в своих поступках. Джекоб читал его мысли. Он не завидовал великанам.

Он захотел есть и запросил пищи. Потом снова уснул, уже без снов, а проснувшись, увидел лодку. Лодка была еще далеко от Большого мира, но она приближалась, и вместе с ней приближалась опасность. Она сидела в лодке. Она двигала веслом. И было еще что-то. Еще одна опасность, пока неясная, едва уловимая таилась здесь, в Большом мире. Она угрожала

Большому миру, но прежде она угрожала Джекобу, а еще раньше — Главному великану. Опасность Джекоб понимал как угрозу несуществования. Он удивился бы, узнав, что существуют другие толкования.

Он заявил криком о несогласии, и его зачем-то мяли, разворачивали и заворачивали снова, трясли на руках, совали в рот невкусную резиновую дрянь. Он понимал: его успокаивали.

17

— Йо-хо-о! — крикнул Питер. — Вот он!

Даже с этого расстояния тупая свечка донжона выглядела внушительно. Словно дурные силы природы, равнодушные к людям и их желаниям, вырубали в горах чудовищной величины монолит, перенесли его и с размаху воткнули в плоский скальный берег с той же легкостью, с какой ребенок втыкает палочку в песчаную постройку. Казалось, до лагеря подать рукой. Но даже самый острый глаз не смог бы различить отсюда ни частокола, ни хозяйственных построек внутри лагеря, ни плоского берега, навсегда приютившего «Декарт». Размеры корабля обманывали зрение.

Берега широко разошлись, река исчезала в озере. Лодка шла на веслах. По озеру неспешно катилась ленивая зыбь.

— Еще час-два, и будет штиль, — сказала Вера.

Ей опять не ответили, и она обругала себя дурочкой. Питер же здесь! Он думает за всех, нужно только слушать его и делать, как он велит. Астхик сама виновата, что утонула. Питер — самый опытный, самый решительный. Лучший из всех. Он бывал там, где не был никто. Это он в одиночку одолел Смерть-каньон,

где река на юге прорезает горный кряж. Он спустился по реке до самого устья. Он видел море.

Слева, закрыв на минуту «Декарт», проплыл серый от лишайника остров — длинная скала, сточенная ледником. Корни кремнистых деревьев забили в трещины. Еще остров — голый, в валунах. Еще один — низкий, как тарелка, заросший пучками клейкой травы и полумертвым кустарником...

— А это еще что? — указала Вера.

Крохотный островок, последний в архипелаге, изменил облик. На скучной плоской скале, каких много торчит из воды у изрезанных берегов, лежало что-то несуразно громоздкое, пятнистое. Над ним трудились гарпии. Стая была слишком занята, чтобы обращать внимание на людей. Донесся тошнотный гнилостный запах.

— Вот это да! — восхищенно сказал Питер. — Ну и зверюга!

— А оно не живое? — с опаской спросил Йорис.

— Дохлый, — отмахнулся Питер. — Просто не очень давняя дохлятина. Что за зверь, хотел бы я знать. На цальката не похож.

— По-моему, это не цалькат, — заявила Вера. — У того были ребра, а у этого нет. И хвост у этого с плавником.

— Как твоя рука? — спросил Питер.

Вера благодарно улыбнулась в ответ. Молодец девчонка, поняла с полуслова. Чем меньше сейчас разговоров о зверье, тем лучше. Всякий, в чьей голове есть мозги, давно уже догадался, что радужные «перья» цальката могли быть только защитными пластинами и ничем иным, хоть цалькат сам был хищником. Нетрудно понять, что кишашая здесь до вспышки жизнь создавала хищников пострашнее цальката, пожирателей цалькатов, и никто не даст уверенности в том, что они вымерли до единого.

— Кто ж его так... — начал Йорис и замолк. Он тоже понял кто. В озере один хозяин. Этот зверь пришел неизвестно откуда, может быть, на свою беду, заплыл в озеро по какой-нибудь протоке. И был встречен. Но у зверя еще хватило сил, чтобы выброситься на островок и здесь умереть. Водяной слон остался ни с чем.

Огромный — в пять обхватов — круглый гриб, который на самом деле не был грибом, а был неподвижным животным, выплевывал детенышей — размножался. Детеныши скакали, как мячи. Один скатился в озеро, закрутился волчком, рябя воду, зашипел негромко. Мелькнуло в воде темное стремительное тело, плеснуло, и шар исчез. Отход молодняка — как было, как будет.

Новое, неизвестное лезло в глаза. Иногда, обманывая, притворялось старым. Каждая экспедиция имела смысл, даже если являлась всего лишь вылазкой в лес за новым бревном для частокола. Мы должны знать свой дом, думала Вера. Питер прав: здесь наш дом. Может быть, я все еще хочу вернуться на Землю, не знаю. Я еще не забыла, как выглядит трава — настоящая, не эта. Стефан всегда говорил, что на Земле обязательно вычислят, где выбросило из Канала «Декарт», и пришлют помощь. Он и теперь это говорит — да кто верит? Скука зевотная... Разве возможно столько лет верить в одно и то же? Но если вернуться не удастся, можно остаться и жить здесь, но не так, как мы живем, а так, как должны жить люди...

— Рыба, — выдохнул Питер между взмахами. — Жаль, поймать нечем.

Йорис перестал грести, обернулся с вопросом в глазах. Он не понимал, зачем нужна несъедобная рыба.

— Она все равно уснула бы, — утешила Вера. — На дохлую слон не кинется.

— Хочешь переждать? — прямо спросил Питер.

Вера помотала головой. В это время года штиль на озере был редкостью, но, уж наступив, он мог длиться неделями. В штиль хозяином озера был водяной слон.

Лабиринт мысов, островов и островков в западной части озера был наименее опасным участком пути. После него бросок по открытой воде сокращался вдвое.

По сути, это был единственный разумный путь.

Беглый взгляд на карту подсказывал иное: двинуться вдоль северного края озера, прижимаясь к берегу, как и предлагал скисший Йорис. Это не было лучшим выходом. Лишний день пути, а то и два. Северный берег изрезан и болотист — не везде выскочишь. Трясина. Болотные черви. У берега большая глубина — слону ничего не стоит всплыть между берегом и лодкой.

— Нельзя ждать, — уверенно сказала Вера. — Надо плыть.

— Я устал, — хныкнул Йорис.

Впервые он не постеснялся заявить об этом вслух. Вера презрительно отвернулась.

— Потерпи еще, — серьезно сказал Питер. — Ты молодец. Я думал, ты выдохнешься раньше.

Целый час после этого Йорис греб в полную силу.

18

В потной духоте говорили шепотом — темная и жаркая труба аварийного лаза отделялась от столовой лишь декоративной переборкой, слабо приглушавшей звуки. Слышно было, как стучат по мискам ложки, выскребая пищевую пасту; кто-то отдувался, изображая, что сыт; и кашлял простуженный Киро. Где-то поблизости урчал насос — Петра качала воду для мытья посуды. Народ принимал пищу по-деловому: ни лишнего гвалта, ни угрозы неповиновения, как было

утром, когда дикий Дэйв едва не вздумал огрызнуться. Стефан был рад, что не рискнул распорядиться уменьшить обеденные порции, как предполагал вначале. Деготь мало способствует усвоению меда. Они хотят праздника? Будет им праздник.

— Как ты сказал?

Быстрый горячий шепот терзал ухо. Невидимый в темноте мальчишка торопился: отлучка не должна быть чересчур продолжительной. И без того что-то подозревают, хотя вряд ли додумались сунуть «жучка» в аварийный лаз. Когда дело дойдет до разборки, капитан не сможет обеспечить безопасность информатора — даже если предположить, что он специально задастся такой странной целью. Вслух об этом не говорилось, но оба это понимали.

— Повтори еще раз, — шепотом приказал Стефан.

Вслушиваясь в ответный шепот, он потел и кусал губы. Эти мерзавцы выдумали план, который должен был сработать. Может быть, стоит назначить Ронду заместителем по строительству, а Илью перевести к ней в подчинение — пусть-ка сцепятся... Это надо обмозговать. Нет, но каков Илья! Какова идея! За одно это его следовало бы втоптать либо возвысить. «Ма-хер» был бы в их руках уже сегодня, и вовсе незачем кидаться на меня скопом, глупо это и ненадежно, достаточно, чтобы какой-нибудь маломерный малец, хотя бы вот этот шепелявый, спрятался, пользуясь толчейей, в каюте... десять против одного, что мне не пришлось бы в голову обшарить стенные шкафы...

Вот, значит, как.

Людвиг отказался. Медлительный умный тяжело-дум нашел единственно возможную причину отказа. Несомненно, они договорились ждать Питера. Еще несколько дней имеет смысл его ждать.

Ай да Людвиг!.. Стефан сидел, скорчившись в лазе в три погребели, и тихо киснул от совершенно неумест-

ного, дурацкого смеха. Нет, что хотите говорите о Людвиге — а есть в нем что-то Настоящее — и только так, с большой буквы! — чего нет ни в ком, даже в Маргарет. Пусть нет у него настоящего ума и никогда не было — он и не нужен тому, кто может вот так — кожей — почувствовать неладное в желаемом. Ай да фрукт этот Людвиг! Жаль, что не друг и другом не станет.

— Погоди, погоди... Так-таки и сказал: «Мы без него перегрыземся на следующий день»? Не врешь?

— Стану я врать...

— Хорошо, — сказал Стефан, отсмеявшись. — Спасибо. Пирожное за мной.

— Два, — нахально сказал мальчишка.

В темноте казалось, будто он улыбается.

— А что еще?

— Дежурить днем, не ночью...

— А еще? — вкрадчиво спросил Стефан.

— Хватит...

— Ты и ночью на дежурстве спишь. Зачем тебе день? Чтобы не работать? Между прочим, ты не боишься, что они догадаются?

— Сделай, чтобы не догадались, — возразил мальчишка.

Вдруг захотелось его ударить.

— Я подумаю. Иди.

По направлению к выходу из лаза зашуршало. Стефан мог бы поклясться, что мальчишка и теперь ухмыляется, щерится черным провалом, в котором не хватает четырех передних зубов. Он вспомнил, как испугался, когда утром у частокола Маркус оказался у него за спиной — гибкий хищный зверек, готовый к прыжку... «Неужели это я его таким сделал? — с сомнением подумал Стефан. — Таким, что он уже не ощущает, кто он есть, для него это естественно... Нет, не я. Я не мог. Подлец ведь, гаденыш — и нашим, и

вашим... Нельзя верить — ударит исподтишка. Платный информатор... Полезный, в общем-то, человек, нужный».

— Стой, — сказал Стефан, и Маркус остановился.

«Разве он не понимает сам, насколько это унижительно — таиться от всех, прятаться, как вор... Хм. Откуда мне знать, что он вообще понимает. Может быть, давно пора въявь завести собственную полицию, чтобы не слюнявить в ухо сплетни? Да только где я найду для нее столько пирожных?»

— Нет, ничего. Иди.

19

— Смотри-ка, — сказала добрая великанша, распутив кокон, — совсем сухой.

Джекоб тут же исправил это упущение. Услышав «ну, вот», он не огорчился. Всякому действию свое время. Сегодня он наконец сумел справиться с управлением своим мочевым пузырем и был удовлетворен первым успехом. Если существовать, не учась ничему новому, — зачем вообще существовать?

— Ну и крик! — заметил Главный великан. — А еще говорят, вредно здесь жить. Вон какие легкие.

Добрая великанша пеленала Джекоба в сухое. Джекоб сопротивлялся, как мог. Он не хотел в кокон.

— Молока ему давали?

— Только что. А что осталось, то прокипятила. Не скиснет.

Прежде чем Главный великан вновь раскрыл рот, Джекоб уже знал, о чем он спросит и что добрая великанша ответит.

Маргарет рассмеялась.

— Нет, кипяченое ему не вредно. Кто из нас врач — я или ты?

— Он так и будет орать? — спросил Стефан.

— Газы, наверное, — сказала Маргарет. — Ты не видел трубочку? Где-то тут была.

В ответ Джекоб выдал такой рев, что Маргарет, покачав головой, быстро закончила пеленание.

— Нашел, — сказал Стефан. — Под книгой лежала.

— Уже не нужно, — задумчиво проговорила Маргарет. — Знаешь, по-моему, это не газы. Не пойму, что с ним творится. Всегда такой спокойный... как будто задумчивый. Ведь не плачет, а просто орет. У меня сейчас было ощущение, что он вот-вот заговорит. У тебя не было?

— С чего бы?

— Смешно, конечно, — Маргарет тряхнула головой, убирая прядь волос со лба, — но мне иногда кажется, будто ему есть что нам сказать. Или, может быть, предупредить о чем-то, я не знаю. Вдруг он умнее нас с тобой? Или что-то чувствует, чего не чувствуем мы, только сказать не может? Ты не смотри на меня так, я еще в своем уме. Мне только иногда так кажется. Нормальный, крепкий младенец, просто на редкость здоровый, сытый, сухой... А ведь что-то ему не нравится.

— Ты ему поползать дай, — предложил Стефан.

— Он не хочет ползать, — возразила Маргарет. — Я знаю, когда он хочет.

— Тогда погремушку.

— Ты поаккуратнее с трубочкой, она у нас последняя. Дай-ка ее сюда... Не нужны ему ни погремушки, ни кубики, то-то и оно. Не интересуется. Я иногда думаю, сколько ему на самом деле: три месяца или...

— Старая больная тема, — улыбнулся Стефан. — В тринадцать тебе положено гонять в футбол, дерзить хаму учителю, драться за углом школы и тайком смот-

реть порно. Это мы проходили. А если тебе за пятьдесят, ты должен выглядеть респектабельно, читать солидные газеты, нянчиться с внуками, коли они есть, и дважды в неделю играть в теннис. Вот только никто не знает, что делать, если тебе тринадцать и пятьдесят три одновременно.

— Ты знаешь, — тихо сказала Маргарет.

— Ничего я не знаю!

— Ну вот, наконец-то сам сказал. Хорошо, что Джекоб кричит, не слышат нас... От нашей серьезности иногда тошнит. И от легкомыслия тоже. Кто мы: дети, играющие во взрослых, или взрослые, играющие в детей? Если бы мы столкнулись просто с гипофизарной карликовостью, я бы знала, что делать. А так? Мне еще предстоит стать педиатром-геронтологом. Что дальше? Кто-нибудь подумал о том, что с нами будет? Через десять лет, через тридцать. А думать надо тебе, от тебя этого ждут...

— У нас общество, — сказал Стефан. — Плохое или хорошее, но общество. Это главное.

— Ты просто не хочешь об этом думать, — возразила Маргарет. — Представляешь, что будет, если к нам когда-нибудь прилетят? Им же станет неловко за нас, когда они увидят, понимаешь? А нам будет стыдно.

— Мне не будет стыдно. Мы сохранили себя. Нас двадцать семь. За сорок лет мы потеряли всего троих: два несчастных случая и одна саркома. Не моя вина! Мы сделали все, что могли. Мы строили!

Маргарет покачала головой.

— А хотят ли они строить? Ты их спросил? Большинство хочет просто жить, а ты их заставил строить, да к тому же по своему проекту. Поэтому тебя ненавидят и ты боишься Питера...

— Я не боюсь!

— Боишься, и это нормально. Питер же сильнее тебя.

— Я сильнее! Я капитан!

Против воли сжались кулаки, кровь прихлынула к лицу. Наказать! Лишить! В медотсек под замок, в карцер! На торф! Если бы только это был кто-то другой, не Маргарет...

Он очнулся оттого, что прохладная ладонь легла на лоб. Маргарет, придвинувшись, гладила его, шептала: «Успокойся, ну успокойся, пожалуйста, ты капитан, ты...» Она еще что-то говорила, но Стефан улавливал лишь интонацию, они были одного роста, тело Маргарет было теплым, хотелось его обнять, и тут же, как назло, нахлынуло воспоминание о давнем, неудачном и стыдном, а Маргарет, что-то почувствовав, отстранилась и стала чужой. Джекоб орал. Почему, ну почему, с тоской подумал Стефан. За что? Ни одному взрослому не понять, что это такое — оставаться ребенком всю долгую жизнь... как замаринованный в грибе червяк; срок хранения не вечный, но очень большой. Будь мы половозрелыми особями четырнадцати лет, нас давно бы не стало, этому есть обоснование, но на что мне нужно какое бы то ни было обоснование? Интересно, а как с этим у других? Не знаю, не бегал я за ними по кустам, а, наверно, следовало...

— Ты в порядке? — озабоченно спросила Маргарет.

— Да. — Голос Стефана стал хриплым. Он откашлялся в кулак. — Ты не беспокойся, я в форме. Это я только с тобой так. Понимаешь, навалилось что-то такое... Только что говорил с одним — убить хотелось. Испугался даже.

— Примешь успокоительное? Массаж, гипноз?

Стефан помотал головой:

— Не надо.

— А знаешь, я их понимаю, — сказала Маргарет. — Тоже ведь вкалываю как каторжная: то зубы лечить, то простуды, то ногу себе рассадят драгой... И Джекоб на мне, и Абби, а за ней все выносить надо, как за малень-

кой. Вчера в волосы мне вцепилась. Ты не подумай, я не жалею. А только вечером валюсь спать и завывать хочется: когда же все это кончится...

— Еще не скоро.

— А вдруг Питер вернется сегодня? Ты в себе уверен?

— Ничего у него не выйдет, — сказал Стефан. — Сегодня праздник. Пирожные, фейерверк и все такое. Им будет не до того.

— Политика карнавалов, — понимающе присвистнула Маргарет. — А знаешь, это уже было, не то у Борджиа, не то у Медичи. Вечный прием всех прогнивших режимов.

— Что-о?

— Нет-нет, ты не сердись. Я ведь не насмехаюсь, я одобряю. Это ты хорошо придумал. Боюсь только, что поздно.

— В самый раз.

— Разве? По-моему, ты уже отбыл три или четыре своих срока. В маленьком обществе естественные процессы должны идти быстрее, чем в большом, — они и идут...

— Вот только социолога мне здесь не хватало!

— А может, и вправду не хватало? — спросила Маргарет.

Стефан прищурился.

— Что-то я не пойму: чего ты от меня ждешь?

— Не знаю, — призналась Маргарет. — А знала бы, что делать, была бы капитаном. Вот так вот.

— Да ну?

— Ладно, пусть не капитаном... Я ведь не сумею. А только я вот что думаю: либо власть творит насилие сама, либо своим бездействием допускает, чтобы насилие творил кто-то другой. Разве когда-нибудь было иначе? Я хочу, чтобы ты помнил это и никогда не забывал. Ради меня, ради нас всех, ради вот Джекоба...

Джекоб охрип. Все было бесполезно, все зря, напрасный труд. Его крик не дошел до ума великанов, как не дошло и предупреждение об опасности. Трудно разговаривать с глухими от рождения, выросшими среди глухих. Они так ничего и не поняли, и Джекоб, задыхаясь от безнадежности, оставил дальнейшие попытки.

Ему было очень жаль себя.

20

Ветер дул в корму и чуть вбок, так что Питеру приходилось подруливать веслом, в то время как Вера пыталась приноровить парус к капризному ветру. Заплатанный кливер полоскало. Ветер еще срывался шкваликами с дальних мысов, морщил гармошкой темную воду, но уже заметно стихал, уже сдавался, а небо, как в насмешку, было голубое, глубокое, как озеро, и бело-желтое солнце, пройдя зенит и примериваясь к спуску за холмы, врал о мире и спокойствии. Второй час лодка шла под парусом. Западный берег отдалился и потускнел, поглотил острова, вызубрился щеточкой леса на холмах, а восточный, плоский, увенчанный черной башней корабля, как будто ничуть не приблизился, словно был не берегом, а насмехающимся миражем. Зрение обманывало. Лодка двигалась еле-еле, но она двигалась.

Перед последним броском через озеро они причалили к оконечности гранитного мыса. Питер не позволил отдыхать больше пяти минут. Вера повалилась на камень. Йорис скулил, что устал, хотя устали все, а когда его успокоили, сказав, что грести больше не придется, начал ныть, что хочет есть. Питер побродил у воды, лижущей серые камни, но сосулек тут не было.

Его немного мутило, от голода кружилась голова, и сердце временами принималось стучать, как сумасшедшее. Ничего... Уже скоро. В лагере этот хлюпик забудет о своем позоре, начнет пространно и снисходительно отвечать на вопросы и всюю распавлинит перья — грудь колесом, хвост зенитной пушкой. Достаточно не напоминать о его нытье — и он по гроб будет благодарен тому, кто впервые в жизни дал ему почувствовать себя мужчиной — не штатной единицей в хозяйстве Стефана...

— Интересно, они нас видят? — спросила Вера.

Парус хлопнул. Вера вцепилась в шкот, пытаясь поймать угасающий шквалик. Питер осторожно развернул в воде лопасть весла. Парус на мгновение надулся и вновь вяло заполоскал. Шквалик стих.

— Вряд ли. Смотри, где солнце. Им блики мешают.

— А в оптику? Со светофильтрами?

— В оптику — да. Так ведь надо знать, что мы возвращаемся, специально высматривать. Кому это надо — Лоренцу?

— Там не один Лоренц!

— Ты бы потише, — предостерег Питер. — Он чуткий.

— Лоренц? — натянуто пошутила Вера.

— Плевать мне на Лоренца.

Еще час плыли молча, лишь в носовом отсеке шевелился Йорис, которому было жестко сидеть, да Вера временами тихонько охала, потревожив руку. Парус еще не совсем обвис; едва заметный ветерок все-таки подталкивал лодку.

На середине озера зыбь разгладилась, спокойная вода казалась еще более темной и как будто маслянистой. Питер часто оглядывался — смотрел на след за кормой. Теперь он жалел, что не пошли берегом. Где бы ни был водяной слон, вряд ли он еще не почуял добычу. Скоро ветер совсем стихнет, а через два-три часа начнет тем-

нет. Быть может, перед самым закатом ненадолго заду-ет опять, а ночь будет тихая, отвратительная пустая ночь под ясным небом без луны и звезд, с далеким бесполезным светляком фонаря на тупом носу «Декарта»... В такие ночи на озере иногда возникают странные течения, поднимающие на поверхность фосфоресцирующий ил. Незаметные днем, они способны за ночь отнести лодку куда им вздумается.

Что толку в дальних прогнозах. Водяному слону понадобится куда меньше времени, чтобы пересечь озеро в любом направлении. Рано или поздно, и скорее рано, чем поздно, придется рискнуть и взяться за весла. Нет ничего глупее, чем быть сожранным в двух шагах от цели.

Питеру случалось видеть водяного слона и в ста, и в тридцати шагах от лодки. Отчаянный Дэйв, лучший пловец в лагере, единственный из всех рисковавший заплывать на глубину, однажды был атакован и сумел спастись. Правда, озеро штормило, а в шторм водяной слон плохо чувствует добычу. Да и часовой на башне не подвел — Стефан потом наказал его за расход стрел.

Питер знал, кто виноват. Фляжка с темной жидкостью из не приметной ложины за водоразделом, где в круглых ямах чавкает и шевелится горячая грязь, а нефть сама выбулькивает из земли, где не растет даже лишайник и трудно дышится, — эта фляжка лишила его ума. Он все же нашел то, ради чего стоило затевать бесчисленные экспедиции — рано или поздно это должно было случиться. Он непростительно ошибся, поверив в свою счастливую звезду. Но фляжка была не виновата.

«А ведь, пожалуй, кое-кому там, в лагере, придется кисло, если мы не вернемся...»

Он поймал себя на том, что едва не высказал эту мысль вслух. Нельзя. Не мысль даже — мыслишка.

Глупая, ненужная. Нет хуже, чем дожидаться: что-то такое теряется там, внутри, неуловимое, очень важное, без чего нельзя жить, а то превратишься в Йориса. Лучше не жить, чем дрожать.

— А вдруг он умер? — ни с того ни с сего сказал Йорис.

— Кто?

— Ну слон... Он ведь живой. Он ведь может когда-нибудь умереть просто так, от старости?

— А вдруг за нами с Земли прилетят? — серьезно сказал Питер. — Ты бы лучше на себя надеялся. И на нас вот с Верой.

— Умер-шмумер, — фыркнула Вера. Она бодрилась.

Парус вяло шевельнулся и повис тряпкой. Брошенная в воду щепка уплывала назад так медленно, что, глядя на нее, хотелось плакать. Прошло полчаса, прежде чем она скрылась из виду.

Солнце спустилось ниже; в воздухе посвежело. Восточный берег, казалось, стал ближе к лодке, чем западный. А может быть, только казалось.

От неподвижного сидения ныли кости.

— Тихо! — сказал Питер.

Он с бесконечной осторожностью вынул весло из воды. Стало слышно, как с изогнутой лопасти срываются капли.

— Он где-то здесь.

— Ты его чувствуешь? — шепнула Вера. Она ничего не чувствовала, кроме тупой боли в руке, и вертела головой, оглядывая воду.

— Я не чувствую. Я знаю.

— Под нами?

— Нет... Бродит.

Весло уже лежало на дне лодки, и Питер сжимал пику. Медленно-медленно лодку разворачивало носом на юг. В полном молчании текли минуты. Неожиданно Йорис громко всхлипнул.

— Тихо, ты!

В пятидесяти метрах правее лодки поверхность озера плавно всколыхнулась. Словно громадный невидимый поршень толкнул воду так, что она вспучилась гладким горбом, против ожидания, продержавшись на поверхности несколько секунд. Затем бугор исчез, оставив разбегающиеся круги, и вновь появился слева от лодки. На этот раз он вынырнул ближе и долго оставался неподвижен. Окраска его медленно менялась от бурой до бесцветной.

— Дай нож, — деревянным голосом попросила Вера.

— В мешке под тобой.

Он был бы совсем не страшен, этот горб, или бугор, если бы Питер не знал истинных размеров водяного слона. Иногда он вот так выставляет напоказ краешек одной из псевдоподий, как бы присматриваясь к добыче с холодным любопытством, но это лишь так кажется, потому что хозяин озера не способен видеть. Затем он скорее всего начнет кружить вокруг лодки, по-акульи сужая круги. Может не напасть вовсе, и такой случай был, а может атаковать сразу, жадно и прямолинейно, нахрапом бросаясь на добычу. Это самое опасное. Питер вспомнил категорическое утверждение Маргарет, высказанное в давнем споре: поведение-де примитивного животного всегда жестко запрограммировано и не меняется со временем. Питер усмехнулся: Маргарет глупа. Если бы шли на веслах, слон давно бы уже обнаружил и опрокинул лодку, зато если бы на пороге не попортили днище, возможно, удалось бы спокойно переплыть озеро даже в штиль — вот и все, что о водяном слоне можно сказать наверняка.

Горб стал совсем бесцветным. Стеклянная вода покрывала его тонкой пленкой. Неожиданно горб без всплеска ушел под воду. Осталась лишь рябь на воде, медленно удаляющаяся прочь от лодки. Наконец исчезла и она.

— Ушел... — шепотом сказала Вера. — Ведь правда, ушел?

Питер отрицательно покачал головой.

— Он пытается понять, что мы такое.

— Он не может понимать, — неестественным голосом заявил Йорис. Губы его дрожали. — У него нет мозга.

— Что-то такое, наверное, есть... Берегись!

Питер ударил пикой. Лодку качнуло — водяной слон ушел на глубину.

— Весло! — крикнул Питер.

Он уже греб, а Йорис, помешкав, засуетился и, сунув весло в воду, едва не уронил за борт. Питер что-то прорычал сквозь зубы. Лодка неслась вперед, легко раздвигая воду. Нужно было рискнуть раньше, подумал Питер. Всего час такой гребли, даже полчаса, если удастся выдержать темп, — а там прибрежное мелководье, слон не сунется...

— Йорис, не части! Вера, парус!

Торопясь, Вера спустила кливер, выгнувшийся назад от встречного ветра. Она пыталась подгрести рукой, пока Питер не прикрикнул на нее, чтобы не кренила лодку. Быстрее! Быстрее! Вера закусила губу. Существует то, что можно, и то, чего нельзя, что запрещено древней памятью жизни, трепещущей в каждом кусочке плоти, от миллионов поколений бессмысленных тварей, от первых студенистых комочков на дне мелководных лагун, от червей и панцирных рыб — ползающих, роющихся в иле, жрущих и прячущихся, чтобы в свою очередь не быть сожранными, потому что это-то и есть самое страшное. Можно погибнуть от голода, сгинуть в болоте, поскользнуться на краю сторожевой площадки донжона и сорваться с криком, но нельзя смириться, представив себя в пищеварительной вакуоли гигантской амебы, мерзкого создания полумертвой планеты... Ну же! Быстрее!

— Догонит? — спросила она, обернувшись.

Питер кивнул между двумя взмахами. Жаль, что Питер никогда не врет... Вера прекрасно понимала: догонит. Эта тварь принимает в воде любую форму и невероятно сильна. Но сейчас как никогда хотелось услышать обратное.

— Стоп! — выдохнул Питер.

Лодка, вильнув, ушла вбок. По волновому следу было хорошо видно, как там, где она только что была, прошло под водой громоздкое тело. Гораздо быстрее, чем лодка.

— Мало тебе? — злобно сказал Питер. — Еще захотел?

В десяти шагах от лодки из воды с шумом поднялся бугор и с шумом исчез. Лодку закачало на волнах.

— Влипли, — хриплым и низким голосом проговорила Вера. — Господи, как влипли...

— Ты хорошо плаваешь?

— А какой смысл? — Веру передернуло.

— Я тебя спросил о чем-то, — напомнил Питер. Раскорячив ноги, он попытался привстать, пристально вглядываясь во что-то впереди.

— Наверно, плаваю... Меня когда-то папа учил — там еще, на Земле... Море помню, ласты...

— В километре от берега есть островок, его отсюда не видно. Крохотный такой, низкий; когда сильные дожди, его вообще затапливает. По идее, сейчас он прямо по курсу. Если нас опрокинет, бери на палец правее башни и жми что есть силы.

— Ничего другого нельзя сделать? — спросила Вера. Питер дернул щекой.

— Драться можно. Или молиться. Ни то, ни другое не поможет.

— А плыть — поможет?

— Слон не кинется на всех сразу, — сказал Питер. — Возможно, один из нас имеет шанс.

Вера покачала головой:

- Холодно, ногу сведет. И я вообще так не хочу.
— Дура! — тонким голосом крикнул Йорис и всхлипнул. — А он тебя спросит, хочешь ты или нет?
— Сам дурак! Трус!
— Тише, вы... Жить надоело?
— Дура конопатая!
— Трус! Трус! Проверь — штаны сухие?
— Тихо, я сказал!
— Бей!..

Лодка накренилась рывком — слон атаковал снизу. Большое, нечеловеческое, прозрачное, скрывающее в себе серые, как пищевая паста, мутные комки, ворочалось под килем, пучилось, выдавливая лодку из воды. Потеряв равновесие, коротко вскрикнула Вера, ударившаяся о шпангоут больной рукой. Взвизгнул Йорис. Опасно перегнувшись через борт, Питер прыгнул пикой взбаламученную воду — раз, другой... На третьем ударе рвануло так, что пику едва не выдернуло из рук, но слон все же отступил, ушел на дно, лишь вода рябила и пузырилась там, где он погрузился — на целую минуту, а если очень повезет, то и на две.

— Весло!.. — скомандовал Питер.

21

- Потри-ка мне спину, — сказал Илья.
Дэйв шлепнул его мочалкой по спине и начал тереть.
— Легче! Легче! Озверел!
Дэйв выругался.
— Хорош банный день, — сказал Маркус. — Мыла нет, горячей воды нет. Песочком потереть кого-нибудь? Людвиг опрокинул на себя ушат воды.
— Все-таки чуть теплая... Что ты хочешь от сырого торфа? Я еще когда говорил: нужно от котла трубы прове-

сти, чтобы теплообменник был в башне. Тогда была бы горячая. И синтезатор работает все хуже. Откуда мыло?

— У Лоренца небось есть. Только он не моется.

Кто-то прыснул.

— Он моется по ночам, — возразил Уве. — За «ма-хер» свой дрожит. Так при кобуре и стоит под душем — себя трет и кобуру надраивает...

— Хе-е...

— Кто полотенце взял? Здесь висело.

— И из пасти у него воняет, как из...

— Зубы гнилые, оттого и бесится. Все болезни от зубов.

— Кстати, о душе. Моя очередь.

— Моя!

— Протри глаза. За Дэйвом я занимал, потом Кири. А тебя здесь вообще не было.

— Чего-о?

— Ничего. Давно в глаз не получал?

— Эй! Эй! Этого не хватало!

— У кого мое полотенце?

— Людвиг, ты правильный тевтон. Чья сейчас очередь?

— Запереть Лоренца снаружи, пускай в обнимку с кобурой посидит здесь суток двое-трое, умнее станет...

— Да он дверь прожжет!

— А ты откуда знаешь, сколько у него зарядов? Может, правда, ни одного? А если два, так и на дверь хватит, и на тебя, умника, останется. В который раз об этом говорим. Надоело.

— Ладно вам, куда полотенце дели? Холодно же.

— Что?

— Да вот Пупырь полотенцем интересуется.

— Его вытереть никакого полотенца не хватит. Так высохнет.

— Совсем холодная пошла...

— А канючил-то как: с Питером, мол, хочу уйти! Сидел бы сейчас, деточка, в грязи по маковку и лапу сосал.

— Я не канючил!

— Нет, серьезно. Я сегодня целый день думаю, где они могут быть. Если разбили лодку, значит, идут берегом.

— Ха, берегом! Там болота бездонные!

— Положим, бездонных здесь не бывает. Вот за кряжем на юге — там да... Островки опять-таки, переночевать есть где. Мокроступы сделают, пройдут. От червей Питер отобьется. Он мне сам говорил, что дней за десять пройти можно. И потом, у них просто нет другого выхода.

— Это если лодку разбили... Ладно, ты не мели, ты предлагай. Что ты предлагаешь? Встречную экспедицию?

— Догадливый...

— Лоренц тебе устроит экспедицию! Торфа давно не нюхал — соскучился? Нужна его превосходительству экспедиция, как же! Он и Веру, и Йориса спишет со спокойной душой, лишь бы Питер не вернулся...

— А ты ему это в лицо скажи.

— Умный, да? Вот интересно: каждый ждет, что другой себя подставит, а не он. Только зря надеешься: все мы здесь такие умные.

— Заткнись, шкет, надоел. Нет, в самом деле, что вы все его боитесь? царь он вам? Бог?

— Люди вы или нет? Полотенце отдайте!

— Нет у него двух зарядов. Один — максимум...

ИНТЕРМЕЦЦО

Что-то давно меня не беспокоили.

С чего бы?

То, что он хулиган, я понял уже давно. Бывают радиохулиганы, бывают телефонные и всякие другие

прочие, а этот — темпоральный. Прогрессируют потомки...

Не беспокоит пока — и хорошо.

Их у меня двадцать семь — двадцать семь маленьких уродцев, взрослых детей, с которыми я могу сделать все, что захочу. Например, один раз ошибется Диего, и все потравятся. Или на лагерь нападет цалькат. Или Анджей-Пупырь со временем найдет способ экранироваться от излучения странного солнца, и тогда жизнь пойдет своим чередом и Стефан спустя несколько лет женится на Маргарет...

Почему бы нет?

Мне делается страшно оттого, что я хочу им помочь, всем вместе и каждому в отдельности, а особенно Джекобу — ему в первую очередь. Они ТАМ живут своей жизнью, и чем дальше, тем меньше у меня власти над ними, если не резать по живому тупым скальпелем. Что им от того, что они придуманы? Вся штука в том, что они уже давно ВЕДУТ себя сами, вдобавок я подозреваю, что некоторые из них умнее меня, автора. Как я это допустил — не знаю. Им теперь лучше видно, и они, как мне кажется, хорошо знают, что делают, а я все чаще ловлю себя на том, что не всегда ясно понимаю глубинную суть их поступков и слов. И мне, автору, страшно им помогать, потому что может выйти еще хуже...

Кого мне выслушать, если они попросят помощи: Питера? Стефана? Анджея?

Найдутся и такие, кто попросит себе еще одно пирожное. Не мне их осуждать.

Предоставить их самим себе? Придется...

Одно мне известно точно, а значит, быть посему: Питер, Йорис и Вера так или иначе доберутся до «Декарта», — а вот что случится после? Что-то ведь должно случиться. Какие события посыпятся на головы двадцати семи? Кто из двоих возьмет верх — Стефан

или Питер? А может быть, они помирятся? Хм... Что-то говорит мне, что нет. Ни за что. Напротив, очень может случиться так, что один из них убьет другого, сам или не сам, несмотря на мое обещание беречь героев. О, мои ребята могут многое! Если потребуется создать на планете ад, они обойдутся своими силами, без всяких цалькатов. Стоит лишь начать — и они примутся уничтожать друг друга с упоением, все более ошущая вкус к этому занятию. А может стать — во всяком случае, я на это надеюсь, — что за детьми прилетит спасательная экспедиция, и, вывезенные на Землю, они будут жить и стареть долго и счастливо.

22

Очередную атаку отбили легко — судя по всему, водяной слон лишь примеривался, как лучше взять добычу, и отступил, едва Питер уколол его. На этот раз он не ушел на глубину, а лишь отплыл на десяток шагов и сделал медленный-медленный круг вокруг лодки. Поверхность торчащего над водою горба быстро меняла цвет и странно волновалась, хлюпая и рябя воду.

— Сейчас опять кинется, — сказал Питер, перехватывая пику поудобнее.

— Может, ты его ранил? — с надеждой спросил Йорис. — Корежится-то как... Отвяжется, а?

— Жди, — процедил Питер, не отрывая взгляда от воды. — Это только поклевка была. Я ему и мембрану не пробил.

— Какую мембрану?

— Ну шкуру, — объяснила Вера. — Ее и стрелометом не возьмешь, разве что бластером...

— А я не тебя спрашиваю...

— Радуйся, что с тобой вообще разговаривают!

— Тихо, вы оба!

— А чего он такой дурак...

Желток солнца висел низко, угрожая задеть краем диска дальние холмы, чертил по воде дрожащую огненную дорожку. Как и предполагал Питер, перед закатом с запада повеяло слабым ветерком. В такое время в лагере и на болоте происходит оживление, люди работают больше для виду, нетерпеливо дожидаясь зеленого луча — сигнала к концу работы, если только Стефан не прикажет работать после заката. Скука смертная. Впрочем, сегодня праздник...

— Поставить парус? — спросила Вера.

— Без толку. Лучше проверь мешки — может, что осталось?

— Нет. Нож вот и фляжка.

Восточный берег был близко — простым глазом уже различалась неровная линия частокола вокруг башни. Вера кусала губы. Приступ восхищения Питером угас, хотя придумка была его, и придумка великолепная. Им удалось выиграть несколько минут отчаянной гребли — водяной слон позволил себя обмануть. Даже Йорис греб почти как надо, а Вера, развязав мешки, швыряла в воду все, что в них было, стараясь закинуть драгоценные вещи подальше от лодки — теплую одежду, запасную обувь, котелок... Дольше всего слон возился с одним из спальных мешков, никак не мог понять, что это такое. А на два других мешка не обратил внимания.

— Ну иди сюда, иди, — цедил Питер сквозь зубы. — Получил — и еще получишь...

Накренившись, лодка черпнула воду — водяной слон шел тараном в борт. И снова отступил, встретив удар пикой, и нехотя, почти лениво ушел под лодку. Вера тоже ударила ножом, но промахнулась.

— Сволочь...

— Опять на дно не ушел, — объявил Йорис, следя за водой. Его одолевала икота. — Он теперь не уйдет...

— Заткнись!

Лодку покачивало — движение в мертвой глубине выдавала зыбь, и медленно кружились ленивые водовороты. Диск светила расплющился о западный берег, поджег редколесье на двугорбом холме, плеснул по воде желтым огнем. Солнце напоследок смеялось над детьми, и смеялась вода.

— А что мы теряем? — гаркнул вдруг Питер. — В бога, в дьявола! Надоело! Йорис, весло! Йо-хо-о...

Вера кивнула в знак согласия, хотя никто ее одобрения не спрашивал. Питер лучше знает, что делать, но голос его наигранно-бодр, так только хуже, не надо бы этого... Она мельком оглянулась назад, где только что была лодка, а теперь вода бурлила и пенилась, выдавая движение хищника. Там зарождалась широкая волна — водяной слон, догоняя, шел под самой поверхностью, и нечем было отвлечь его от лодки. Что еще можно выбросить — нож? Весло, которое держит Йорис? Самого Йориса?

Это мысль, но Питер не допустит.

Фляжку?

Здоровой рукой Вера покрепче стиснула нож. Как тогда, на пороге, она неожиданно осознала, что ей вовсе не страшно, и удивилась этому, но рука все-таки дрожала. «Если он не отвяжется, я прыгну за борт, — подумала она. — Пусть я, а не Питер. Он должен вернуться».

Удар пришелся снизу в корму. Вера слышала, как позади загремело упавшее весло и зарычал Питер, вцепившийся в транец, чтобы не вылететь из вставшей дыбом лодки, как длинно и страшно закричал Йорис, когда нос погрузился и в лодку хлынула вода. Ей показалось странным, что лодка еще держится на плаву, но вот корма с оглушительным шлепком ухнула вниз — прямо на

упругое, шевелящееся, мягко-податливое. Холодная вода окатила Веру до пояса. Лодка тяжело ворочалась с борта на борт, черпая воду, кренясь все сильнее с каждым размахом — водяной слон держал цепко, пытался обтечь и поглотить, теперь не выпустит... Сзади невнятно рычал Питер, орудуя пикой. Снова нечеловечески тонко взвизгнул Йорис: «Уйди! Уйди, студень, жаба!» Он бестолково колотил веслом по воде, словно в этом было спасение.

Вера ждала. Когда справа над бортом вырос прозрачный горб, она дважды ударила ножом, но слон не отступил, а лишь попытался схватить руку, и сейчас же слева поднялся и загнулся внутрь лодки второй горб. Лодку положило на бок. Как ни странно, она выправилась, до половины залитая водой, и встала на ровный киль.

Вера бросила нож, и он булькнул на дно лодки. В воде, заливающей кокпит, покачивались щепки, мусор и всплывшая фляжка.

— Нет!.. — крикнул Питер.

Удар в днище.

Пробка не шла, и пальцы плохо слушались — детские пальцы немолодой женщины, потрескавшиеся, стертые, кровоточащие...

Удар.

— Не смей!

— Да! — крикнула Вера. — Да!

Удар. Лодку подбросило и закружило волчком.

— Гад, пику выдернул... Мне!.. Я сам!

23

Отсюда лагерь казался совсем крошечным, но те, кто остался внизу, в недвижимом ожидании обратив кверху пятна лиц, были еще крошечней — как точки.

Как муравьи, впавшие в летаргию с наступлением холодов. Как ничто. Их всех можно было прикрыть одной ладонью — защитить или, может быть, наоборот. Нельзя лишь было забыть об их существовании.

Краешек солнца был еще виден, а ярко-жгучая полоса уже пробежала по воде, поиграла на прибрежных камнях и, перемахнув частокол, залила гранит, на мгновение ослепив нестерпимой мертвенной зеленью. Стефан шепотом выругался. Когда-то этой серой скале давали поэтические прозвища — Порт Зеленого Луча например, и название не прижилось, потому что дали его взрослые. Еще того лучше — Берег Летящих Лепестков... Дня через два после посадки ветром с востока принесло кружащуюся тучу алых чешуек размером в ноготь, усеявших прибрежный гранит, — то ли взаправду лепестков неизвестных цветов, то ли сброшенных крылышек мигрирующих насекомых. Вряд ли у взрослых хватило времени и желания разобраться, что это такое — первая смерть посетила лагерь уже через неделю, — но зрелище алого вихря, наверное, было феерическое. С тех пор оно ни разу не повторилось, мало-помалу начало забываться, обросло фантастическими додумками, и Стефан совсем не помнил его, сколько ни напрягал память, но в бортовом журнале рука Бруно Лоренца отметила необыкновенную красоту явления, а значит, так оно и было.

Зеленый луч полз вверх по башне, и, наверно, множество ждущих глаз из полутьмы внизу следило за ним, томясь и предвкушая, но Стефан больше не смотрел на муравьев. Он уберег глаза, когда луч добрался до площадки, и лишь только угас неистовый режущий свет, запустил первую ракету. Один за другим четыре огненных хвоста взвились в небо и лопнули, осветив лагерь под вопли восторга снизу. Стефан рассчитывал на пять, но пятый патрон лишь зашипел, словно в картонной гильзе поселилась гадюка, и не сработал.

Старье, скисло... Стефан пинком отшвырнул патрон к противоположному краю площадки — не долетев, тот укатился в люк и загремел по ступеням трапа. Четыре шара висели в небе — два красных, два желтых. Снижаясь, один из красных попал под зеленый луч, и желтых стало три. Внизу заулюлюкали. Ничего, сойдет. И этого более чем достаточно. Если на каждый день рождения тратить сигнальные ракеты, их не хватит и на год.

Он спустился вниз, до звонкого щелчка задвинув за собой люк, оставив над головой опустевшую площадку, хотя была очередь Дэйва, а с середины ночи на дежурство должен был заступить Уве. Снимая Дэйва с поста, Стефан понимал, что рискует, создавая опасный прецедент. Как тогда... после отмены утреннего развода на работы пришлось круто доказывать, что снисходительность — еще не слабость. Тогда они в первый раз попытались наброситься. Пусть. Сегодня — праздник. Трудно заранее сказать, что в конце концов окажется опаснее, а так удалось хоть немного разрядить нервозность. О том, что ночной часовой не нужен, Стефан знал не хуже других. Даже вонючие гарпии, активно кормящиеся в темноте, не собираются ночью в стаи, а одиночкам на людей начхать, они ищут падаль или, барражируя над болотом, высматривают молодь трясиновых черепах. От одной общей тревоги до другой проходят не дни — месяцы и годы, и тревоги чаще всего оказываются ложными. Полон лес трухлявых костей — вот вам вся фауна. Нелепо отрицать правоту Киро: цалькат, убивший беднягу Ансельмо, скорее всего был реликтом, по какой-то случайности зажившимся дольше своих сородичей...

Глупцы! Кроме Людвиг, никто не способен понять, почему ночные дежурства, назначенные с перепугу, нельзя много лет спустя отменить простым приказом. Это все равно что отменить рассвет или закат...

Они думают, Стефан все может себе позволить, как всякий порядочный самодур с диктаторскими замашками. Нет, милые мои. Ошибаетесь. Он может только то, против чего вы не посмеете возразить, и с каждым годом он может все меньше и меньше, не потому, что он такое же ничтожество, как вы сами, а потому, что иначе придется убивать. Нет ничего опаснее, чем ломать привычные устои, но в эту ночь дежурства не будет — можете радоваться, любители выбивать подпорки из-под себя...

В капитанской каюте был порядок — на этот раз Стефан осмотрел ее гораздо тщательней обычного. Новое сигнальное приспособление действовало, контрольные волоски висели на местах. В каюту никто не наведывался — не решился либо не смог. Это было правильно, так и должно было быть, еще вчера это удовлетворило бы вполне, но сегодня Стефан ощущал неясное беспокойство. Так нетрудно сделаться параноиком, подумал он с неудовольствием. Или они умнее, чем я думаю? Вряд ли...

Он отпер сейф и некоторое время колебался, разглядывая бутылку. Она была чуть заметно початая, с восстановленной наклейкой поперек пробки, прозрачного тонированного стекла, подчеркивающего благородный цвет напитка. Выдержанный отцовский коньяк, по случайности не обнаруженный пассажирами во время пьяного бунта, прозябал в небрежении. Выдать, что ли, по наперстку? Между прочим, чистейший яд: пятьдесят миллилитров — смертельная доза для какой-нибудь Юты... Поразмыслив, Стефан аккуратно запер дверцу. Обойдутся. Узнав о существовании бутылки, они могут прийти к выводу о существовании тайника продовольствия.

Он надел парадный капитанский китель, специально перешитый для него Зоей. Когда-то швее пришлось здорово потрудиться, зато результат того стоил.

Нигде не морщило, не тянуло, не висело балахоном, и вид был внушительный. Оглядев себя в зеркало, Стефан удовлетворенно прищелкнул языком.

— Ладно, — сказал он вслух. — Пойдем раздавать пряники.

Еще издали он услышал шум — то ли в кают-компании веселились, не слишком-то устав после куцевого рабочего дня, то ли Дэйв опять правил кому-то прикус. Стефан ускорил шаги. Взрыв хохота успокоил его: не дерутся. Празднуют. Грубые развлечения плебса. Что у них там на этот раз — плевки на дальность? Чемпионат по доставанию носа кончиком языка? Вот и чудесно.

...Кто-то восторженно хлопал в ладоши, кто-то возмущенно пищал, что ему застыт, и тянул шею, кто-то прыскал; улыбался Фукуда, и хрюкал довольный Анджей-Пупырь, малыши самозабвенно путались под ногами, а на приготовленном для праздничного ужина столе посреди кают-компании мелким чертиком вертелся Диего. Кулаки его были плотно сжаты, остановившийся безумный взгляд впивался в пространство так, словно хотел его высосать.

— Итак, — прошуршал он противным суконным голосом, вслед за чем последовал новый взрыв смеха, — кто из вас способен на элементарное: определить, в какой руке находится гайка? А? Я вас всех внимательно выслушаю, и каждый получит свое. Что еще за смех? Ты, Киро. В левой? Врешь — на торф. Завтра и бессрочно. Маркус, ты! Ни в какой? Поговори еще у меня!.. — Гомункулус брызнул слюной и цапнул несуществующую кобуру, отчего смех зрителей перешел в тихий вой. — Кто сказал — в кармане? В чем кармане? Кому держать шире? Цыц! Хозяин кармана пусть явится до отбоя для наложения взыскания. Завтра же зашить всем карманы и на торф! Алле-оп! — Диего на миг показал пустые ладони и вдруг, сорвав аплодисменты, извлек гайку из-

за уха Людвига. — Та самая? То-то же, бездельники! Кррру-у-гом! К приему пищи — га-а-а-товсь!..

Маргарет — и та ухмылялась. А хорошо пародирует паяц, подумал Стефан, кусая губы. Вон как ржут. Шута, пожалуй, придется простить — талантлив. Пыжится слишком, правда, переигрывает, да и голос подкачал — не капитанский совсем, ни за что не поверю, что у меня такой голос...

— Ой! — сказал кто-то.

Смех будто выключили. Сначала одно, затем и другие лица повернулись к двери. Диего бочком слез со стола. Слышно было, как в заднем ряду смущенно покашливают, шмыгают и переминаются с ноги на ногу.

— Что же вы? — сказал, входя, Стефан. — Веселитесь, я же не против. И я с вами повеселюсь. Не возражаете? А, Петра? Не возражаешь?

— Нет. — Петра несмело улыбнулась.

— Ну и отлично! Что у нас в программе — фокусы? А, Диего? Покажи нам что-нибудь.

Произошло бестолковое движение — из переднего ряда в задний жирной спиной вперед пробирался Анджей. Его с ожесточением выпихивали обратно. Диего озадаченно поковырял пальцем в носу.

— А что я? Я уже...

— Что — уже?

— Уже все показал.

— Да?

— Да.

Молчание. Сопение Анджея.

— Петра! — сказал Стефан. — Я и мы все... мы поздравляем тебя с... с седьмым годом рождения. С днем рождения, я хотел сказать. Желаем тебе счастья.

— Спасибо...

Стефан поколебался.

— Можешь завтра не работать. Извини, мне больше нечего тебе подарить.

— Спасибо...

Пауза. Одиночество в толпе.

— А что все такие кислые? Хороним кого-нибудь?
Молчание.

— Что же вы так, — укорил Стефан, давя в себе поднимающийся гнев. — Весело же было... А хотите байку? Была такая сельскохозяйственная планета — Рапсодия. На ней выращивали рапс. Однажды толпа крестьян вешала на дереве предполагаемого конокрада. Обвиняемый, естественно, брыкался и отрицал. Случайный свидетель кражи кобылы вспомнил, что у вора не было левой руки, тогда как у казнимого все конечности имелись в наличии. После чего обвиняемый был-таки повешен.

— За что? — одиноко поддержала Маргарет.

— Он был повешен, затем снят, приведен в чувство и отпущен с извинениями на все четыре стороны. А дерево спилили, чтобы не напоминало об ошибке. Это я к тому, что сперва кончи одно дело, а потом уже переходи к следующему...

Ни улыбки.

Он ощущал их растерянность — и свою. И уйти было уже нельзя. Перегнуть, переломить настроение... Жаль, не прикажешь. Нет такого приказа — веселиться. Не надо было сюда приходить. Была у них отдушина, ну и пусть — не амбразура же, чтобы затыкать ее собой...

— Может, сыграем во что-нибудь? — предложил Стефан. — Ну же! Команда на команду! Перетянем канат, а? Уве, не в службу, а в дружбу — сбегай в барахолку, выбери шланг подлиннее.

Уве ковырял ногой пол.

— Я не хочу...

— Чего ты не хочешь?

— Шланг не хочу перетягивать.

— Так. А чего ты тогда хочешь?

— Не знаю... Есть хочу.

— Все хотят. Ужин идет вторым пунктом. Еще что?

— Э-э... Может, Зоя стихи почитает?

Ну уж нет, подумал Стефан, знаю я эти стихи. Вроде той танкетки, только хуже: «Все мы юроды, поэты же лгут, а годы, как воды, все рифмы сотрут...» Чрезвычайно оптимистично, со светлой надеждой на светлое завтра! Жечь такие стихи в топке вместо торфа. Как там дальше: «Все мы невежды, и это прогресс, тропинку надежды укрыл темный лес...» Укрыл, значит. Угу. Надо полагать, навечно укрыл. В самый раз для праздника. А ведь, было время, смешно писала: «Маленький Аксель присел на горшок, выше горшка он всего на вершок...»

— Может быть, не сегодня? Извини, Зоя.

Уве пожал плечами — можно и не сегодня. Все равно. Было прекрасно слышно, как выступившая было вперед Зоя вздохнула с облегчением. И не подумала спрятать подальше свои чувства, стервоза.

— Ну так как насчет каната? — вкрадчиво спросил Стефан. — Никто не хочет? А в другие игры? Шарарды, догонялки, еще что-нибудь...

Тихонько хныкала Юта.

«Колесом для них пройтись, что ли? Какого рожна...»

— Ну, смелее! Кто предложит?

Молчание.

— Да что же вы...

Из заднего ряда в передний пробился Людвиг.

— Мы не хотим веселиться.

«Так, — подумал Стефан. — Этот по крайней мере — откровенно».

В один миг его охватило чувство беспомощности, и еще один миг он боялся, что не сможет с ним справиться. Такое бывало и прежде. Редко, но бывало, и Стефан ненавидел себя в такие минуты. Капитан не должен иметь сомнений, если он не тряпка и не де-

точка, готовая чуть что со слезами уткнуться в папочкин бластер. Команда, уличившая капитана в сомнениях, заслуживает другого капитана.

Пора было срочно выправлять положение.

— Ну раз так, — Стефан хлопнул в ладоши и вслед за тем сделал величавый жест рукой, — тогда к столу! К столу!..

Сопутствующая улыбка вышла тоже ничего.

24

Когда, повисев над берегом, угасли огненные шары и их дрожащее отражение в воде перестало обозначать контуры островка, сразу стало темнее, чем до фейерверка, а в том, что это был именно фейерверк, а не сигнал того, что их заметили, не усомнился никто. И стало заметно свежее. Западный берег был еще виден как неровная кайма, пришитая к горизонту, а восточный канул во мглу, лишь слабый фонарь под худым навесом на смотровой площадке донжона, ничего не освещая, висел неподвижно.

Все трое дрожали, сами не зная — от холода или от возбуждения, не замечая даже того, что дрожат. Пришлось помучиться с вычерпыванием, прежде чем лодку удалось вытащить на гранит подальше от воды. Киль был словно изжеван — ничего удивительного, что лодка шла трудно и рыскала. От лодки резко пахло — весь борт был заляпан густой черной жидкостью. Руки пачкались и скользили, а ноги не слушались. Йорис сделал попытку упасть у самой воды, и его пришлось подхватывать и тащить. Задыхаясь, успели вовремя. Слон совершил только одну слепую атаку на островок, оставил на камнях черные липкие комки и, тя-

жело соскользнув, ушел в озеро. На гранит набегали волны — в сотне шагов от островка бестолково колыхалась темная вода.

— По-моему, он приходит в себя, — заметил Питер. — Кто там хотел плыть к берегу? Догнал бы. А хорошо получилось... Теперь всегда буду плавать с бутылкой нефти.

Вера встряхнула фляжку — нефти осталось на днышке. Питер махнул рукой:

— Не важно. Можно будет использовать жидкую смазку, Диего сделает. Главное — теперь мы знаем, чего он не любит.

— Жаль, зажигалка утонула, — мстительно проговорила Вера. — Посмотреть бы, как он горит...

— Он бы нырнул, — встрял Йорис. С него текло, его окатило с ног до головы, и он выбивал зубами дробь. — А я ему веслом хорошо дал один раз...

— Все равно отлично придумала, — сказал Питер.

Это счастье, подумала Вера, что Питер рядом. Он никогда не оставит в беде, никогда не бросит. Счастье, когда страшное позади и он кладет руку на плечо — не Ронде, не Инге, а мне, — тогда хочется закрыть глаза и сладкая дрожь бежит по телу. А еще хорошо, что немножко нефти все-таки удалось сохранить, и это тоже счастье и удача — Стефан со своей Маргарет, глаза ей выцарапать надо, не поверили бы на слово да еще высмеяли бы.

— Это все ты, — солгала она. — Без тебя бы я не додумалась. Наверно, так и бросила бы фляжку, не откупорив.

— Какая разница, кто придумал! — великодушно сказал Питер.

— Я слышала, как ты кричал, — созналась Вера.

— А сделала по-своему. Не по-моему, а по-своему. Мы же люди. Кто я такой, чтобы решать за тебя?

Он обнял ее, но обнял и Йориса, что было неприятно, но необходимо, и трое озябших детей прижались друг к другу, потому что так было теплее. Водяной слон не ушел — в упавшей на озеро тьме его не стало видно, но слышно было, как он ворочается и хлопает неподалеку.

— А вдруг до утра не уйдет? — спросил Йорис. Его колотило. Питер плотнее прижал его к себе.

— Уйдет, куда он денется. Ты у него хоть одну вакуоль видел? Я тоже нет. Он здорово голодный. Очухается и уплывет охотиться, а мы рванем прямо к берегу — рядом уже...

Они чувствовали себя победителями и болтали без умолку. Вера говорила, что слона рано или поздно придется убить, чтобы впредь плавать без опаски, и что надо уговорить Диего сделать какой-нибудь специальный дуст, а еще лучше слить в озеро окислитель из развед-ракеты, только от него, наверно, вся рыба заодно со слонем повсплывает кверху брюхом, но это не беда, коль скоро все равно придется переносить лагерь через водораздел, — она говорила, а Йорис, забыв обиду, возражал или поддакивал, каждую минуту напоминал, как лихо он треснул амебу веслом — жаль, у нее нет мозгов и не может быть сотрясения, — и все порывался швырнуть камнем в хозяина озера, чтобы тот не чмокал зря под берегом; а потом Питер говорил о том, что будет завтра, и младшие молчали; а еще потом все трое весело издевались над водяным слонем. Они сидели на корточках, чувствуя, как под ними быстро остывает гранит, прижимались друг к другу и старались не думать о кошмаре холодной ночевки без спальников и теплой одежды, в промокших насквозь драных робах, на низком островке посреди недвижной воды. Они болтали обо всем и ни о чем, стараясь не вспоминать о мучившем всех голоде, о деликатесах, поглощаемых теми, кто, наверно, пирует

сейчас в донжоне, о порции пищевой пасты, о гроздьях прозрачных сосулук в быстрых ручьях...

Фонарь на носу «Декарта» расплылся мутным пятном — с озера надвигался туман. Водяной слон не уходил. Медленно затекали мышцы. Трое голодных детей — три тени, невидимые в темноте и не видящие друг друга, — трое взрослых, чьему опыту могли позавидовать многие, — ждали. Они понимали, что придется заночевать здесь. Осенние туманы густы: пройдет полчаса, может быть, час — и фонаря не станет видно. Не стоит рисковать, плывя наудачу. Озеро не любит торопливых и глупых.

И еще они говорили о том, как раскричится Стефан, узнав о потере вещей. Пусть кричит. Они сделали то, чего еще никто не мог сделать. Не смог бы и Стефан. Они проникли на север так далеко, как еще никому не удавалось. Они нашли нефть за водоразделом. И они сумели вернуться.

А главное — они были победителями.

Они, а не он.

25

Оказалось, что у них уже все готово. Стефан сказал бодрую короткую речь, сегодня особенно стараясь не разводить тягомотину, и в речи выразил надежду на дружбу и взаимопонимание, а заодно еще раз поздравил Петру. К его удивлению, речь приняли нормально и даже скромненько поплодировали. Тут же появилась и была торжественно развернута новая скатерть (Стефан и не подозревал о ее существовании), неизвестно когда и кем сшитая из лоскутов, выстиранная и выглаженная, и был застелен длинный стол,

а вместо обычных мисок девчонки расставили настоящие фарфоровые тарелки (их не вынимали со дня празднования годовщины посадки). Правда, тарелки были разнокалиберные и в них оказалась все та же пищевая паста — сбалансированный корм, прозванный отрыжкой гарпии за вкусовой букет. Но сразу же, торопясь исправить впечатление, появилась Зоя, с трудом неся исходящую волшебным паром кастрюлю, и вдоль стола пронесся дружный стон.

Делили долго, поровну, вождедея. Блестели глаза. Илья урчал, словно кот. Дули на горячий картофель, брали понемногу, смакуя, катали во рту. Заедали пищевой пастой, чтобы продлить удовольствие. Сглотнув слюну, Стефан заставил себя накрыть тарелку ладонью, получив меньше, чем другие. Пускай не шепчутся по углам, что он кого-то объедает. Нужно было с самого начала устроить праздник обжорства, наглого вопиющего изобилия, а никакой не фейерверк. Не нужны им ни фейерверки, ни ужимки с прыжками, вот в чем штука. Не нужны им фильмы о Земле, пусть еще удастся иногда уговорить мозг показать тот или иной обрывок. Не хотят смотреть. Человек вообще животное общественно-живачное, вот и пусть жует. Зря не приказал выкопать еще пяток кустов — путь к сердцу подчиненных лежит через их желудки, и не иначе.

Никто не сел рядом с ним. Обидно, зато надежно. Да и обидно самое чуть-чуть. Это детство. Капитан не имеет права на обиды. «Махер» лежал не в кобуре, а в специальной петле под кителем, и Стефан знал, что успеет выхватить оружие раньше, чем они набросятся.

Довольно скоро он нашел, что о нем забыли, и ничуть не возражал. Не дело капитана крушить лед отчуждения, он не ледокол. Стушеваться и молчать в тряпочку, блюдя благолепие... Сегодня обойдется. И

завтра обойдется, если только не вернется Питер. Наверное, уже не вернется. Вот когда они перестанут его ждать, не миновать неприятностей. Не ум их толкнет — коррозия иллюзий, и вот тогда и только тогда они станут по-настоящему опасны. А пока пусть веселятся... ведь уже веселятся! — Диего что-то загнул, а я прослушал. Хорошо, ох как хорошо получилось, что среди унылых и смертельно опасных личностей нашелся хоть один шут!..

Разговор за столом и вправду клеился. Лет десять назад Маргарет обнаружила, что корешки одной болотной травки, будучи настоящими на отваре из желудей кремнистого дерева, дают сладковатый бодрящий напиток, правда, обладающий выраженным слабительным действием, и с тех самых пор появление на столе этого напитка неизменно вызывало поток одних и тех же шуток. Прежде они раздражали Стефана. Потом он привык. Теперь он тихо радовался.

Все шло как надо.

Конечно, они ввали, будто не хотят веселиться. Кто этого не хочет. Стоял хохот: дикий Дэйв ужасно ревел на всю кают-компанию, изображая допотопного эндрюсарха, грузного и ловкого пожирателя мастодонтов, а в роли мастодонта выступал протестующий, но довольный Анджей-Пупырь с заплывшим фиолетовым глазом. Как будто кто-то другой, а не Дэйв подбил ему этот самый глаз менее суток назад, как будто вернулись давние полузабытые времена решимости, надежды и согласия — пусть не настолько счастливые, как врет сито-память, а все же...

— Пирожные! Пирожные!

Под единодушный вопль появились не только пирожные, но и свечи. Их было только семь, а не сорок семь, — болотный воск трудно найти и еще труднее очистить. Вдобавок, подумал Стефан, незачем

лишний раз напоминать Петре, сколько ей лет на самом деле. Молодцы, учли и это. Какие же все-таки молодцы.

Сейчас он любил их всех.

Петра задула свечи. Лунообразное лицо ее сияло, меж пухлых щечек помещалась смешная пуговка носа. Если девчонке завить волосы — совсем куколка, пупсик, губки бантиком. Любопытно, как по-разному они взрослеют: почти каждый поначалу плакал, потеряв родных и перспективу, спустя время кременел и ожесточался, а этой хоть бы что. Какой была, такой почти и осталась — дитя, два сапога пара с Анджеем. Оба не могут поверить, что такое могло произойти с ними, оба живут в выдуманном мире, и оба, по-видимому, безопасны. Им почти уютно среди нас, трусливых озлобленных подонков, посреди серой необходимой монотонности, и им не надо врать, что когда-нибудь нас спасут и вывезут отсюда...

Он надкусил пирожное. Рот моментально наполнился слюной, хотя, конечно, эрзац — он и есть эрзац, и без постороннего привкуса никакое блюдо не обходится, пирожное тоже. Пирожное, пожалуй, с особенной силой, потому что благодать редкая, разовая... Не забыть бы под благовидным предлогом забрать одно для Маркуса в виде вознаграждения за донос, а дежурить ему днем — шиш...

— Отдай! Не твое!

Крик — как удар хлыста. Пулеметный грохот опрокидываемых стульев.

Стефан вскочил. Крикнул Киро, хотя кричать следовало бы Петре. Единственная из всех она еще не поняла, не поверила и только смотрела расширенными глазами то на пустую ладонь, где только что было пирожное со следами воска от свечек, то на Дэйва, запихивающего в пасть долю именинницы. Губы ее начали вздрагивать. Повисла гробовая тишина, и Сте-

фан, на секунду растерявшись, не знал, что сказать и как скомандовать, только понимал, что праздник испорчен безнадежно. Дэйв чавкал, посверкивая глазами по-волчьи. Скотина, подумал Стефан, убить его мало. На торф пещерного дикаря? Да он оттуда и не вылезает...

— Это ты зря сделал, — неестественным голосом проговорил Илья.

Дэйв одним глотком отправил пирожное в желудок. Затем медленно и страшно оскалился и вдруг, отпрыгнув к переборке, подхватил с пола опрокинутый стул. Малыши с визгом брызнули прочь. Петра всхлипнула.

— Убью! — проскрежетал Дэйв. Его лицо стремительно наливалось кровью. — Не подходи!

Кто-то запустил в него кружкой. Угрожающе галдя, надвигались стеной. Дэйв кружку отбил и одним взмахом отшвырнул Уве, ринувшегося на него сбоку. Что ему Уве. Остальные отхлынули. Маркус упал, потянул скатерть — зазвенела битая посуда, заскакали по полу осколки. Девчонки закричали. Ронда картинно засучивала рукава. Илья нехорошо усмехался.

— Брось стул! — крикнул Стефан, стараясь перекричать галдеж.

Петра наконец разрыдалась, горько и неудержимо. Ее никто не утешал. Кто-то из младших сквернословил тонким голосом, и Уве тоже сквернословил, держась обеими руками за бок и шипя от боли. Фукуда Итиро перепрыгнул через стол, пластался кошкой, ловко увертываясь от описывающего круги стула, причем с лицом совершенно невозмутимым. В движениях Дэйва появилась неуверенность: маленького японца и раньше старались попусту не задирать — не потому, что ему случалось показывать свое умение, а потому, что молчаливо предполагалось, что он может его показать.

— Стой! — скомандовал Стефан. — Фукуда, назад!

Дисциплинированный Фукуда вперед и не шел. Он лишь отвлекал Дэйва на себя, что ему и надо было, а пуще того — рыжему Людвигу, до которого, похоже, только теперь дошла суть происходящего. Дэйв был ниже ростом и слетел с ног от первого же удара между глаз. Слышно было, как его голова гулко ударилась о переборку и покатился по полу, подпрыгивая, выпавший из рук стул. Людвиг стул подобрал и аккуратно приставил его к столу.

— Бей...

Рыдала Петра, уткнув лицо в кулачки.

— Не трогать! — крикнул Стефан. — Назад!

Ринулись, едва не сбив Людвигу с ног. Захныкала, упав, маленькая Юта. Дэйв яростно вскрикнул, когда на него обрушились первые удары; он пытался встать, и его валили на пол, и он снова пытался встать, прикрывая голову руками, и его опять валили под ноги толпе... Больше он не кричал.

— Бей гада, убей!..

— На тебе, на, на!

— Стойте! — орал Стефан. — Назад, говорю! Да остановитесь же, вы его убьете! Ронда, назад! Люди вы или не люди?

— Еще какие люди, — огрызнулся через плечо Илья, обрабатывая Дэйва ногами.

— Наза-а-а-ад!

Врезавшись в толпу с тыла, Стефан расшвыривал их. Убьют, если не остановить. Попраснодали... Стадо дикое, неуправляемое. Так их... Лопнул под мышками китель. Взвыл Илья, схваченный за штаны и воротник и брошенный плашмя на стол, хрустнули под ним уцелевшие тарелки. Швыряя следующего, Стефан зарычал, как Дэйв. Все-таки он был старше и сильнее любого из них, исключая сгинувшего Питера и, может быть, рыжего Людвигу, но как раз Людвиг в

орущую толпу не лез, а, сделав свое дело, скромно стоял в сторонке, так что остальные отлетали от Стефана, как кегли. Кое-кто успел отскочить сам. Визжала схваченная поперек туловища Инга, пыталась укусить за руку. Мыча от натуги, он швырнул ею в подбегающего Илью и цапнул кобуру. «Махера» не было. Черт, он же не там...

Он возвышался над избитым, тяжело ворочающимся на полу и харкающим кровью Дэйвом, один против всех, и понимал, что у него осталась самое большее секунда. Опомнившись, они набросятся — уже не на Дэйва, что им Дэйв... И эту оставшуюся секунду Стефан использовал вдумчиво и не торопясь. Секунда — даже слишком роскошно для настоящего капитана, чтобы решить, какой язык избрать для разговора с подчиненными. Потому-то Людвигу никогда не стать капитаном, что он подолгу думает там, где должны работать простейшие рефлексы...

— Всем стоять на местах! Стрелять буду.

Даже Юта перестала хныкать. Разинув рты, они молча смотрели в дуло «махера», лишь немногие растерянно переглядывались, и продолжала безутешно рыдать Петра, да еще слышалось хриплое дыхание и харканье Дэйва, пытающегося подняться на четвереньки. Да уж, поприднвали...

Он продержал их под дулом с полминуты — ровно столько, чтобы они пришли в себя — и небрежно сунул бластер в кобуру. Он знал, как с ними обращаться. Не в первый раз, не в последний...

— Можно я займусь Дэйвом? — спросила Маргарет.

Он благодарно кивнул:

— Займись. Киро, помоги ей.

— Я? — взвизгнул Киро. — Сам помогай!

— Поговори еще у меня, — сказал Стефан. — Марш! Люди вы или нет?

Он обвел их взглядом и подумал, что рано убрал оружие. Ни смущения в них, ни раскаяния, и только потому, что Дэйв еще жив. Не волки — шакалы голодные, лающие. Стая.

— Петра, — сказал он, — ты извини, что так вышло. Это и моя вина. Дэйва я накажу, обещаю. Ну хочешь, мое возьми пирожное, только не плачь... Я только чуть откусил. На вот.

Рыдающая Петра затрясла головой:

— Не хочу-у... Пусть он мое отдаст... мое-е-е...

— Да как он тебе его отдаст!..

Галдеж поднялся как-то сразу:

— Мы-то люди, а вот он...

— Вонючка! Гад, гад, гад, гад...

— Эй, Киро, дай ему от моего имени. За маму, за папу... Дай, говорю!

— Кто мое пирожное раздавил? Ты?!

— Завянь, я не давил. Не реви, Петра, он наш. Уйди, Стефан, не мешай! Все равно до него доберемся, только хуже будет.

— Уйди-и-и...

— Нет, правда, чего об него пачкаться. Пускай Лоренц наказывает. — Это Уве.

Первый разумный голос. И — незамедлительно — ответ:

— Чистоплюй, свинья чухонская!

— Сам чухно, а я норвежец! По роже захотел? Ну иди сюда, иди...

— Бей его!

— Молчать! — гаркнул Стефан во всю мочь легких. — Скоты! Сволочи! Кончено, погуляли, вашу маму! Всем спать сейчас же! Вон отсюда! Вон!..

Кто-то нечаянно толкнул его под руку. Надкушенное пирожное упало на пол и покатилося под стол, в пыль.

26

Ужас.

Подстерег. Навалился — липкий, текучий.

Проверь себя, если что-то не так. Пусть другие выясняют отношения, а твое дело сторона, достаточно помешать им поубивать друг друга, образумить же их никогда не удастся. Никогда и никому. Казалось бы, проще всего наплевать, а я не могу. Слюны на них у меня никогда не было.

Течет холодная жуть — кап, кап! Я боюсь. За себя. За них. За себя все-таки больше, потому что мне только пятьдесят три и очень хочется жить. Я так мало сделал — почему я не берег каждую минуту?! Поздно... Не исправить.

Что они будут делать, когда я умру? Неужели сумеют выжить одни, без меня? Это нечестно!

Волосы. Вот он — ужас. Растут. Везде, где они должны расти у взрослых, а это — смерть. Иветт начинала умирать именно так; Маргарет рассказывала, что у нее тоже начали расти волосы, а через месяц ее засыпали щебнем. Я же старший, с меня и должно было начаться. Спасите. Я слаб, меня шатает от стены к стене... Не верю рукам, пальцы одеревенели, не может у меня там быть никаких волос! Господи, не оставь! Бывает же на свете невероятное... неужели мы настолько окостенели здесь, что самое завалившее чудо шарахается от нас, как черт от ладана?..

Я умру. Я знаю.

Стефан отклеился от стены. Как оказался здесь — не понял. Воздуха не хватало. Куда-то подевался воздух, такой привычный, пахнувший металлом, пищевой пастой, пылью и умиранием корабля, только что был, и — нет его. Все выдышали, подлецы. Мало им... Отдайте мою долю, я еще жив. Только мою. Я не прошу большего.

Стефан рванул ворот. Треснула ткань, заскакали по полу застежки. Дышать! Он двинулся вдоль стены боком, как краб, приставляя ногу к ноге, чувствуя пальцами тонкое рифление переборки. Коридор качался, вилял, меняя размеры и геометрию. Вправо, влево — как собачий хвост. Два коридора. Четыре. Почему в отсеках туман? А-а, где-то лопнул бак, и потек жидкий кислород. Бак. Нет такого бака. Лопнул, лопасть, Лопиталь, лопатонос, лопотать, лопарь, лопух, лопасть, Лопес... Перес... и... и Родригес! Дышать!.. Кислород — это хорошо, пусть жидкий. Жидкий — жизнь.

Я знаю, кто это сделал. Питер где-то здесь, прячется за углом. Он никуда не уходил, он все время оставался среди нас на корабле, разве можно было этого не заметить? Чего ты тянешь, нападай. Я убью тебя голыми руками, потому что ты жаден, Питер.

Нет тумана. Нет коридора. Вообще ничего нет. Коршуном на испуганную мышь рушится потолок... А, это лестница. Он у стреломета, ждет, когда из люка покажется голова. Вверх! Стефан карабкался по трапам, срывался, скользил, упрямо цеплялся за поручни. Откатить крышку. Поршень в стволе уже пошел, станина гасит отдачу. Стрела вбивается в лоб, тупой наконечник дробит черепные кости, тело опрокидывается навзничь и летит вниз, считая ступени... А-а! Ты боишься, Питер? Дрожишь? Что ты корчишься? Танцуешь... Этого я от тебя не ожидал, признаться, это ново. Дай-ка я погляжу. Вся твоя сила в том, что ты до времени не боишься показаться смешным. Пока еще. А хочешь я стану — ты? Нет ничего проще: танцуй, капитан, разучивай движения, старательно повторяй за учителями, их у тебя много, и не вздумай остаться в стороне. Вся жизнь — пляска святого Витта, а ты ду- мал — менуэт.

Не ступени — перекладки. Темно. Тяжелое по-жилое тело на ослабших ногах. Не мое тело. Дрянь. Скиньте с меня. Ноги — мои, и на каждой по капкану... Не стану плясать — мне страшно. Я безумен, а лестница крута и бесконечна. Только вверх, в этом спасение. Не останавливаться, лезть и лезть, подтягиваться на чужих слабых руках, цепляться пальцами, зубами грызть...

Нет лестницы. Холод площадки, огненные кляксы в глазах. Мутный фонарь под дырявым навесом. Нечем дышать — они украли воздух повсюду. Догнать! Вот он, Питер, скалится из озера, нужно перелезть через поручень и шагнуть, там невысоко, но я не пойду к тебе, слишком много чести для вора, я достану тебя и отсюда, если только ты не нырнешь...

Десять стрел. Первая летит на пятьсот шагов, вторая на четыреста девяносто, третья на четыреста семьдесят, а последняя в магазине, десятая, на триста десять. Мягкий спуск. Еще! Еще! Он рычал, посылая стрелы в небо, чувствуя под руками вздрагивающий металл. Еще! А-а! Чья-то голова в люке. Зря. Получи. Промах, рикошет! Нет головы. Кто-то сыплется вниз по трапу, дробный топот ног — прочь, прочь... Где ты спрятался, Питер? Стреломет туго ходит в горизонтальной плоскости, ты знаешь эту недоработку и пользуешься ею. Одному из нас не жить, но не мне. Или никому, если ты окажешься упрямым...

Дышать. Отдайте воздух.

Не было сил, и ноги разъезжались по скользкому. Шел дождь, и «Декарт» таял, как леденец. Истончалась, корежилась броня, рваные листы, агонизируя, закручивались невиданными бутонами. Ломая последние деревья, из лесу выходил цалькат, упирался башкой в частокол, крушил подъемные ворота, а перед воротами стоял коленопреклоненный Ансельмо и не бежал, хотя надо было спастись. «Беги!» — кричал

сверху Стефан и из последних сил наводил стреломет в разверстую пасть, воняющую гнилью и смертью, с ужасом понимая, что расстрелял все стрелы и Ансельмо погиб.

Потом его рвало, и он висел животом на поручне ограждения. Его рвало снова и снова, мучительно выворачивало наизнанку, он мычал и тряс головой, а из глаз текли слезы. Небо было внизу, страшно далекое, в нем горели чужие костры и вспыхивали потухшие звезды; они взрывались, разбрасывая молнии, из черной бездны поднимался водяной слон и сражался с цалькатом, а Питер науськивал зверей друг на друга, чтобы выбрать сильнейшего и натравить его на капитана. Стефан упал и пополз. Потом был люк и долгая чернота перед глазами; кто-то кинулся на него из черноты, их было несколько, и Стефан расшвыривал их, не видя и почти не чувствуя. Он заставил себя встать и снова упал на четвереньки. Тогда он опять пополз, и это оказалось неожиданно легким делом. Почему, интересно, все решили, что на двух ногах — проще? Вот как надо. На двух — ошибка, спросите Джекоба... Не забыть бы завтра же приказать всем ходить как надо — с левой ноги и правой руки одновременно, а при команде «кругом» делать иммельман...

Потом была, кажется, Маргарет, она била в глаза светом и раздвигала ему веки. Он отбился, оттолкнул ее и полз по стене вверх, пока не поднялся на ноги. Он должен был пройти через медотсек, чтобы спасти Ансельмо, а стена не пускала его, лишь прогибалась, пыталась обернуться вокруг тела и схватить, как водяной слон. Да, ведь медотсек шестью горизонтами ниже... Или девятью. Стефан рассмеялся и смеялся долго. Неожиданно он понял, что вовсе не обязательно ходить или ползать по кораблю, чтобы оказаться в желаемом месте. Достаточно захотеть — и ты там окажешься. А он-то еще мечтал когда-нибудь вновь пустить лифт...

Он шагал сквозь расступающиеся стены и механизмы, взмахом руки раздвигал переборки, просачивался с горизонта на горизонт. Лицо сумасшедшей было темным, как болотный воск, и Стефан удивился, почему оно темное, ведь Абигаиль никогда не бывает на солнце, почти как Донна-затворница... Ну здравствуй, Абби. Давненько я у тебя не был. Как ты живешь? А знаешь, Абби, я ведь тоже сумасшедший, да-да. На самом деле тут все сумасшедшие, только мы с тобой сумасшедшие по-другому: их вылечат, чтобы сделать несчастными, а нас не надо лечить. Так что мы с тобой теперь будем вместе, и я стану заботиться о тебе и защищать тебя, потому что человек должен о ком-то заботиться и кого-то защищать, ведь верно? Я безумен, Абби, и то, что я тебе говорю, тоже безумие, на самом деле я очень испугался, когда это понял, но теперь мне не страшно, потому что нас двое, а когда двое безумны одинаково, им тепло друг от друга даже через стены. И другие станут нам завидовать, Абби, верь мне, вот только я сейчас должен уйти, мне еще о многом надо подумать и многое успеть сделать, прежде чем я вернусь...

Потом он начал расти, и это оказалось столь неожиданно, что Стефан даже растерялся. Пол под ним проваливался, уходил вниз; он рос и рос, продавливая потолки, радостно чувствуя, как дряблые мускулы наливаются невиданной силой, корабль был ему мал, справа и слева набегали переборки и взрывались стайей осколков, когда он шутя отпихивал их прочь. Он рассмеялся, и смех его был похож на тектонический гул и грохот рушащихся скал. Он повел плечами, и корабль ссыпался с его тела, как ржавые доспехи. Кто этот мелкий, что копошится под ногами, как вошь? А, это ты, Питер. Конечно, ты. Поговорим наконец? Самое время нам объясниться, враг мой Питер, кумир дураков, но только не так, как ты хотел, потому что объясняться буду я, а ты лишь пискнешь у меня

под подошвой... А потом я шагну отсюда прямо на Землю. Почему я раньше не догадывался, что для этого нужно сделать всего один шаг?..

...Он лежал навзничь, не в силах пошевелиться, и свет уходил от него в длинный круглый туннель, где жило Ничто и гасли звуки. Мягко падала тьма. Погасли стены. Невыразимая тоска охватила его лишь на мгновение и тоже погасла. Осталось только склонившееся над ним лицо Абби, а может быть, это было лицо Маргарет. Не важно.

Потом погасло и оно.

Конец. Тьма.

27

Они грелись друг о друга, сплетаясь руками, сбиваясь в тесный клубок из трех тел на гранитном островке в ледяном тумане. Казалось, эта ночь кончится не раньше, чем убьет всех троих. Йорис уже не скулил, а только тихонько мычал через нос. Каждые полчаса, а то и чаще, если холод становился невыносимым, Питер командовал подъем и заставлял младших бегать и приседать до бешеной стукотни сердца и красных кругов в глазах. Вера слушалась, а Йориса приходилось упрашивать, понукать и даже несильно бить, чтобы заставить двигаться.

Он потерял представление о времени. Рассвет все не наступал, а туман не грел, и все труднее становилось заставлять себя двигаться. Потом пропал Йорис, и его искали ощупью в кромешной темноте, а когда нашли по слабому стону, оказалось, что он споткнулся и рассадил коленку, встать не может, и пусть от него наконец отстанут... Они оттащили Йориса подалее от воды и по хрусту под ногами поняли, что

крошечные лужицы в складках гранита подернулись тонким льдом.

Под самое утро Питер все же уснул — не потому что решил непременно выспаться, а просто больше не осталось сил. Он так и задремал, сидя на корточках. Вере пришлось долго будить его, она боялась, что Питер не проснется, он был совсем холодный и даже не дрожал, но все же проснулся, встал через силу и даже, улыбнувшись, сказал «йо-хо!». Тогда Вера почувствовала стыд. Не нужно было будить. Кто угодно мог замерзнуть, но не Питер.

Вдвоем растирали Йориса до тех пор, пока он не захныкал. Медленно занимался рассвет. Утренний ветерок разорвал туман и гнал белесые клочья к середине озера. Водяного слона нигде не было видно. Зато стал виден берег. Близко. Теперь совсем близко.

Питер покачал головой, перехватив взгляд Веры.

— Не сейчас. Дождемся солнца и будем греться по меньшей мере час. А потом — лодку на воду!

— Йо-хо! — сказала Вера, и Питер улыбнулся.

28

Свет.

В глаза.

Лицо Маргарет странно плыло. Оно было большое и белое, как луна, которой не было и не могло быть у этой планеты... Как полузабытая луна, оставшаяся где-то очень далеко вместе со многим другим, что тоже полузабыто или забыто совсем. Есть во Вселенной такое место — Земля.

Мягкие руки. Свернуться в комочек и лежать, а руки пусть гладят. Как в детстве. Ведь помню же...

Выньте из головы молот. У-у... Кто там стучит? Вон!

Стефан пошевелил пальцами ног. Они слушались. Во рту было кисло и жгло гортань. Он пошевелил головой и удивился, что свет не померк и потолок не рухнул. Тогда он понял, что сумеет встать.

— Лежи! — прикрикнула Маргарет. — Пришел в себя, вот и хорошо, вот и лежи. Поправляйся.

— Что? — пробормотал Стефан. — Зачем?

— Ничего умнее сказать не мог? Лежи уж. Молчи. «Я жив, — подумал Стефан. — Главное, я жив».

Руки тоже действовали. На сгибе правой еще не рассосался желвак от прикосновения инъектора. Видно, Маргарет решила, что дело швах, раз всадила в него лошадиную дозу. Плюс, похоже, зверское промывание желудка через зонд.

Ничего не помню.

Он ощупал пояс. Кобуры не было.

— Бластер у меня, — сообщила Маргарет.

— Отдай!

— Возьмешь сам, когда встанешь. Я сказала им, что буду стрелять. Они и не сунулись. Только угрожали.

— Подонки! — сказал Стефан.

Маргарет охотно кивнула.

— А ты-то как думал? Ангелов пока что не замечено — именно подонки! Они самые. Станешь тут ангелочком, когда физиология тебе одно — интеллект другое... Я только одному удивляюсь: почему одна Абби сошла с ума, а не все мы? Велик человек, если и такое выдерживает.

— Голова кружится, — пожаловался Стефан. — И мутит...

— Считай, трупом был. Судороги, асфикция... Я ввела тебе атропин и кое-какие сердечные стимуляторы... На вот, пей.

Стефан отпил глоток из подставленной чашки. Это было теплое молоко. Ткнул чашкой в пальцы Маргарет.

— Не буду.

— Здесь я врач. Влить бы в тебя весь запас, да малышей жалко. Пей, говорят!

Стефан покорно выпил.

— Спасибо...

— Попозже закачу тебе солевого слабительного, — утешила Маргарет. — Судно под койкой. К завтрашнему дню будешь в норме, это я тебе говорю.

— Ладно... — прохрипел Стефан. — Что это со мной было?

— Ты бы лучше спросил, что со мной было, когда я тебя сюда тащила! А с тобой ничего из ряда вон выходящего не было — обыкновенное отравление. Теперь еще скажи, что ты этого не ждал.

— Почему?

— Потому что всех царей и диктаторов так или иначе пытались убить. А некоторых травили именно пирожными.

— Кто? — с усилием спросил Стефан. В голове попрежнему стучало. — Диего?

— Вряд ли. Я тут кое-что успела, пока ты валялся... В общем, так себе отравка: мускарин, толика растительных галлюциногенов, следы рицина. Сам понимаешь, такую смесь незачем синтезировать, проще собрать в лесу.

— Кто? — повторил Стефан.

— Так я тебе сразу и вычислила, — фыркнула Маргарет. — Ага! Я что — мисс Марпл? Пэт Артин? Кто угодно мог. Если хочешь знать мое мнение, не стоит тратить время на выяснение. Потрать его на что-нибудь другое, мой тебе совет. И не забудь сделать вид, что ничего особенного с тобой не произошло. Хорошая мина при плохой игре дело благодарное, сам знаешь... — Маргарет хихикнула.

— Найду, — сказал Стефан.

— Следствие, значит, собираешься учинить? Ну-ну. А я так скажу: если они заранее договорились, тогда

виновны все, а всех в карцер не пересажает. Да и карцера нет. На что тебе один исполнитель, когда остальные не лучше? А если тебя травил одиночка, так ты его не найдешь, пока он сам не проболтается, уж можешь мне поверить. Вот. Драка точно не была подстроена, и били-то Дэйва ногами, может, как раз из-за того, что помешал тебе все смолотить. Лучше радуйся, что откусил всего кусочек, да и яд не убойный. Хотели бы убить — мазнули бы чем-нибудь посерьезней, есть тут одна травка... Только им не труп нужен. Им бластер нужен.

Стефан скосил глаза. «Махер» лежал на столе отдельно от кобуры.

— Значит... — с трудом произнес Стефан, — ты... видела?

Он понял, что плохо управляет голосом. «Ты» вышло хрипатым басом, а «видела» — визгом. Но это было не важно.

— Видела.

— И они видели, — сказал Стефан.

Маргарет рассмеялась.

— Что же я, дура, чтобы им показывать? Не волнуйся, я не разболтаю, сколько у тебя зарядов. А «глаз» я случайно нашла, представь себе. И знаешь, где он был? Донна спрятала в душевой, чтобы за мальчишками подглядывать. Мне урок прикладной психологии. Тихоня тихоней, а в тихом омуте...

— Меньше болтай!

— Думаешь, слушают? Вряд ли. Видишь ли... — Маргарет поколебалась. — Не хотела тебе сразу говорить, но... в общем, у них что-то вроде собрания на лысом пятачке. На работу с утра никто не вышел.

— Как это — никто? — спросил Стефан и заморгал.

— Да так уж. Даже Фукуда.

— А сколько сейчас времени?

— День давно.

— Ч-черт!..

Он вскочил с койки, и медотсек поплыл у него перед глазами. Молот в голове ухнул так, что едва не свалил с ног. Стефан ухватился за Маргарет.

— Ну-ка ляг! Кому сказала!

— Уйди!..

Одежду. Обувь. «Махер». Он им покажет собрание! Торф! Каждый день, каждый час — торф! Ворошить болото, таскать и таскать бурую жидкую грязь, сушить, жечь в топке, скармливать синтезатору — иначе просто не выжить. Работать... не обращая внимания ни на что: ни на лень, ни на усталость, ни на остервенелую боль в голове и кишках. Они сошли с ума, коли перестали понимать очевидное. Их надо заставить. Наказывать нерадивых — без этого тоже не выжить...

— Где китель? — прохрипел он.

— В стирке. Робу вот возьми.

Стефана качнуло. Вспышка боли в животе заставила согнуться пополам.

— Убедился? Тебе лежать надо, а мне идти. Джек-коб с утра прямо криком кричит.

— Ты вот что... — Стефан через силу выпрямился. — Ты мне коли все, что хочешь, а только я должен ходить. Я с тобой не шучу. Поняла?

— Чего уж тут не понять. А лучше бы лег.

— Коли!

Маргарет отступила на шаг, смотрела с участием.

— Ну? — крикнул Стефан. — Что?!

— Я тебе главного не сказала... Питер вернулся.

29

Трудно уже было вспомнить, кто, когда и зачем пролил в этом месте некую зловредную химию, по указанию ли Бруно Лоренца это было сделано (непонятно,

для чего отцу понадобились такого рода эксперименты) или по чьей-то бестолковости либо халатности (тогда почему в бортовом журнале нет записи о взыскании?), но на полоске тощей земли между новым навесом для торфа и старой кузницей никогда не росло ни клейкой травы, ни лишайника, и именно поэтому пришлось отказаться от мысли развести на лысом пяточке огород. Еще труднее было понять, почему это место исстари было облюбовано для проведения народных собраний — в тех, разумеется, случаях, когда по причине зимних дождей их не приходилось переносить в утробу корабля. Так или иначе, собирались здесь — и узнать норму на текущий день, и выслушать очередную филиппику Маргарет против плохого мытья рук и посуды, а иногда и вякнуть что-нибудь вразрез. Илья даже сколотил скамеечку на краю пяточка, причем во внерабочее время — числился за ним такой подвиг.

Сейчас на скамеечке сидел Йорис и лелеял распухшую ногу. Выглядел он скверно — одни огромные глаза, как на иконе — и временами надрывно кашлял, сплевывая мокроту. К нему устремилась Маргарет и немедленно принялась мять колено. Йорис взвыл. Перебинтованный Дэйв угрюмо держался в стороне, на него больше не обращали внимания, выпустив вчерашний пар. Коренастую Веру застигла толпа, слышался только ее голос, повествующий о каком-то катамаране, зато Питер был — вот он! — дочерна загорелый кумир с обтянутыми торчащими скулами и свалывшимися в грязный ком волосами, а все равно — красавец. Что ему сделается... И Секс-петарда, конечно, рядом.

Вернувшийся таки Питер Пунн... Прежде — было время! — близкий друг, понятный насквозь. Позже — увертливый, многослойный, как фанера, непонятный и непредсказуемый. Еще позже — снова понятный насквозь, но уже не друг.

При появлении Стефана все стихло.

— Рад приветствовать в лагере, — сказал Стефан. — Поздравляю с возвращением.

— Спасибо. Тронут. — В голосе Питера прозвучала ирония.

— Что живы — вижу, — сухо сказал Стефан. — Что не вполне здоровы — тоже вижу. Калечишь людей, Пунн.

Питер пристально вглядывался в его лицо. Зеленое, наверное, подумал Стефан.

— По-моему, кое у кого со здоровьем не лучше...

— Маргарет! — Стефан решил не принимать замечание на свой счет. — Как там?

Маргарет откинула волосы на плечо.

— Нога-то заживет. Температура высокая, и кашель мне не нравится. Боюсь, как бы не пневмония. Его в постель надо.

— Никакая у меня не пневмония! — завопил Йорис. — Обыкновенная простуда, только и всего. Никуда я отсюда не пойду! — Он раскашлялся и кашлял долго.

— Лодку, конечно, совсем доломали? — осведомился Стефан.

— Еще чего! Киль поменяем, днище выправим.

— Очень хорошо. Но только не «выправим», а «выправлю». Людей я тебе на это не дам.

— А я разве просил? — удивился Питер.

— Тем лучше. Сегодня отдыхай. Вечером сделаешь доклад о результатах экспедиции.

— Могу сделать хоть сейчас. Кстати, для всех я уже сделал доклад. Это ты долго спишь. Впрочем, специально для тебя могу повторить.

Он усмехался в лицо. Стефан заскрипел зубами. В висках заныло, и отозвался молот в голове. Дрянь у Маргарет снадобья... Дерьмо. Не лечат.

— Я не понимаю, — медленно начал Стефан, обводя глазами толпу, — почему скоро полдень, а до сих

пор ни один бездельник палец о палец не ударил? Предупреждаю всех: если кто-нибудь думает, что ему простится сегодняшняя недоработка, то он крупно ошибается. Будете наверстывать как миленькие, рогом землю будете рыть...

Он бил их взглядом, и они отворачивались — даже Ронда. Даже Илья, Людвиг и Дэйв. Они не любили смотреть ему в глаза. Не выдерживали. Чаще смотрели в спину и мечтали о том времени, когда в их руках окажется бластер. Сегодня ночью они были близки к цели.

— А ну марш по местам!

— Нет, — сказал Питер.

— Что-о? Поговори еще...

— Нет. Оглох? Еще повторить?

Так, подумал Стефан. Началось.

Теперь они стояли друг против друга, и остальные, кому не дано было участвовать в битве гигантов, окружали их кольцом.

— Работать, и немедленно! Я сказал!

— Никто не пойдет горбатиться, Лоренц. У нас собрание.

— Я не созывал собрания! — крикнул Стефан.

— Извини, мы забыли спросить, — съехидничал Питер. — Но может быть, ты все же дашь разрешение? А то мы без него никак не обойдемся.

В притихшей было толпе захихикали. Маргарет исподтишка делала понятные знаки: оставь их, уйди, нельзя сейчас...

Нельзя? Нет. Можно. Он их ломает. Как ломал много раз.

— Хорошо, — неожиданно спокойно сказал Стефан. — Объявляю собрание открытым. Слово тебе.

Кажется, Питер все же растерялся. Он явно не ожидал такой быстрой уступки и подозревал подвох. Не выдав себя ничем, кроме плотно сжатых губ, Стефан подавил желудочный спазм.

— Мы ждем, Пунн.

— Тебя что, уже много? — нашелся Питер.

Из-за его спины кто-то хихикнул.

— Что? — не понял Стефан.

— По-моему, ты один тут чего-то ждешь. Все уже услышали. — Питер обвел взглядом ряды своих сторонников, и хихиканье усилилось. Питер медлил. — Но если специально для тебя... и принимая во внимание твою роль как организатора экспедиции, прежде всего я должен тебе сказать...

— Прежде всего ты опоздал на целых три дня, — перебил Стефан. — Прежде всего из-за твоих затей срывается график общих работ. Почему, Пунн? Это я тоже хочу знать прежде всего.

— Почему? — Питер пожал плечами. — Как бы тебе объяснить... Задержались, вот и все.

Он улыбался. Ронда, толкая его в бок, пыталась что-то шептать на ухо. Питер не обращал внимания.

— За водораздел ходили? — спросил Стефан.

— Угу, — сказал Питер. Секс-петарда, теребя его рукав, зашептала настойчивей. Питер отмахнулся.

— Я так и думал, — сказал Стефан. — Все слышали? По-моему, было уговорено, что целью экспедиции является картографирование местности и, в частности, поиск удобного волока через водораздел. Поправь меня, если я ошибаюсь. Из-за твоей экспедиции все мы неделю сидим на голодном пайке и собираем для тебя лучшее. Потом ждем. Теперь ты являешься, опоздав на три дня, приводишь с собой двоих покалеченных — хорошо, что вообще приводишь! — и заявляешь, что решил прогуляться за водораздел. Я правильно понял, Пунн?

Питер кивнул.

— Ты еще не сказал, что мы вещи утопили! — крикнула из толпы Вера. — Так скажи! А я тебе не покалеченная! Если надо, я...

— Тихо! — крикнул Питер.

— Что «тихо»? Он же над тобой издевается!

— Точно!..

— Пусть Питер скажет, а не этот...

«Вот интересно, — подумал Стефан, — что будет, если меня сейчас вытошнит?» Он представил себе, что будет, и стиснул зубы. Нужно дышать понемногу, через нос.

Он видел: большинство на стороне Питера. Питер опять что-то придумал, какой-то новый финт. Без «махера» сегодня все равно не обойдется, но чем позже это случится, тем лучше. Надо согнуться — не настолько, чтобы они обнаглели, но пусть кумир дураков почувствует свою силу. Пусть он расслабится. И тогда я распрямлюсь...

— Ну хватит! — сказал Питер, пытаясь прекратить шум жестом руки. — Либо у нас собрание, и тогда я в нем участвую, либо у нас балаган, и тогда я лучше пойду выплусь. Все поняли? Вера, ты извини. Тебе слова не давали.

— Насчет вещей — правда? — спросил Стефан.

— Мы нефть нашли, — сказал Питер, и все смолкло. Стефан оценил силу контрудара.

— Здесь нет нефти, — возразил он. — Везде кристаллический щит — откуда нефть?

— Вера, покажи.

Вера побулькала остатками в прозрачной фляжке.

— Дай сюда!

Стефан понюхал черную жидкость, и его едва не стошнило. Действительно нефть. Он вылил несколько капель на землю и чиркнул зажигалкой. Нефть должна была впитаться, но, видимо, земля была чересчур утопанной. Вспыхнул и задымил оранжевый огонек.

— Настоящая? — с усмешкой поинтересовался Питер.

Стефан кивнул.

— Где нашли? — спросил он.

— За водоразделом. Километров триста на север — северо-запад.

— Дай карту. Где?

— Вот здесь.

— Много?

— Можно набирать до тонны в день, а то и больше, причем без всякого оборудования. Сама течет. Кстати, и место для лагеря там самое подходящее.

Так.

Тошнота как-то пропала сама собой. Стефан напрягся, и раздвинулась вязкая муть перед глазами. Вот оно что. Питер дождался-таки своего момента.

Нефть. Много нефти, а значит, еды. Свершилось... Конец существованию на грани голода, сорокалетнему полету на последнем крыле. Восстановить прежнюю настройку «Ламме» совсем нетрудно.

Еще при жизни отца после беглой разведки местности предполагалось перенести «Декарт» поближе к углеводородным месторождениям. Беда в том, что их так и не успели обнаружить.

— Что ты предлагаешь? — спросил Стефан.

— Неужели не понятно? — сказал Питер. — Пока мы еще живы, как можно скорее перебазировать лагерь через водораздел, конечно.

Он широко улыбался. Он был полон снисхождения к еще не поверженному противнику.

— Все так думают? — спросил Стефан.

Нестройный гул. Одинокое «нет» голосом Маргарет.

— Теперь послушайте меня, — сказал Стефан, и гул не сразу, но стих. — Нефть — это, конечно, замечательно, кто спорит. От имени всех присутствующих, а также от себя лично объявляю благодарность Питеру и его группе. — Ему показалось, что кто-то фыркнул, и он покосился на толпу. — Но если мы взрослые люди, а не сопливые дети, мы должны сто раз взве-

сить последствия предпринимаемого шага до того, как его сделаем, а не после. Верно? — Он сделал паузу, дождавшись первого неуверенного кивка. — Теперь рассудим логически. У нас здесь устроенный быт. Еды, правда, в обрез, но никто и не голодает. У нас есть свой дом, частокол и все такое — а что мы будем делать там? Жить в деревянных хижинах и забывать, что такое постель с подогревом? Я уже не говорю о научных приборах и всяких прочих всякостях. Если хотите знать, мы до сих пор не одичали только потому, что у нас был «Декарт». Это первое. Второе: если кто-то думает, что там придется меньше работать, то он крупно заблуждается. Мне сейчас даже представить себе трудно, сколько труда придется вгрозить в новый лагерь — а ведь здесь у нас все готовое! Третье. Я как капитан вовсе не собираюсь отключать маячок даже на один день и рисковать спасением колонии. Нас же ищут!

Он понял, что сделал ошибку. Этого лучше было не говорить. Пережидая хохот, Стефан облизнул губы и набрал в грудь воздуха.

— И вот еще что, — сказал он. — Если кто-нибудь знает, как нам переправить за водораздел всех нас плюс минимально необходимое оборудование, пусть выйдет вперед и скажет, а я обещаю выслушать. Это четвертое. — Он сделал шаг назад и вытер со лба пот.

— Какие проблемы, Лоренц? — сказал Питер. — Мы можем сделать еще две лодки. Верно?

Собрание одобрительно загудело.

— Зима на носу! — крикнул Стефан. — Дожди! Куда вы пойдете!

— Тем лучше. Больше воды в реках.

— И в болотах! По-твоему, все поместятся в лодках? Малыши не дойдут даже до водораздела.

— Чепуха, — улыбнулся Питер. — На этой планете нет ничего, с чем не мог бы справиться человек, по-

верь моему опыту. Можно перевезти всех за два-три раза.

— Ха! Пока будешь возвращаться за второй партией, первая перемерет с голоду. Ты этого хочешь? Этого, Пунн?

Питер сплюнул и растер плевков ногой. Стефан напирал настойчиво и умно, а вовсе не лез на рожон, как ожидалось. Все равно ему крышка. Это здесь, за частоколом, он — власть. Здесь он что-то умеет. Там будет иначе, и он это уже понял. Да и кто здесь этого не понимает.

— Я предлагаю начать подготовку немедленно. Кто согласен? Голосуем.

— Нет! — крикнул Стефан.

Его качнуло. Перед глазами плыли лица. Много лиц... чужие. Никто не ценит заслуг. Забыли! Никто не желает помнить, каких трудов стоило добиться, чтобы половина колонии не перемерла в первый же год, мало-помалу наладить сносную жизнь, обучить младших грамоте, отмыть, наконец! — и это при том, что каждый второй — псих, зовет по ночам мамочку и чуть что — норовит опрокинуться на спину и завизжать в истерике... Вечная боязнь совершить малейшую ошибку, боязнь удара из-за угла... Неблагодарные свиньи, не видящие дальше собственного рыла! Весь лагерь — свинарник.

— Вы не будете голосовать. Я запрещаю! Я капитан!

— Дерьмо! — крикнул Дэйв.

Из толпы боком выдвинулся Людвиг.

— Мы будем голосовать, Лоренц. Пупырь, вернись!

— Чего там вернись... — пробубнил Анджей. — Против я, вот и все. Пусть Стефан решит. Ну вас...

— Тебе-то лучше бы помолчать, — заявил Питер. — Те, кто не работает, голосовать вообще не будут. Как-нибудь обойдемся без нахлебников.

— Я работаю! — закричал Анджей. От обиды у него навернулись слезы. Подскочив к Питеру, он пытался

что-то сказать, тряся у того перед лицом уродливыми руками.

— Что-то тебя на торфе не видно. Эй, уберите разного!

— Стоп! — крикнул Стефан. — Ладно. Анджей, ты за или против?

— Я против! Я ему сейчас такое скажу...

— Помолчи. Ты слышал: Анджей Рыхлик против. Маргарет, ты?

— Против.

— Двое против! — крикнул Стефан. — Ты слышал? Петра, ты?

Пухленькая Петра растерянно улыбалась.

— Я...

— Ну говори быстрее!

— Я... я не знаю... — Петра переступила с ноги на ногу и испуганно захлопала глазами. Стефана подбросило.

— Что значит — не знаю?!

— Не знаю... — Петра вдруг расплакалась.

— Воздерживается, — быстро сказал Питер. — Петра Дорферкирх воздерживается. Донна, ты записывай. Двое против, один воздержавшийся. Надеюсь, меня не обвинят в давлении на голосующих. Людвиг Науманн, ты?

— За.

— Ронда Соман?

— За.

— Илья Черемшанов?

— Двумя руками.

— Уве Игельстром?

— За.

— Дэйв?

— Да пошли вы оба в задницу!

— То есть воздерживаешься?

Дэйв мотнул забинтованной головой и перекорежился от боли.

— Нет. Я — за. Надоело.

— Вера?

— За.

— Маркус?

— За.

Стефан почувствовал, как по его спине бежит струйка пота.

— Агнета?

— За.

— Диего! — крикнул Стефан, выступая вперед.

Чернявый Диего перевел взгляд со Стефана на Питера.

— Я — за нефть...

— Йорис! — быстро перебил Питер.

— Я? Кхх... Я — тоже. За.

— Ульрика?

— За.

— Фукуда?

Маленький японец склонился в церемонном полупоклоне.

— За, пожалуйста.

— Инга?

— За.

— Киро, ты?

— За.

— Все? Кого нет? Зоя дежурит? И все равно один голос ничего не решает. Итог голосования, я думаю, ясен. Тринадцать — за, двое — против и один воздержавшийся.

— Я воздерживаюсь, — сказала Донна.

— Тогда запиши: воздержавшихся двое. Прошу прощения, забыл еще двоих: себя и... — Питер бросил взгляд на Стефана. — Значит, четырнадцать за и трое против. Полагаю, больше нет нужды возвращаться к

этому вопросу. Подготовку, как и сказал, начинаем немедленно. Бездельников кормить не будем. Кто не согласен, может остаться здесь. Немоощные, больные и симулянты получают столько еды, сколько они заслуживают. Впредь все важные вопросы будем решать сообща.

— Правильно!

— Голосованием...

— Стойте! — крикнул Стефан. — Вы ничего не поняли! Дураки! Он просто хочет занять мое место, ничего не сделав для вас!.. Он всех вас сожрет с потрохами!

Гвалт. Свист. Хохот.

— Мы уходим, Лоренц, — сказал Питер. — И мы возьмем с корабля все, что найдем нужным. Инструменты. Всю одежду. Синтезатор можно погрузить на катамаран...

— Никуда вы не пойдете!

Питер усмехнулся.

— Можешь присоединиться к нам. Я не против.

— Ни с места! — крикнул Стефан, расстегивая кобуру.

И сам удивился, насколько фальшиво и детски-беспомощно прозвучало у него это грозное «ни с места». Ребенок... Дети играют в недетские игры. В который раз играют.

«Махер» зацепился прицельной планкой и не лез наружу. Питер ухмыльнулся прямо в лицо: наверное, Стефан был очень смешон, дергая кобуру, — трясущиеся руки, лицо в красных пятнах... Жалкое зрелище, унижительное.

— Бластер мы тоже возьмем, Лоренц. Дай-ка его сюда.

Проклятое оружие застряло в кобуре. Кто-то из нетерпеливых кинулся на Стефана сбоку. Питер отшвырнул его взмахом руки.

— Давай свой пугач, Лоренц. Все знают, что он разряжен.

— Ни с места! — повторил Стефан.

Бластер оказался в руке, и кто-то один — Маркус? — отпрянул. И это было еще унижительней. Словно одинокий аплодисмент жалостливого зрителя, обращенный к актеру, провалившему спектакль.

— Три шага назад, — приказал Стефан. — Считаю до трех. Раз... Два...

Питер сделал один шаг. Вперед. Он все еще ухмылялся, но его ухмылка застыла, превратившись в маску.

— Три!

— Сзади! — крикнула Маргарет. Ей зажали рот.

Стефан зажмурился. Из дула «махера» вылетела молния и погасла в груди Питера. Раздался короткий шкворчащий звук, будто плюнули на раскаленную сковородку. Питер остановился, озадаченно разглядывая оплавленную пуговицу на фасаде робы. Если он и почувствовал ожог, то не подал вида. Он был удивлен.

Стефан ногой отпихнул того, кто подползал сзади под коленки — подлейший прием! За спиной мальчишка взвыл и покатился. Теперь Стефан целил Питеру в лицо. Он был тверд. Он был скала. Еще можно было взять ситуацию в свои руки. Запугать пшиком... И наступила тишина. Кое-кто попятился. И растерявшийся Питер еще не успел решить, что ему делать: восстановить на лице усмешку — символ победы и превосходства или принять позу покорности...

И тогда неожиданно громко расхохотался Дэйв, и тишина кончилась. Словно выбили подпорку, удерживающую лавину смеха, и лавина рухнула. Ржали все. С подвывом стонали Илья и Диего. Гоготал, сгибаясь пополам, неторопливый тугодум Людвиг, держались за животы Киро и Йорис, сдержанно сипел Фукуда. Давились смехом Уве, Маркус и Ронда. Клокотал,

потряхивая жиром, Анджей. Счастливо визжали малыши. И ухмылялся Питер, который начал понимать, что он выиграл, а Стефан проиграл...

Тогда Стефан бросил бластер в Питера и побежал.

Это было неожиданно, и он успел выиграть два десятка шагов, прежде чем они опомнились. Кинулись вдогон молча, смех как отрезало, и Стефан услышал позади себя топот ног. «Не пускайте в корабль!» — отчаянный крик Уве. Поздно, не успеют. А вот отрезать от пандуса — успеют...

Он влетел в аварийный люк и попытался захлопнуть его за собой. Мешал протянутый наружу кабель. Тотчас от крышки люка со звоном отскочил камень. А может быть, не камень, а нож. Хорошо, что каждая бесшовная труба была на учете — иначе за порохом бы дело не стало, может быть даже бездымным. И свинцовая или стальная дура, неровная, как астероид, двадцать пять миллиметров калибр...

Стефан ушиб затылок: в аварийном лазе смогла бы распрямиться во весь рост разве что Юта. Несколько секунд перед глазами стояла тьма. Заклинить крышку никак не удавалось, и уже кто-то, вопя дурным фальцетом, дергал ее снаружи — нетерпеливый... Стефан облизнул губы. Неужели теперь — все? и не исправить?.. Чего только не было за сорок лет; ему так часто казалось, что он висит на волоске, что он поверил, будто это не волосок, а канат. Выходит, гниют канаты... Нет смысла здесь торчать, обязательно обойдут сзади; там не близкий путь, но первым делом попытаются взять в клещи... Пора. Стефан пополз на четвереньках так быстро, как только смог. Позади скрипело, и ширилась полоска света на стенках лаза. Успеть нырнуть в боковой штрек, прежде чем отвалит крышку и метнут нож! Пусть ищут. Быстрее!..

С коротким лязгом откинулась крышка.

30

Инга ползла в гулкой крошечной тьме, и кто-то точно так же полз впереди нее, стуча коленями и локтями по гнутой титановой кишке, по пыльным и никому не нужным внутренностям донжона, и кто-то полз позади, а за ним еще один, и еще... Кретины, удумали всем скопом в один лаз! Быстрее! Шевелись! Успеть доползти до разветвлений, разбежаться веером по этой паутине, и тогда помогай Лоренцу бог!

Ругаясь, она колотила в пятки того, кто полз впереди — неповоротливого, — а сердце пело, и еще хотелось смеяться без усталости и плакать от счастья. Вот оно какое — счастье. Это совсем просто, Лоренц. Это когда нет твоего «поговори еще у меня» и твоей противной рожи. Это когда есть Питер — и теперь останется навсегда. Это мы — какими мы будем. Не ноющие склочники, не озлобленные пауки в банке — сильное и свободное общество, пусть дура Маргарет каждый день жужжит в уши, что оно, мол, бесчеловечное. Наплевать. Сильные, гордые и свободные люди! Без нянек. Человек обязан заботиться о себе сам.

Уже близко... Они видят его, они его гонят! И это тоже счастье — когда не нужно караулить годами, как прежде, а нужно лишь догнать. Быстрее, ну!..

— Перекрой ему путь в рубку, — крикнул Питер. Людвиг, единственный из сторонников, в ком хватило ума помедлить, прежде чем кинуться вслед за вопящей ордой, показал, что понял и исполнит. — А Донна пусть принесет схему лазов.

Донна медленно покачала головой и отвернулась.

— Нет.

— Можно я ее ударю? — спросила Вера.

— Не нужно. — Питер положил руку Донне на плечо. Девчонка вздрогнула, но сбросить руку не по-

смела. — Ты же у меня умница, верно? Что поделаешь, раз уж так получилось. Теперь все будет не так, как было. Ты ведь это понимаешь, да?

Донна съежилась под его рукой. Конечно, она понимала. И то, что Лоренц проиграл и, зная это, способен на все. И то, что впредь все будет по-другому, само собой. И то, что от того, на чьей ты стороне сейчас, когда по сути дела ничего еще не решено окончательно, зависит в будущем многое, она тоже прекрасно понимала, может быть, лучше других. И все-таки медлила. Девочка, достойная уважения.

— Ты принесешь?

— Можно я ее все-таки ударю? — потеряла терпение Вера.

— Нельзя.

— Я принесу, — тихо сказала Донна.

— Очень хорошо. — Питер оглянулся. Так и есть, ни одного разгильдяя вокруг, кроме ни на что не годного Йориса с разинутым ртом и Ронды с глазами влюбленной кошки. Тащат под замок отбивающуюся Маргарет, гоняют свергнутого узурпатора, устроили крысиные бега по норам, дурачье... — Вера, ты не занята? Найди Уве и вместе с Донной продумайте варианты возможных действий Лоренца. Только побыстрее. Охрану рубки и синтезатора продумайте в первую очередь. Лады?

— Йо-хо-о! — крикнула Вера, срываясь с места.

31

Стефан карабкался вверх по узкой шахте, ошупью находя осклизлые выступы со сгнившим оребрением — конструктивно эта шахта предназначалась как для чер-

вя, так и для человека на случай форс-мажорных обстоятельств, связанных с кораблем. Нижние штреки оказались сверх меры пыльными, но сухими, а здесь что-то капало сверху с упорством метронома, несло сыростью, мокрой ржавчиной и пряным отвратом плесени — то ли земной, то ли местной. Один раз Стефан соскользнул и, холодея от ужаса, повис на одной руке. Дважды попадались недвижно застывшие черви-ремонтники, и он, протиснувшись мимо, обрушивал их вниз на головы тех, кто, возможно, полз за ним следом. Хотя скорее всего никто уже не полз. Ему удалось оторваться от погони минут пять назад, и теперь они могли лишь глупо аукать, ползая по лазам наугад и пугаясь друг друга всякий раз, как столкнутся нос к носу впотьмах. Скоро им это надоест — зато какое неподдельное рвение было вначале! как они пресмыкались быстрыми ящерами, струились, выдохнув воздух, по узостям лазов, скверно бранясь тонкими голосами, когда дорогу преграждал дохлый червь, сгоряча проскакивая такие ходы, где при иных обстоятельствах не проскользнул бы и намыленный дистрофик... Могли бы обойти и зажать с двух сторон, но не обошли и не зажали, только заплутали сами и в конце концов подняли вой, требуя доброго дядю, способного вывести их из лабиринта. Сами виноваты, что не изучали схему ходов! Дольше других на хвосте висел Маркус — Стефан слышал позади себя его упорное сопение и по лязгу металла о металл догадался, что в руке у Маркуса нож. Экий Брут доморощенный, хладнокровный и расчетливый гаденыш, озабоченный сокрытием своей ничтожной тайны... Глупенький, да разве ж ты у меня один такой был?.. Затаившись в ответвлении, он пропустил Маркуса мимо себя, стараясь не дышать. Сердце бухало так, что казалось, резонирует весь корабль, и отзывался в черепе тяжелый молот. Легкие жгло. С минуту Стефан отдышал, не в силах заставить себя двигаться дальше, еще и еще раз переживая ужас погони и не

без острого злорадства сознавая, что облава на него с треском провалилась в самом начале. Он все-таки ушел. Он был один.

Убили бы? Можно не сомневаться. Забили бы, как Дэйва, если бы только не вмешался Питер, — но какой ему резон вмешиваться? Одной проблемой меньше, и кровь не на нем. Удобно, черт подери. Можно было бы позавидовать — прирожденный лидер на взлете! — если бы только он не понимал, как понимаю я, что ничего еще не кончено и не кончится никогда...

Ты думал, я сдамся на милость, Пунн?

Конечно, не думал.

Он полз вверх, отсчитывая боковые штреки. Четырнадцать? Нет, уже пятнадцать. Здесь. Контрольный разъем в специальной нише был тут как тут, на плетеном канате из сверхпроводящей гибкой керамики вырос слой плесени. Бардак на корабле. Стефан немного повозился с разъемом и заорал, когда его ударило током. В шахте отозвалось эхо. Несколько секунд он тряс рукой, чувствуя, как в тело возвращается противная дрожкая слабость. Не то гнездо. А какое же тогда? Пожалуй, вот это. Готово. Теперь надо уходить отсюда, и быстро. Он пополз прочь, еще не зная куда, но зная твердо, что сейчас, вот именно сейчас он должен принять решение. Что толку отсиживаться в лазах — найти теперь не найдут, но рано или поздно догадаются выкурить дымом.

Извиваясь, как червяк, он прополз по узкому штреку в следующую шахту. Горизонтом выше за тонкой переборкой помещался камбуз — слышались голоса и урчал «Ламме», вырабатывая пищевую пасту. Выбить панель, захватить, забаррикадироваться и диктовать условия, угрожая разбить синтезатор вдребезги. Несколько дней выдержу... Гм, они тоже. Прежде всего удар по малышам — опять дойдут до гипотрофии...

Какое-то время он висел, заклинив себя в колодце, и переживал приступ тошноты и слабости. Затем, как сонная муха, нащупал следующий выступ и медленно пополз, боясь сорваться вниз. Малыши, упрямо и зло бормотал он, — а что мне малыши? Нет, правда, — что? Никакого толку, кроме лишних хлопот, бормотал он, цепляясь за выступ, никакой полезной отдачи от них нет и не предвидится, бормотал он, через силу вытягивая себя наверх, так какого рожна я ношусь с ними? Корми их, сопли им вытирай... Родные они мне? Почему мне знать, бормотал он и сатанел, оскальзываясь, — может, кто-то из них и отравил пирожное... Что, стыдно потом будет? Будет, соглашался он. Но — потом, не сейчас. И ведь никто из них, ни один подлец не помешал Питеру даже словом...

Он все еще продолжал бормотать, когда камбуз остался далеко внизу и «Ламме» не стало слышно.

32

— Гадство, — сказал Уве, кусая грязный палец. — Кажется, диагностика неисправности.

— Где это? — спросил Питер.

— Сейчас, сейчас...

— Третья сквозная шахта, между первым и вторым жилыми горизонтами, — проговорила Донна. — Он закоротил датчики слежения. Я бы на его месте тоже так сделала.

— Значит, мы не можем знать, где он? — спросил Питер.

— Вот именно.

— Восстановить можно?

Донна хмыкнула.

— Да, конечно. Если только он не ждет поблизости с дубиной.

— Не ждет, — буркнул Питер. — Его там давно нет. Что я, Лоренца не знаю, что ли.

— Чего мы болтаем! — крикнул Илья. — Схема ходов у нас есть. Разбиться на пары и прочесать еще раз. Выловим!

— Или он тебя, — сказала Донна.

Вера сверкнула на нее глазами, не обещавшими ничего хорошего — не теперь, ясное дело, не при Питере... В ходовой рубке было людно, прихромал даже Йорис и поминутно раздражающе кашлял над ухом. В кресле перед экраном сидел, забравшись с ногами, пыльный, весь в каких-то обрывках Уве и хотел от мозга слишком многого, а то, что мозг сплевывал на экран, выводило его из себя. Питер ходил взад и вперед и тоже смотрел на экран. Вера видела, что он встревожен.

— А торф хорошо дымит, — ни с того ни с сего сообщила Инга. — Выкурить бы...

Питер только отмахнулся:

— Успеется.

Вера хлопнула себя по лбу.

— Синтезатор! Там только Агнета и Киро! — Она вскочила, готовая бежать.

— Он не пойдет к синтезатору, — быстро сказал Питер. — Он придет сюда, в рубку. Вот увидишь.

И снова начал вышагивать — взад-вперед, взад-вперед. Как маятник. Текли минуты.

Картинка на экране изменилась. Пульт прерывисто загудел.

— Ого, — сказал Уве. — Нет, ты посмотри, посмотри, что делает! Он разомкнул контур защиты реактора! А, ч-черт! Не знаю как, но разомкнул! Если только это не сбой...

— Таких сбоев не бывает, — тихо сказала Донна. — Эй, ты бы поосторожней с пультом...

— Без тебя знаю! — рявкнул Уве. — Заткнись, не мешай!

— Насколько это серьезно? — спросил Питер.

Донна взглянула на него насмешливо.

— Тебе лучше знать: реактор — твоя епархия. Теперь одна команда с пульта — и готово. Всех дел на полторы секунды. Настоящего взрыва, может, и не случится, если очень постараемся... ну разве что кора проплавится до мантии и озеро выкипит. — Она всхотнула. — И давно пора. Уйду-ка я отсюда... Не люблю драк.

Она вышла — худющая и прямая, как палка. Никто ее не остановил.

— Можно это заблокировать с пульта? — спросил Питер.

— Нельзя.

— А откуда можно?

— Да не знаю я! — страдальчески выкрикнул Уве. — Меня Лоренц и близко не подпускал...

— Так, — сказал Питер, оглядывая всех. — Кто еще сомневался, что Лоренц идет сюда?

Он остался доволен осмотром. Никто из них не сомневался — потные напряженные лица, пара как по волшебству выскочивших из карманов заточек, настроженные уши у люков, тишина... Можно расслабиться: пока они сообразят что к чему, будет поздно и Стефан успеет уйти. Пусть до поры помаринуются в рубке, не стоит развращать их мыслью, что капитана можно убить — все равно какого капитана. Он не дурак, этот Стефан, но даже Донна не понимает, насколько он не дурак, коли вообразила, что он вломится в рубку и попытается шантажировать. Ну, допустим. Прорвется? Никаких шансов. А если и прорвется, долго он тут продержится? Жить тут намерен безвылазно до конца дней? Пугает, хитрец, пытается обмануть... Ло-

ренц сгоряча способен наломать дров, он не раз ошибался, но если у него было хотя бы три минуты на размышление, он всегда принимал правильное решение. Ценный человечек, амбиций только навалом, и приручать его, когда он, оголодав, вернется, придется не год и не два. Куда как проще с остальными — подобрать у щенков ножи, почаще советоваться с ними по пустякам — заслужили! — и подкармливать одного-двух осведомителей, к примеру, Маркуса...

— Йо-хо, — позвала Вера.

— Чего тебе?

— А если он не придет?

Питер мрачно оглянулся на нее через плечо.

— Поговори еще у меня...

Но он сказал это про себя, и Вера не услышала.

33

Стефан почти уже одолел перелаз, когда по частоколу — словно гвоздь вбили одним ударом — тукнула первая стрела. Он с усилием перебросил тело через острия бревен, и тут же следующая стрела выбила крошку из гранита шагах в десяти — торопясь задеть, стрелок сорвал спуск, да и целиться под таким углом ему было несподручно. Бежать! Уйти как можно дальше, пока Зоя не успела поднять тревогу. Он обманул всех, показав, что готов на отчаянный и бессмысленный шаг, заставил их ждать его там, куда он не собирался. Он ошибся только раз: когда полез к стреломету и совсем как в отравленном ночном кошмаре увидел прямо перед собой черную дырку разрезного ствола и услышал грозное гудение пошедшей стрелы. Что-то хлестко ударило о край люка и срикошетировало со звоном. Заорав, он ссыпался вниз, не попадая ногами

на ступени трапа, и кинулся прочь, потому что ничего другого ему не оставалось, спасение было в ногах, а стреломет остался цел, и стрел, как видно, было в достатке. По восторженному реву Стефан успел осознать, что ему еще повезло: со стрелометом, прогнав Зою, управлялся Дэйв — этот сперва стреляет, потом целится, мазила редкостный.

Стефан бежал. Коридоры сменялись трапами, а трапы — новыми коридорами, ответвлениями, темными пастями коммуникационных шахт. Казалось, корабль не кончится никогда и все так же будет гол, пустынен и тих, но он все же кончился, и только тогда, будто ждала этого специально, завывла низким тянущим воплем сирена общей тревоги — прерванная охота готова была возобновиться. У самого лацпорта откуда-то сбоку вынесло Илью. Стефан с криком прыгнул на него, оторопевшего, отшатнувшегося от крика, но все же успевшего выхватить нож, уделал ногой в живот, а потом еще раз и еще, так что можно было надеяться, что Илья немного полежит, прежде чем ему захочется вновь принять участие в охоте.

Дайте мне уйти. Я вас не тронул, хотя мог бы это сделать. Вам все равно не перекрыть доступ ко всем системам, сколько ни старайтесь. Может, и нужно было это сделать — для вас же, хотя этого вы не поймете никогда. Но я не смог... Наверное, потому что я не настоящий капитан. Настоящий смог бы и заставил бы вас потом превознести его до небес — а я прошу вас только об одном: дайте мне уйти...

Пандус. Постройки лагеря, и надо петлять между постройками. Прищуренный взгляд стрелка — сверху вниз...

Он бежал, укрытый от новых стрел частоколом, а когда частокол кончился, повернул к озеру и надал зигзагами. У берега кое-где можно укрыться за гранитными складками и выбраться перебежками из зоны

обстрела, а там — в лес, в лес! Гоняют, как зайца... Он не чувствовал под собой ног, только свирепо резало в легких и временами темнело в глазах. Он не знал, сколько раз по нему стреляли со сторожевой площадки, один лишь раз он услышал стрелу, и то потому, что она, как шершень, прожужжала над самым ухом.

Добежав до берега, он оглянулся на лагерь. Ворота в частоколе были подняты, из них выбегали крошечные черные фигурки и расходились веером, беря в облаву. Какое-то время казалось, что он успеет в лес раньше их, но они бежали куда быстрее, им не надо было петлять, уходя от стрел, они не так устали, как он, и их не травили ядами в пирожных...

Тогда он бросился в озеро и поплыл.

Еще две стрелы, чмокнув, ушли в воду рядом с ним — шагах в трех справа и прямо перед носом. Больше с площадки не стреляли, и вскоре Стефан, экономя силы, перестал нырять. Черные фигурки стояли у уреза воды и смотрели, как он плышет. Был ли среди них Питер, Стефан не видел. Это оставалось за спиной — люди, их проблемы и склоки, балансирование на проволоке над их головами и долгое-долгое ожидание падения. А впереди было озеро — холодная ровная даль, гладь воды и больше ничего до самой смерти.

ИНТЕРМЕЦЦО

— Он что, псих, потомок твой Стефан?

Тут как тут.

— Почему?

— Как это почему? Сам же писал: все равно не перекрыть доступ ко всем системам... Я бы на твоём месте дал Стефану больше степеней свободы. Кстати, и тайник с консервами очень бы ему пригодился. Не

могу поверить, чтобы такой типчик, как Стефан Лоренц, ни с того ни с сего начал вдруг рефлексировать, как особь омега. Псих и есть.

— Как у тебя все просто: рефлексировал... Да он просто не смог, вот и все. Наверно, для каждого существуют запредельные поступки — то, чего нельзя. Человеку некого винить в том, что он устроен так, а не иначе.

Смешок.

— Хорошая фраза, запиши. Вдруг пригодится. Только учти: чем больше ты пишешь, тем дальше отходишь от того, как было на самом деле.

— Да неужто?

— Представь себе. Между прочим, теперь это тебя не очень-то занимает, я не прав? Тебя ведь уже начинает волновать простейший и, в общем, простительный шкурный вопрос: то, что ты пишешь, — доживет ли до нас, чтобы мы могли похихикать?

Хватил... И думает, что по больному месту.

Он все-таки дурак. Или вправду свято верит, будто между качеством текста и его долголетием существует хоть какая-то разумно объяснимая связь. Свежо предание...

Сейчас я дам ему сдачи, и больно.

— Так что там произошло на самом деле? Боишься разболтать? Посодют? — Делаю ударение на «о» и «ю».

Он все еще чувствует свое превосходство.

— У нас другие методы...

— Самое главное ты уже разболтал, — говорю я медленно и злорадно. — Теперь я точно знаю, что человечество, что бы с ним ни случилось, переживет ближайшие столетия, что вы ТАМ живы, а больше ничего мне от вас и не надо...

Молчание.

Не надо ли?..

Иногда я довольно ловко вру.

Из телефонной трубки не валит дым, и на том спасибо.

Ту-у... ту-у... ту-у...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

На Земле заканчивался очередной век, по обыкновению отягощенный хвостом пророчеств и туманных знамений.

Словно переход из одного столетия в другое означал нечто большее, чем прибавление единицы к четырехзначному числу, словно рубеж столетий был преградой, за которой скрывался незнакомый опасный мир, коверкающий человеческую сущность по собственному разумению, неотвратимое приближение преграды сопровождалось опасениями и легковерием. И, несомненно, если бы людей спросили о добровольном желании преодолеть эту преграду, половина из них ответила бы решительным «не хочу». Неожиданно для многих выяснилось, что уходящий век был вовсе не так уж плох.

Ждали. Боялись. Надеялись.

Говорили, что новейший проникающий аппарат для зондирования Будущего, запущенный под строжайшим контролем секретной комиссии Объединенных Наций, сумел вернуться и доставить образцы, коими при внимательном исследовании оказались капельки тумана самого заурядного химического состава.

Говорили, что на корриде в Памплоне некий бык, вдруг перестав гоняться за досаждавшими ему бандерильерами, рогом начертал на песке арены внятное кастильское: «Не подходи — убью!» — и, когда ему все же не поверили, привел свою угрозу в исполнение.

Говорили, что закон о репрессиях за преследование реэмигрантов с Новой Терры, Новой Тверди и

Новой Обители будет принят единовременно и повсеместно.

Говорили, что в Мировом океане вновь появилась рыба.

Даже самые терпеливые перестали ждать конца света, обещанного еще в 2146 году. Некоторые, впрочем, уверяли, что конец света уже наступил, только никто его толком не заметил.

Говорили, что как пить дать.

Говорили, будто конституционный монарх одной из азиатских держав велел сделать себе на груди наколку «А король-то голый!», чтобы, будучи одетым хотя бы в плавки, приятно сознавать, что и короли иногда ошибаются.

Говорили, что будет хуже или лучше, но как-нибудь будет обязательно.

О том, что надо меньше говорить, говорили особенно красноречиво.

Говорили тенором, баритоном, басом, фальцетом, контральто, сопрано, дискантом и альтю. Шепотом тоже говорили.

Глухонемые говорили пальцами.

Серобактерии и сине-зеленые, заброшенные в атмосферу Венеры, мутировали и отказались сотрудничать с людьми.

Космический транспортник под флагом Либерии обнаружил 237-й естественный спутник Сатурна размером 1,5х3 метра за две секунды до столкновения с ним, после чего спутник перестал существовать, а корабль доковылял до ремонтной базы.

Правительство Оттоманского Союза приняло решение перенести столицу из Пензы в Астрахань.

Конфессия христиан-нонконформистов публично объявила видимую Вселенную ничем иным, как одним из забракованных Господом черновиков мироздания, и призвала к поиску чистовика в параллель-

ных пространствах. Кое-где прошли волнения, вызванные терминологическими неточностями формулировок.

Извержение Эльбруса вошло в историю как крупнейшее за последнее тысячелетие, превзойдя своей мощью взрыв Тамбора в 1815 году.

Цепляясь за планету, копошилась жизнь, а разум, цепляясь за жизнь, как былинка цепляется за палимую солнцем скалу, возвеличивал то, что ниспровергал вчера, и ниспровергал возвеличенное, проникал и устремлялся, бился в неразрешимое, отступал и устремлялся снова.

И не было этому конца.

2

Форель попалась громадная — дернуло так, что цветной шнур исчез под водой мгновенно, как его и не было, и тут же рвануло с такой яростью, что Стефан едва успел погасить рывок удилищем. Леса отчаянно заметалась. Теперь должно было начаться самое интересное — тот полный душевного трепета момент, которого ждет каждый любитель ловли нахлыстом и ради которого он готов часами, оскальзываясь на придонных валунах, бродить, коченея, по пояс в бурлящей воде, держать равновесие в бестолковых струях и сносить плевки холодной пены, зато результат... м-м... о результате можно писать поэмы, даже если улов составит один-разъединый недокормленный хариус калибром с мойву. Даже если клевать не будет совсем.

Потому что улов не главное, меланхолически размышлял Стефан Лоренц минуту назад, навязывая на шнур очередную мушку. Главное — искусство, удовольствие, как скажет любой промокший рыбак, возвратившийся с неудачной ловли, в ответ на сардонические

вопросы жены. И он будет прав. И еще более он будет прав тогда, когда пошлет подальше любого, кто напомним ему его слова в тот момент, когда рыба — настоящая рыба, не недомерок — попалась и бьется на крючке, имея все шансы уйти, если только рыбак допустит малейшую оплошность...

Он осторожно стравил немного лесы — форель металась из струи в струю с остервенением плохо загарпуненного кашалота, — сделал шаг к берегу и присвистнул: на прибрежной каменной россыпи возле самого рюкзака с уловом сидел и алчно принюхивался здоровенный бурый медведь. Надо было полагать, что из лесу он вышел не только что, поскольку успел уже освоиться и не обращал никакого внимания на ненормального, забравшегося в резиновых штанах на середину реки, где, по-видимому, ненормальным самое место. Намерения зверя просматривались явственно: в первую очередь его интересовал десяток хариусов, покоящихся на дне рюкзака, интересовали его и две мелкие форели, покоящиеся там же, а на человека он плевать хотел, и только когда человек завопил и замахал руками, показав нежелательную заинтересованность в развитии событий, медведь не спеша поднялся на задние лапы и нехотя, ритуально рывкнул. «Брысь!» — еще громче заорал Стефан и оступился. Вода покрыла его с головой, она была белая от воздушных пузырьков и беснующаяся сотнями маленьких водоворотов, ей совсем не нравилось течь спокойно, больше всего ей хотелось бы вынести человека в основную струю и кубарем прокатить его от начала порога до конца, дабы неповадно было лезть куда не надо, но Стефан уже нащупал ногой новый камень и выпрямился, фыркая и отплевываясь. Удилища он не выпустил, и, как ни странно, форель все еще была на крючке. Его снесло ниже, но отсюда было нетрудно выбраться на берег. Медведь на берегу допросился-

таки: в кармане рюкзака сработал инфразвуковой сторожок, и зверь, обиженно трясая косматым задом, с паническим ревом галопировал в лес.

Трепещущая форель полетела в рюкзак, а Стефан подумал о том, что было бы неплохо развести костер, но возиться с ним было лень. Он снял с себя всю одежду, разложил ее для просушки на прогретых солнцем камнях, поплясал для обогрева и провел ревизию свежих синяков и ссадин. После купания снова лезть в воду не хотелось совершенно. Рыбацкий азарт не вполне еще угас в нем, и в принципе можно было порыбачить еще, но ни один уважающий себя нахлыстовик не станет забрасывать мушку с берега, как какой-нибудь лопухий новичок, вчера купивший спиннинг и воображающий, что способен обставить настоящих асов нахлыста в этом великом искусстве, в то время как способен он только на то, чтобы распространять дурной тон.

— Ладно, — сказал он вслух, складывая спиннинг, — рыбы им хватит. А не хватит, пусть сами идут и ловят.

С час он валялся на валуне нагишом, млея, лоя кожей бледный северный загар, и неодобрительно шурился, рассматривая медленно наползающую с запада облачную грядку. Солнце спряталось. Ворча, Стефан натянул на себя влажную одежду и постучал зубами на ветерке. Вот так и зарабатывают ревматизмы с радикулитами, подумал он. Ну да ерунда, не нодью же мастерить, когда до дому всего час ходьбы и нет других дел, кроме осмотра кривой сельги по-над болотом. Крюк, но небольшой.

Охотничий карабин висел на плече. Видно было, что от реки медведь пер напрямик через холм, как чемодан «Большой Берты» при низкой наводке, с той существенной разницей, что чемоданы не оставляют с перепугу жидкого следа; вот тут он ломился через

можжевельник, только рев стоял, и сокрушил титанический муравейник, а вот тут — мох с камня содран широкой полосой — он карабкался на гранитный увал, не сообразив сдуру его обойти, и еще минут пять Стефан шел по следам панического бегства, только потом медведь сбавил галоп и свернул вокруг болота. Станный какой-то медведь: и незнакомый след с обломанным когтем, и пуглив не в меру. Не мой медведь. По соседнему участку тянут дорогу на Вокнаволок, вот его, наверное, и шуганули, бедолагу. Вообще-то на случай интимной встречи с медведем требуется кое-что посерьезней этой пукалки, но ягодным летом хозяин смирный — сытый и умный. Может долго преследовать по следам и не напасть, если только не подранен каким-нибудь глупым мерзавцем. Бывают, конечно, исключения... Стефан похихикал, вспоминая, как прошлой весной отсиживался в сарае, в то время как медведь крушил во дворе мачту энергоприемника, и как потом, стремглав перебежав в дом, полдня не смел высунуть оттуда носа. И что медведю в мачте не приглянулось? Мачта как мачта.

Он шел по кромке сельги, обходя валуны, приглядываясь к малейшим изменениям. Разбросанные перья рябчика — охотился горностай. Соль у большого валуна олени еще не обнаружили, а ту, что в лощине, слизали подчистую. Рысь Фимка увела выводок глубже в лес, натаскивает потомство на глухарей да зайцев. Лёт черных усачей только начался, но уже видно, что их меньше, чем в прошлом году, и это хорошо — лес сам себя защищает, и не нужно завозить дятлов. За браконьерским самострелом недавно приходил хозяин — и матерился же, наверно, найдя затвор вынутым, а «глаза», естественно, не обнаружил, хотя заметно отчетливо, что искал. Заматерится еще не так, обнаружив в почтовом ящике повестку в суд. Подолом. Глупый, конечно, — умные не попадают.

Он шел, придерживая карабин, радостно чувствуя легкую приятную усталость, а что одежда не высохла, так переживем, потом высохнет, а дома ждет уют, и непрменный стаканчик клюквенной, и извергающаяся вкуснятиной огненная печь — люблю кули-нарить! — и, естественно, фирменное вино из морошки, потому что еще до вечера приедут друзья, лучшие из немногих... полтора, кажется, года не виделись... ну да, полтора и есть, зима еще стояла сверхснежная, снежокат из сугроба втроем тянули, да так и повалились друг на дружку, гогоча, как мальцы... Ах, какое это счастье, и как это просто и естественно, естественно-просто — идти и идти по лесу в погожий день, идти к друзьям с уловом, обходя выпестренные лишайником валуны, топча сапогами толстый пружинящий мох, вдыхать густой сосновый дух, иногда наклоняться нестарым еще, крепким телом, чтобы швырнуть в рот ягодку черники, замечать и работу белки над шишкой, и проползшую в багульник изящно-глянцевую гадюку, и первый пробившийся из мха оранжевый подосиновик на толстой ноге, легко размышляя о том, что, наверно, нигде во Вселенной нет такого места и леса, в котором так легко дышится и не надоест прожить целую жизнь, а ведь лес еще не все — есть в нем и дом за оградой, построенный для себя своими руками, и сарай, и энергоприемник на заново возведенной мачте, и обе баньки — финская и русская, а рядом природный бассейн в ручье, где можно добиться, чтобы вода покрыла тело почти целиком, если упасть горизонтально и поерзать между камнями. А крепкие сосны, обнимающие корнями скалы? А северная красота, не запечатлимая ни на чем и никем почти не запечатленная? Вот, кстати, вопрос — почему? То ли лентями были великие пейзажисты, то ли в средствах стеснение имели, а только дальше Днепра или соснового бора средней полосы — ни ногой. А

может, были они просто умными людьми и запечатлевали то, что надо запечатлевать, оставляя в покое то, что надо всего лишь чувствовать тому, кто умеет? Возможно. Надо будет спросить об этом Маргарет, она тонко чувствует, а от Пита, как обычно, ничего не дождешься, кроме «сдаешь ты, старик... к делу тебя надо, а не к лесу... ты же готовый первопроходец, хочешь, поговорю о тебе с кем надо?». Нет, вы хорошие ребята, свои в доску, но как хотите, а эту тему я вам развивать не дам. Отстаньте. Мне и здесь хорошо — лучше не бывает. Это вам не хождение по мукам за три моря, это — удовольствие!

А ведь врешь, скажут: а заунывные дожди неделями? а зимняя темень? а комарье, к которому ты уже привык настолько, что не чувствуешь его в самое комариное лето? а гнус, к которому привыкнуть невозможно, потому что любимое его занятие заползти за ухо и уже там откусать вволю, да так, что опухшие уши горят адским пламенем и очень хочется оказаться дома и запихнуть голову в морозильную камеру... Бывает? Еще как бывает, только все это ерунда, и вы, мои хорошие, голову мне не морочьте, не выйдет. И не такие морочили, а чего добились, кроме пшика? Не нужны мне ни ваши города, ни твой, Пит, космофлот, ни в особенности Новая Твердь, Новая Терра и Новая Обитель. Побегали оттуда эмигранты — ведь побегали, Пит, спорить не станешь? — сам их возишь и знаешь лучше меня, что мы зацепились за колонии лишь молодежью, что выросла уже ТАМ, а старики вроде нас с тобой возвращаются обратно в шум, в тесноту, в отравленные города — а почему? Потому что — Земля. И правильно, так что о новой волне эмиграции ты мне не пой, дружище. То ли где-то наконец поняли, что Землю нужно очищать не только и не столько от человечества, то ли решили, что человечество не настолько ценный злак, чтобы засеи-

вать им Вселенную... Давно пора понять. Да и что засеивать-то, Пит? Общеизвестно, что мир представляет собой одну большую дырку без бублика, а вот относительно существования бублика в прошлом источники расходятся во мнениях: одни утверждают, что бублик-де некогда существовал, да был съеден; другие же категорически утверждают, что его пока и не было, ибо развитие идеи бублика начинается с дырки, которая уже имеется, а дальше, как говорится, дело наживное... Шучу, шучу. Нельзя об этом шутить, а я шучу. Весь фокус в том, что ты ничего не сможешь мне возразить, Пит, а если и сможешь, то как-нибудь по-дурацки, потому что втайне ты мне завидуешь, хотя и вбил себе в голову, что это я должен завидовать тебе. А с какой стати? Молчишь...

3

— Нет и нет, — сказал Питер и укусил пирожок. — М-м, вкусно... Знаешь, тут ты настолько не прав, что я даже не хочу с тобой спорить. Ты, старик, просто не в курсе: реэмиграция — это как мода, скоро на спад пойдет. Уж ты мне поверь: обратные рейсы у меня всегда полупустые, а туда набиваются — корпус трещит. Слышал, наверное: недавно еще один кислородный мир нашли, уже пятый, так там, говорят, просто рай...

— Ты его видел? — перебил Стефан.

— Допустим, не видел, что с того? Я же рейсовый: Земля — Твердь, Твердь — Земля... Допустим, слышал от заслуживающих доверия. Уверяю тебя, рай, притом незагаженный.

— У меня и здесь рай незагаженный, — возразил Стефан. — Ты что скажешь, Марго? Правда, рай?

— Пожалуй. — Маргарет кивком показала на окно в пятнах алых бликов. Красный закатный шар пробирався сквозь лес к холму за ближним озером, и деревья вспыхивали. — Там-то рай, а вот вы мне оба надоели — который раз спорят и который раз ни о чем.

Питер захохотал, откинувшись на стуле. Стефан улыбнулся:

— Твоя жена нас не понимает.

— Где уж ей, — сказала Маргарет. — Что вообще может понимать женщина? Только то, что мужчины еще глупее, чем хотят казаться, и воли им давать не нужно. Больше ничего. Дети малые, одно слово. То борьбу затеяли, то поспорить им удовольствие, а у кого уши вянут.

— Это у кого же? — спросил Питер.

— Ты ее слушай, — поддакнул Стефан. — Твоя жена умная женщина, скажешь, нет? Внучка-то в нее? Ну то-то. А на лопатки я тебя сегодня положил, а не ты меня. Вот возьми еще пирожок и не морщись.

— М-м! — Питер отхлебнул клюквенной, послушно заел пирожком и закатил глаза в блаженстве. — Рай не рай, а кормишь отменно. Где такую шамовку берешь?

— Копченый сиг, а вот эти с лосятиной. В общем, что охраняю, то и имею. Кстати, тут на соседнем участке требуется младший смотритель — замолвить за тебя словечко?

Питер поперхнулся.

— Опять за свое? — грозно спросила Маргарет.

— Молчу. — Стефан поднял руки, сдаваясь, и хлопал в ладоши над головой. — Жаркое!

Дух от жаркого из лосиной вырезки был умопомрачительный, а под копченную на ольховом дыму щуку и слабосоленую розовую семгу степенно побол-

тали о том, что семги нынче мало, зато щука в реке расплодилась в количестве ненормальном, вот она семужью молодежь и выедает, и никто ее толком не ловит, поскольку заповедник, а одному смотрителю с такой прорвой вовек не управиться, хоть каждый день приглашай к себе гостей с отменным аппетитом, и вообще щука по-настоящему не рыба, а крокодил — верно, Марго? Поговорили о крокодилах, земных и твердианских, затем Питер поинтересовался, ловятся ли здесь раки, на что Стефан помотал головой, а Маргарет заявила, что раки на Севере не водятся, пора бы Питеру хоть сколько-нибудь ориентироваться в земных экосистемах, и Питер тут же спросил, водится ли здесь пиво. Пива он не получил и согласился удовлетвориться вином из морошки под новую рыбку, о породе которой даже Маргарет не смогла сказать ничего определенного, Питер же методом исключения выяснил, что это не кит, а больше ничего не выяснил. Оказалось — палья. Потом Питер сказал «уф» и отвалился от стола, а за ним сказал «уф» Стефан и тоже отвалился. Маргарет потеряла из виду утекшую из-за стола Джей — «ну я этой девчонке!» — не докричавшись, стали втроем искать в предвкушении воспитательного момента (Стефан шутя предложил разбить дом на квадраты) и нашли в сенях за игрой в реконструктор.

— Положи игрушку сейчас же! Будешь еще прятаться? Будешь?

— Не-а.

— Сколько раз тебе говорить, чтобы не играла в эту дрянь? Будешь послушной девочкой?

— Не-а... Ладно, буду.

— Ну тогда еще морошки возьми. Или пирожок.

— Не-а. Пузо болит — слюнев объелась. Ба, а мы сегодня в лес пойдем?

— Джеймайма Энджела Пунн! — строго сказала Маргарет. — Сейчас ты умоешься, почистишь зубы и ляжешь спать. Понятно? Ночь на дворе.

— Не хочу спать! Не хочу! Ночью солнца не бывает! Деда, скажи ей! Дядя Стефан! Я не хочу спать!

— Накажу, — пообещала Маргарет.

— А мне лень наказываться. Ну хоть немножечко погуляем, ба! Ну хоть до озера...

— Завтра погуляем, — сказал Стефан. — Обязательно. Я вам такие места покажу — ахнете! Только уговор: по дороге не разбегаться, а где скажу, там вообще от меня ни на шаг. Есть тут один участочек — мины еще с маннергеймовских времен под самым мхом. Насквозь ржавые, а на прошлой неделе один лось подорвался. Такая вот археология. Я одну выковырял, ее в руки брать можно — не рассыпается. Хорошо лежала.

— Лось, говоришь? — Питер с сомнением посмотрел на остатки жаркого. Джеймайма пискнула от удовольствия.

— Лось, — сказал Стефан. — Что я вам, браконьер?

— Мне сейчас тошно станет, — морщась, заявила Маргарет. — Фу! Падальщик. Уж от кого, от кого, а от тебя никак не ожидала.

— Свежати́на! — закричал, протестуя, Стефан, а Питер опять захохотал. — Нет, правда, чего ржешь? Какая тебе разница, от чего он помер, не от яда же. Я тогда руки в ноги и на взрыв побежал, думал — рыбу глушат. Мясу-то для чего пропадать? Ты мне лучше вот что скажи: тебя в твоём космофлоте хоть раз настоящим мясом кормили?

В споре выяснилось, что однажды все же кормили — тем самым твердианским крокодиллом, существом флегматичным, неопасным и отчасти пригодным в пищу. Вот

напитки на Тверди правда дрянь, зато какие местные девочки стол накрывали — это ж умереть можно!..

— Ну-ка, ну-ка, — сказала Маргарет. — Об этом, пожалуйста, подробнее.

— Пег, я абсолютно не...

Стефан засмеялся.

— А я тогда, честно сказать, глядя на тебя, в космофлот пошел, — признался Питер и потянулся за вином. — Пег, ты это брось... Я совершенно трезв. Да, о чем я? Ага. Я ведь надеялся, что мы с тобой в один экипаж попадем, а ты и съюлил с полдороги в кусты... Верно, Пег?

— Чего я никогда не мог понять, — заметил Стефан, — это почему у вас, англосаксов, Маргарет и Пегги — одно и то же?

— Съюлил в кусты!..

— В кусты, — согласился Стефан. — В деревья. В камни. В озера. И очень хорошо сделал, что съюлил. Я вот что думаю: хорошо, что нас тогда из Канала обратно выбросило. Я крокодилов не люблю — что мне на Тверди делать?

— Это ты так думаешь. Отец как — здоров?

— Здоров, что ему будет. Вышел в отставку аж в шестьдесят, живет в Тарту. Мы иногда созваниваемся. Крепкий старик и упрямый. Все пытаюсь подбить его на мемуары, а он: кому это нужно? Мне, говорю, нужно. Обойдешься, отвечает. Для внуков он, может, и написал бы, а для меня ему неинтересно.

— Ты второй раз так и не женился? — спросил Питер.

Стефан махнул рукой и успел поймать блюдо с рыбой.

— Одного захода хватило. Какой только глупости не сотворишь по молодости.

— За холостяков! — провозгласил Питер, поднимая стакан. — До дна!

— Что-то вы быстро спелись, — сказала Маргарет. — Он что, уже пожаловался?

— Ему-то грех жаловаться, — возразил Стефан. — Отбил вот, не спросив... В жизни не прощу! Дуэль!!

— А ты где был, когда я отбивал? — парировал Питер. — У кого и отбивать-то было...

— А? — прищурилась Маргарет. — Что скажешь? Джеймайма хихикнула.

— Э, так не пойдет! — закричал Стефан. — Что дурак был — да, согласен, он самый, а вот что слепой — извините! Все видел! Если не приставал к тебе, то только потому, что ждал, когда ты ко мне приставать начнешь!

— Нет, вы видели! — возмутилась Маргарет. Питер откинулся на спинку стула и заржал. — Каков фрукт! А знаешь, я тебя побаивалась тогда, на корабле: как же — сын капитана! в рубку вхож! А вот на него совсем не обращала внимания, надоел он мне до смерти...

— Спасибо, — поклонился Питер.

Вспомнили Ронду, Людвига и остальных, поспорив о том, кто на кого обращал тогда внимание и во что это вылилось впоследствии. Отбивая ладонями такт, спели хором «Контрабандные товары», потом Стефан спел «Грызет меня комар» и сорвал аплодисменты, а чуть погодя появился вареный лосиный язык, нарезанный ломтиками, и его съели, хотя казалось, что больше ни единой крошки впихнуть в себя не удастся, вслед за чем Маргарет сообщила, что непременно умрет на месте от разрыва кишечника, а Питер, нашедший место еще для стаканчика клюквенной, вдруг бодро заявил, что готов подумать о месте младшего зрителя после выхода в отставку, чем привел Стефана в ликование. Было в этом что-то такое, что могут оценить лишь старые друзья — сидеть за столом, наблюдая в окно катящийся по склону хол-

ма колобок солнца, и изводить время на пустой треп, скрещивать выпады и контрвыпады, пресекать всякие воззвания к здравому смыслу, с неутомимой легкостью накручивая одну глупость на другую, и при этом чувствовать, что все трое абсолютно, немеренно счастливы и нет во всей Вселенной ничего такого, что могло бы помешать этому счастью. И не может такого быть.

По небывалой тишине фона заподозрили неладное и, разумеется, опять хватились внучки. Процедура поисков и ауканья повторилась с той незначительной разницей, что Джеймайму на сей раз обнаружили не в снях, а в стенном шкафу, и опять-таки с любимой игрушкой на коленях. Реконструктор был включен и показывал картинку, звука не было слышно за педагогическим хором, а Джеймайма, увернувшись от шлепка, показала язык и объявила, что готова лечь спать при условии, что завтра ее покатают по озеру, но только чтобы там и в помине не было водяного слона, а рыбе разрешено быть, пусть плавает.

— Что еще за водяной слон? — спросил Стефан, когда Джеймайму удалось уложить в кровать. — Мы в свое время больше историей увлекались, помнишь, Пит? Саламин там, Канны и прочее. Одну Фарсальскую битву прокручивали раз тридцать с разными вводными, и, насколько я помню, Цезарь побеждал только два раза два...

— Один раз, — уточнил Питер. — Я точно помню.

Перебивая друг друга, вспомнили и то, что в одном из прокрученных вариантов Цезарь после поражения бежал в панике в Египет, а настырный Помпей получал в дар его голову и путался с Клеопатрой, и то, что республика в Риме вскоре гибла — с большим или меньшим кровопролитием, в зависимости от вводных, но гибла неизменно, сколько вариантов ни прокручивали... Да, а что за водяной слон-то?

— Она НАС прокручивает, — объяснила Маргарет. — Я когда первый раз увидела, прямо в ужас пришла. Думаешь, почему она на тебя поначалу букой смотрела? Ума не приложу, что с паршивкой делать, какой-то совершенно извращенный ум. Знаешь, какие вводные? Мол, нас — тех еще! — вышвырнуло из Канала где-то у черта на рогах, причем взрослые дружно перемерли на какой-то ненормальной планете, а дети перестали взрослеть. Представляешь?

— Это как — перестали взрослеть?

— А вот так.

— Любопытно, — ухмыльнулся Стефан. — Я бы лично не возражал найти такую планету, где не взрослеют: на шестом десятке взрослеть что-то уже не хочется... Хм, это она сама додумалась? С фантазией внучка, поздравляю. А в чем, собственно, ужас? Нормальная групповая робинзонада, увлекательно даже... — Маргарет передернуло. — Нет, а что? Я бы взглянул одним глазом.

— Взгляни, взгляни, — сказала Маргарет, — не пожалей только. А я лучше уйду, не хочу себе настроение портить...

Но она не ушла, пробормотав: «Хуже наркотика, ей-богу», и, сложив руки на коленях, тоже стала смотреть.

4

— Ты прости, — сказал Стефан. — Ни о чем другом не могу говорить, понимаешь?

— Ни о чем другом говорить и не нужно, — отозвалась Маргарет.

Они сидели на нагретом полдневным солнцем камне. В двух шагах ниже них озеро глодало скалу. Ворча в камнях, надвигалась вода, облизывала шершавые плиты. Откатывалась. Маргарет казалось, что за два дня, прошедших со времени бегства, кожа Стефана сделалась темной, как камни.

— У тебя пальцы еще не трескаются? — спросила она.

— Что? — не сразу понял Стефан. — А, нет, еще нет. Спасибо.

— Упустишь — будет больно, — предупредила Маргарет, — особенно с непривычки. Хочешь смажу?

Пока она мазала ему руки, он молчал. А когда она, удовлетворенно хмыкнув, убрала коробочку с мазью в карман куртки, он спросил, стараясь придать голосу как можно больше равнодушия:

— Ну и как там в лагере?

— Живем, — так же фальшиво-равнодушно, как Стефан, сказала Маргарет. — Отчего не жить? А хуже или лучше... вот завтра кончится праздник, тогда и увидим, хуже или лучше...

— Какой опять праздник? — Стефан растерялся, не сразу сообразив. — А, ну да, ну да. — Он коротко и зло хохотнул. — В честь избавления праздник. Понимаю. Без праздника нельзя... Неужели целых три дня?

Маргарет кивнула, подтверждая, и Стефан уже прикидывал в уме, насколько придется увеличить ежедневную норму добычи торфа, чтобы в обозримые сроки ликвидировать прорыв. Прикинув, он присвистнул и покачал головой. Н-да... Зря Питер расслабил людей, как бы потом не пришлось кусать локти. Незаслуженные потачки до добра не доводят. И торф будет недосушенный, а синтезатор этого не любит...

— Он что, вправду сумасшедший?

— Вряд ли. — Маргарет улыбнулась. — Знаешь, по моему, он соображает лучше нас с тобой. Рискует — это

да. Пока ему в рот смотрят, можно и рисковать. Он говорит, что теперь каждый должен работать за двоих, чтобы в кратчайший срок накопить запас продовольствия для переброски лагеря через водораздел. И что сильное и свободное общество, сильные и свободные люди... Он теперь вообще много говорит.

— Я уже считал, какой это будет кратчайший срок, — перебил Стефан. — Год, как минимум.

— Меньше, — сказала Маргарет. — Они лишат Джекоба молока и высвободят синтезатор. Джекоб им не нужен.

— Питер так решил?

— Не надейся, что он такой осел. Будет голосование. Результат известен заранее даже Джекобу.

— Скоты, — устало сказал Стефан. — Что с быдлом ни делай, оно всегда останется быдлом. До Абби и малышей они тоже добрались?

— Пока нет.

— Доберутся. Кому нужны слабые и душевнобольные, верно? А остальные надорвутся на торфе. — Стефан подобрал кусок песчаника, раскрошил его в кулаке и бросил в озеро. — Вот что с ними будет. Через год от нас останется половина, и не лучшая.

— Через год здесь вообще никого не останется. — Маргарет искоса посмотрела на Стефана. — И большого запаса не нужно: Питер говорит, что намерен поднять «Декарт».

— Ну? — Стефан даже вскочил. В висках часто застучало.

— А что, не получится? — с интересом спросила Маргарет.

Стефан сел. В голове была каша вперемежку с черной пустотой: Питер Пунн в ходовой рубке корабля, почему-то с мокрым веслом в руках, смуглый красавец Питер Пунн, дочерна загорелый первопроходец, рыцарь без страха и упрека; затем полоса пустоты; за-

тем фраза Маргарет: «Видишь ли, у него есть интересные идеи...» — и снова пустота, и яркая, в мельчайших подробностях зримая картина: нудный вой маршевых двигателей на малой тяге, медленно и криво уходящий в небо безносый «Декарт», яростная струя пламени, бьющая в крошащийся гранит из пробитой кораблем дыры в дождевой туче... Брошенный опустылевший лагерь, оставляемое навсегда проклятое болото. Это должен был придумать я, с острой запоздалой досадой подумал Стефан. Я, а не Питер.

— Может получиться, — с неохотой признал он. — То есть я хочу сказать, что теоретически это возможно. Не за год, естественно. Года три на серьезную подготовку — тогда, может быть, даже без носовой надстройки... Опасно, конечно, на маршевых... Надо подумать. Взлететь-то он, пожалуй, взлетит, а вот где и как он сядет?

— Не знаю, — сказала Маргарет. — Ты все еще думаешь, что Питер глупее тебя?

— Никуда он не полетит, — уверенно сказал Стефан. — Именно потому и не полетит, что не глупее. И похода по воде тоже не будет. Зачем он ему теперь?

— Завидуешь, — определила Маргарет.

— Завидую, — легко согласился Стефан. — Роскошная идея, между прочим.

— Видимая цель, — поддакнула Маргарет. — Год энтузиазма. Или больше? Ты с такой идеей сколько времени смог бы поддерживать энтузиазм?

— Не говори так, — попросил Стефан.

— А почему? Я не иронизирую. Людям нужна достижимая цель, даже таким уродцам, как мы. Ты никогда этого не понимал. Мы же люди.

— Кто бы сомневался...

Они помолчали. Большая неряшливая волна докатилась до ног Стефана и схлынула, оставив пену. Залив кипел: у водяного слона наступил очередной пе-

риод размножения. Как всегда, слон делился на три равные части, из которых двум предстояло погибнуть, а третьей выпадал жребий выжить и продолжить существование. Чужа безнаказанность, в озере плескалась рыба.

— Как ты меня нашла? — спросил Стефан.

— Твой шалаш виден с башни в оптику. Анджей разглядел и сказал мне. Он даже видел, как ты выходил из воды. Тебе повезло, что тебя не тронул водяной слон.

— Водяному слону сейчас не до меня, — сказал Стефан.

— Сейчас — да. А позавчера?

Возразить было нечего. Стефан отлично помнил скользкий беспомощный ужас, охвативший его, когда к нему из глубины начала медленно подниматься бурая тень — и он отлично понимал, что это была за тень. Наверно, водяной слон был попросту сыт, иной раз случается и такое.

— Питер знает, что я здесь? — спросил Стефан, меняя тему.

— Может, и знает. — Маргарет равнодушно пожала плечами. — Может, Анджей уже всем разболтал. А может, и нет. Он на Питера в обиде: у него как раз новая идея из теоретической физики, а Питер его на торф, как простого смертного... Все довольны, кроме него. — Маргарет легонько усмехнулась. — А ты что, вправду Питера боишься? Так зря. Бояться нужно было раньше.

— Спасибо, — буркнул Стефан. — Я приму к сведению. Кстати, никто не видел, куда ты пошла?

— Подумаешь! — сказала Маргарет. — Всю дорогу дрожу от ужаса! Ну скажи мне, где Питер возьмет другого врача? Тебя, между прочим, тоже никто не гнал. Считается, что ты сбежал сам.

— Вот так, да? Я и не заметил.

— Во всяком случае, облаву на тебя Питер устраивать не станет. Что ты ему теперь? Поголодаешь — сам придешь.

— А если не приду? — спросил Стефан и сглотнул.

— Куда ты денешься. Дай им выпустить пар, чтобы не побили, и возвращайся. Дней пять ты продержишься?

— Черта с два я пойду кланяться, — сказал Стефан. — За меня не беспокойся. Я здесь и год протяну.

— Ноги ты протянешь. Господи, да что я с ним вожусь, с идеалистом паршивым!.. Лучше скажи: ты сегодня что-нибудь ел?

— Я сосульку нашел, — угрюмо ответил Стефан.

— И только?

— Видел еще каких-то... знаешь, такие толстые червячки с четырьмя рожками, они еще все время цвет меняют. Есть одно место, там их полно. Возьмешь на анализ, а?

Маргарет фыркнула:

— Чернильников есть нельзя, это даже малыши знают. Ладно... — Она достала из кармана плоскую баночку. — Бери. Извини, что не сразу отдала. Злилась на тебя.

Стефан повертел баночку в руках. Жестянка не вздулась за сорок лет, и наклейка оказалась на месте. Это были анчоусы в маринаде. Вот, значит, как...

— Дашь попробовать? — спросила Маргарет.

— Кто? — Голос Стефана сел. — Когда?

— Питер, — ответила Маргарет. — Только тайник он не вчера нашел, уж будь уверен. Знал, куда идти, еще оглянулся по пути два раза. Нервно так... А я подсмотрела. Открыл он твой тайник, выбрал одну банку, тут же и съел прямо руками, пальцы облизал, а пустую банку опять в тайник поставил и иконой закрыл. Еще ящиком задвинул. Никто ничего и не знает.

Стефан застонал. Маргарет смотрела на него с сочувствием.

— Успокойся... Ну хочешь, я с тобой останусь?

— Это был резерв, — с трудом проговорил Стефан. — Понимаешь, наш последний резерв.

— Жаль, что там не оказалось молока, — сказала Маргарет. — Для Джекоба. Так дашь попробовать? Мне чуть-чуть. Анчоусы это что — рыба или фрукты?

— Рыба.

— Глупое название. Лучше бы фрукты. Я уже и не помню, какие они. Только названия.

Он ел анчоусы руками, как Питер. Потом ела она, а он смотрел, как она ест. Анчоусы Маргарет не понравились — или она сделала вид, что не понравились, — и Стефан, надрезав край жестянки, вывернул ее наизнанку и вылизал дочиста.

— Спасибо за нож...

— Возьми еще вот это.

— Замечательно. — Стефан повертел зажигалку в руках. Пощелкал — горела. — Где нашла? Ты молодец. Теперь не замерзну. Я уж было совсем собрался добывать трением... как Робинзон.

— У Робинзона было огниво.

— Разве? Не знал.

— Забыла спросить, — сказала Маргарет, — ты ведь пользовался тайником раньше? Для себя?

— Да, — сказал Стефан. — Один раз. Понимаешь, не удержался.

— Только один раз?

— Если честно, то два. Два раза. А что?

— Так... Я бы не поверила, если бы ты сказал «нет». Ты не бойся, я никому не скажу.

— Какая теперь разница? — пожал плечами Стефан.

— А вот вернешься — поймешь какая.

Маргарет, как всегда, была права, права на все сто, и Стефан это сознавал. Он согласится с Марга-

рет, согласится, но не сразу. Поддаться на уговоры сейчас — слабость. Даже свергнутый капитан остается капитаном в душе, его можно уговаривать и уговорить, но решения он принимает сам.

— Сказал уже — не вернусь.

Он сразу одернул себя. Как никогда, в его голосе прозвучали мальчишеские интонации. Обиженный упрямый мальчишка был тут как тут, жил в нем и не давал покоя.

— Будешь ждать, когда Питер им надоест, как ты? — язвительно поинтересовалась Маргарет. — Год будешь ждать? Два? Пять? Имей в виду, каждый день обкрадывать для тебя тайник я не смогу. На мне еще малыши. Полезешь на огород за картошкой — тогда точно жди облавы.

И опять она была права, а он нет. Стефан понимал, что даже в Маргарет, лучшем человеке на борту «Декарта», жило вечное стремление взять верх над ним, Стефаном. Пусть, устало подумал он. Ей — можно.

— Говори уж, — сказал он. — Что ты еще припасла?

— А что, заметно? — удивилась Маргарет.

— У тебя глаза блестят.

— Ладно, — сказала Маргарет. — У нас есть шанс.

— Это я и без тебя знаю.

— Глупый, я о другом... Анджей назвал это дубль-эффектом. Проверить, конечно, не может, но говорит, что это самая красивая идея из всех возможных, а значит, она верна. Он много чего говорил, а если коротко, то получается что-то вроде зеркала. Канал схлопывается от периферии к центру. Срабатывает принцип макронеопределенности: через корабль... то есть через волновой пакет проходят оба устья Канала. При определенных условиях получаются два отражения, идентичных оригиналу. Одно выбрасывается в случайном месте, это мы, а второе...

— Ну? — тупо спросил Стефан.

— Второе — где-то еще. Анджей говорит, что второй «Декарт» скорее всего выбросило вблизи той точки, где он вошел в Канал. Представляешь?

— Погоди, погоди... — Стефан хмурился, тер лоб. «Какие отражения? Какое еще зеркало? Бред, бред толстого зануды! Одно время он рядился в солипсиста, во всеуслышание обозвал наш мир иллюзией и заявил, что приступает к разработке теории несуществующих процессов — пришлось наказать, чтобы не отвлекался на пустое. Бездельнику лишь бы не копать торф...»

— Это значит, что тот, другой «Декарт», вернулся на Землю, — сияя, сообщила Маргарет. — Я ночь не спала, когда до меня дошло. Представляешь, где-то существую вторая я... второй ты... второй Питер. Только они настоящие взрослые, не как мы. Но это не важно. Главное — Земля знает!

Сердце Стефана ушло в преисподнюю, потом вернулось, ударило молотом и заколотило в безумном ритме.

— Ты погоди... — бормотал Стефан. — Погоди. Еще раз...

— Земля знает! — ликующе воскликнула Маргарет. — Если Анджей смог понять, то там, наверно, уже давным-давно поняли. Земля знает!

— То есть... нас ищут? — спросил Стефан.

— А вот этого я не сказала. Но нас могут искать. Понимаешь, могут!

Могут, подумал Стефан. Он неожиданно почувствовал, что ему не хватает воздуха. Могут, билось в голове чудесное слово. Гудело колоколом. Нас могут искать. Даже если они убеждены, что никого из нас нет в живых. Даже в этом случае, который они наверняка считают единственно возможным. Ищут же тела аль-

пинистов, разбившихся в скалах, провалившихся в ледниковые трещины... Годы спустя — ищут.

Все так просто.

У дороги не бывает конца; конец одной дороги — всегда начало другой, кто бы и как бы ни пророчил иное в дни неудач. Пока хоть кто-то из людей может сказать себе «иди» и идти, дорога не кончится никогда. Тупиков не существует.

Если, конечно, Анджей прав...

Он должен быть прав. Иначе Вселенная устроена слишком жестоко.

— Это меняет дело, — сказал он вслух.

— Еще как! — Маргарет засмеялась.

Может быть, экспедиция, в задачи которой, помимо общей разведки, будут включены поиски пропавшего звездолета, прилетит на эту планету через пять лет. Или через двадцать. Может быть, она не прилетит никогда. С этой возможностью тоже нужно считаться. А может быть, земляне уже близко — кто знает, может быть, они уже подлетают к этой проклятой планете у проклятой звезды и челнок их корабля делает последний виток, перед тем как с ревом погасить свою скорость в атмосфере...

Они будут нас жалеть, подумал Стефан. Особенно поначалу. Они пришлют психологов, специалистов по реадaptации. Они замучат нас глупыми вопросами. И не сразу, а предварительно подготовив, чтобы не травмировать психику, скажут, что где-то на Земле или на Новой Тверди живет другой Стефан Лоренц. Взрослый... Нет... Не хочу с ним встречаться.

Только бы Питер не приказал выключить радиомаячок...

Стефан поднялся на ноги.

— Пошли. Сейчас.

— Прямо сейчас? — Маргарет была ошарашена. — А ты не слишком торопишься?

— Соорудят гильотину? Или тихо придушат?

— Ну, придушат-то уже вряд ли. А вот побить — побьют.

Стефан усмехнулся. Его губы сложились в тонкую прямую нить.

— Ничего. Я потерплю.

5

В комнате давно и прочно висел бледный сумрак, вдобавок начало свежеть, влажный ночной холод воровски просачивался в дом, и, когда Питер, выключив игрушку, пробормотал: «Камин бы разжег, что ли», — Стефан не воспротивился и со второй попытки разжег, с удовольствием подставив тело под волну теплого воздуха.

— Любопытно, — повторил он. — Нет, ты, Марго, в самом деле какая-то трепетная. Вводные интересные, а нам что за дело? Мы-то здесь.

Маргарет поежилась.

— Мы-то здесь, а они-то там. Есть одна теоретическая абстракция — двойникование, что ли, или как-то еще. Это все Пит девчонке голову морочит — он понял, а я ничегошеньки, да, по правде сказать, и не хочется.

— Сингулярная дубликация, — покивал Стефан. — Как же, слыхивал. Модная была тема — помнишь, как нас медицина мучила? Но ведь не подтвердилось, верно, Пит?

— Пока не подтвердилось, — сказал Питер.

— Ну вот, а ты боялась. Глупости это все, страшилки на ночь.

— ...но и не опровергнуто.

— Да ну? — поразился Стефан и потянулся за клюквенной. — Я и не знал.

— Так знай.

— Мне на доньшко, — предупредила Маргарет.

— А куда же еще? — удивился Питер. — Эй, мне тоже на доньшко, не промахнись. И можно попопнее.

— Алкоголик!

Стефан разлил рубиновую жидкость по потребности.

— Ладно, давайте рассуждать логически. Допустим, дубликация не бред и реально имела место. Допустим. Допустим, мы... то есть они... черт, запутался!.. да, вот именно — они нашли подходящую планету. Шанс, конечно, один на миллион, это даже я понимаю. Но допустим. Канал, естественно, схлопнулся... И что? Теоретически при большом везении они вполне могли основать новую колонию, о которой нам ничего не известно, так ведь?

— Не вижу, почему бы нам не выпить за ее процветание, — заметил Питер, борясь с икотой.

— За процветание! — Стефан поднял стаканчик, крякнул, выпил и снова крякнул.

— Как странно, — сказала Маргарет. Она нервно рассмеялась. — Мы здесь и мы же — там... Знаете, мальчики, у меня до сих пор мурашки по коже.

— И у меня! — поддержал Стефан. — Знаешь, какие мураши? Эцитоны! Вот такие и по всей спине. Так и шныряют.

— Это прыщи, — атаковал Питер. — Ты их йодом мажь.

— Да ну вас совсем, обоих! Утешители, тоже мне! Помолчали.

— Спать давайте, — сказал Стефан. — Завтра подниму рано, и на похмелье чур не ссылаться — не пожалею. К озеру пойдем. Я вас отвезу на один островок — век благодарить будете.

И была тишина, только чуть шелестел лес и ветви старой ели, дважды битой молнией, но непобедимо, вызывающе живой, скребли по крыше дома. Издалека долетел протяжный крик отчаяния и мучительной боли, царапнул тишину, отразился слабым эхом и замер. Маргарет вздрогнула.

— Человек? — спросил Питер.

Маргарет покачала головой.

— Филин зайца поймал, — объяснил Стефан, стеля гостям постель. — Заяц перед смертью кричит совершенно по-человечески, а что толку кричать-то. Кому интересно, что он не согласен?

Он еще поворочался в постели, гоня прочь посторонние мысли и думая лишь о том, как это здорово, что Питер и Марго уедут только послезавтра и впереди еще целых два дня, которые надо использовать на всю катушку, а значит — он зевнул, — и впрямь проснуться пораньше... И с этой мыслью он уснул.

Но первой в доме проснулась Джеймайма. Она немного похныкала, не найдя любимой игрушки, спрятанной бабушкой, попробовала поискать там и сям и совсем расстроилась. Оставалось скучать. Тут ей на глаза попался связник — у дяди Стефана, оказывается, был совершенно доисторический связник, управляемый еще голосом! — и Джеймайма, пискнув от восторга, быстро освоила управление. Больше всего ей понравилась программа новостей, потому что фигурку диктора можно было щелкать по носу, отчего та комично кривлялась, а голос, как ни старайся, не менялся вот ни на столечко.

«...пришлось прекратить в связи с опасностью дальнейшего пребывания человека на планете, — вещал эрзац-диктор искусственно взволнованным тоном и пытался увернуться от щелчков. — В последний день работы экспедиции на планете был обнаружен сильно

поврежденный корабль звездного класса «Декарт» и девять детей в возрасте от десяти до тринадцати лет. Двое из них выразили желание вернуться на Землю и были приняты на борт «Свифта». Остальные держались отчужденно...»

По другому каналу шел мультик, и Джеймайма не стала дослушивать сообщение.

РАССКАЗЫ

БАГРОВЫЕ ПЯТНА

Доисторический рассказ

Когда тихоня Лям, вовсе еще не воин, а только подросток, в ожидании посвящения доказывающий свое право называться мужчиной, едва не упустил шест и, чудом сохранив равновесие на крохотном плоту, испуганно взглянул на старшего — не заметил ли? — Хаг и ухом не повел. Хотя, конечно, заметил. Глупый он детеныш, Лям. Уж лучше бы правил, пихаясь от берегов, благо дотянуться шестом ничего не стоит. Где ему по одному только виду воды постичь и глубину протоки, и топкость дна, и где скрывается затонувший коряжник.

Приток большой реки, ограничивающей на восходе земли племени, петлял по болоту. Чистая холодная вода, ручейками скатившись с гряды недалёких холмов, собиралась в звонкую речку на покатых, бурых от прошлогодней травы лугах и, омыв гальку последнего переката, весело вбегала в ненадежные топкие берега. Здесь вода, одумавшись, сразу успокаивалась, делалась глубокой и темной и текла медленно, словно пробираясь ощупью. Берега, хотя и гиблые с виду, вполне могли выдержать тяжесть человека, в иных

местах они заросли лозняком и корявыми березками. Отдельно возвышались оголенные стволы совсем не старых деревьев, задушенных болотом, — но все это у самого берега да еще на редких островках, кое-где видневшихся посреди болотного мха, прикидывающегося прочным, — а только наступи не обутом в ивовые плетенки, и ног не вытянешь.

Притом хилый, лениво подумал о Ляме Хаг, переворачиваясь на моховой лежанке на другой бок, отчего заскрипели сыромятные ремни, связывающие плот. Воином будет, а вождем — никогда. Оно, впрочем, и к лучшему.

К лучшему, потому что вождем станет он, Хаг. Уже сейчас его голос звучит наравне с голосом нынешнего вождя, и никто не решается оспорить. Уже сейчас по праву самого сильного мужчины племени он может первым заполучить любую женщину (тем более что последнее время стареющий Ауха почти вовсе перестал интересоваться бабами), а когда — совсем скоро — Ауха одряхлеет, никто не осмелится противиться Хагу. Право первой и лучшей доли в добыче — его. Право лишать невинности подросших сопликов, прошедших обряд посвящения. Право решать за других. Право быть лучшим, чем другие.

Так будет длиться долго — семь, восемь зим. Если подсобят добрые духи, то все десять. Потом он состарится, как Ауха, и другой отберет у него власть. Пусть. Это будет не скоро. Ауха был умен, не поторопив предшественника, позволив ему угаснуть своей смертью. Заботясь о себе, Хаг поступит так же. Нужно следить лишь за тем, чтобы новый вождь не подрос прежде времени. Приглядываться к мальчишкам — полезно.

Будущие вожди выявляются на охоте, в дальних походах за вечно кочующими по тундре стадами низкорослых оленей с тупыми волосатыми рогами, в схватках с белым рычащим зверем — ужасом бесконечных

зимних ночей на холодных зимовках у моря, в войнах с соседями. И конечно, в ежегодных переселениях племени, ибо земли людей Болота велики и опустошенная когда-то местность спустя десять зим вновь изобилует пищей. Молодой вождь заранее замечает тех, кто вскоре станет опасен, а мальчишки — вот дураки! — и рады стараться показать свою удаль.

Не прошло и двух лун, как племя, откочевав на юг по подтаявшей тундре, расположилось становищем в низкорослом лесу на краю болота, и безбровый Гнук, самый сильный и умелый из молодых охотников, а потому и самый опасный, был послан к смуглым людям заката, называющим себя са-ам, чтобы указать новое место для меновой торговли, — авось сгинет где-нибудь по пути, избавив Хага от убийства. И теперь, лежа на плоту на мягкой подстилке, Хаг думал, что эта вылазка к пограничным холмам была затеяна им зря. Лям не Гнук. Из таких вырастают не соперники, а опора. И не зря старый Ауха многозначительно хмыкнул: уже по непуганой дичи вблизи нового становища стало ясно, что люди Холмов не посягали на чужие земли по меньшей мере последние несколько зим. Не то присмирели, не то откочевали на полудень. По эту сторону холмов Хаг и Лям не нашли ни одного кострища, ни одного чужого следа.

Хмыкнул Ауха, но и только. Мудрый, он не решится спорить с сильнейшим, предпочтет спокойную старость. И он, Хаг, тоже мудр. Но даже мудрые совершают мелкие ошибки.

Зряшная разведка. Даром потраченное время.

Впрочем, и спокойствие касательно намерений соседей кой-чего стоит...

Щеточка леса на горизонте была едва видна с холмов; теперь же пропала вовсе. Круглой путь по краю болота долог — вот и петляй целый день вместе с речкой, чтобы к вечеру достичь невысоких, поросших

кривыми сосенками увалов, а там уже и до становища рукой подать. И дичи здесь нет. Всякий в становище знает, что Хаг ушел не ради охоты, но вернуться с пустыми руками — позорно. Разве что на каменистых отмелях ниже болота набить острой нежной рыбы?

Рыбой Хаг не отказался бы полакомиться прямо сейчас, но не здесь же, на глубине, на нее охотиться! А еще ему хотелось женщину. Хорошо бы черноволосую Моллу или зеленоглазую Гугу, но подошла бы и толстая Яйна или вообще любая женщина племени, по обычаю предков лишенная права отказать мужчине, если только не готовится родить со дня на день и если месяц не в запретной фазе. В становище на баб иной раз и смотреть не хочется, особенно когда ссорятся, но стоит прожить холостяком столько дней, сколько пальцев на одной руке, как все мысли — только о них. Это как голод. Даже хуже голода.

На повороте речка ускорила течение, и Лям опять не справился. Вскочив на корточки и тут же пригнувшись, вытолкнув шест на всю длину, Хаг помог плотнику покинуть низко нависшие над водой заросли корявого лозняка и, оскорбленный болью царапин, со сдержанным рычанием вlepил нерадивцу Ляму затрещину. Всего лишь в четверть силы, благодаря чему Лям устоял на закачавшемся плотике. Вполне достаточно для назидательного урока, и не надо никаких слов. Этот смолчит, только шмыгнет носом. С Гнуком, окажись он на месте Ляма, Хаг повел бы себя иначе.

Но, к великому удивлению Хага, тихоня Лям не смолчал.

— Там кто-то есть, — сказал он, оправдываясь, и указал рукой вбок, сквозь заросли, отчего опять едва не упустил шест.

Теперь и Хаг, прислушавшись, уловил отдаленный протяжный крик, пронесшийся над болотом. Крик

показался странным. Так трубно и безысходно могло кричать очень сильное животное, попавшее в трясину, — но не олень с большими рогами и не старый самец лось. Конечно, такой крик мог бы издать человек, великий мастер производить ртом или пустой костью всякие звуки, — но откуда здесь, посреди болота, взялся чужому человеку? Чужаки с юга зловредны, но не глупы.

— Там большой зверь, — шепотом уточнил Лям. — Он есть на острове, большой зверь. А на реке так есть, что его нет, зверя.

Хаг не ответил, но взялся за шест. Плотик пошел быстрее. Берега здесь были не особенно зыбкими, и разросшийся лозняк мешал смотреть вдаль. Речка описала плавный поворот, и в прогалине впереди опять показались холмы. Хаг знал эту излучину. Речка страшится болота, совсем как человек. Прежде чем протечь сквозь бездонные зыби, она хочет еще раз увидеть место, где родниками пробилась на свет, и набраться храбрости.

Хагу был известен и остров, удобное место, чтобы отсечь от берега стадо оленей, забредшее туда на сочные травы. В одном месте речная петля подходила к острову на три броска копы. Порошная клюквой и морошкой полоса кочкарника между берегом и островом колыхалась под ногами, но выдерживала тяжесть и зверя, и человека. Когда племя в прошлый раз разбило становище у холмов, здесь по приказу Аухи была устроена большая охота. Еще не прошедшим посвящения юношей Хаг участвовал в ней наравне со всеми. Одна самка, ошалев от криков охотников и рева истребляемых сородичей, в безумной попытке обойти загонную цепь кинулась прямо в топь. Тщетно ее пытались вытащить — не для мяса, его и без нее хватило на несколько дней пиршества, но потому, что ника-

кое живое существо не должно находить свою смерть в трясине.

Никакое. С тех давних пор, как добрые духи неба, враждая с болотными духами, вынесли из топи двух первых людей и населили землю и воду всякими зверями для их пропитания, ни человек, ни зверь, живущие в краю болот, не должны тонуть. Умерших родо-вичей не опускают в топь — ищут для могилы место повыше и посуше, лучше всего круглый холм, земляной, поросший белым мхом с поверхности и ледяной внутри. Духи болота, покинутые людьми, не любят человека и мстят ему. Злобные и завистливые к тем, кто живет наверху, они пожирают тело и душу утопленника, рождая взамен несметные полчища жалящих насекомых. Поэтому ни один человек, рожденный на земле Болота, не оставит в трясине соплеменника, живого или мертвого; метнув кожаный ремень, попытается вытащить и угрызшего врага, умея добить его на сухом раньше, чем он вскочит на ноги. Но иногда люди все-таки тонут. Шесть зим назад случилась война с племенем Холмов, храбрый порыв людей Болота был остановлен многочисленностью соседей, сумевших защитить свое становище, и в ответном набеге немало чужих воинов перетонуло в бездонных «окнах», а то и просто в таких местах, где взбредет в голову увязнуть лишь тому, кто привык ходить по твердой почве. Вот потому-то и не переводятся полчища кровососов. А разве по осени и весне, когда лед обманчив, мало тонет всякого зверья?

Известно каждому: если по поздней весенней теплыни по многу дней обливаться потом, не снимая зимних шкур, то с приходом лета комарье будет отчаянно гудеть над головой, но не решится жалить. Пот должен хорошо перепреть на теле. Спасает и одежда из мягких кож, и едкий дым костров из лозняка и сухого ягеля. Хуже всего бывает в жаркие дни середины лета,

когда духи болота, мечтая истребить весь человеческий род, затмевают свет небесного огня тучами мошки и мельчайшего гнуса. Тогда не спасают и костры, становище наполняется ноющим плачем детей, и оголенную кожу защищает кое-как лишь вызывающая зуд обмазка из глины, смешанной с растопленным салом оленя и перетертой кашицей особых трав, собираемых старухами. Легче, много легче вытерпеть прилипчивую чесотку, чем яростные атаки крылатой мелюзги! Зато и охота на оленей, обезумевших от укусов гнуса, бывает в такое время на диво легка и обильна.

Но время гнуса еще не пришло. Лишь комарье не перестает гудеть, мешая слушать.

— Два есть больших зверя, — поправил наконец Хаг. — Не один есть. Два.

Хаг никогда не видел большого зверя, лишь знал, что он существует. А Ауха видел. И мать Хага видела, когда была маленькой девочкой. Он жил в преданиях племени. Огромный, выше чума вождя, сильнее десятка серых медведей, весь заросший длинной рыжей шерстью, с толстыми изогнутыми клыками и гибкой рукой на голове, большой зверь был миролюбив и редко нападал на людей. А вот люди умели заманивать великана в хитрые ловушки. Деды и прадеды не упускали случая напасть на него, стоило большому зверю попасть в беду. Мясо насыщало; из огромных клыков, более прочных, чем моржовые, получались лучшие ножи и наконечники копий; чудовищными ребрами скреплялись каркасы жилищ, выскобленные внутренности служили бурдюками. В дело не шла только шкура, чересчур толстая и тяжелая, да еще грубая, плохо греющая шерсть.

Снова донесся рев — мучительный, зовущий, страшный. Уже гораздо ближе. Речка выписывала петлю, последнюю перед памятным островом.

С первого взгляда стало ясно, что случилось. Остров исчез. Должно быть, растаял лед, служивший ему основанием, и последние весенние дожди довершили дело. Духи болота сильны, они топят мягкую землю. Они хотят, чтобы весь мир стал болотом. Лишь твердый камень иногда может сопротивляться им.

Два больших зверя, соблазнившись сочными травами, попались здесь в ловушку. Должно быть, совсем раскис перешеек, соединяющий остров с берегом, если они не сумели выбраться. Человек бы прошел; легко спасся бы и олень, осторожно ступая по кочкам широкими копытами, — но двум косматым гигантам, чьи ноги напоминали обросшие моховой бородой стволы старых деревьев, до самой зимы не было хода назад. Попавшим в плен, подвешенным на острове все до последней былинки, живым громадинам оставалось только ждать неизбежной смерти от голода. Но остров рассудил иначе, распавшись у них под ногами.

Один из больших зверей увяз по волосатое брюхо. Временами вскидывая похожую на валун голову с гибкой рукой, он резко трубил, словно звал людей на помощь. Второго зверя болотные духи утащили к себе вместе с головой-валуном. В широком «окне», продавленном его неизмеримой тяжестью, колыхалась темная жижа — обиталище злых духов. Лишь кончики бивней да волосатая гибкая рука пока оставались над поверхностью. Зверь был еще жив, сосал хоботом воздух, чудовищные бока, сдавленные болотом, с мучительным усилием раздувались в глубине топи, чтобы сделать вдох. Этот зверь не кричал и не трубил, он не мог кричать и лишь иногда громко стонал, негодуя и жалуясь, и с глухим шумом выдыхал трудно доставшийся воздух.

Сильно оттолкнувшись шестом от противоположного берега, Хаг подогнал плотик к мертвому деревцу,

последнему в цепочке прибрежных зарослей. Дальше берег становился совсем уже топким; ненадежные кочки торчали из стоячей, с запахом, воды, кое-где затянутой бурой пленкой. В трясине булькало. Сразу в нескольких местах дыхание голодных духов болота вырывалось наружу пузырями — духи собрались на пиршество.

Подгнившие корни деревца еще держали ствол; выдержали и привязанный плотик, когда Хаг дважды рванул ремень, проверяя прочность.

Отсюда до больших зверей было не три полета копья, а все десять. И не было прямой дороги.

— У нас есть много мяса, — с деланным безразличием сказал тихоня Лям.

Возясь с тонкими ремешками плетенок-мокроходов, Хаг не удостоил его ответом. Можно было прикрикнуть — но зачем? Парнишка до дрожи боится болота, но еще больше боится выдать свой страх. Все мальчишки одинаковы. Поэтому тихоня не останется ждать на плотике, а сейчас завяжет поверх оленьих чеботов ивовые плетенки и пойдет следом — обмирая от жути, наступая на пятки идущему впереди, больше всего на свете боясь отстать от старшего, но пойдет!

Так и случилось. До первого «окна» Хаг забавлялся мыслью о том, чего же больше испугался Лям: быть обвиненным в трусости или остаться в одиночестве, когда духи болота собрались поблизости и ждут, — а потом забавляться стало некогда. Он петлял и кружил, выбирая дорогу понадежней, моховая подстилка колыхалась при каждом шаге, тяжесть тела выдавливала из мха грязную воду. Болото облизывало ступни, сосало, вкусно чмокало, неохотно выпуская добычу. Как всякий охотник племени, Хаг умел ходить по болоту. Поставь не туда ногу или остановись перевести дух на прочной с виду кочке — и подстилка прорвется. Ни добрые духи неба, ни суровые духи камня, ни

мудрые тени предков не помогут самонадеянному и неосторожному. Бездонная хлябь схватит, сожмет в холодных объятиях, и тогда лишь копые, брошенное поперек сырого мха, может быть, удержит растяпу.

Наконечник копья Хага был костяным, любовно выточенным из куска бивня большого зверя, убитого еще при праmaterях. Длинной желтоватая кость была почти в локоть, шириной — в ладонь. Один край плоского, чуть изогнутого лезвия тщательно заточен, другой еще и зазубрен. Оружие и охоты, и войны, копые с таким наконечником наносит страшные раны. Хаг получил его не от отца — как все люди племени, он не знал, кого считать отцом, и не обременял свой ум размышлениями о подобной чепухе, — в свое время он по праву сильного отнял копые у дряхлеющего Шуши, ныне отошедшего к предкам. Есть чем занять руки и на болоте, и на охоте. Большой зверь растит на голове клыки на собственную погибель.

Тихоня Лям не доверился своему короткому копыю — нес, держа посередине, еще и шест, тот самый, что не потерял сегодня только чудом. Негромко ворча, Хаг пожалел, что не отдал приказа, позволил мальчишке додуматься своим умом до дельной мысли. Шест пригодится. Не на болоте, так на острове, хотя теперь это все равно. Остров растаял, превратился в болото. Он уже никогда не станет островом. Дичь не придет сюда, и больше не будет облавной охоты на отрезанных от берега оленей. И эта охота — последняя.

На бывшем острове оказалось даже хуже, чем предполагал Хаг. Спасали мокроходы, но и в них нельзя было долго стоять на одном месте, особенно вблизи «окна», продавленного большим зверем, от которого над поверхностью осталась лишь часть волосатой руки. Здесь мох был особенно непрочен. Подумав, Хаг повернул к тому зверю, что увяз только по брюхо.

Зверь давно заметил людей. Когда же они приблизились, он вскинул голову, вспугнув тучу комарья, и издал резкий трубный крик. Матерый самец, много повидавший на своем веку, он знал, чего ждать от людей, и его крик был криком ярости, а не отчаяния. Сейчас первое из хлипких с виду двуногих существ приблизится на длину хобота — и отлетит с переломанными костями, сбитое одним точным ударом. Сейчас...

Существа остановились, не дойдя двух шагов до невидимой черты. Мамонт взревел, негодуя. Если бы болото не держало так цепко! Даже сейчас, ослабев от голода, он все еще легко мог бы догнать и растоптать хищную двуногую мелочь. Если бы только отпустила топь...

Летом мошка тучами лезет в глаза. Ненасытные слепни кусают в губы, в нежный кончик хобота. Вредный овод спешит отложить яички в ранках век. Случайно придавленная гадюка — длинный червяк — может прокусить кожу между пальцами, причинив боль. Но хуже всех вот эти, двуногие. Они опасны и зимой, и летом. Почему мир устроен так, что слабые побеждают сильных?

— Дай шест, — велел Хаг.

Лям повиновался. Уже поняв, чего хочет вождь, он дрожал от возбуждения. Если поймать большого зверя в яму и с безопасного расстояния разбить ему волосатую руку в том месте, где она растет из чудовищной морды, большой зверь истечет кровью и умрет. И тогда у племени будет мясо, много мяса. Так говорили старики, любители поболтать у костров. Но даже если зверь не умрет, охота не будет чересчур опасной. Духи болота предназначили его себе в пищу и ни за что не выпустят. Следующим летом в этих краях появится очень много гнуса. Еще больше, чем раньше.

Лишь люди Болота могут отнять у духов часть их пищи.

Найдя кочку попрочнее, Хаг не торопясь привязал запасным ремнем древко копья к шесту. Проверив прочность узлов, одобрительно хрюкнул. Потеряешь на охоте оружие — сразу же найдутся охотники оспорить у тебя право быть вождем. И Ауха не станет им мешать.

Теперь древко было достаточной длины. И Хаг держал его над головой обеими руками, примеряясь к удару в основание хобота. Затем ударил — коротко и точно.

Мгновенно выдернутое острие окрасилось кровью. Большой зверь оглушительно затрубил от боли и ярости. Рванулся, силясь дотянуться до Хага, ударил гибкой волосатой рукой, взбил ошметки мха и грязи, попытался схватить копьё. Хаг едва устоял — так заколебалась пружинящая подстилка под его ногами, и, почувствовав движение болотной зыби, сопереживая собрату, тяжело выдохнул и простонал в трясине второй зверь.

Шаг на соседнюю кочку. Не потому, что прежняя перестала держать, но по привычке охотника племени Болота, той привычке, что много раз спасала предков, спасает нынешних людей племени, спасет и их потомков. Повторяя движение вождя, поменял место и Лям.

Торопиться было некуда. Хаг нанес второй удар наверняка, выждав подходящий момент. Лишь неумышленишам вроде Ляма позволено спешить и ошибаться на охоте.

Острие копья вошло в ту же рану, расширяя ее. Оглушительный рев перешел в визг боли. Большой зверь изогнул волосатую руку, оканчивающуюся мускулистым, нежным на вид отростком, осторожно по-

трогал край раны и издал глухой стон. Затем еще раз попытался дотянуться до Хага.

Новый удар. Точно в цель.

Кровь была почти незаметна на рыжей шерсти. Но это была кровь, бьющая ключом кровь беспомощного великана, добываемого алчными карликами. Хаг захотел. Победа над сильным врагом всегда кровава и грязна. Но что может быть чище радости победы?

— О-хо! — кричал Хаг, и Лям ему вторил.

Еще удар. И еще.

Черная жижа, выдавленная из болота тяжестью большого зверя, сделалась бурой. Чем больше зверь, тем больше в нем крови, если только он настоящий зверь, а не рыба. Большой зверь уже не кричал — лишь стонал, жалуясь духам своих, звериных предков, не имеющих власти над людьми. В его глазах, удивительно маленьких для великана, стыла боль. Теперь оставалось только ждать. Просто бродить по прогибающемуся мху бывшего острова, избегая оставаться на одном месте, и ждать.

Второй большой зверь еще дышал, но уже не отвечал раненому собрату. Клыки его совсем скрылись; над трясинной оставался лишь кусок волосатой руки длиной в локоть. К полудню болото засосет и его; убитый же сородич будет погружаться еще долго, и лишь к вечеру, а то и светлой прохладной ночью топь окончательно сомкнется над ним. Засевший в растаявшем острове прочнее, чем костяной наконечник в расщепе древка, он уйдет в болото прямо, как стоял. Но прежде люди возьмут у него все, что сумеют.

Старики не ввали. Великан истек кровью. Но прежде чем он окончательно уронил и уже не поднял голову, Хаг несколькими точными ударами копыя отделил от головы-валуна волосатую руку. Зацепив крючком в основании лезвия, с усилием выволок из грязи, подтянул к себе добычу. С таким грузом не стыдно вер-

нуться в становище. Кто из ныне живущих может похвастать победой над большим зверем? Это не рыба, бить которую на мелководье доступно и детям!

Хаг с сожалением посмотрел на клыки умирающего гиганта. Упущенная добыча, жаль... Нечем взять. Нельзя желать на болоте слишком многого, духи этого не прощают. Но все равно старого Ауху теперь можно смело отогнать от большого костра. Кто осмелится противиться, если волосатую руку зверя — знак победы и одновременно вкусную, по словам стариков, пищу — удастся донести до становища?

Тихоня Лям, смотревший на вождя восхищенными глазами, с полувзгляда понял, что надо делать. На плечи груз не взять, под тяжестью волосатой руки охотника не спасут и ивовые плетенки. По болоту до реки добычу придется тянуть волоком на ременном аркане, а там — на плот...

Тянуть, понятно, выпало Ляму. Хаг шел впереди, выбирая дорогу. Он не оглядывался. А Лям оглянулся, и то, что он разглядел на краю болота, заставило его по-мальчишески звонко вскрикнуть.

— Там чужой есть, — сказал он, остановившись, и указал рукой. — Нас видит. Сюда идет.

Теперь и Хаг, всмотревшись из-под руки, разглядел вдалеке темную фигурку. Человек, никаких сомнений. Человек из чужих полуденных земель, спустившийся с холмистой гряды. Один. Что удивительно, без всякого оружия. Даже без необходимого в болоте шеста. А по тому, как он идет, ясно видно: и без мокроходов.

Не идет — то бежит по кочкам трусливой побежкой, то корчится на месте, натужно выдирая увязшие ноги. Таким манером вряд ли доберется даже до острова. Вон Лям — и тот не удержался от осуждающего восклицания. Глупый тот человек, очень глупый. Или очень отчаянный, из последних сил цепляющийся за

зыбкую надежду. Ишь ты, машет рукой, зовет. Крика не слышать: далеко.

— Баба, — сказал наконец Хаг и осклабился. Затем сплюнул. — Из племени Холмов есть. Точно, баба.

Плотик совсем притонул под тяжестью четверых: Хага, Ляма, волосатой руки большого зверя и незнакомой чужинки, взявшей неизвестно откуда. Чужаки чужакам рознь, а с этими — разговор один. Забреди к людям Болота не женщина, а охотник племени Холмов, Хаг не колебался бы и мгновения.

Он не колебался и там, на болоте, когда перед ним был не враг — лишь добыча, редкая и вожделенная, хотя и менее ценная, нежели рука большого зверя. Знаками указал путь к бывшему острову, в обход приметных издали «окон». Знаком приказал идти следом к плотику. Вытащил, когда женщина с жалобным криком начала тонуть. Развязал кожаный мешок и дал пленнице съесть полоску сушеного мяса.

Как она ела! Как с набитым жующим ртом благодарила спасителя на потешной чужой тарабарщине! Жаль, что никто в племени не знает языка людей Холмов. Они не мирные са-амы, язык которых известен хотя бы Гнуку, с ними никогда не было мены. Несколько слов знал старый Шушши, да и тот помер прошлой зимой.

Теперь, когда азарт охоты остался далеко позади, Хагу снова хотелось женщину. Моллу или Гугу, но сошла бы и Яйна. А с этой — немножко потерпим... Пленница была измождена, наверняка давно не ела. И вымоталась, похоже, еще до болота. Сейчас она покорно лежала на плотике, поджав ноги, не обращая внимания на пропитавшую подстилку воду. Управляя вместе с Лямом перегруженным плотиком, Хаг откровенно разглядывал чужинку. Оборванна. Не одежда — кожаные лохмотья. Грязна, но это только что, от бо-

лота. Он, Хаг, и сам не чище. Спутанные волосы. На лице сквозь грязь проступают красные пятна — наверно, расчесы от укусов мошки. Люди Холмов не знают, что такое настоящий гнус. Не пахнет дымом — значит, давно уже не грелась у костра.

Изгнанница? Но какой вождь прогонит из племени не воина — молодую еще бабу, чтобы та рожала детей соседям? Только очень глупый. Хаг ослабил, покачал головой, рыгнул. Беда людям Холмов, если у них такой вождь!

Темная речка по-прежнему никуда не торопилась, но теперь хотя бы текла туда, куда надо. И щеточка леса на полуночном берегу болота вновь стала видна и неуклонно приближалась. Если править в два шеста, можно поспеть в становище до захода небесного огня.

На первом же твердом бережку, поросшем карликовой сосной, Хаг овладел женщиной. В этот миг менее ценная добыча казалась ему едва ли не единственно важной. Странные шутки шутит воздержание даже с вождями! Пленница почти не сопротивлялась, лишь пыталась заслониться руками, болезненно стонала и без конца тараторила непонятные слова. Затем Хаг содрал с женщины рвань, заставил ее выкупаться и, рыча от наслаждения, утолил мужской голод еще раз. Покончив с этим, он подозвал безропотного тихоню Ляма и заставил отмыть волосатую руку большого зверя от подсохшей корки болотной грязи. Если мясо к вечеру и начнет чуть-чуть приванивать, то не беда: обжаренное на углях, оно станет только вкуснее.

Выделанная оленья кожа кухлянки Ляма явственно топорщилась спереди. Хаг намеренно не торопился, бросал в рот сморщенные ягодки прошлогодней брусники, наслаждаясь в душе щенячьим нетерпением вошедшего в мужскую силу подростка, изо всех

сил старавшегося выглядеть равнодушным. Затем усмехнулся и сделал разрешающий знак.

К удивлению Хага, чужинка даже сейчас не изъявила покорности и, плача, пыталась отползти. Пришлось успокоить ее оплеухой. Навалившись на пленницу, тихоня кончил дело так быстро, как это водится только у мальчишек, а кончив, взглянул на Хага с немой благодарностью и обожанием. Теперь пойдет за новым, а главное, смелым и щедрым вождем хоть на край земли, хоть в пасть злым духам. Все бы так.

Особенно Гнук. Да, видно, не судьба...

До становища доплыли без приключений. Привычно запахло дымом, рыбой, сырой кожей. Пять дней отсутствия — не срок, но встречать вышли все, кроме совсем уж древних стариков, доживающих последнее лето. Молодые охотники замерли на миг, не веря глазам, и слитно взвыли от восторга, когда Хаг будто бы легко, а на самом деле с предельным напряжением вздувшихся мышц поднял над головой главную добычу дня — почти никем не виданную громадную руку большого зверя. Женщины тараторили, указывая пальцами на оборванную пленницу. Некоторые плевались. Одна сопливка корчила рожи. Радостно визжа, путались под ногами дети, обретая подзатыльники. Орал, требуя грудь, младенец на руках у матери. Ауха — и тот вышел встречать — держался с достоинством, но приказывать Хагу — победителю большого зверя не посмел. Он неглуп, этот Ауха.

Такого праздника не могли припомнить и старики. Светлой ночью, в дыму костров, отпугивающих мошку, под крики, смех и неумолчный грохот бубнов, под жаркое из руки большого зверя, под пьянящую горечь жгучей настойки из сушеных красных грибов, собранных прошлым летом, свершилось главное. Этой ночью Хаг согнал старого Ауху с прикрытого мягкой шкурой валуна, на котором имел право сидеть один

лишь вождь, и сел на него сам. И он же остановил одурманенных настойкой молодых охотников, собравшихся было взять Ауху на копья, и указал свергнутому вождю место подле валуна. Пусть запомнят те, кто видел, а видели все. Пусть запомнят хорошенько. И вожди обречены стареть. Он, Хаг, не враг самому себе и нисколько не глупее старого Аухи.

В это время года на севере, у моря небесный огонь начинает кружить по небу, не опускаясь за край земли. Он хочет согреть озябших за зиму людей, но в нем нет силы. Здесь, на полуденной границе земель племени Болота, теплее, и, мудрый, он дает себе отдохнуть недолгой ночью, чтобы днем разгореться во всю мочь и согреть всех, кто ходит под его лучами.

В эту светлую ночь месяц был не в запретной фазе, и, утверждая свое превосходство, Хаг открыл кульминацию праздника, на глазах всего племени еще раз овладев пленницей. По правде говоря, ему больше хотелось черноволосую Моллу, но племя должно было видеть, как вождь получает первую долю, а получив, отпихивает добычу ногой, позволяя попользоваться ею другим. Дошла очередь и до Моллы, и до гибкой зеленоглазой Гуги, вечно хохочущей под мужчиной, а толстой Яйной Хаг пренебрег, решив, что на сегодня с него хватит.

Никто не оспорил его право. Стояли, ждали. Глаза молодых охотников горели, отражая пламя костров. Из-за первых освободившихся женщин — чужинки, не имеющей имени, и черноволосой Моллы — едва не вспыхнула потасовка, моментально прекращенная свирепым рыком Хага. Нельзя совсем запретить естественное — убьют. Но порядок должен быть. И племя покорилося ему, как когда-то покорилося Аухе, а прежде него Шушши, а до него еще кому-то, чье имя сейчас никто не вспомнит.

Точно так же оно со временем покорится кому-нибудь из этих молодых охотников, а то и нынешних подростков. Но не безбровому Гнуку, посланному к са-амам, сильному и умному. Теперь уже не Гнуку. Потому что Хаг знает, с какой стороны ждать удара, и нанесет удар первым.

Охота этим летом была удачна. Дичь, давно не тревожимая людьми, вновь изобиловала в когда-то опустошенном месте. Брали лося. Некрупный черный медведь не мог противостоять копьям охотников. Попадался большой пятнистый олень, остророгий не в пример своему северному собрату. Подростки каждый день тащили с реки огромные связки рыбы.

Племя заимует здесь, у полуденной границы своих земель. И останется еще на одну зиму, если добрые духи дадут знак. Зимой сюда придут неисчислимые олени стада и будут пастись в лесах и на болоте, разгребая копытами снег. Осенью, случись плохая охота, можно прожить одними грибами и ягодами, которых здесь неизменная прорва. Хаг был спокоен. Никто в его племени не умрет от голода, разве что от болезней или старости, с которой не в силах бороться человек.

Шли дни, и светлели ночи. Никто не умер, зато две женщины удачно разродились; один из новорожденных чертами крохотного личика напоминал Хага. Прошел праздник посвящения девушек — после него Хаг целый день не выходил из чума, мучаясь тупой болью в причинном месте. Но на следующий день вышел и сам возглавил охоту. Смирился со своей долей и Ауха, без ропота склонившись перед признанным победителем большого зверя. Жизнь была хороша — впрочем, бывает ли плоха жизнь вождя?

Красные пятна расползлись по лицу безымянной пленницы, перекинулись на руки. Старые пятна сделались багровыми, а пятно на лбу превратилось в

кроваво-черную мокнущую язву. В последние дни чужинка часто стонала и охала: видно, ей трудно было двигаться. Женщины племени презирали ее, гнали от костров; начали брезговать ею и мужчины. Пленница куталась в свое рванье, питалась объедками.

Умрет, нет ли? Хагу было все равно. Люди Холмов не искали пропажу; охотники, посланные к полуденной границе, не нашли чужих следов.

В один из прохладных ветреных дней, какие выпадают часто, пока лето не вошло в полную силу, с заката вернулся Гнук, приведя с собой посланца са-амов. Посланец принес вождю подарки: хороший нож резной кости, малую охапку куньих шкурок для отделки праздничных одежд, горсточку речного бисера для того же и оленью мошну, туго набитую серой солью. Соль, настоящую, а не горькую морскую, са-амы выменивают у племени Холмов, с которым они в дружбе, и втридорога перепродают людям Болота. Щедрый подарок.

Щедрый, да с умыслом: видимо, людям с заката не по нраву цена за прочную кость и огненные камни, вот и прислали своего — торговаться. Хочет задобрить вождя...

Низкорослый, как все са-амы, коренастый и смуглый, посланец щурил глаза-щелки, внимательно вглядываясь в лицо Хага. Только в лицо. Он еще не проронил ни звука. Безбровый Гнук, забавно щурясь, сказал, что посланец плохо знает язык людей Болота, поэтому он, Гнук, будет переводить. Ну пусть... Все-таки Гнук не слишком умен. На его месте Хаг предпочел бы держаться как можно незаметнее.

— Аи-и... и-и-и...

Вздвогнув, как все, Хаг уловил носом тяжелый запах и понял, почему расступились люди. Ну конечно, чужинка! Тоже, нашла дура время верещать! Пора совсем выгнать из племени никчемную бабу.

Слова приказа не успели слететь с губ — торопясь, пленница заговорила на своем языке. И Хаг увидел, что посланец, явно понявший ее слова, вдруг боязливо попятился, замахал рукой и в его глазах-щелках появился ужас.

Все было ясно Хагу: са-ам не хочет, чтобы женщина подошла ближе. Тем лучше сразу решить этот вопрос. По законам предков, никакой чужак, даже дружественный, не может обладать женщиной племени Болота. Даже пленницей. Тем паче са-ам, странными обычаями его племени обреченный жить лишь с одной, в лучшем случае с двумя женщинами. Оттого и живут они не все вместе, как люди Болота, а отдельными стойбищами, передвигая их следом за кочующими стадами оленей. Странные люди. Этот опытен и тверд: знает, что искушение может победить даже самого сильного мужчину, вот и пятится от женщины, словно боится ее... Хаг небрежно шевельнул рукой, и понятливый Лям придержал женщину за волосы. А еще Хаг заметил: посланец са-амов отступил в самый дым костра, будто спасаясь от укусов гнуса. Но гнуса сегодня было немного.

А женщина, спеша выговориться перед тем, кто понимал ее язык, все тараторила, захлебываясь словами. Са-ам слушал из дыма, не сводя взгляда с ее лба. Непонятная речь ее звучала сбивчиво и жалобно. Когда женщина вдруг ни с того ни с сего разразилась рыданиями, потерявший терпение Хаг приказал отогнать ее подальше.

— Спроси о ее словах, — велел он Гнуку.

Спрашивать не пришлось: са-ам заговорил первым, смешно растягивая звуки, как все са-амы. Кашляя и временами останавливая речь, он и теперь не вышел из дыма.

— Женщина говорит, что ее племя жило по ту сторону холмов, — перевел Гнук. — В лесах хватало дичи,

и племя было сильным. Так он понял есть, так понял я. Каждый год рождалось много детей. Но однажды, столько зим назад, сколько пальцев на одной руке, выпал плохой год. Оленьи стада ушли далеко, и начался голод. Он говорит: такие годы знаем и мы, народ са-ам, знаете их и вы, болотные люди. В тот год, пока у людей Холмов еще были силы сниматься с места, племя несколько раз переносило становище, однако новые места были не лучше старых. Самые сильные охотники уходили на много дней пути, но добыча, приносимая ими, была ничтожна. Умирили старики, угасали дети. Рискую попасть под копыта соседей, охотники искали пищу за границами земель племени, но чаще всего не находили ее и там. Слабые стали трусливыми и жестокими, сильные пали духом.

И вот однажды у южных границ, где начинаются и тянутся до конца света непроходимые леса, охотничий отряд людей Холмов встретил человека неизвестного племени. Он был едва жив и полз с громкими стонами, потому что его ноги отказались ходить. И лицо, и руки неизвестного человека были покрыты багровыми пятнами.

Са-ам откашлялся, прежде чем продолжить.

— Вы, люди Болота, знаете, что ждет чужака, явившегося без приглашения. Охотники убили его и не смогли устоять перед муками голода. Они подумали: он не соплеменник и душа его не станет мстить. Они разрубили его мясо и, кое-как обжарив, съели его, а те, кто был более других голоден и нетерпелив, набросившись, как волки, съели и сырые куски мяса.

Словно лисий хвост, дым костра вильнул в сторону Гнука, и тот, нечаянно вдохнув полной грудью, закашлялся, совсем как са-ам.

— Он есть говорит... кх... он говорит: какая глупость! Кха!.. Но он их понимает.

— Что он еще говорит? — властно рыкнул Хаг, втайне наслаждаясь. Надо сделать так, чтобы и другие охотники научились понимать язык са-амов, подумал он. Вот хотя бы Лям. Как только начнется мена, взять его с собой, пусть прислушивается. А с Гнуком пора кончать, пока он не вошел в полную силу воина. Вон как смотрит...

— Он говорит... кх... женщина сказала, что голодное время удалось пережить. Дичь вернулась, и слабые стали сильными. Однако у двух молодых охотников на лице выступили красные пятна. А после нескольких праздников полнолуния, когда добрые духи позволяют людям есть горькие пьянящие грибы и любиться с кем угодно, у многих мужчин и женщин племени появились красные пятна, а у тех двух охотников они стали багровыми. Потом люди стали жаловаться на мучительные боли во всем теле. Первыми умерли те два охотника. Они сгнили заживо, так говорит эта женщина. Это случилось четыре зимы назад...

Глаза са-ама слезились от дыма.

— Он говорит, что са-амы давно уже не встречали людей Холмов, — переводил Гнук. — Он есть удивлен, что эта женщина еще жива. Он говорит, сначала они думали, что люди Холмов ушли со своих мест. Тогда охотники са-амов пошли посмотреть на эту землю, потому что знали: она хороша. Это было осенью, перед тем как ложится первый снег. Они нашли становище. И они не нашли там живых людей Холмов, только мертвых. Некоторые умерли совсем недавно, и у всех на лицах были черные язвы. Он говорит, что люди Холмов гнили, но даже голодные звери не трогали их. С тех пор никто из са-амов не ходил за холмы. Он говорит, охотники очень боялись, но никто из них не заболел. Все са-амы очень боялись.

Резко повернувшись, выкрикнув напоследок через плечо длинногласную фразу, чужак пошел прочь. Хаг

даже не сразу понял, что са-ам уходит. Совсем. Не приняв угощения. Не договорившись о мене.

— Он говорит, они правильно сделали, что ушли оттуда и больше не возвращались, — запоздало перевел Гнук.

Са-ам уходил.

Молчали люди, обступив вождя.

Лишь один охотник поперхнулся, вдохнув дыма, да где-то в задних рядах, где место никак не охотникам, толкались и визгливо хихикали две женщины. Что им за дело? Вождь силен и мудр, как он скажет, так и будет. Пока ловится зверь, пока рождаются дети, пока лежит болото.

А значит — всегда.

Хаг смотрел вверх, на бегущие облака — дыхание небесных духов. Растерявшийся вождь — не вождь, он это знал твердо, но сейчас он не знал, что сказать им, ждущим слова. А они ждали терпеливо, уверенные, что вождь беседует с духами, прося у них совета.

В сущности, так оно и было.

А еще — прежде чем поднять глаза к небу, не в силах больше смотреть на людей, Хаг мазнул по ним беглым, но цепким, примечающим каждую мелочь взглядом вождя.

Он увидел Моллу и красное пятно на ее лбу, полускрытое прядью волос. Он увидел то, чего не замечал раньше: пятна, кое у кого уже ржаво-красные, но чаще еще розовые, как лепестки ранних цветов, в последние дни как-то незаметно проявились у многих мужчин и женщин. Не только на лицах, но и на руках. Он вспомнил, как вчера пришлось побить Ляма, не желавшего идти на охоту из-за непонятной боли в суставах. А тот младенец, что похож на маленького Хага, — нет ли у него пятнышка на крошечном лице, как и у его матери? Ведь есть!..

Пятна, пятна, пятна...

Розовые, красные, багровые...

Пятна!

О духи неба, камня! Добрые и мудрые духи предков! Помогите детям вашим! Отгоните беду... Вечно голодные духи болота, не мстите людям...

Спеша и не оглядываясь, са-ам уходил краем болота. И Гнук, вдруг всхлипнув, как побитый Лям, внезапно начал срывать с себя потрепанную в скитаниях кожаную одежду, которой касались руки соплеменников, и, оставшись в чем мать родила, подхватив одно копьё, не сказав ни единого слова и лишь кинув на приблизившуюся похотливую Гугу полный ужаса взгляд, метнулся вслед са-аму и скоро догнал его. Некоторое время было видно, как они идут вместе.

И тогда старый Ауха завыл.

Сидя на валуне, предназначенном только для вождя, положив внезапно ослабевшие руки на согнутые колени, Хаг опустил на руки голову, так что на собранном в складки лбу особенно явственно проступили багровые пятна, и трудно, неумело задумался.

ВОПРОС ПРАВА

Завтра меня будут судить. Нет, я не виновен, во всяком случае, таковым себя не считаю. Дело за малым — чтобы таковым меня не сочли присяжные. У них будет трудная задача, и я им заранее сочувствую. Впрочем, завтра будет видно, кому в действительности пригодится сочувствие. Боюсь, что мне. И истец, я уверен, не пожалеет слов для того, чтобы обрисовать мои им же вынужденные поступки в самом черном и невыгодном для меня свете. Он взбешен и жаждет мщения, сладострастно потирая руки.

Пусть. У меня еще есть надежда: в сущности, ведь не доказано, что я совершил преступление. И может быть, то, что я собрался написать, как-то поможет делу? А что, это, пожалуй, идея. Оратор из меня никакой, чего доброго, начну невразумительно мямлить, когда судья спросит меня о мотивах, — но если мне удастся выразить на бумаге хотя бы десятую часть того, что мне пришлось пережить, весы Фемиды должны дрогнуть. Обязаны. У меня, как и у всякого другого, есть право давать показания в письменном виде.

Приговор? Не думаю, что он будет очень уж суров, — вероятно, лишение какого-либо гарантиро-

ванного права на более или менее продолжительный срок. Какого? — вот вопрос.

Права на жизнь? Разумеется, нет: никакой суд не правомочен решать такие вопросы, будь я хоть трижды убийцей. Не средние века. К тому же я никого не убивал. Это меня чуть не убили.

Права на общество себе подобных? Не смешите меня. Это не наказание, а благо. От себе подобных только и жди какой-нибудь пакости или нечуткости — нет, не ко мне лично, это бы еще полбеды, — а к делу, которому я посвятил большую и лучшую часть своей жизни. Делу! — а не общению с субъектами вроде моего истца.

И далее — в том же духе, по перечню гарантированных прав. Решительно не возьму в толк, как суду удастся решить главную свою задачу — заставить преступника раскаяться? Во-первых, я не считаю себя преступником и не постесняюсь заявить об этом во весь голос, а во-вторых, не раскаиваюсь и раскаиваться не собираюсь. Уверен: всякий на моем месте поступил бы точно так же. Если не хуже.

И все-таки я кривлю душой. Есть, есть одно право, лишения которого я смертельно боюсь... Черт, что за плоское слово — «боюсь»? Совершенно не отражает сути моего состояния. Страшусь? Бр-р... Ужасаюсь? Еще того хуже. Нужного слова нет. Но эпитет «смертельно» верен, потому что отнять у меня это право — все равно что отнять право на жизнь. Не менее.

Я вам скажу, какое это право, все равно ведь догадаетесь рано или поздно. Но постарайтесь не смеяться. И уж тем более не нужно меня жалеть, жалости я не терплю. Откройте перечень гарантированных прав и прочтите на странице пятой под номером двадцать семь: «Право на время, материалы и условия, необходимые для занятия деятельностью, не представляющей угрозы для человечества и выполняемой в сво-

бодное от основного труда время». Витиевато, но исчерпывающе. Некоторые называют это правом на хобби.

Ну вот, еще одно идиотское слово.

Чахлае растеньице неопределенного цвета, конус ломких листьев, окружающих хилый стебель с единственной почкой наверху, из которой, может быть, лет через пять разовьется вялый скомканный цветок. А может быть, и не разовьется. Природа решила пошутить, отпустив растению долгий тепличный век и очень мало жизни. Росток до того слаб, что трудно понять, как он вообще способен выбраться из земли, — но он все же выбирается, похоже, только затем, чтобы печально продемонстрировать миру свою бледную немочь. Это, с точки зрения профана, и есть конусоид остролистный, привередливый гость, завезенный из невообразимой дали будто специально для того, чтобы людям вроде меня было чем заняться.

Выращивать конусоиды — дело почти безнадежное, а если за это берется простой любитель, то безнадежное втройне. В девяносто восьми случаях из ста он разорится на рассаде, ничего не добившись, а если не разорится, значит, он либо очень состоятельный человек, либо плохой любитель. Удачи редки. И если любителю удалось-таки взрастить, да еще в обыкновенных цветочных горшках, пару кривоватых росточков, годных для высаживания в грунт, то этот любитель вправе преисполниться любой степени самодовольства, включая сочинение од и мадригалов в свою честь. Другой пользы от конусоидов нет и не предвидится. Зато счастливый обладатель проросшего уника отныне обречен на плохой сон и скверный аппетит. Он отложит деловые встречи и отменит самое необходимое, чтобы иметь возможность лишний раз подышать над росточком или поэкспериментировать с новым видом питательной

смеси. Если любитель человек увлекающийся, он потерян для общества навсегда. Это маньяк. Он одержим стремлением познакомить мир с принадлежащим ему чудом. Если ему удастся затащить к себе какого-нибудь простака, он благоговейно указывает перстом на цветочный горшок и тут же, наслаждаясь и мучаясь одновременно, шипит на гостя, подошедшего к растению слишком близко. Друзья к нему не ходят. Широкие слои общественности, к сожалению, прискорбно равнодушны к вопросу акклиматизации конусоидов на Земле. Остается одно: стучаться в двери ботанических институтов и селекционных центров во всей обитаемой Вселенной и регистрировать свои ростки под разными номерами в надежде когда-нибудь встретить свое имя в почтенном академическом каталоге. И вот он гордо ступает на борт космического лайнера и дерзит помощнику капитана, категорически отказываясь сдать свои горшки в багаж под надзор киберов. Дрожа за судьбу своих питомцев, он неуклонно движется к розовой мечте — не к славе, нет, слава ему не нужна, а только лишь к признанию своих усилий и трудов, поистине титанических. Это смешно, скажут многие. Что же тут смешного, достойно отвечу я, если человек определил цель и смысл своей жизни?

Итак, горшки пристроены в каюте, разбитый в пух и прах помощник капитана уходит искать, на ком бы сорвать злость, а вдохновенный любитель даже еще не осознал своей победы. Ему сейчас не до подобных мелочей: ведь предстоит старт, затем маневры корабля, затем разгон — и все это время на хрупкие ростки будут действовать совершенно недопустимые перегрузки. Но истинный любитель охотнее выдержит взлетные четыре «же», стоя посреди каюты со штангой на плечах, чем позволит росткам ощутить хотя бы малейший дискомфорт.

Левитационная ванночка спасает дело. Они безумно дорогие, эти ванночки, и вдобавок весьма далекие от совершенства, с точки зрения конусоидоводов, — их применяют главным образом для доставки трансплантируемых органов на слаборазвитые планеты, — и тем не менее именно ванночка дает ростку неплохой шанс выжить в полете. Между прочим, если вам когда-нибудь встретится любитель конусоидов, не имеющий левитационной ванночки, плюньте ему в лицо: он либо шарлатан, либо вандал, не заслуживающий права называться подлинным любителем.

С такими я не желаю иметь ничего общего.

Всякий нормальный человек проводит во сне третью часть жизни. Любитель конусоидов — меньше. В глубине души он уверен, что если с ростками случится самое худшее, это произойдет именно во время его сна. На ночь его мучают скверные предчувствия, а снятся ему кошмары. Нет, я отнюдь не ручаюсь, что с каждым любителем дело обстоит именно так, и не претендую на полноту картины. Не взыщите, я всего лишь описал свои личные ощущения.

Кошмар прервался на середине, и я понял, что проснулся. Выла сирена, и кровать ходила ходуном, так что моя голова скакала по подушке, а ноги, продетые в пижамные брюки, от каждого толчка взлетали к потолку каюты. Спросонья я туго соображал и для начала попытался перевернуться на другой бок, чтобы досмотреть, чем там кончилось дело, но подлая конструкция, послушная программе побудки, накренилась и вывалила меня на пол, да так, что горшки с конусоидами, стоящие рядом на журнальном столике, вздрогнули и угрожающе закачались. Я осатанел. Когда я с облегчением убедился, что ростки целы, первым моим желанием было содрать с мгновенно присмирившей кровати одеяло и устроиться доспать на

полу, заткнув уши, чтобы не слышать воя сирены. Знаю я эти штучки. Один-два раза за время рейса на любом пассажирском корабле принято устраивать учебную метеоритную тревогу, причем, как правило, в ночные часы. Дань традиции замшелых времен, когда на трассах еще можно было встретить метеорит, способный пробить броню лайнера. Теперь такие реликты давно выбиты, а традиция будить людей осталась — с кровати спихнули, и сирена вот воет.

Традиция в космосе почти закон, а законы отличаются одним свойством: их не обязательно чтить, над ними можно смеяться, их можно даже не знать, но соблюдать их нужно. Поэтому я ворчливо оделся, вышел в коридор и стал искать ближайший спасательный вельбот. В коридоре было пусто, и я сперва, вообразив, что все пассажиры уже успели занять свои места, даже припустил рысцой, но тут из-за двери семейной каюты донеслось приглушенное сиреной сонное бормотание и довольно явственный смешок. Разумеется, там и не думали сломя голову бежать спасаться, а скромно и терпеливо ждали отбоя тревоги и, позевывая, проверяли, не перестали ли уже взбрыкивать кровати. Проклиная свое законопослушание, я доплелся до первого из двух пристыкованных к нашей палубе вельботов и дернул ручку люка. Пусто. Один я такой ненормальный. Ладно, решил я. Посмотрю во втором и пойду спать. По крайней мере упрекнуть меня будет не в чем.

...Он набежал на меня прямо в пижаме, суетливый пухленький человечек с трясущимся брюшком навывпуск, потный и растерзанный, прижимающий к боку большой портфель. На его лице было написано отчаяние. Трудно запомнить всех пассажиров, особенно с других палуб, но этого я узнал: видел на смотровой площадке и в ресторане. Наверное, бедняга сразу, еще не до конца проснувшись, кинулся искать вельбот и заблудился. Помнится, глядя на него, я подумал, что

нечего так бегать, если не умеешь справиться с отдышкой. И еще с удовлетворением отметил, что существуют люди еще более ненормальные, чем я сам.

Мысль мелкая, тщеславная. Но, как вскоре выяснилось, настолько справедливая, что даже как-то неловко называть ее просто мыслью. Голая Истина.

— Вы — что? — спросил я строго

Вместо ответа человек отпихнул меня в сторону и полез в люк вельбота. На него было жутко смотреть.

Стоит мне в самой спокойной и унылой обстановке увидеть смертельно перепуганного человека, как я, вместо того чтобы его высмеять, сам начинаю нервничать. Наверное, это оттого, что смертельно перепуганных людей мне в жизни доводилось видеть очень уж мало.

Захлопнувшийся было люк распахнулся рывком. На меня уставились налитые ужасом глаза. В них было все: свист воздуха, уносимого в пространство через рваную пробоину, грохот осыпающихся переборок, визг осколков в тумане конденсата и самое страшное: океан жидкого огня из пробитого двигателя, врывающийся в жилые отсеки... Мне стало не по себе.

— Ну что же вы! — закричал он, чуть не плача. — Лезьте же!

По его зальсынам сбегали крупные капли пота.

И я, представьте, чуть было не полез в этот люк. До сих пор не могу вспомнить об этом без стыда. Я совсем забыл о своих ростках, на одну секунду — но забыл!

— Стойте! — закричал я, опомнясь. — Подождите меня! Мне необходимо вернуться в каюту. Я мигом! Ждите меня где-е-есь!..

Последнюю фразу я выпалил уже на бегу. Она-то меня и погубила.

— Вы с ума сошли! — завопил человек мне вслед. — Через полминуты будет поздно, слышите! Да остановитесь же вы, кретин!..

Я его не слушал. Полминуты! У меня оставалось только полминуты, и я должен был успеть спасти свои ростки. Я несся по коридору гигантскими прыжками. Какое счастье, что перед сном мне пришла в голову спасительная мысль навинтить на горшки с конусоидами защитные колпаки! Если бы я этого не сделал, можно было бы никуда не бежать: ростки были бы обречены. Никогда бы себе не простил.

Между прочим, следовало подумать еще и о людях. По-прежнему не умолкала сирена, и по-прежнему в коридоре, ведущем к спасательным вельботам, не было ни души. Никто не желал спастись. Мирные пассажиры, недовольные тем, что кто-то так не вовремя прервал их сон, уверенно полагающие ночную побудку обыкновенной учебной тревогой... и не без основания. По статистике, в пассажирских рейсах на десять тысяч учебных тревог приходится одна настоящая — так зачем же куда-то спешить? Вот потому-то число жертв в космосе растет, а не уменьшается, не смотря ни на какие тревоги, и неудивительно.

Теряя драгоценное время, я тормозил возле дверей кают — одна дверь, другая, третья... Черт знает, сколько здесь кают! Я колотил в двери что было сил. Я кричал: «Спасайтесь! Да проснитесь же!! Тревога!!!» Я зря терял время. Из первой каюты мне сквозь дверь весело пожелали спокойной ночи, из второй доносился тяжелый храп, а невидимый, но крайне раздраженный обитатель третьей каюты грубым голосом послал меня поискать точное место Большого Взрыва, найти его и там остаться. Эти идиоты ничуть не верили в самую возможность катастрофы; чтобы их спасти, потребовалось бы каждого брать за шиворот и тащить к вельботу, а спасаемый еще упирался бы.

К черту! Я не склонен мешать самоубийцам — в конце концов, это их право. Но мне умирать еще рано, и я должен спасти свои ростки, плод трудов, мук и

терзаний многих лет. Ростки должны уцелеть во что бы то ни стало.

Вот они! Сгибаясь под тяжестью бесценного груза, я бежал назад, к вельботу. Мне казалось, что воздух внутри корабля стал разреженным, и я дышал с хрипом, судорожно разевая рот, и все никак не мог поймать достаточно воздуха. Сообщения о разгерметизации не поступало, но на терпящем бедствие лайнере возможно всякое. Следовало спешить. Скорее!

Как мне хватило рук, чтобы за один заход унести самое главное, — о том отдельный разговор. Кое-что, конечно, пришлось бросить. Бедные ростки под прозрачными колпаками дрожали при каждом прыжке, и у меня сжималось сердце, но я не мог при всем желании уделить горшкам больше одной руки, а другой рукой я прижимал к себе левитационную ванночку, наспех набитую баллончиками со стимуляторами и питательной смесью для ростков, рукописный дневник наблюдений и усовершенствованный мною биотестер. Между прочим, левитационная ванночка только называется ванночкой, а вы попробуйте удержать ее одной рукой. Ванна! Сорок один килограмм чистого веса.

Горячий пот заливал мне глаза. Скорее! Прошло уже не тридцать секунд, а, наверное, пятьдесят. Человечек ждал меня, высунувшись из люка по пояс, и его лицо не выражало ничего, кроме отчаяния.

— Да быстрее же! — кричал он страдальчески, увидев меня. — Полезайте!

Я перевел дух. Все-таки он рискнул дожидаться меня, не стартовал. Хороший, наверное, человек.

— Примите горшки, — сказал я, просовываясь в люк. — Только осторожно, не тряхните их случайно. Ставьте их вон туда, на кресло. Вот-вот, сюда. Да осторожнее же, черт!.. Что там у вас — портфель? Поставьте-ка его на пол. Вот так.

Я подал ему второй горшок. Пришлось прикрикнуть на него, чтобы он не трясся. По-моему, он уже жалел, что связался со мной, отсчитывал в уме секунды и прощался с жизнью.

— Теперь ванночку, — скомандовал я. — Быстрее! Подберите ноги, поставим ее на пол. Хватайте же, ну! Этого человек не выдержал.

— Какая еще ванночка, — завизжал он на высокой ноте, — если мы сейчас погибнем! Бросьте ее! Да бросьте же, идиот! Все равно она не пройдет в люк!..

Бросить ванночку, ха! Ляпнуть такое мог только дремучий невежда в вопросах разведения конусоидов, которому в определенных ситуациях лучше помалкивать и не вмешиваться в действия специалистов. Еще несколько секунд я, закусив губу, пытался протиснуть ванночку в люк — и прямо, и боком, и по-всякому, пока не понял, что мои усилия бесполезны и каждая упущенная секунда могла оказаться для нас последней. Человек рыдал. Сирена продолжала выть — надрывно, стонуше. Лайнер летел навстречу катастрофе.

Горстями я швырял в люк баллончики, пипетки, иглы — все, что смог запихнуть в ванночку. Скорее! Нужно успеть! Нужно!! И я успел запрыгнуть в люк, как мне показалось, в последнюю секунду, и тут же человек взвился и, издав громкий всхлипывающий звук, изо всех сил дернул рычаг старта. Меня толкнуло: вельбот дрогнул и медленно заскользил по магнитным рельсам. Обратный путь был отрезан. Мы были спасены: теперь уже ничто не могло нас остановить, разве что прямое попадание метеорита в эвакуационный кингстон. Более того, я спас свои конусоиды!

Впрочем, спас ли еще? Не факт. Вытирая с затылка обильный пот, человек с изумлением смотрел, как я устраиваю свои горшки на противоперегрузочном кресле и фиксирую их ремнями. Конечно, кресло

не спасет ростки от толчков, но и не даст им погибнуть сразу же. А это пока главное.

Едва я успел закрепиться сам, как нас рвануло вбок — спасательные вельботы пассажирских судов в отличие от разведывательных ракет крейсеров выстреливаются не вперед, а в сторону. Глухо чавкнул кингстон, и мы увидели звезды, а на левом экране возникло громоздкое тело лайнера, медленно удаляющееся в пространство, — вельбот уходил в сторону от линии соприкосновения с таящейся впереди опасностью. Затем заработали носовые двигатели торможения, и мы бестолково забились в ремнях безопасности, с опозданием осознав, что наш вельбот оказался устаревшей моделью без поворотных кресел. Хотелось ругнуться: держат же подобную заваль на лайнерах, рекламируемых как первоклассные! — но и ругнуться я не мог, а на соседнем кресле схваченный ремнями человек пучил налитые глаза, как недоваренный рак, и задыхался. Ладно, мы-то выдержим, главное то, что конусоидам абсолютно безразлично, повернуто кресло или не повернуто. Им плохо в любом случае.

Уф-ф! Кажется, спасены. Лайнер проскочил мимо нас, как пустынный смерч мимо залегшего верблюда. Через две секунды он был уже далеким светлым пятном, уходящим в черноту; через пять секунд он стал похож на яркую звезду, быстро теряющую блеск, потом на тусклую искорку, едва заметную среди тысяч других звезд. Наконец звездочка погасла совсем.

И мы остались одни.

Минут тридцать мы всматривались в черноту, с замиранием сердца ожидая вспышки, похожей на вспышку сверхновой, в той части неба, куда ушел лайнер, но вспышки все не было. Если бы мои мысли не были столь заняты ростками, то наверняка я понял бы гораздо раньше, что ее и не должно было быть. Но в тот момент я ощутил всего лишь осторожное сомнение.

А космос вокруг нас был пуст и к нам безразличен.
— Но где же другие вельботы? — спросил я.

Вопрос был резонным: по идее, с терпящего бедствие лайнера спасательные суденышки должны сыпаться как горох. Не может быть, чтобы абсолютно все пассажиры оказались такими же беспечными олухами, как мои соседи. Тут что-то было не так.

— Послушайте, — сказал я не очень уверенно. — Могу я полюбопытствовать: почему вы, собственно говоря, решили, что это была не обычная учебная тревога? Вам встретился кто-нибудь из экипажа?

Человечек оторвался от экрана, откинулся на спинку кресла и сложил пухлые ручки на животе. От его отчаяния не осталось и следа. Клянусь, более самоуверенного и самодовольного человека я еще не видел. Он смотрел на меня с видом явного превосходства.

— Я его почувствовал, — изрек он, противно улыбаясь. — До него оставался миллиард километров, но я его все равно почувствовал. В первый раз у меня получилось. — Он сиял гордостью. — Вы должны меня благодарить за то, что спаслись, потому что мы оба наверняка погибли бы, если бы я его не почувствовал...

— Кого? — спросил я, начиная подозревать неладное.

— Метеорит, — радостно сообщил он. — Очень крупный обломок, почти астероид. Мы шли прямо на него, но теперь, конечно, для нас опасность уже позади...

— Постойте-постойте! — загорячился я. — Как это? Что это значит — «почувствовал»? Как вы могли почувствовать метеорит за миллиард километров? Это что, камень под ногами? Вы соображаете, что говорите? Или нет? В конце концов, существуют же для чего-то следящие локаторы или как их там?

— Существуют, — признал человечек все с тем же отвратительным тоном превосходства. — Конечно, существуют. Но на этот раз либо ошиблись они, либо ошибся корабельный мозг, поэтому вам повезло, что среди пассажиров оказался человек со способностями, которые в скрытом виде дремлют в каждом из нас и нуждаются лишь в должном развитии. Я имею в виду ясновидение, ридинг-эффект. Вы, я вижу, не в курсе...

— Что-о?! — закричал я, осознавая страшную правду. — Ясновидение? Так, значит, тревога и в самом деле была учебной?!

Он смотрел на меня и сиял. В его глазах ясно читался ответ.

— Ах ты!..

Нехорошо хватать человека за шиворот, но я это сделал. Нехорошо также возить его носом по заблокированному пульту управления, но я совершил и это. И уж совсем не следует говорить при этом слов, которых пришлось бы впоследствии стыдиться, а я наговорил ему немало всякого, и ошибется тот, кто подумает, будто мои выражения отличались чистотой и литературным благородством. Да, какое-то весьма непродолжительное время мне было стыдно — но теперь мне стыдиться нечего. Пусть благодарит судьбу за то, что я, не страдая ясновидением, не смог в тот момент предвидеть дальнейший ход событий и потому не вытряс из него душу. А следовало бы.

Не знаю, сколько времени я успокаивал нервы. Когда я его выпустил, лицо человечка было синим, прикушенный язык распух и не помещался во рту. Я немедленно почувствовал неловкость и извинился со всей возможной деликатностью. Человечек как ни в чем не бывало встряхнулся, привел себя в порядок и снова прилип к экрану. Уж не знаю, что он там ожидал увидеть.

— И фы такой ше, — сказал он немного погодя, с трудом ворочая распухшим языком. — Фы фше такие, даше лушшие предштафители, не шелаете дошлушать... Шерт, пошему ше так долго не фидно фшрыфа?

Я оглянулся на горшки. Ростки, слава богу, были в порядке. Впрочем, по внешнему виду конусоидов никогда нельзя судить, в порядке они или не в порядке. А этому — взрыва хочется. Псих.

— Не будет взрыва, — сказал я мрачно. — А ваш метеорит, извините, фикция. Как и ваше ясновидение. Надо же было мне, дураку, вас послушать! Где теперь лайнер? — Я ткнул пальцем в черноту на экране. — Ну? Покажите мне его. Если бы мы остались в своих каютах, то сейчас бы преспокойно досматривали сны, а не болтались без дела посреди Вселенной. Между прочим, если вы думаете, что лайнер затормозит и начнет нас разыскивать, то глубоко заблуждаетесь. Мы — классические потерпевшие кораблекрушение, и все из-за вашего ясновидения!

— Яшнофидение не фикция, — возразил человек. — Фаш лайнер погиб шо фшеми людьми, а ешли не ферите, то дафайте попробуем догнать.

— Как?! — закричал я на него. — Спасательные вельботы все до единого на автоматическом управлении. Вы что, знаете, как разблокировать пульт? А управлять вельботом вручную вы умеете?

Он не умел. И значит, нам предстоял путь к одной из ближайших спасательных планет — удовольствие недели на две, а если не повезет, то и на все три. Да еще ждать спасателей. Выдержат ли такое мои хрупкие ростки? Может быть, да, а может быть... страшно и подумать. О конусоидах ничего нельзя знать заранее, можно только пытаться продлить их жизнь, насколько это вообще возможно. Накрытые колпаками, в надежных горшках, оснащенных системами термо-, влаго- и магниторегуляции, ростки, возможно, про-

держатся месяц-другой, если не забывать вовремя менять баллончики с питательной смесью. Но уж я-то, конечно, не забуду! Гораздо хуже то, что все это время мне придется провести бок о бок с типом, к которому я чувствую естественную неприязнь одураченного человека, смешанную с неловкостью за свою несдержанность. Однако сосуществовать с ним как-то придется.

Из вежливости я представился, и человечек в свою очередь назвал мне свое имя. Он вообразил, будто меня интересует его имя. Он ошибался. Я не собирался уделять ему свое время. Приятно побеседовать с разумным человеком, особенно если он хоть что-нибудь смыслит в конусоидах, но разговаривать с умалишенным, из-за которого я влип в эту дурацкую историю, — увольте. Это монстр. Рыба-Кит — вот как я прозвал его в самом скором времени. По-моему, попал в точку.

Прошло десять секунд.

— Вы что читаете? — спросил он.

— Звездный атлас, — ответил я нелюбезно. — Хочу понять, где мы по вашей милости находимся и далеко ли отсюда до спасательной планеты. А вы что думали?

— А-а, — сказал он. — Правильно.

Прошло еще секунд пять. Рыба-Кит сидел молча, всматривался в черноту на экране, вслушивался и, по-моему, даже внюхивался.

— Недалеко, — сказал он, улыбаясь. — Совсем недалеко, я это чувствую. И планета хорошая. Если бы вы, подобно мне, всерьез занялись развитием дремлющих в вас способностей, вы бы тоже почувствовали, что планета недалеко. Хотите, попытаемся вместе?

— Не мешайте, — сказал я. — Я занят.

Прошло еще две секунды.

— А скажите, — вкрадчиво произнес Рыба-Кит, — что вы вообще думаете о парапсихологии?

— Ничего не думаю, — ответил я, не отрываясь от атласа и тщетно пытаюсь определить наше местополо-

жение в пространстве. — Лично с ней не сталкивался. Какое мне дело до парапсихологии? Дреmlют способности — ну и пусть себе дреmlют. Нужно уважать чужой сон.

Прошла секунда. Рыба-Кит начал закипать.

— Так что же, — довольно агрессивно атаковал он, — вы, стало быть, вообще не верите в парапсихологию?

Я глубоко вздохнул и решительно захлопнул атлас. Нет, заняться делом мне здесь не дадут, и мне же хуже будет, если я стану это терпеть. Настырного собеседника пора было ставить на место.

Плохо же я знал Рыбу-Кита! Позже я усвоил, что его абсолютно невозможно поставить на место. Ни на какое.

— Мне нет дела до парапсихологии, — объявил я. — Есть ли она, нет ли ее, мне как-то безразлично. Допускаю, что есть, хотя за те несколько столетий, что о ней талдычат, она вполне могла бы превратиться в серьезную науку, а поскольку этого не произошло, то, по-видимому, никакой парапсихологии в природе не существует. А «верю» или «не верю» — это все, извините, не научные категории. — Черт возьми, я был так глуп, что пытался его убедить. — Научные категории — «знаю» или «не знаю». Так вот: я не знаю. И знать не хочу.

Прошла минус одна секунда. Рыба-Кит взорвался раньше, чем я успел договорить.

— Здесь! — закричал он, брызгая слюной, и схватился за свой портфель. — Здесь собрано все, что может с легкостью опровергнуть идиотские рассуждения таких вопиющих дилетантов, как вы! Существование экстрасенсорных способностей человека не отрицали величайшие мыслители древности и современности, и не вам с ними спорить! Парапсихология, если хотите знать, до сих пор не признана наукой только из-за

воинствующего самодовольства невежественных обывателей вроде вас да нескольких десятков ученых ортодоксов! И есть еще крикуны, такие, как...

— Как вы, — закончил я не без удовольствия. — Замолчите, сделайте милость. У меня от вас голова болит.

Рыба-Кит запнулся и разинул рот. Как рыба. Потом до него дошло, и он стал раздуваться. Как кит.

— Уймись, — упредил я. — Давайте лучше спать. Не хватало нам еще подраться. Не знаю, как вам, а мне сегодня выспаться не дали. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, — произнес кто-то. Я вздрогнул. Но тут же понял, что голос исходит от обшивки вельбота, и успокоился. По-видимому, за нами присматривало какое-то автоматическое устройство.

— Спокойной ночи, — пожелал ему и я.

— А я не сплю, — ответило устройство.

Рыба-Кит покричал еще немного, побрызгал слюной и мало-помалу успокоился. Когда он наконец заснул, полулежа в кресле, нездоровое любопытство толкнуло меня исследовать содержимое его портфеля. Там не было ничего, кроме книг. Книги о парапсихологии и месмеризме. Книги о телепатии и телекинезе. Книги о смежной области — полтергейсте. Было «Практическое руководство по ясновидению» некоего Р. Х. Бауха. Был один толстый фолиант под названием «Медуизм. Теория, практика и прогнозы». Имелись и старинные трактаты, написанные на мертвых языках неизвестными буквами, а некоторые — иероглифами. (Позже выяснилось, что мертвыми языками Рыба-Кит не владеет, а иероглифы ему необходимы для самососредоточения, слияния чего-то с чем-то, усиления экстрасенсорного восприятия и генерации вокруг себя какого-то поля. Не разобрал какого.) Всего книг оказалось десятка два. Я вздохнул и вернул портфель на место. Уж если человек, подобно мне,

вместо личных вещей спасает малопригодные в практической жизни предметы, то похоже, что любитель нарвался на любителя. Может быть — на фанатика. Я понял, что мне не повезло.

Тогда я еще не знал, до какой степени мне не повезло!

Между прочим, классификация фанатиков допускает наличие двух типов: фанатиков самоуглубленных и фанатиков фонтанирующих. Не дай бог никому встретиться с представителем второго типа в ограниченном объеме пространства. Бойтесь этого, люди.

— Доброе утро, — проговорил в темноте некий воркующий голос.

Я открыл глаза и увидел склонившуюся надо мной лоснящуюся физиономию Рыбы-Кита. Застонав, я отвернулся — но куда можно отвернуться в четырехугольном отсеке с полированными стенами, отражающими все ту же физиономию? Положение было безвыходным, и я проклинал свою глупость. Вспоминать вчерашний день не хотелось. Он был ничуть не лучше тех кошмаров, что так любят преследовать меня по ночам. Обычно мне снится, что мои ростки гибнут...

Беглый осмотр меня обнадежил: оба конусоида были целы и выглядели неплохо. Тьфу, тьфу, тьфу через левое плечо — и поменять баллончики с питательной смесью!

— Осмелюсь выразить надежду, что вы на меня не сердитесь, — проворковал Рыба-Кит. — Все-таки я вас спас... — Здесь я так посмотрел на него, что он осекся. — Кхм. Знаете ли, вчера я несколько погорячился, но и вы должны понять меня: разве можно так грубо отзываться о том, что, может быть, составляет смысл жизни человека?

— Нельзя, — согласился я, думая о конусоидах. Ни в коем случае.

— Тогда могу ли я надеяться, — продолжал он светски, — что вы примете мои искренние извинения?

— Приму, — сказал я, пытаюсь свинтить баллончик с одного из горшков. Баллончик не отвинчивался. — Как не принять? Считайте, что уже принял.

— В таком случае не будет ли с моей стороны слишком смелым предположить, что вы, как интеллигентный человек, позволите мне заострить внимание на некоторых весьма и весьма любопытных аспектах парапсихологии как науки?

— Нет, — отрезал я, воюя с резьбой. — Нет. Заострить не позволю. И вообще разговаривать с вами о парапсихологии я не стану. Не на такого напали.

— Но почему?! — изумился он.

— Потому что это не тема для разговора, — сказал я. — Потому что говорить ни о чем можно до бесконечности, а у меня нет времени на болтовню. Я, извините, занят. Лучше найдите себе дело и не загораживайте мне свет.

Все-таки я был здорово зол на него за вчерашнее. Хотя умом понимал, что злиться мне нужно только на собственную глупость, — но то умом...

Вконец вспотев, я все-таки отвинтил от горшка заевший баллончик и навинтил свежий. Черт знает что: если так пойдет и дальше, недолго сорвать резьбу. Ну ладно, пусть я заслужил такие мытарства, но росток-то тут при чем? Несправедливо.

Рыба-Кит внял совету и нашел себе дело: сел в соседнее кресло и принялся просвещать меня по вопросам парапсихологии. В его тоне проскальзывало участие: подумать только, ведь есть же на свете люди, никак не желающие понять, какие неисчерпаемые возможности сидят у них внутри!

У меня внутри сидела тоска. Раза два я не выдержал и рывкнул, но на Рыбу-Кита это не произвело ни малейшего впечатления, он даже не сбился. По-мое-

му, он был вообще не способен обижаться. Вскоре я забрал горшки и перешел в корму на последнюю пару кресел. Это не помогло. Рыба-Кит следовал за мною как привязанный. Уже через десять минут я был вынужден бороться с искушением надрать ему уши, но мой мучитель ничего не замечал. Будь мы по-прежнему на борту лайнера, я нашел бы случай скрыться и он бы меня еще искал, — но куда сбежать в спасательном суденышке, рассчитанном всего-то на десять мест? В санузел?

Я решил не обращать внимания и попытался не слушать. Но то ли его голос обладал повышенной проникающей силой, то ли мой слух сам непроизвольно настраивался на единственный звук внутри вельбота, только мои потуги ни к чему не привели. Потоки, ручьи, целые реки слов проникали, казалось, в самый мой мозг и блуждали в нем без всякого желания выбраться наружу. Это было ужасно.

Только за едой я немного отдохнул. Правда, Рыба-Кит продолжал вещать и с набитым ртом, но все-таки это было уже легче. Живут же такие настырные типы! Между прочим, вот задача: как мне в сих условиях обеспечить должный уход за конусоидами, требующими, как хорошо известно, постоянного и напряженного внимания? Любой знаток признает, что это невозможно.

— Да хватит же! — взмолился я к вечеру. — Оставьте меня в покое, у меня от вас мозговая чесотка. Читайте лучше свои книги. Только, ради бога, не вслух.

— А вы не хотите почитать? — спросил он, доставая портфель.

— Увольте.

— А если даже не читать. — Рыба-Кит вдруг оживился, видно, напал на идею. — Вот посмотрите на эти иероглифы. Не правда ли, прекрасно? Красота и лаконичность, только и всего, скажете вы и будете не

правы. Созерцание иероглифов успокаивает ум и улучшает ауру, но и это еще не все. Сейчас я вам покажу, вот, возьмите. Смотрите на иероглифы внимательно, постепенно сосредоточиваясь...

— И что будет? — спросил я.

Он не успел ответить. А если бы и попытался, я бы не стал слушать его бред.

— А что будет, — зловеще сказал я, вставая с кресла и медленно надвигаясь на Рыбу-Кита. Руки чесались. — А что будет, как вы думаете, если я сейчас ударю вас по голове и выброшу за борт? Чтобы вы не отравляли мою жизнь. А? — Я нависал над ним, как горилла. — Как вам это понравится?

— На помощь! — взвизгнул Рыба-Кит. Он понял, что я не шучу, да и как тут было не понять. — Спасите!..

Интересно, к кому он обращался?

— Ни с места! — раздался посторонний голос.

Я вздрогнул и нервно оглянулся. Никого. Ну и правильно, кто тут еще может быть? По-видимому, голос подал сам вельбот. Скучный такой голос, даже ленивый, с расстановочкой, как у человека, которому абсолютно нечего делать. Стоит такой балбес, вроде часового, зеваает до икоты, ловит мух... Тьфу.

Рыба-Кит визжал не переставая. Деваться ему было некуда, я загнал его в угол.

— Остановитесь! — предупредил голос. — Вы собираетесь нарушить право человека на жизнь. В случае, если вы не измените своих намерений, я буду вынужден вас обездвигить.

Вот тебе и раз. Торжествующе хрюкнув, Рыба-Кит проскочил у меня под рукой и как ни в чем не бывало повалился в кресло. Меня передернуло. Какой-то безмозглый механизм намерен меня учить, мало того — распоряжаться моими поступками! Слыханное ли дело — обездвигить? Не слишком ли?

— Эй, железо, — начал я с оскорблений. — Ты кто такое, чтобы здесь командовать?

— Я являюсь модернизированной моделью мозгового механизма спасательного средства, — донеслось из стены ничуть не обиженным тоном. По-видимому, механизм был достаточно примитивным. — Сокращенно — ММСС-М. В мои обязанности входит доставка пассажиров на ближайшую спасательную планету и обеспечение им гарантированного минимума прав, утвержденных законодательно.

Рыба-Кит хихикнул.

— Так вот, о правах, — сказал я, стараясь не обращать внимания на Рыбу-Кита. — Почему ты, собственно говоря, решил, что я собираюсь его убить? Тебе известно, что такое гротеск, преувеличение? Я ведь только хотел, чтобы он от меня отстал, и не более. Что скажешь?

Надо отдать механизму должное, он не затянул с ответом.

— Намерение нарушить право человека на жизнь было высказано вами прямо и недвусмысленно, — сказал он, — а также подтвердилось вашими дальнейшими действиями. В этих условиях я был обязан не допустить нарушения права, входящего в гарантированный минимум.

— И эдак ты следишь за всеми правами, сколько их там? — спросил я из интереса. — Так-таки за всеми без исключения?

— За всеми, — ответило железо.

Очень мило. Я задумался. А ведь в этом что-то есть, что-то такое, что сразу переводит жизнь спасаемых пассажиров в ранг сравнительно безопасного времяпрепровождения. Что-то очень дальновидное и очень оскорбительное. Ведь если вдуматься как следует, что собой представляет нормальный контингент на спасательном судне? Нетрудно вообразить: десять ополо-

умевших от страха пассажиров, будущее неочевидно, кто-то кого-то потерял, шум, слезы, дети плачут, нервы на пределе... Далеко ли до беды? Ну, положим, метать жребий, кого первым съест, пассажиры не станут, еды полно, но так или иначе несколько недель сначала на вельботе, потом на спасательной планете люди будут вынуждены вариться в собственном соку вместе со своими претензиями и жалобами, со своими склоками и амбициями. Со своим нытьем. Худо. Иное дело мозговой механизм или как его там — совсем ведь иная ступень бытия. Он не командует, боже упаси, не вмешивается без острой нужды, не развлекает пассажиров научно-популярными лекциями, не показывает их детям мультиков — зачем? ОН СЛЕДИТ ЗА СОБЛЮДЕНИЕМ ПРАВ. Ему нет дела ни до неизбежной скуки на борту, ни до того, что людям, лишенным возможности выплеснуть на ближнего свои эмоции, хотя бы и с попранием каких-то прав, останется лишь скрипеть зубами в полном бессилии и медленно сходить с ума. Ну и пусть. Зато все люди останутся целы — как звери в клетке. Каждый — в своей, а тех, кто грызет прутья, можно и обездвигить. Чтобы впредь не грызли и берегли зубы.

— Но послушай, — сказал я, не стесняясь присутствия Рыбы-Кита, — кстати, сам он наверняка бы и не подумал, что этого можно стесняться. — Но послушай... — Я собирался с мыслями. — Да! Кажется, существует право человека на общество себе подобных — это право входит в гарантированный минимум?

— Входит.

Рыба-Кит уже не хихикал, а внимательно слушал.

— А право человека на одиночество? — спросил я коварно.

— Входит.

— В таком случае я прошу защиты, — объявил я. — Человек, сидящий со мной рядом, нарушает мое право

на одиночество. Убедительно прошу обеспечить защиту моего права.

Как я его, а! Пусть-ка механизм потрудится и подумает, как можно совместить право на общество с правом на одиночество. «Но позвольте!..» — начал было Рыба-Кит. Я отмахнулся — ждал ответа. Однако ответа не последовало.

— В чем дело? — раздраженно сказал я. — Разве тебе не понятно: я хочу реализовать свое право на одиночество!

— Реализуйте, — ответил вельбот. — Вы имеете полное право на реализацию этого права.

Рыба-Кит фыркнул и посмотрел на меня укоризненно. Конечно, он не был сознательным злоумышленником, он просто не умел и не хотел быть кем-то иным, а не самим собой. Но мне-то от этого разве легче?

— Как?! — закричал я. — Каким образом я могу это реализовать, ржавь ты трухлявая?!

Нет ответа.

— Не молчи, скажи что-нибудь. Как я могу реализовать свое право?

— В мои функции входит надзор за соблюдением гарантированного минимума прав, — ответил вельбот спокойно. — Что же касается реализации того или иного конкретного права, то человек, являясь носителем прав, должен позаботиться об этом самостоятельно.

Бр-р! Какое-то время я тряс головой, пытаюсь сообразить, что к чему. До сих пор я жил, не особо разбираясь в юридических тонкостях, и неплохо жил. А теперь вдруг оказывается, что соблюдение прав и реализация права — это отнюдь не одно и то же, если я правильно понял этого механического дурака, и из одного вовсе не вытекает другое. Ладно, пусть, дураку виднее, — но как же мне в этих условиях прикажете

реализовать свое право на одиночество, если я не могу задушить Рыбу-Кита или хотя бы оглушить его на время? Если в багажном отсеке и имеется хлороформ, вряд ли мне удастся его найти. Заткнуть себе уши? Нет уж. Связать Рыбу-Кита и соорудить из чего-нибудь кляп? Но ведь это будет нарушением права человека на свободу передвижения...

Я не успел додумать — Рыба-Кит подобрал с пола свой фолиант с иероглифами и спрятал его в портфель. Взамен он достал «Практическое руководство по ясновидению» Р. Х. Бауха. Я отвернулся и сжал зубы, чтобы не взвыть.

На третий день пытка повторилась. Рыба-Кит нашел в моем лице незасеянную почву и с жаром продолжал ее обрабатывать. Он мешал мне ухаживать за конусоидами. Он не дал мне заполнить дневник наблюдений. К концу дня я был похож на мученика инквизиции, подвергаемого изнурительной пытке и мечтающего только о том, чтобы палач как-нибудь поскользнулся и свернул себе шею. Может быть, мне удастся удавить его прежде, чем вельбот меня обездвигит? Вряд ли. Но если полет продлится еще неделю, думал я обреченно, — я, пожалуй, попробую...

На четвертый день мы сели.

Спасательная планета — вот она, под ногами, — это, как правило, планета земного типа, способная дать приют терпящим бедствие. Ни одна мало-мальски протяженная космическая трасса не считается сданной в коммерческую эксплуатацию до тех пор, пока вдоль нее не оборудовано необходимого количества спасательных планет. На этих планетах прежде всего уничтожаются потенциально опасные для человека микроорганизмы, атмосфера насыщается кислородом до нужной кондиции, и в большинстве случаев работа на этом считается завершенной. Спустившийся на

планету вельбот включает радиомаяк, а пассажиры терпеливо ждут, когда их заберут спасатели, и между делом вдыхают аромат внеземной экзотики. Конечно, спасательная планета отнюдь не курорт и лишь в первом приближении годна для жизни человека, потому-то и не рекомендуется значительно удаляться от вельбота, обеспечивающего дополнительную защиту. Но я не был намерен следовать рекомендациям, а при каждом взгляде на Рыбу-Кита только укреплялся в своем решении. Будь что будет.

Нас чуть качнуло — вельбот коснулся поверхности планеты, вплавился в грунт заостренной нижней частью, выпустил где-то там, в глубине, фиксирующие лапы и укоренился. Теперь он стал нашим домом, из него можно было выйти в любой момент и почувствовать наконец вождеденную свободу.

Нет, насчет свободы я, пожалуй, хватил. Кое-какую свободу передвижения — назовем это так. И с оглядкой: кроме микроорганизмов, на чужих планетах встречаются и организмы покрупнее.

Рыба-Кит, радостный и потный, уже колотился всем телом в люк и рвался на волю. Не тут-то было: прежде всего вельбот пожелал ознакомить нас с «инструкцией по краткосрочному пребыванию на спасательных планетах», каковую и прочел нам все тем же скучным голосом. В инструкции особо подчеркивалось, что обеспечиваемый вельботом радиус зоны защиты от местной флоры и фауны составляет восемьсот метров, а на большем удалении «права человека, входящие в гарантированный минимум, не могут быть соблюдены в полном объеме». На случай же стихийных бедствий (ураганы, извержения, лесные пожары) пассажирам давался мудрый совет искать спасения в вельботе. Вот и вся инструкция.

Как только голос замолк, люк откинулся сам собой и Рыба-Кит выпал наружу. Почти сразу после стука

его падения до меня донесся торжествующий вопль: планета, по-видимому, была что надо. Тогда и я не заставил себя ждать.

Под моими ногами стелилась мягкая трава, а над головой синело небо. Вельбот стоял на невысоком холме, поросшем кое-где редким кустарником, вокруг простиралась ковыльная степь, невдалеке блестела река и по склонам речной долины спускался к воде лес. И по ту сторону реки — даль степи до самого горизонта. И желтое солнце, клонящееся к закату. И легкий ветерок, играющий ковылем. И ни одной хищной твари, способной оскорбить величие природы в ее стремлении к совершенству. И воздух... У меня закружилась голова. Это почти Земля, подумал я ностальгически. Это даже больше, чем Земля, это такая Земля, какой она должна быть и какой ее уже никто, по всей вероятности, не увидит. Здесь нельзя жить. Сюда нужно приезжать умирать, чтобы в конце жизненной гонки насладиться единением с природой, а с последним вздохом вспомнить настоящую Землю и подумать о том, что потерял, в сущности, не так уж много... И такой мир прозябает в ранге спасательной планеты!

Тут мои мысли заработали в другом направлении. Спасательная, значит, планета, так? А ведь Рыба-Кит пророчествовал, что спасательная планета окажется неподалеку и что это будет хорошая планета. Совпадение это или случай ясновидения — вопрос второй, а первый и главный: ведь он же меня теперь совсем замучает! И непременно выставит свое удачное «предсказание» в качестве неколебимого и исчерпывающего аргумента — а что делать мне? Я задумался. Гм, а ведь я знаю, что мне делать!

Багажный отсек вельбота был велик, и чего в нем только не было, но я упорно искал то, что мне было необходимо, и нашел. Палатка — раз. Рюкзаки — из них я выбрал самый большой — два! Спальный ме-

шок с химическим подогревом — три. Туристский топорик с фонариком в рукоятке — четыре! Консервы, посуда, тренога для котелка — пять! Все-таки над оснащением вельбота поработали и психологи: люди, оказавшиеся на спасательной планете, не должны ощущать себя несчастными пассажирами, потерпевшими бедствие. Они должны хоть в малой степени чувствовать себя первопроходцами, а свой лагерь — передовым форпостом земной цивилизации, и благодаря этому они должны крепче сплотиться между собой. Как бы не так.

На сборы ушло менее десяти минут — я торопился. Оба горшка с конусоидами были со всей возможной осторожностью пристроены в самой сердцевине рюкзака и обложены одеждой от тряски. Управившись с рюкзаком, я осторожно выглянул из люка. Рыба-Кит, устав кувиркаться в траве, бежал теперь с пригорка к реке, подпрыгивая на бегу, как резиновый мячик. Пока что ему было не до меня, и я знал, что другого такого шанса мне вряд ли дожидаться. Я осторожно спустился на землю и, нервно оглядываясь, двинулся к лесу. Кажется, Рыба-Кит ничего не заметил. Он всю наслаждался полнотой жизни и вел себя как нормальный человек, это потом он приступит к самососредоточению, познанию Абсолютной Истины, общению с астральными силами, а может быть, даже к пению мантр. Но без меня.

Мягкая трава обнимала мне ноги, но не путалась в них. Стараясь идти плавно, чтобы не тряхнуть горшки, я отсчитал тысячу шагов. Потом еще сто. Если вельбот не наврал, то где-то здесь должна проходить граница зоны защиты. Что-то я ее не вижу.

Фью-у-уу-у... Бац! Что-то со свистом пролетело над моим ухом и шлепнулось на землю шагах в десяти впереди меня. Я подошел поближе. Ничего особенного, просто небольшой металлический ящичек, похо-

жий на коробку для обуви. При моем приближении он вскочил на паучьи ножки и отряхнулся, как собака. Наверное, это был механический поводырь, вельбот выпустил его мне вслед, чтобы я не потерялся. А может быть, вовсе и не поводырь. Может быть, полицейский.

— Чего тебе? — спросил я.

— Внимание! — заверещал ящик и замигал красной лампочкой. — Вы опасно приблизились к границе зоны защиты, обозначенной моим настоящим местоположением. Если вы немедленно не повернете назад, спасательный вельбот будет вынужден снять с себя всякую ответственность за вашу жизнь!

— Так иди за мной и охраняй меня, — буркнул я, перешагивая через ящик. С этого шага я был предоставлен самому себе, если, конечно, этот пауко-собако-ящик не вцепится мне в ногу и не потащит обратно силой.

— Внимание!.. — снова заверещал ящик мне вслед и в точности повторил все, что я уже от него слышал.

Дурацкий и никчемный механизм, не о чем с ним разговаривать.

В лес я вошел с большой опаской, держа наготове топорик. Сколько я ни искал, более серьезного оружия в вельботе не нашлось. Впрочем, съедят меня звери или не съедят — это еще вопрос, это мы еще посмотрим, зато, оставаясь наедине с Рыбой-Китом вплоть до прибытия спасателей, я наверняка сойду с ума. Это точно. Я шел и радовался. Крупных зверей мне не попадалось, следов их тоже, а несколько мелких зверьков, замеченных мною в траве, выглядели вполне миролюбиво. Планета была добра и благожелательна к людям. Она была спасательной в самом высоком смысле: она спасала меня от общества Рыбы-Кита!

И свершилось чудо: я вновь обрел способность думать! Я шел в глубину леса, перешагивая через вы-

пирающие из-под земли корни, и мучительный шум в голове, не покидавший меня все последние дни, мало-помалу исчезал сам собой. Мои мысли текли легко и плавно, теперь я мог думать даже о Рыбе-Ките, не испытывая острой головной боли, и был счастлив. Безусловно, Рыба-Кит не был утонченным садистом, сознательно стремившимся довести меня до умоисступления, как не был он и глубоким знатоком предмета, о котором прожужжал мне все уши. А был он, если я правильно понял, просто новичком, ринувшимся в неведомую область зажмуря глаза и стремящимся в неофитском азарте объять необъятное, начинающим адептом-фанатиком, мечтающим, скорее всего неосознанно, через возвеличивание своего предмета возвеличить самого себя. У таких, как он, по моим наблюдениям, чрезвычайно развит инстинкт пророка, они просто не могут без того, чтобы не наставлять других на путь истины, они просто не способны понять, как это у людей могут быть интересы, отличающиеся от их собственных, — и не поймут, пока их увлечению не исполнится год или два. Со временем одни из них становятся серьезными специалистами в выбранной ими области, а другие без всякой видимой причины бросают все и начинают собирать марки. И очень не любят, когда им напоминают о том, с каким жаром они еще так недавно вербовали себе сторонников... Странно, правда? Да нет, ничего странного. Человек, конечно, не конусоид, но и он достаточно сложен.

Я поставил палатку на лесной поляне, рядом с родником, наполненным восхитительной свежей водой, и подальше от деревьев, ибо не хотел, чтобы ночью на меня вдруг свалилась какая-нибудь живность. Солнце садилось. Лес тихо шумел на вечернем ветерке, и кричали в сумерках мелкие животные. Не спеша поужинав подогретыми на костре консервами, я последовательно заполз сначала в палатку, а потом в спальный

мешок и уж совсем было собрался уснуть, но не тут-то было. Как только наступила темнота, я немедленно ощутил жгучий укол в лицо и в ту же секунду изменил свое мнение о благосклонности этой планеты к человеку — еще и теперь вздрагиваю, вспоминая. Вторая раскаленная игла вонзилась в веко. А затем воздух под полотняной крышей вдруг загудел, задвигался, и в палатке стало очень тесно.

Сначала я вскрикнул. Потом заорал. У меня было открыто только лицо, и в мгновение ока на нем не осталось живого места. Вероятно, кровососущие твари набились в палатку через открытый вход, пока я ужинал, нежась у костра. Впредь наука дураку! Чертыхаясь и мотая головой, как припадочный, я вытянул из тесного мешка руки и принялся ожесточенно лупить себя по щекам и по лбу, но добился этим лишь того, что насекомые облепили не только мое лицо, но и кисти рук. Было ужасно больно, и я, продолжая что есть силы себя бить, чувствовал, как по лицу, испещренному укусами и раздавленными насекомыми, стекают капельки крови. Хуже всего было то, что я не мог дать себе свободы действий, а если бы начал кататься по полу палатки, оглашая окрестности воем и нелитературной бранью, как, вероятно, поступил бы на моем месте любой несчастный, терзаемый такой мукой, то наверняка опрокинул бы горшки с конусоидами, стоящие у меня под боком. Оставалось терпеть.

При свете фонарика мне удалось хорошо разглядеть этих кровососов. Это были самые настоящие рыжие комары или москиты, я не силен в их классификации, — но величиной с небольшую стрекозу, быстрые и увертливые, как реактивные истребители на противоракетном маневре, и безжалостные, как пираньи. Они пиروвали на мне всюю, а насосавшись до отказа, секунду или две сидели, перебирая лапками, как

бы в глубокой задумчивости, после чего отваливались и, трепыхнувшись раз-другой, замертво падали на пол. «Ага! — ликовал я, содрогаясь от жгучей боли. — Вот вам! Не нравится?» Очевидно, моя кровь была для этих кровососов чистейшим ядом, но кровососам было невдомек, и они не оставили меня в покое, пока последний из них не упал мертвым.

В мечтах я строил фантастические прожекты: объявить набор добровольцев-доноров, собрать как можно больше крови и опрыскать ею лес, не пропуская ни одного кустика, ни одного пня, пока последний рыжий упырь не задергает лапками в агонии. Разве не благородная цель? Чужие планеты должны доставаться кровью, и это правильно. Скажете, преувеличение? Ничуть. Если подобные москиты обитали на Земле в меловом периоде, тогда я знаю, отчего вымерли динозавры.

Обессиленный, я кое-как обтер свое уже начавшее опухать лицо, выключил фонарик и сделал вторую попытку уснуть. Напрасно: не прошло и пяти минут, как я явственно услышал невдалеке шорох ветвей и громовой треск сухого валежника. Какой-то зверь лез напролом, подбираясь все ближе к моей палатке, и если у этого зверя такой же нрав, как и у местных комаров, думал я, — то с ним шутки плохи. Я осторожно вылез из мешка и ощупью нашел топорик. Бежать было бессмысленно, да и некуда — леса я не знал. Оставалось драться.

Треск валежника прекратился: зверь вышел на поляну. Слабый свет коснулся деревьев — по-видимому, шкура зверя фосфоресцировала. Пора, решил я. Нет смысла сидеть и ждать, когда инопланетная тварь сожрет меня вместе с палаткой. Нужно принять бой снаружи, и пусть у меня мало шансов, но и зверюге не поздоровится... Я крепче сжал рукоять топорика и тихонько выскользнул из палатки.

В мою кожу немедленно впились тучи комаров, а в глаза ударил свет. Зверь подошел ко мне вплотную и произнес знакомым голосом:

— Вот вы где, оказывается! А я вас ищу, ищу...

— Уберите фонарик, — прошипел я, лупя комаров и кривясь от боли. — Кстати, как вы меня нашли? Вельбот дал биопеленг?

— Дал, — нехотя признал Рыба-Кит. — Но я бы вас все равно нашел, — добавил он, воодушевляясь, — ведь, как известно, поиск людей методами биолокации не более чем элементарная задача для подготовленного человека, пробудившего в себе естественные экстрасенсорные способности...

О Боже!

— А почему вас не кусают комары? — перебил я, приплясывая. — Или они не едят экстрасенсов? Вот что, бросьте дурить и давайте сюда репеллент...

К тому моменту, когда мы вернулись в вельбот, я совсем опух от укусов и все тело невыносимо чесалось. Без репеллента меня бы просто съели. Следовало признать, что моя попытка к бегству провалилась самым жалким образом, и я это признал. Как признал и то, что мой мучитель оказался более крепким орешком, чем мне представлялось: ведь надо же — идти одному в кромешную ночь по незнакомым внеземным чащобам, подвергая свою жизнь опасности только лишь затем, чтобы вытащить из леса другого человека — на это, согласитесь, способен не каждый. Но он спасал не человека, мрачно думал я, продолжая мучительно чесаться. Он спасал своего слушателя, свою жертву, будущего подвижника новой веры, парапсихологии или как ее там. Это не подвиг, потому что подвигов из эгоизма не бывает... И Рыба-Кит блестяще подтвердил мое умозаключение тем, что до глубокой ночи читал мне лекцию о биолокации и таящихся

в ней неисследованных возможностях. По чистой случайности мне удалось заснуть.

Наутро я нашел в багажнике мазь от укусов и смазал фасад, а как только Рыба-Кит, бросив нудить, удалился «предаться самососредоточению», пристал с распросами к вельботу. Вельбот давно меня раздражал.

— Так это ты меня выдал? — спросил я, с трудом сдерживаясь и внутренне кипя. — Ты, железо старое?

— Не понял вас, — скучно ответил вельбот. — Если вас не затруднит, уточните запрос.

Вежливый, паразит!

— Какого лешего ты дал этому маньяку мой пеленг? — повысил я голос. — Я тебя просил об этом?

— В мои обязанности входит соблюдение гарантированного минимума прав человека, — заявил вельбот. — В том числе и права на информацию.

— На правдивую? — механически поинтересовался я, соображая, как лучше подойти к главному вопросу.

— На любую, — сухо ответил вельбот.

У меня пересохло в горле. Одно из двух: либо вельбот слишком глуп, либо глуп я. Право на ложную информацию — как вам это нравится?

— Уточни, — потребовал я.

— Абсолютно правдивой информации не существует, — пояснил вельбот, — поскольку средства сбора информации всегда ограничены, а сам критерий правдивости размыт и неясен. Любая информация является субъективной вне зависимости от того, собрана ли она человеком, либо машиной, и, следовательно, содержит определенный (чаще — неопределенный) процент недостоверности. Помимо этого, человек имеет право и на заведомо неверную информацию, находящую свое выражение в некоторых видах искусства, устного творчества и литературы.

До меня наконец дошло. Вельбот был прав, такие механизмы всегда правы. Искусство — это конечно... И литература. Выбросьте вымысел, например, из исторического романа — и в лучшем случае получите плохой учебник. Согласен, без права на заведомо ложную информацию жизнь была бы скучна: ни тебе розыгрышей, ни хорошей книги... Впрочем, это к делу уже не относится.

— А твой гарантированный минимум прав, — попытался поддеть я, — это стопроцентно достоверная информация?

Вельбот молчал несколько секунд. Видимо, эта мысль никогда прежде не приходила в его кристаллические мозги, и теперь он переваривал ее, переворачивая так и эдак. У меня появилась надежда.

— Нет, — ответил вельбот, — поскольку человечество постоянно работает над расширением своих прав. В частности, за последнюю сотню лет в гарантированный минимум были добавлены три новых пункта и еще восемь подверглись переформулировке. Но в случае любого изменения я должен руководствоваться прежним гарантированным минимумом прав до тех пор, пока мне не будет сообщен новый.

Так. И здесь — мимо. Наивно было и думать о том, что можно как-то обмануть этого стража порядка. Я по-прежнему был в клетке, хотя и на воле. Из этой клетки было невозможно убежать, Рыба-Кит в два счета найдет меня по пеленгу.

И тут мне показалось, что я нашел блестящий выход.

— Эй, железо, как тебя там... — начал я.

— Модернизированная модель мозгового механизма... — завел он.

— Вот-вот. Слушай меня внимательно. Если, как ты утверждаешь, я имею право на информацию вооб-

ще, значит, я имею право и на информацию о том, как вывести тебя из строя...

— Безусловно, — ответил он, подумав самую малость. — Но хочу предупредить вас о том, что любая попытка повреждения спасательного средства будет являться посягательством на права обоих спасаемых пассажиров, и, следовательно, такая попытка будет мною пресечена.

— Обездвижишь? — спросил я.

— Обездвижу.

Это был тупик, и свет, забрезживший было впереди, погас.

— Но я хочу всего лишь реализовать свое право на одиночество! — закричал я в отчаянии. — Ведь мне больше ничего не нужно, слышишь!

— Реализуйте, — равнодушно сказал вельбот.

— «Реализуйте!» Как??!

Нет ответа. То ли машина не хотела за меня думать, то ли в самом деле не видела здесь противоречия. Но как я могу реализовать свое законное право на одиночество, если Рыба-Кит рвется реализовать свое не менее законное право на общество? В режиме разделения времени? День так, а день эдак? Я бы, пожалуй, согласился, но ведь Рыба-Кит не согласится ни за что. Но должен же быть хоть какой-то выход!

Право на свободное волеизъявление? Гм-м... Я могу сколько угодно изъявлять свою волю, это ничего не изменит. Не то.

Право на отдых? Но, с точки зрения вельбота, мы только и делаем, что отдыхаем. Не то.

Право на ненасилие над личностью? Чепуха, такого права не существует. Что такое насилие над личностью — ударить личность камнем по голове? Не только. А дисциплина и единоначалие, присущее, скажем, космофлоту, — это не насилие над личностью? Будет ли сладок без кнута пресловутый пряник? А государ-

ство? А воспитание ребенка — не насилие над его личностью? Терпим же. Сколько угодно насилия над личностью — и ничего, живем и будем жить.

Не то. Я оставил эту мысль там, где она лежала. Правда, несколько позже выяснилось, что она все же пустила во мне кое-какие корни.

— Ладно, — сказал я, решившись начать сначала. — Ты можешь перечислить все права, которыми любой человек вправе воспользоваться?

— Право на жизнь, — начал вельбот. — Это основополагающее право, поэтому оно стоит первым пунктом в перечне гарантированных прав. Хотя, строго говоря, по закону все права равноценны и ни одно из них не может быть доминантно над другими.

— Дальше, дальше, — поторопил я. — Не болтай лишнего. Если понадобятся комментарии, я спрошу отдельно.

— Пункт два: право на труд как средство существования, — продолжил он. — Пункт три: право на труд как источник наслаждения; пункт четыре: право на рекреацию, пункт пять: право на здоровье...

Я терпеливо слушал. Примерно на пятидесятом пункте у меня заболела голова, а еще через полчаса я, вероятно, был похож на марафонца в конце дистанции и остро завидовал пещерным охотникам, косматым пращурам человечества, имевшим только одно право: жить, пока не съели звери. Я чувствовал себя опутанным правами по рукам и ногам.

— Пункт двести восемь, — тягуче тянул вельбот, — право на эстетические ценности как средство самосовершенствования. Пункт двести девять: право на продление жизни домашнему животному как средству сохранения душевного спокойствия человека...

— А домашнему растению? — спросил я с некоторой надеждой.

— Такого пункта нет.

— Ясно. Давай дальше.

К концу перечня я совсем ошалел. Человечество поработало не зря: триста семьдесят семь гарантированных прав охватывали, казалось, все. В перечне нашлось даже право отказаться от выбора способа смерти для человека, замыслившего самоубийство. Решительно не представляю себе, как это можно осуществить.

— Это все? — спросил я.

— Перечень исчерпан, — подтвердила машина. — Что-нибудь непонятно?

— Да, — сказал я, собирая в кучу растрепанные мысли и ища соломинку, за которую можно ухватиться. — Непонятно. Объясни мне, пожалуйста, каким таким образом мне здесь обеспечивается право на здоровье, если Рыба-Кит жужжит у меня над ухом каждую минуту? Он мне надоел и действует на нервы. А ведь нервничать вредно для здоровья, не так ли?

— Поясняю, — сказал механизм. — Человек, желающий избежать опасности для здоровья, может удалиться от источника этой опасности либо уничтожить его. В случае, если источник опасности не может быть уничтожен, поскольку также является человеком, и если он преследует человека, человек может удаляться непрерывно, сохраняя между собой и источником опасности безопасное расстояние...

— Да ты соображаешь, что говоришь! — закричал я. — Это что же, мне придется все время от него бегать?

— Физическая активность приносит пользу здоровью человека, — сообщил механизм.

Я задохнулся.

— Второй человек, являющийся источником опасности для здоровья первого, преследуя его, также реализует свое право на здоровье.

— Ну вот что, — ядовито сказал я, сдерживаясь из последних сил, — скажи тогда: как мне в этих условиях реализовать свое право на хобби... то есть... это... на время, материалы и условия для занятия деятельностью... в общем, пункт двадцать семь? А? Подумай и скажи, да смотри не задумись от натуги. Умник.

— Какой род деятельности имеется в виду? — последовал вопрос.

— Выращивание конусоидов, — ответил я, предчувствуя свой триумф. — Это растения. Растут в горшках.

— Поясняю, — немедленно ответил механизм. — Человек, удаляющийся от источника опасности, может взять горшки себе под мышку...

Позднее я понял, что был неправ, машина не способна на преднамеренную издевку. Но в тот момент, когда я прыгал на одной ноге и массировал другую, отбитую о борт вельбота, мне было не до логики. А тут еще явился Рыба-Кит и сказал, что я неправильно дышу, что мой случай (вы подумайте — мой случай!) очень запущенный и что ничего не поделаешь, придется ему заняться мною с самых азов, но это ничего, ибо если правильно заложить основы, развитие парапсихологических способностей пойдет дальше уже само собой. Я впал в отчаяние и весь остаток дня просидел на траве, тупо уставясь в одну точку и согласно кивая, когда мой гуру останавливался, чтобы перевести дух. Мне было все равно.

Решение — и, как мне показалось, удачное — я нашел на следующее утро, когда Рыба-Кит еще спал. Оно показалось мне таким простым и ясным, что я чуть не подпрыгнул от радости. Река! Как-то раз Рыба-Кит сообразил, что не умеет, к сожалению, плавать. А по-моему — к счастью!

Осторожно, чтобы не разбудить спящего, я снял одно из пассажирских койко-кресел вельбота. Вель-

бот молчал: видно, решил, что я имею на это право. Кресло было пухлым и легким — вспененная пластмасса, — но на всякий случай я отделил металлические крепления. Плотик был готов.

Стараясь не производить ни малейшего шума, я собрал свои пожитки, нашел палатку и тихонько вынес вещи из вельбота. Через полчаса на берегу реки высилась скромная горка моего имущества, и я раздумывал, что перевезти на тот берег в первую очередь. Разумеется, не конусоиды — их нужно везти последними, мало ли что. А вот палатку, обувь и часть баллончиков — можно.

Раздеваясь, я услышал позади крики и обернулся. С пригорка по направлению ко мне со всех ног бежал Рыба-Кит. Ему не хотелось оставаться одному, он кричал и на бегу отчаянно размахивал руками. Сочувствия во мне он не вызывал. Я усмехнулся, спустил плотик на воду и поплыл. Вода была теплая, ленивое течение медленно сносило меня в сторону. Внутренне я ликовал и даже начал было напевать что-то бодренькое, но тут же глотнул воды, закашлялся и решил ликовать молча.

Плаваю я неважно, а тут еще приходилось толкать перед собой довольно-таки нескладный плотик. Кое-как проплыв около трети ширины реки, я оглянулся. Рыба-Кит был уже на берегу и что-то кричал мне вслед, обильно жестикулируя, судя по жестам — умолял вернуться. Нет уж, дудки. Обидно то, что ко второму заплыву мне, судя по всему, придется готовиться, выслушивая его упреки в бессердечии с самого близкого расстояния, а может быть — как знать? — даже нейтрализуя определенное физическое противодействие — но разве цель того не стоила? Ничего не поделаешь, думал я, работая ногами и отфыркиваясь. Придется быть жестоким.

Он останется один — ну и что с того? Я тоже буду один, по крайней мере до тех пор, пока Рыба-Кит не придумает, из чего сделать плот. Несколько дней одиночества — это именно то, что мне сейчас крайне необходимо. Нет, я не уйду далеко — кто знает, на что можно напороться на незнакомой планете? Мы будем жить у реки: я на одном берегу, Рыба-Кит — на противоположном. Но на ночь я буду отходить от реки подальше, ночью над водой очень уж хорошая слышимость...

Фью-у-уу-у... Плюх! Знакомый уже пауко-ящик привоedился впереди меня с фонтаном брызг, развернулся против течения и заработал лапками, как жук-плавунец. Обычно ящики умеют плавать только по течению, а этот очень старался и пенил воду, как танкер, силясь выгрести, но необтекаемая форма сводила на нет все его потуги. Его медленно несло. Наверяд ли он оказался бы способен меня спасти, начни я тонуть. Наверняка вельбот, как и в прошлый раз, выплюнул его мне вдогонку не затем, чтобы меня спасти, а затем, чтобы реализовать мое право на информацию.

— Внимание, — завел свое ящик булькающим голосом. Вероятно, в голосовое устройство попала вода. — Вы опасно приблизились...

К чему я опасно приблизился, я так и не услышал. В нескольких метрах от меня зеркальная поверхность реки вдруг вспучилась горбом, и из воды, разбрасывая кольцевые волны, высунулась отвратительная треугольная морда размером с три моих плотика и внимательно оглядела меня выпученными, как у лягушки, и такими же холодными глазами. Ящик замолк и повернул к берегу, бестолково шлепая лапками по воде. Я все еще держался за плотик, не осознавая ситуации, когда лягушкоглазая тварь, видимо, удовлетворившись осмотром, взволнованно зевнула, показав глоточные

зубы, и без спешки заскользила ко мне, раздвигая воду, как волнолом. Тогда я бросил плотик и поплыл назад что было сил.

Если бы не говорящий ящик, я бы погиб — тварь плавала явно быстрее. Но именно он подвернулся ей первым, и это меня спасло. Оглядываясь назад между взмахами, я видел, как ящик перед самой пастью зарыскал по воде туда-сюда, потом был подхвачен, вздернут над поверхностью реки и бестолково замолотил лапками. Чудовище перехватило ящик поудобнее и, запрокинув морду, по-жабьи глотнуло. Ящик исчез, и чудовище какую-то секунду пребывало в неподвижности, прислушиваясь, очевидно, к внутренним ощущениям, — затем его холодные глаза уставились прямо на меня.

Я выбивался из сил. Рыба-Кит на берегу истерически визжал, словно в воде находился он, а не я. Что касается меня, то мне визжать было некогда. Планета, может быть, была и спасательная, но и на спасательных планетах люди гибнут точно так же, как и на всяких других. Какое мне было дело до того, что чудовище, закусив мною, вероятнее всего сдохнет, как те комары, если я этого уже не увижу? Мне было все равно, умрет эта жаба или не умрет. Я не хотел умирать сам. И — нащупал ногами отмель в тот момент, когда уже казалось, что все кончено: чудовище раскрыло пасть, как туннель, в полуметре от моих ступней. Если бы оно догадалось втянуть в себя воду, эти записки, по всей видимости, остались бы ненаписанными.

Ни один пингвин, спасающийся от морского леопарда, не вылетал из воды с такой прытью, с какой вылетел я. Течение отнесло меня в сторону, за границу зоны защиты. Скорее назад, к вельботу! Вернее, к конусоидам!

До сих пор не знаю, умела ли эта тварь передвигаться по суше — во всяком случае, она не стала преследовать нас на берегу. Оглядев на прощание меня, а заодно и Рыбу-Кита пустым, ничего не выражающим взглядом, треугольная морда скрылась с поверхности, и через минуту вода в реке текла так же спокойно, как прежде, — захлопнувшийся вхолостую капкан вновь был готов к употреблению.

Так еще более бесславно окончилась моя вторая и последняя попытка найти уединение. Река неторопливо уносила перевернутый плотик. Я потерял палатку, добрую половину питательной смеси для конусоидов и свои ботинки. Пересчитав в уме оставшиеся баллончики, я ужаснулся. А Рыба-Кит вертелся рядом, как заводной, и кричал:

— Вы видели! — Он даже подпрыгивал от восторга, и лысина его сияла. — Вы видели! Попробуйте теперь утверждать, что парапсихология это чушь! Вот вам — доказательство реальности психофизического воздействия! Я мысленно приказал этой жабе нырнуть, и она нырнула!

— Заткнитесь, — сказал я. (А что я мог еще сказать?)

Он не обратил на мою грубость никакого внимания. Что было делать? Я угрюмо подобрал одежду, взял горшки и поплелся назад, даже не огрызаясь — у меня не было сил.

И потянулись мучительные дни.

Рыба-Кит не отходил от меня ни на шаг. Порой мне казалось, что он принадлежит к какой-то тайной сектантской организации, каждый член которой обязан обратить в истинную веру не менее десяти непосвященных, а поскольку я тут всего один, мне достается десятикратная доза. Заставить его замолчать я так и не сумел.

Изредка мне удавалось на несколько минут избавиться от его присутствия, и тогда я шел к вельботу задавать новые вопросы. Ответы были различны, но сводились к одному: помочь мне вельбот не мог. Или не хотел. Иногда мне хотелось заложить под него фугас в полтонны весом. Это были мечты. Во-первых, вельбот бы этого не позволил, во-вторых, у меня не было фугаса, а в-третьих, повреди я вельбот, мы лишились бы радиобуя, по которому нас ищут спасатели, и скорее всего застряли бы здесь на веки вечные. А у меня не было уверенности в том, что эта планета имеет достаточные размеры, чтобы я мог на ней скрыться от своего сотоварища.

Вот что я писал в своем дневнике:

День двенадцатый. С утра, пока еще было можно, занялся измерениями. У первого конусоида вита-индекс 0.87; у второго — 1.02. Если биотестер не врет (а с чего бы ему врать?), то первый росток в самом ближайшем будущем причинит мне немало хлопот. Второй, пожалуй, выкарабкается, ему достаточно обычного ухода, насколько он здесь вообще возможен.

В 7 ч. 00 м. проснулся Рыба-Кит и сразу же попытался втянуть меня в разговор об экстрасенсорной сущности всего живого, исключая, может быть, простейших. Втянул, конечно. Я говорил «да-да» и «само собой», потому что спорить с ним себе дороже, а Рыба-Кит воодушевлялся с каждой минутой, а потом потребовал перейти к практическим приложениям теории. Велев мне сидеть прямо и смотреть ему в глаза, он заявил, что будет мысленно внушать мне НЕЧТО. Ничего, кроме отвращения, он мне не внушил, но вряд ли он имел в виду именно это. Очень неприятные у него глаза — выпученные и какие-то ОБВОЛАКИВАЮЩИЕ, как кисель. Я плюнул и сослался на мигрень, надеясь отвязаться, — и был немедленно награжден

ден лекцией о лечебных возможностях парапсихологии, продолжавшейся с минимальными перерывами до самого вечера. И вечером тоже было что-то такое, отчего голова в самом деле разболелась не на шутку. Впрочем, к головной боли я уже привык; если бы конусоиды так же легко адаптировались к местным условиям, ничего лучшего нельзя было бы и желать.

День тринадцатый. Весь день не отходил от конусоидов. Первый мне не нравится: с ним творится что-то неладное, я бы сказал, что он УСТАЛО выглядит. Мне показалось, что нижние листья начинают желтеть по краям. Может быть, попробовать питательную смесь «Супер-Ультра»? Нет, пожалуй, подождем один-два дня, а там посмотрим. Зато второй росток, по видимому, чувствует себя великолепно: пустил два новых листа, а почка на стебле вздулась и вот-вот готова лопнуть. Если в таких условиях распустится цветок, это будет первый случай за всю историю конусоидоводства, а уж если мне удастся получить семена — им цены не будет! Неужели мне выпадет счастье вывести новый сверхустойчивый сорт? Не могу поверить.

Рыба-Кит откопал какой-то корень. Говорит, что корень этот — мать всего сущего, содержит трансцендентальные начала, расширяет парапсихологические способности человека, а по части целебных свойств даст сто очков вперед любому женьшеню. Но при чем тут я? Казалось бы, откопал корень, похвастался — так уйди с глаз и жуй свое сокровище где-нибудь вне поля зрения. Так нет же. С самого утра Рыба-Кит сидит неподалеку на травке, свесил слюни веревочкой и чавкает. При этом продолжает обращать меня в свою веру даже с набитым ртом — и ведь не подавится! Я удачно запустил в него порожней консервной банкой, и он отстал, однако настроение было уже испорчено на весь день, тем более что через десять минут Рыба-

Кит вернулся, зашел ко мне с другой стороны и с видом благодетеля сообщил, что оставил кусочек своего корня специально для меня и надеется, что я, как цивилизованный человек, отброшу наконец ложную скромность и займусь пробуждением в себе скрытых возможностей. Кончилось тем, о чем стыдно вспоминать: я жалобно просил его оставить меня в покое и позволить моим скрытым возможностям оставаться скрытыми, сколько им заблагорассудится. Просил, разумеется, напрасно.

У первого конусоида начал деформироваться один из периферийных листьев, а желтизна по краям стала видна отчетливо. Очень грозный признак! — чувствую, что мне предстоит беспокойная ночь.

День четырнадцатый. Росток гибнет, это ясно. Утром, одурев от бессонницы, я не выдержал и через клапан защитного колпака ввел в завязь стимулятор роста, потом провел общую дезинфекцию и подсоединил к горшку баллончик с «Супер-Ультра». Не знаю, насколько это поможет, но иного выхода не видно. Плохо, что баллончиков с «Супер-Ультра» осталось всего два, и если спасатели не явятся в течение ближайших двух недель, росток заведомо погибнет.

Зато второй конусоид продолжает меня радовать. Почка треснула, и, значит, цветок будет! Рыба-Кит ходит кругами вокруг меня и наконец-то соизволил обратить внимание на конусоиды. Минуты три он смотрел на них во все глаза и даже слушал мои пояснения, а потом брякнул, что, дескать, не худо бы попробовать укрепить жизненную силу ростков, направив на них сконцентрированную латентную энергию. Я его прогнал и до завтрака наслаждался относительным покоем — он не решался приблизиться и вещал издали...

* * *

Катастрофа разразилась на пятнадцатый день, утром. Как правило, я недосыпал, стараясь встать раньше Рыбы-Кита, чтобы без помехи заняться ростками и уделить им хотя бы часть того, что обязан был им уделить, — но в то утро я преступно проспал и открыл глаза никак не раньше восьми утра.

Конусоидов в вельботе не было!

Не было в нем и Рыбы-Кита. Связать одно с другим было секундным делом. С протяжным воплем я выскочил из вельбота и остолбенел. Потом онемел. Потом у меня потемнело в глазах. Защитные колпаки конусоидов небрежно валялись на траве, а над обоими горшками рыхло, как туча, нависал Рыба-Кит и таранился на них, как на ископаемое. Ростки, мои хрупкие беззащитные ростки впитывали в себя губительный воздух чужой атмосферы, а этот потный идиот с вытаращенными глазами и ухом не вел! Я сжал зубы. Потом сжал кулаки.

— А, это вы, — приветливо обратился ко мне Рыба-Кит, продолжая совершать над ростками сложные пассы растопыренными пальцами. — Как спали? А я, как видите, решил воплотить вчерашнюю идею, подкачать, так сказать, ваши цветочки своей психоэнергией. А и утомительное же дело, уверяю я вас...

— Мерз-завец! — зашипел я сквозь стиснутые зубы. — С-скотина!!!

— Ну что вы, — ничуть не обиделся он. — Поверьте мне как специалисту: подпитка ваших цветочков психоэнергией была совершенно необходима — вы только посмотрите, как они сейчас выглядят. Не то что раньше, а! Небольшое психофизическое воздействие — и полюбуйтесь, как у них теперь замечательно прослушивается биопсихополе!..

Он продолжал свою блестящую речь, глядя на меня выпуклыми честными глазами, и поэтому не

видел то, что видел я. Его рука задела один из ростков. Конусоид рассыпался так легко, как будто был слеplен из песка. В одно мгновение растение превратилось в черную пыль, изгадившую горшок, в котором еще побулькивал насосик, подающий к омертвевшим корешкам уже совсем не нужную питательную смесь. Конусоиды были мертвы, неведомые вирусы убили их в считанные минуты после того, как с горшков были сняты защитные колпаки, я это понял сразу, как только увидел ростки, понял, но не захотел поверить. И вот — поверить пришлось. Нет, ни один конусоидовод не посмеет упрекнуть меня в том, что растения погибли по моей вине, напротив, мне будут сочувствовать, сопереживать, говорить глупые утешительные словечки. Но разве мне нужно чье-то сочувствие? Или чья-то жалость? Ростки погибли, да. Но Рыба-Кит был еще жив.

Мало того — он с пафосом закончил свою речь, убедительно доказав, что прав был он, а не я, и вдруг его взгляд остановился на обращенном в пыль конусоиде. На его лице появилось растерянное выражение. Мельком взглянув в мою сторону, он кинулся бежать, и это было самое лучшее, что он мог сделать.

Когда-то в уже достаточно отдаленной молодости я неплохо бегал на средние дистанции, да и сейчас еще многим дал бы фору. Рыба-Кит с заячьим пискom несся впереди меня и, оборачиваясь на бегу, пытался что-то кричать, но я его не слушал. Расстояние между нами сокращалось. «Убью, — исступленно думал я, делая гигантские прыжки. — Или загоню в реку». Река была уже близко...

И тут я потерял сознание.

Очнувшись, я обнаружил себя лежащим на траве недалеко от реки и, поворачивая глазами, заметил знаковую жабью морду, высывающуюся из воды несколько выше по течению, а рядом со мной — Рыбу-Кита с

лоснящейся и ничуть не виноватой физиономией. Один гад другого стоил. Я попытался пошевелиться, но безрезультатно: из моего правого бедра торчала оперенная анестезирующая игла. Вельбот защищал право человека на жизнь. Прикинув на глаз расстояние, я оценил великодушие механизма: он не препятствовал мне преследовать негодея в пределах зоны защиты и вмешался лишь тогда, когда мы опасно приблизились к границе, за которой одно из гарантированных прав могло быть нарушено. Но мне было все равно, какими соображениями руководствовался вельбот. Ростки, мои ростки... Я был уничтожен. Я был втоптан. Да, втоптан. В землю. Ногами. По самые уши. Нормальный мерзавец удовлетворился бы этим сполна, но фанатику не терпелось попрыгать сверху, утапывая меня поплотнее. Поглубже. Чтобы уже не распрямитесь. И конечно, со слов Рыбы-Кита выяснилось, что во всем виноват я сам, поскольку, обладая исключительно мощным психополем, дарованным мне природой, не пожелал обратить свое дарование во благо, «и вот к чему привело столь легкомысленное противодействие усилиям специалиста», но вообще-то с научной точки зрения этот случай очень интересный, так как открывает новые возможности для усиления психовоздействия на объекты путем использования интерференции двух направленных и противоположных по знаку психополей...

По моей щеке медленно катилась слеза. Лучше бы я умер, чем такое слушать. Но слушал, ибо еще целый час был не в состоянии пошевелиться, а Рыба-Кит максимально использовал каждую минуту этого часа. Я не мог на него смотреть. Я следил за гигантской жабой, терпеливо поджидающей нас в реке. По сравнению с Рыбой-Китом она была просто совершенством.

* * *

Нет, я не умер. Я остался жив. К чему вам знать о том, как я пытался покончить с собой и почему у меня ничего не вышло? Это неинтересно. И насчет Рыбы-Кита... скажу только, что вельботу еще трижды пришлось меня обездвиживать, причем в третий раз лишь попутный ветер помог ему всадить в меня иглу: мне удалось выманить убийцу моих ростков за пределы зоны защиты...

И все-таки человек сделан правильно. Не прошло и трех дней, как я вновь ощутил желание жить. Но видеть Рыбу-Кита я не мог по-прежнему. Если бы не он, распаял я себя, я бы сейчас находился в обществе людей, поистине объединенных общей целью, мы говорили бы о конусоидах и только о конусоидах, а в плодотворных спорах дали бы шанс родиться истине, я бы демонстрировал своих питомцев и со сдержанной гордостью выслушивал одобрительные возгласы настоящих специалистов, особенно приятные для простого любителя, мало того — абсолютно необходимые ему как стимул к последующим годам мук и вдохновенного творчества, блистательных побед (редко) и горьких поражений (гораздо чаще), — и мы были бы благожелательны и полны непритворного уважения друг к другу. Вместо этого я был вынужден делить круг радиусом восемьсот метров с человеком, которого не хотел видеть и которого не мог убить.

А спасателей все не было...

Рыба-Кит сделал вид, что между нами не произошло ничего особенного. Он даже пообещал мне, что если я снова «заведу себе цветочки», то он поможет мне их вырастить, если, конечно, я не буду мешать ему своим психополем. Ему было попросту скучно — теперь, когда после гибели ростков на меня самого свалилась уйма свободного времени, я хорошо это понял. Здесь

и поговорить не с кем. Вельбот? Он не собеседник, а цепной пес на страже перечня гарантированных законом прав. Кроме того, Рыбе-Киту требовались не собеседники, а слушатели. Его поведение было гнусно, но иначе он не мог. Я гнал его прочь — он возвращался и спрашивал, на чем мы в прошлый раз остановились. Он пробовал левитировать и учил левитировать меня, хотя сам не оторвался от земли ни на сантиметр. Он читал мне выдержки из Р. Х. Бауха и заставлял глядеть на иероглифы. Я чувствовал, что схожу с ума. И в тот самый день, когда уже казалось, что сумасшествие неминуемо, я нашел то, что мне было нужно.

Это была металлическая стойка от палатки. Она поблескивала в траве на полпути к реке, должно быть, я выронил ее в спешке, когда пытался бежать вплавь. Тонкостенная трубка из алюминиевого сплава, очень удобная не только как подпорка. Конечно, ею нельзя убить, размышлял я, сжимая в руке свое оружие. Тем лучше. Следовательно, не будет и речи о том, чтобы нарушить право человека на жизнь.

И как жаль, что я не додумался до этого раньше!..

Но сначала следует проконсультроваться у вельбота, прежде чем к нему или ко мне подоспеет Рыба-Кит, осененный новой идеей. Вон он идет. А это значит, что мне предстоит сложный обходной маневр со всевозможными обманными финтами. Мне нужна одна минута. Если вельбот до сих пор еще не понял, что к чему, я в немногих словах обрисую ему ситуацию. А потом невинно (очень невинно, как бы между делом) спрошу, имею ли я в этих условиях право на самозащиту.

И как только механизм подтвердит мое право, я это право реализую.

СЧАСТЛИВАЯ ЗВЕЗДА АГАФОКЛА-МЛАДШЕГО

В двенадцатое лето правления любимого римским народом и осененного милостью богов кроткого кесаря Клавдия случилось событие настолько грандиозное по своим последствиям для судеб народов, населяющих Ойкумену, насколько же ничтожное по видимым проявлениям. Несомненно, именно поэтому оно ускользнуло от внимания историков, чьи имена могли бы придать вес этому рассказу, если бы только скепсис потомков не отнес его к разряду небылиц, как оно, вероятно, и произошло бы. Говоря короче, весной того года, о котором идет речь в нашем правдивом повествовании, свободнорожденный эллин Агафокл, сын Агафокла-старшего, купец из Книда, потерял свое достояние, а вместе с ним и свободу. Потеряв же свободу, он тут же едва не потерял жизнь — однако, скажете вы, кому интересно столь заурядное событие, если только оно не произошло в окружении человека незаурядного и, следовательно, не послужило поводом к созданию исторического анекдота? Потерпите немного, читатель.

Квинт Пупий Руф, хозяин Агафокла, был человеком заурядным. И его развратный полуприятель-полуклиент, чье имя история не сохранила, но которому на вилле Пупия позволялось многое, также не был выдающейся личностью. И если мы упоминаем их в своем рассказе, то лишь следуя правилу не обходить молчанием ничего из того, что нам известно об Агафокле и его Счастливой звезде.

Прислуживать на вилле Пупия Руфа — не ломать спину на виноградниках. Вчерашний купец, ныне — купленный раб, не вполне еще оценил выпавшую на его долю редкую удачу и даже не успел как следует пройти курс обучения у впавшего в дряхлость старого раба Пупия, как новый поворот судьбы бросил его на скамью гребца триремы, и виноват в этом повороте был он сам.

Могли бы и убить.

— Эллин? — строго спросил гость, принимая поданную Агафоклом чашу. — Грекулос? Экий нежный... Белая свекла*? — Агафокл замотал головой. — Нет? Не верю.

И не успел Агафокл опомниться, как гость, оставив чашу, ловкой подножкой повалил его на ложе, облапил и под жирное хихиканье Пупия принялся сдирать с раба хитон, гогоча во все горло и призывая в свидетели богов, что давно уже не пробовал сладенького и что Пупий, радушный хозяин, друг и щедрый патрон, не откажет гостю в невинном удовольствии...

Тут-то и произошло непоправимое: вырвавшись, Агафокл наотмашь ударил гостя. Ударил смачно. От души.

Трудно сказать, явилось ли это необдуманное действие невольным протестом со стороны еще недавно

* Автору не удалось выяснить, почему в греко-римской античности развратников называли белой свеклой, а не как-то иначе. Однако факт есть факт.

свободного книдского гражданина или же Агафокл не-кстати вспомнил о Счастливой звезде, но то, что последовало за поступком Агафокла, известно достоверно: пока Пупиев полуприятель-полуклиент еще кувыркался в кровавых соплях, пытаясь разобраться, каким ветром его снесло с ложа, сам Пупий, брезгливо кривя чувственный рот, уже отдавал короткое приказание сбежавшимся по его зову рабам. Немедленным следствием приказа-ния было водворение Агафокла в небольшой и как бы домашний Пупиев эргастул, находившийся тут же, на вилле.

То, что его даже не избили, вселяло самые черные подозрения. Их охотно подтверждал раб, раз в день носивший Агафоклу гнилую бурду. Так продолжалось неделю. Несомненно, хозяин решал: казнить ли провинившегося раба своей властью или же передать префекту для поучительного повешения на столбе.

Наконец его вывели на свежий воздух и сняли цепь, однако лишь для того, чтобы тут же приковать к другой цепи, сковывавшей вереницу осужденных. Легионеры-конвойные были недовольны задержкой и торопили кузнеца. Пупия не было видно, сколько Агафокл ни крутил головой. Он повеселел: казнь, по-видимому, откладывалась, утро было ясное, и в восточной части неба, не видимая, кроме него, ни одному смертному в Ойкумене, не тая в лучах колесницы Гелиоса, по-прежнему ярко сияла его Счастливая звезда.

Он еще успеет обратиться к ней; даже вися на столбе, еще не поздно сделать это. Римляне не убивают сразу.

Первый день колонна шла пешком. В полдень и вечером конвойные дали овощей и позволили напиться у источника. На второй день осужденных посадили в повозки, и это было еще удивительнее раздачи овощей. Может быть, они хотят, чтобы осужденные подольше продержались на столбах? Э-хе... Агафокл услышал слово, громко произнесенное кем-то: навмахия.

От знакомого слова почему-то стало липко и страшно.

* * *

Предопределения судьбы неведомы даже богам, так стоит ли говорить о простых смертных. Даже и о не совсем простых... О том, что он не простой смертный, Агафокл узнал в раннюю пору юности, и узнал случайно. Однажды зимним вечером, когда рассерженное море выло и плевалось, врываясь в книдскую гавань, а небо было ясное и безлунное, он стоял перед деревянным, сработанным под хиосский мрамор портиком старого отцовского дома на Меняльной улице и, разинув рот, глазел на небо. Что его побудило в тот вечер взглядеться в очертания созвездий, является загадкой и рассмотрению не подлежит. Гораздо существеннее то, что за этим занятием, в принципе полезным, но приличествующим скорее сыну кормчего, нежели купца, его застал отец.

Уместнее всего в такой ситуации был бы подзатыльник, однако, против ожидания, Агафокл-старший подзатыльника сыну не дал, а встал рядом и, задрав бороду, тоже стал вглядываться.

— Видишь ее? — спросил он некоторое время спустя, переждав приступ немого удивления Агафокла-младшего.

— Кого, отец? — почтительно спросил сын, на всякий случай отступая на шаг.

— Кого, кого... Если бы я знал кого! Если бы я ее видел! Уж я бы... Э-эх! Ну-ка скажи, что ты там видишь?

— Звезда, отец. Очень яркая. Золотая. А вчера не было. Да вот же она!

— Где? Скажи словами.

— Левее и ниже Тайгеты, отец. Неужели ты не видишь?

— Верно, — буркнул Агафокл-старший. — Там она сейчас и должна быть. Туда-то ее и повесили. А я... — он понурился и вздохнул, — я ее не вижу, сынок. Все

вокруг вижу, а ее — нет, не могу. Всю жизнь пытаюсь увидеть, а увидел ты. Выходят, боги тебя любят... — Он усмехнулся в бороду. — Придется завтра в жертву быка принести — не меньше.

— Кому, отец? — удивленно спросил Агафокл-младший.

— Гелиосу, конечно...

Наутро, едва дождавшись восхода солнца, отец потащил его из дому.

— И теперь видишь звезду?

Агафокл ответил утвердительно. Более отец ничего не пожелал объяснять, сколько Агафокл ни спрашивал. Самым удивительным было то, что звезда не участвовала в обращении небесных циклов. Она упрямо стояла на месте, как приколоченная гвоздем, и ночью можно было наблюдать, как окружающие звезды медленно-медленно проходят и над ней, и под ней, и сквозь нее.

С тех пор отец начал относиться к Агафоклу почти как к равному и — странное дело — стал реже брать его с собой в поездки по торговым делам, перестал заставлять упражняться в счете устном и письменном, зато твердо настоял на посещении философской школы при гимназии и огорчился неудачам сына больше, чем торговым неудачам.

Агафокл, не понукаемый никем, жил в свое удовольствие. Школа была развлечением для ума, не больше. Однажды, распираемый тайной, как амфора перепрободившим вином, он объявил, что днем и ночью видит звезду, стоящую на небосклоне неподвижно... Избавиться от насмешек не удавалось целый год.

К тому времени он уже видел звезду сквозь стены.

В день, когда Агафоклу-младшему минул двадцатый год, отец приказал ему следовать за собой и привел на круглую пустошь в нескольких стадиях от города, где только и росло, что колючки и жесткая трава

пучками, и не любил пастись скот. Здесь Агафокл-старший поведал сыну историю Счастливой звезды, а мы вынуждены ограничиться вольным пересказом, опустив подробности явно вымышленные, дабы, не скрыв истины, охранить правдивость нашего повествования.

Случилось это за три с половиной века до рождения Агафокла-младшего, когда земли Азии топтало войско победоносного Александра. Гремел Граник, пылал Тир, и, как водится, вместе с македонской армией, а чаще за ней, продвигались, попутно занимаясь мелкими и крупными грабежами, отряды греческих наемников. Впрочем, у Дария они тоже были.

Один из таких отрядов (чью сторону он держал — не важно), воровски подбираясь к Книду, встретил недалеко от города неосторожного пастуха с овечьим стадом. Возблагодарив Зевса Олимпийского за щедрый дар, оголодавшие наемники накостыляли соотечественнику по шее до самых пяток и, бросив в кустах бесчувственное тело, устроили буйный пир. Когда пастух пришел в себя и обнаружил, что одна часть стада съедена, а другая угнана неведомо куда, первой его мыслью было удавиться без промедления. И он уже начал приводить в исполнение свое намерение, как вдруг с небес к нему спустился сам Гелиос на громадной грохочущей колеснице. Колесница та стояла на огненном хвосте, и там, где хвост касался земли, он вырывал с корнем кусты и деревья и отшвыривал их прочь, изломанные и горящие, а протекавший в овраге ручей выкипел весь. Когда же хвост иссяк и колесница встала на землю, из нее вышел бог в серебряном одеянии, величав и спокоен. Узнав имя несчастного пастуха и причину его несчастья, расспросив его о многом, что делается на Земле, и немало подивившись ответам, бог повелел так: пусть до первой твоей просьбы днем и ночью сияет на востоке звезда, видимая тебе одному. Проси у нее что хочешь, однако не пере-

усердствуй в желании ненужного тебе и людям. Если же ты по неразумию, боязни или скромности воздержишься от просьбы, то знай: иные из твоих потомков, носящие, как и ты, имя Агафокл, смогут видеть эту звезду и один из них — но лишь один! — сможет, назвав свое имя, попросить ее, о чем захочет. После этого звезда навсегда перестанет быть видимой кем бы то ни было. Так сказал бог и взвился в небо на колеснице с огненным хвостом. А пастух пошел в город.

— Он не вернул себе стадо? — спросил Агафокл-младший. — Впрочем, что там стадо, когда он мог бы...

Оказалось, что пастух был человек умный. Он не распорядился Счастливой звездой сейчас же («Иначе бы ты, бестолочь, никогда ее не увидел», — добавил отец). Он оставил звезду на черный день, запретив себе даже думать о ней в дни удачи. Ему везло в жизни, и сын его — разумеется, тоже Агафокл — был уже купцом...

«Не всякий ее видел, — вздыхал отец о несбывшемся. — Прадед твой видел, это точно. Он мне и рассказал: передашь, сказал, дальше. А вот дед твой не видел и даже не знал о ней. Оно и к лучшему: шалопаем был твой дед, совсем как ты, и даже хуже...»

— И она теперь... моя? — с замиранием сердца спросил Агафокл, в чьей голове с безумной скоростью мелькали идеи, одна заманчивее другой.

Молодости свойственна живость мысли, старости — глубина. Агафокл-старший щелкнул отпрыска по носу:

— Не желай богатства — ты имеешь его достаточно. Не желай женщин — за деньги ты найдешь их повсюду. Не желай власти — звезда не поможет тебе ее удержать. Не желай смерти тем или иным людям — другие, которые их заменят, могут оказаться еще хуже. Не проси у звезды того, чего можешь достичь сам, — сознание, что ты истратил звезду на пустяки, замучит тебя к старости. Всегда помни, что звезда исполнит лишь одну твою просьбу...

Эти слова, по требованию отца, Агафокл отныне должен был повторять ежедневно. Мало-помалу он перебрал в уме все мыслимые и немыслимые желанья, явные и тайные, а перебрав, разочаровался. Получить бессмертие? Агафокл достаточно долго посещал философскую школу, чтобы отказаться от мнимого соблазна. Стать великим, как Эпикур? Сделать Книд центром Ойкумены? Поставить в гавани колосс выше Родосского? Слишком просто. Отец прав: если просить, то надо просить такое, на что способны не люди, а лишь боги, создавшие людей...

И без всякой звезды жизнь полна удовольствий для того, кто молод и не беден. Развлекаясь порядком, обычным для провинциальной золотой молодежи, Агафокл не забывал о Счастливой звезде, но и не торопился. Она ждала долго. Она подождет еще.

Вы не устали, читатель? Тогда я продолжу.

Стоик по школе и убежденный эпикуреец в душе, Агафокл не сильно огорчился прекращением раздвоения личности, когда по смерти отца ему пришлось взять в свои руки торговое предприятие. Огорчения, как водится, пришли позже, подобно воспитанным соседям, стремящимся опоздать на званую пирушку, но все же не так чтобы очень.

За долги отца (Агафокл отказывался верить их размерам, пока римский судья не подтвердил права кредиторов) пришлось расстаться с двумя кораблями из трех. Крепя сердце пришлось отдать часть портовых складов, но наибольшей тяжестью легла на сердце продажа дома на Меняльной улице. Здесь он родился и вырос. На плитах перед этим домом он играл мальчишкой. В этом доме он потерял невинность с наложницей отца, которую потом продали в Синоп...

Э-хей! Жернов вертится волон, а весло корабля — руками человека. Рано отчаиваться в двадцать пять

лет. Ни за что на свете Агафокл не расстался бы с последним кораблем ради старого дома. Продав корабль, он рано или поздно потерял бы дом и все остальное. Скорее рано, чем поздно. Ругаясь со стойками в Книде, не очень-то разбогатеешь. Корабль — счастье купца и его удача. Если богам будет угодно, он, Агафокл-младший, за один год сумеет удвоить, а то и утроить свое достояние. Через год он купит себе новый корабль, быстроходный, построенный на фокейский манер, а через пять лет, если удача от него не отвернется, он полностью вернет себе потерянное. Жизнь длинна, и старость придет не скоро. И еще — у него есть Счастливая звезда.

Для первого рейса из Книда нет лучшего времени года, чем последняя четверть зимы, и лучшей гавани, чем Сиде, несмотря на ее киликийскую родословную. Каков бы ни был товар, его можно продать не в убыток, а кроме того, Агафокл уже был здесь и знал перекочевавшую сюда делосскую присказку, которой в порту встречают судно: «Купец, разгружай корабль, твой товар уже продан!»

Так и вышло. Продав с фантастической быстротой груз вина, Агафокл по совету кормчего Эвдама закупил, помимо масла и тканей, три десятка тщательно отобранных колхидских рабов и, не польстившись на рынки Кипра, с выгодой сбыв товар в Александрии. Здесь он, опять-таки по совету многоопытного Эвдама, принял на борт шесть десятков черных нубийцев, невысказанно дорогих, но еще выше ценимых в Путеолах. Корабль мог бы вместить вдвое больше, учитывая и съестные припасы для месячного плавания. Хотелось взять египетских благовоний и финикийского пурпура, но скудные средства были исчерпаны, и Агафоклу оставалось лишь примириться с неполной выгодой. Матросы выражали недовольство: их деньги растаяли в александрийских кабаках в первую же ночь, а Агафокл задерживал жалованье.

Три дня отдыхали — ждали погоды, поплеывая в сторону Фароса. Агафокл ходил смотреть на громадный корабль, пришедший из Остии за зерном. Палуба его была длиною в двести считанных локтей, а четыре мачты несли столько парусов, что хватило бы на небольшую флотилию. У него, Агафокла, тоже будет такой корабль. Не сейчас, конечно... Но уже в эту навигацию он вернется сюда снова и на этот раз возьмет полный груз.

Удача переменчива, как ветер по весне. На шестой день благополучного плавания из-за скалистого островка, названия которого Агафокл так никогда и не узнал, хищно выскользнула узкая пентеконтера и, вспенив волны двадцатью пятью веслами каждого борта, ходко пошла на сближение. Первым упал Эвдам — стрела попала ему в горло. Лишившись кормчего, корабль беспомощно повернулся лагом к волне и заполоскал парусом. По заброшенным на борт веслам заскользили киликийцы. Бой кончился, едва начавшись: пираты изрубили сопротивлявшихся быстро и без большой суеты. Агафокл догадался вовремя бросить меч.

Еще не осознав всей глубины несчастья, он услышал названную предводителем пиратов сумму выкупа за себя. О корабле и грузе речь не шла. Заплетающимся языком Агафокл поклялся, что заплатит все до драмы. Один из матросов тут же предал его, заявив, что в родимом Книде, где каждая собака знает Агафокла за бездельника и пустозвона, отныне не имеющего за душой ни гроша, никто не даст ему займы больше, чем стоит он сам, а стоит он, Зевс свидетель, немного. Предводитель пиратов, человек деловой и немногословный, усмехнулся в бороду, и таким образом судьба Агафокла была решена. Агафокл пытался спорить и даже кинулся на предателя-матроса с кулаками, что закономерно кончилось для него поркой и протаскиванием под килем его собственного судна. Вовремя

натянувшаяся веревка вздернула его на палубу — судорожно кашляющего, но живого и покорного. Киликийские андраподисты — делатели рабов — в совершенстве владели педагогическими приемами и дело свое знали туго. Удостоверившись в характере груза, пираты добавили Агафокла и матросов к шестидесяти мающимся в трюме нубийцам, для которых с переменной хозяев, в сущности, ничего не изменилось, если не считать мимолетного развлечения, впрочем, довольно поучительного. Разве что воздух в утробе корабля сделался еще хуже, чем был.

Сидя в вонючем трюме, Агафокл думал о Счастливой звезде. На сей раз искушение было отчаянным. Андраподисты, конечно, продадут его, и скорее всего в Сиде... Боги! Звезда может выполнить одну просьбу. Он отнимет ее у своих детей и внуков, но разве избавление от рабства — не достойная цена за это? Да и какие дети и внуки в рабстве? Не нужно их совсем.

Он думал сутки, вторые. На третьи, когда он уже почти совсем решился навсегда уничтожить пиратство, смирившись с издержками в виде увеличения цен на рабов, что-то гулко ударило в борт и по палубе грохнуло так, что нубийцы завыли, а матросы и Агафокл начали прислушиваться с возрастающим интересом. Небольшое время спустя в палубном настиле отвалился квадратный люк, и просунувшаяся в него потная голова в римской каске осведомилась на ломаном койне: «Эй, какой отброс тут ехать?»

Убитых и раненых киликийцев кидали за борт. Предводителя пиратов и кормчего сохранили для показательного распятия на ближайшем населенном берегу. Андраподистам исключительно не повезло: в лапы римской облавы, жидкой цепью растянувшейся по всему восточному Средиземноморью, попадали лишь те, от кого окончательно отвернулась удача. Но дело свое римляне разумели не хуже андраподистов.

Кентурион, которому Агафокл заявил о своих правах на свободу и имущество, не дослушав, со смехом отвечив, что вряд ли стоит переделывать то, что уже хорошо сделано. Краткий, но бурный диспут о правах повел лишь к тому, что строптивного раба снова протащили под килем и полузахлебнувшегося бросили в трюм. Наварх римской либурны, взявшей на абордаж пентеконтеру и заодно корабль Агафокла, не был расположен за здорово живешь уменьшать свое достоинство ради какого-то вылезшего из трюма чучела, вдобавок грека.

Вместо Сиде его продали в ПUTEОЛАХ, заодно с матросами и нубийцами. Так он попал на виллу Квинта Пупия Руфа.

Чем завершилась его служба Пупию, мы с вами, читатель, уже знаем.

Весло было тяжелое, сырого невыдержанного дерева, со свинцом, залитым в рукоять, явно и грубо сработанное наспех, как и скамья, на которой сидел Агафокл, и как вся трирема, где он стал гребцом-таламитом нижнего весельного ряда. В первый же час гребли он в кровь изодрал ладони о неошкуренную рукоять. Поднимаясь при замахе и с силой, как учили, бросая себя на скамью при каждом гребке, он к концу первого дня набил себе на заднюю сяднящие мозоли. Обычных в таких случаях подушек, подкладываемых на скамью, преступникам не полагалось. Агафокл заметил, что многие гребцы сняли с себя лохмотья и обмотали ими скамьи. Он без колебаний последовал их примеру.

Богато позолоченная снаружи, внутри трирема была гноищем. Сто семьдесят голых гребцов — шестьдесят два транита верхнего ряда, пятьдесят четыре зевгита среднего ряда и столько же таламитов — дышали миазмами разлагающихся нечистот: коротких цепей, во-

едино связывающих прикованных преступников с веслами, не снимали и ночью. Пища была сносная. Приговоренные воры, убийцы, насильники, святотатцы, мрачные иудеи, задержавшиеся в Риме дольше, чем требовал эдикт о выселении, разношерстный сброд, подонки из подонков римского плебса гадили нисколько не меньше, чем добропорядочные граждане. Иногда, особенно на ходу триремы, через дыру весельной скалмы пробирался ветерок, приносящий облегчение. Пахло водой, но не морем.

— Эй, грек! — Вертлявый вор из Остии, сидящий позади Агафокла, дотянувшись, пнул его ногой в спину. — Видал? Кожу, разрази их, пожалели. — Он обвел рукой весельные дыры, отстоящие всего на локоть от воды. — Черпнем разок — и готово. Я такое уже видел. Рыбам на корм.

Агафокл даже не огрызнулся в ответ на пинок. Он сам был сейчас как рыба и дышал с трудом, а спина, казалось, готова была переломиться. Который день трирему гоняли по всему Фукинскому озеру, заставляя приговоренных к смерти вертеть веслами в такт писклявой флейте авлета, по команде разом табанить или менять направление гребли. Провинившихся наказывали плетью тут же. Нескольких немощных и неспособных увели в первый же день, дав замену. Никто им не позавидовал.

Кожаных манжет в весельных дырах и вправду не было. Э-хе... Дурак он, этот остиец. Дай ему волю, он и щели в боевом настиле законопатит, будет сидеть, как в выгребной яме. Как любой купец, Агафокл ненавидел воров цепкой неистребимой ненавистью. Но этот был ничего: болтун, правда, пустомеля, зато как расскажет анекдот, так даже иудеи ржут, за животы держатся. Гортатор, пиявка римская, плетью работать перестает. Трусоват вор, это верно, ну так кому же охота помирать? И у него нет Счастливой звезды...

— Слышь, грек? Я что говорю: транитов, пожалуй, раскуют, они для боя понадобятся. А нам с тобой тонуть. — Поскольку Агафокл не отвечал, остиец решил сменить аудиторию: — Эй, друид! Тебе говорю. Грек, толкни его! Что там будущее врет: потонем мы или нет?

Гребец, чья исполосованная спина маячила у Агафокла перед глазами, медленно обернулся. Это был седой старик, но еще крепкий и работавший веслом наравне со всеми. На свободе такой протянул бы лет до ста. Он и вправду был жрецом-друидом и однажды — сдуру, не иначе — обмолвился, что может видеть будущее мира. Рассказывал удивительные вещи. Будто бы повозки будут двигаться без лошадей, а корабли научатся летать, и все в таком роде. Какие-де государства исчезнут, а какие появятся. Когда же вор задал ему естественный вопрос о том, чем закончится данная конкретная навмахия для данной конкретной триремы, друид с глубочайшим презрением заявил, что мелкие подробности ближайшего будущего могут занимать только глупцов, и со стариком все стало ясно. С тех пор остиец регулярно развлекал осужденных приставаниями к друиду с одним и тем же вопросом. Соседи Агафоклу достались неплохие.

Где-то на носу триремы свистела плеть и кто-то выл — боцман-гортатор (дебелый римлянин всаднического сословия, попавший под закон об оскорблении величия) истово исполнял свои обязанности. В последние дни плеть ходила по спинам от случая к случаю: у новоявленных гребцов начинало получаться.

— Так как, друид? Потонем, нет?

— А ты спроси у него, — вдруг спокойно ответил старик, кивком указав на Агафокла. — Он знает.

Агафоклу отчего-то стало не по себе.

По многим признакам можно было догадаться, что день «морского» сражения приближается. Посреди

озера выравнивали сплошной ряд плотов, обозначая акваторию для предстоящего боя, на близлежащем холме спешно сколачивали амфитеатр, и в веселную дыру можно было разглядеть, как вблизи берега на мелководье устанавливают громоздкую машину непонятного назначения. Теперь корабли учились ходить строем.

За день до навмахии палубную команду триремы усилили гладиаторами, а гребцам дали роздых. Невесть откуда взявшись, по кораблям пронесся слух, будто оставшиеся в живых будут помилованы особым эдиктом. Настроение гребцов заметно поднялось, а когда остиец вдобавок рассказал анекдот про ливийца в пустыне и закончил его коронным: «Подержи верблюда»*, — тут уже трирема захохотала в сто семьдесят глоток. К вечеру пятьдесят боевых кораблей «родосского» и столько же «сицилийского» флотов вытянулись в две нити напротив амфитеатра. В восточной стороне неба, ясно видимая сквозь просмоленный борт, отливала золотом Счастливая звезда. Казалось, она стала даже ярче, чем прежде.

Терпеть, терпеть до последнего предела! По пятьдесят раз в день Агафокл стискивал зубы, думая о Счастливой звезде. Звезду нужно использовать в самом крайнем случае, на пороге Аида. Он же еще не придумал свое единственное, главное желание, такое, чтобы ничего лучшего уже не придумать за всю жизнь! Агафокл вполне ощущал свое бессилие. Вернуть назад свободу и достояние? Мало, ничтожно... Может быть, следует внушить людям отвращение к войнам и ристалищам? Опять не то: тогда его просто-напросто казнят на столбе как преступника. Дать всем, не разделяя ни царя, ни раба, ни женщины, мудрость Ге-

* Автор, как и читатель, немало удивлен слабой эволюцией анекдотов за два минувших тысячелетия. Что поделать — видимо, человек с тех пор не эволюционировал как вид.

раклита и Антисфена? Или создать идеальное государство, о котором мечтал Платон? И навсегда остаться рабом?!!

Может быть, истребить без остатка всех римлян?

Кто-то молился на неизвестном языке. Ночью Агафокл слышал шепот наверху: кто-то кого-то подговаривал бежать во время сражения, уговорив или заставив кормчего прорвать носом триремы цепь плотов — пусть потом ловят, всех не выловят... Прикованных гребцов это, естественно, не касалось. Шепот ширился, полз вдоль палубного настила и стих сам собою с рассветом, когда выяснилось, что плоты заняты отрядами гвардейской пехоты и даже конницы. На некоторых возвышались и камнеметы. В обреченной на заклятие флотилии лишь глухой или глупый не знал, что дряхлые баллисты на палубах кораблей не способны метнуть камень или дротик дальше одной стадии. Среди палубных воинов-эпибатов, большей части которых предстояло пасть в бою, не было и лучников: распорядители игр страховались от случайностей.

К концу первой четверти дня все выходящие к озеру склоны холмов были густо усеяны народом. Один за другим корабли медленно-медленно и так тесно, что медный таран одного почти касался рулевого весла другого, проходили перед амфитеатром, и полуголые, в низких шлемах эпибаты на палубах хором выкрикивали обычное приветствие идущих на смерть. Холмы взрывались рукоплесканиями: не каждое поколение римлян добрый кесарь удостаивал зрелища такого размаха.

Агафокл так и не понял, из-за чего произошла заминка — только на кораблях вдруг разом взревели, а гортатор, римский гражданин всаднического сословия, неистово тряся брылями, заорал: «Табань!» — и, вытянув кого-то плетью, побежал наверх. В весельную дыру удалось разглядеть, как в амфитеатре тучный человек с капризными пухлыми губами вдруг задергал

половиной лица, сбежал, расталкивая зрителей, с почетного места и, подобрав полы тоги, кривляясь и прихрамывая, принялся бегать вдоль берега, крича на кого-то и потрясая кулаками. Тут уже на корабли никто не смотрел. Хрупкий юноша с надменным лицом, сидящий рядом с опустевшим местом, громко, напоказ, расхохотался.

— Сам, — сказал остиец, сплевывая в весельную дыру. — Серчает что-то. Говорят, дурак, каких свет не видел. А тот молодой — приемыш его, Нероном звать. Может, тот получше нынешнего будет, как думаешь?

Агафоклу было все равно. А друид почему-то поперхнулся и долго кашлял.

Потерпите еще, читатель. Наше правдивое повествование об Агафокле-младшем из Книда и о его Счастливой звезде подходит к концу.

Историки достоверно сообщают, что кроткий кесарь некоторое время размышлял, не приказать ли расправиться огнем и мечом с висельниками, отчего-то возомнившими, будто им дарят жизнь без сражения. Историки сообщают также, что кроткий кесарь поборол свое раздражение и кротко стерпел отсрочку, необходимую для восстановления порядка на воде. Поскольку историков никак не занимал такой мелкий предмет, как гребец-таламит одной из трирем, мы должны сообщить специально: в ходе восстановления порядка Агафокл не пострадал.

Наконец два флота разошлись по сторонам огражденного загона и выстроились в боевой порядок. Амфитеатр замер. Тритон, морское чудище, поднятое из воды машиной, накачиваемый мехами, хрипло взревел в золоченый буксин.

Навмахия началась.

Для гребца, да еще нижнего, сражение подобно грому без молнии. Взяв с места небывалый разгон, трирема

не успела еще набрать полный ход, как свои и чужие корабли смешались в свалке. В трюме отрывисто пиццала флейта. Не один Агафокл — все гребцы работали как сумасшедшие: возможно, от темпа гребли зависела жизнь. Иногда на плечи опускалась плеть. Агафокл не чувствовал боли. Жить! Жить! Скользящий удар в нос корабля, крики, долгий скрежет тарана по сырым доскам... Хайе! Команда «поднять весла» — трирема, пройдя впритирку, обломала кому-то весельный ряд. «Левый борт — вперед, правый — табань!» — разворот. По палубе гулко грохнул камень. «Оба борта — вперед!» Агафокла едва не сбросило со скамьи, когда таранный удар триремы пришелся в борт «сицилийского» корабля. Затрещало дерево. «Оба — назад!» — корабль медленно, будто нехотя, вырвал таран из пробитого борта. С тонущего судна донеслись крики.

Жить! На втором часу боя Агафокл потерял весло. Жалкий обломок по-прежнему торчал в уключине, и Агафокл не пытался его вытащить. Какой смысл для прикованного? Свинец в рукояти и цепи утащат его на дно. Жить! С начала боя гребцы понесли только одну потерю: дротиком, влетевшим в весельную дыру, убило зевгита — растлителя из Геркуланума. Гребцы сидели без дела: трирема сцепилась крючьями с двухрядной либурной, и на боевом настиле рубились эпитбаты. Гортатор, римский гражданин всаднического сословия, обильно потея, предпочитал отсиживаться в трюме.

Слыша, как крики сражающихся на палубах малопомалу смещаются в сторону вражеского корабля, Агафокл думал о том, что, возможно, ему не будет сегодня нужды обращаться к Счастливой звезде с торопливой просьбой. Если боги будут благосклонны, он еще успеет подумать о своем единственном желании, исполнить которое будет под силу только богам. Нужно искать корень. Вот оно что: следует изменить сущность людей. Он должен изменить сущность... Как?

На палубу захваченной либурны был брошен огонь. Пылающий костер удалялся. От воплей гребцов, не имевших никакой надежды на спасение, кровь стыла в жилах.

Писк флейты. Удары, удары... Жить! Под свист плети Агафокл послушно шевелил обломком весла, стараясь попасть в общий ритм. Трирема разворачивалась для новой атаки перед самым амфитеатром — снизу было слышно, как палубные бойцы вопят и звенят оружием, зарабатывая помилование. Зрители отвечали одобрительным гулом. Во вспененной воде возле борта мелькнула голова без шлема, попала под весло и больше не показывалась.

Остановить побоище... Нет, не только. Прекратить насилие, в какой бы форме оно ни проявлялось. Попросить звезду, чтобы люди, все люди Ойкумены перестали убивать и мучить друг друга. Пусть каждый сполна испытает на себе то, что принесет другому: горе и страдание, боль и радость... Точно! Агафокл рассмеялся. Это же так просто, почему он не додумался до этого раньше? В школе при гимназии он не был привлекательным учеником. Наверно, он в самом деле никудышный философ...

...Огромная черная квадрирема, высоко несущая выгнутую позолоченную корму, стряхнув с себя остатки «родосского» корабля, разом взмахнула четырьмя рядами весел. Тому, кто видел ее со стороны, не заглядывая внутрь, могло показаться, что ее легкий бег никак не связан с мучениями гребцов, ворочающих громадными веслами под частые удары колотушки в медный диск...

Удар пришелся вскользь, и обшивка устояла, но от мачты на носу квадриремы, качнувшись, отделился «ворон» — абордажный мостик — и с обвальным грохотом рухнул на палубу. Попавший под него гладиатор не успел даже пискнуть. Железный клюв «ворона», застряв в

пробитой им насквозь палубе, высунулся над головой Агафокла. Трирема вздрогнула и накренилась. В скалмы нижнего ряда хлынула вода. Гребцы, кто усидел на скамье при ударе, вскочили со своих мест. «А-а-а-а-а!..» — бесполезно дергая цепь, в ужасе завопил остиец. Весла квадриремы вспенили воду: пренебрегая абордажем, «сицилийская» громадина пятилась назад под градом летящих с триремы дротиков, пытаясь опрокинуть неприятельский корабль. Гортатор, римский гражданин всаднического сословия, тряся салом, с воплями полез из трюма на воздух.

Если бы не вода, потоками вливающаяся в трюм, если бы не вопли обреченных гребцов — явление, в сущности, вполне заурядное, — история человечества могла бы выглядеть иначе. То, чего не смогла добиться плеть надсмотрщика, сделал обыкновенный страх насильственной смерти. Простим человеку человеческое.

— Утопи ее! — заорал Агафокл, яростно тыча пальцем в сторону квадриремы. — Звезда, утопи ее! Это я, Агафокл!.. Утопи ее, я тебе приказываю! Слышишь меня? Утопи!!!

Успел ли он осознать глубину совершаемой им ошибки, нам неизвестно.

— Подержи верблюда! — презрительно кривя рот, сказал обернувшийся к Агафоклу старик друид.

Больше он ничего не сказал.

Десятки тысяч зрителей взревели от восторга, когда прямо напротив амфитеатра громадная квадрирема вдруг начала погружаться на ровном киле, а намертво сцепившаяся с ней трирема перевернулась и затонула быстрее, чем можно прочесть эти строки. И вряд ли кто-нибудь из замороженных зрелищем людей видел, как на востоке вдруг вспыхнула яркая золотая звезда и, распадаясь в полете на куски, начала падать — все ниже, ниже, ниже...

УСТУПЧИВЫЕ

Поверхность фронта здесь не менялась очень давно. Не линия никогда не затихавших надолго боев — именно поверхность, незримая, но реальная. Там, где кипели сражения эскадр, она прогибалась в ту или иную сторону, иногда ощутимо и стремительно, чаще медленными судорожными толчками, — но в этом секторе пространства она оставалась незыблемой вот уже несколько столетий. Периферия... Не главные силы и массивованные удары соединенных флотов, не циклопические побоища — лишь стычки, стычки и стычки, укусы и отскоки, позиционное противостояние, крохи успехов и такие же крохи ежедневных потерь. Медленно вращающиеся, но очень широкие жернова.

О ближайшей планете Леман не знал практически ничего, хотя прежде не раз подлетал к ней достаточно близко, чтобы простым глазом разглядеть мутно-голубой диск. На планете никто не жил — кому придет в голову жить на линии фронта? Планета не представляла никакой ценности ни для Великой Лиги, ни для ренегатов. Как и большинство пилотов действующего флота, Леман знал о ней только то, что случайно по-

палось на глаза и застряло в голове, — пустые, никому не нужные обрывки сведений.

Землеподобная. Не сырьевая. Не обладающая ничем, что стоило бы защищать или отвоевывать в случае потери. Девяносто процентов поверхности покрыто океаном. Островов, кажется, нет совсем, материк всего один, расположенный на экваторе, но тем не менее обледенелый и предельно негостеприимный. Атмосфера вроде бы кислородно-аргоновая, плотная, беспокойная и достаточно протяженная. В последнем Леман сейчас убеждался на практике.

Энергоимпульс совершенно не виден в вакууме. Лишь плазменный накопительный кокон, венчающий орудийную башню дестроера, обычно тоже невидимый, за полсекунды до залпа начинает слабо мерцать неприятным фиолетовым светом и быстро гаснет, выплюнув разряд.

По счастью, нигде в Галактике нет столь глубокого вакуума, чтобы выпущенную по тебе серию энергоимпульсов нельзя было обнаружить по мгновенной ионизации межзвездных атомов, а обнаружив, попытаться уклониться. Особенно в этом секторе, где только за последние сто лет не меньше двух тысяч разнотоннажных кораблей обеих воюющих сторон превратились в облака газа, а причудливая поверхность фронта не сдвинулась и на миллипарсек.

Ох, неспроста его прижали к этой планете! Леман прекрасно понимал это, но, вертись не вертись, иного выхода, нежели вход в атмосферу, не просматривалось. Одиночный истребитель с израсходованным боекомплектом — легкая добыча для эскадренного дестроера, и если одному противнику еще можно какое-то время морочить голову резкими маневрами, то встреча сразу с двумя делает это занятие вдвойне бессмысленным. Три, от силы пять минут отчаянного танца под шквалом энергоимпульсов — и ко-

нец. Это если обреченным истребителем управляет опытный ас. Иначе — меньше. Леман не был опытным асом.

И тем не менее он финтил. Уклонялся, вертелся волчком, дважды пытался вклиниться между чужими кораблями, надеясь, что они поразят друг друга, и прекрасно понимая, насколько зыбка эта надежда. Его отгоняли огневой завесой, как надоедливую муху, и методично, без особой суеты расстреливали. Дестрое-ры немного уступали ему в скорости, но уйти он не мог — для этого ему пришлось бы перестать маневрировать, и тогда счет оставшихся секунд жизни сократился бы с десятков — или сотен? — до одной-двух. Он понимал, что скорее всего был бы уже уничтожен, не подвернись эта планета.

Его отжимали к атмосфере. Рывок вверх — и только плазменный шар останется кружить по орбите вокруг безымянного шарика, но быстро погаснет. Второй вариант — идти на посадку, — по всей вероятности, был ничуть не лучше, но сулил небольшую отсрочку. И Леман выбрал именно его.

Локатор давал изображение поверхности. Весь материк был одним огромным плато, круто поднявшимся из океана на высоту в пять — семь тысяч метров, считая и километровый слой льда. Когда-то давно тектонические силы начали было ломать плато на части, но не справились и отступили, оставив сетку глубочайших узких каньонов. Они-то и давали некоторую надежду на спасение.

Он пробьет атмосферу, нырнет в каньон и уйдет с экранов. Затем найдет подходящую площадку и отсидится. Дестрое-ры не сунутся в атмосферу, но могут караулить его на орбите и неделю, и две. Особенно сейчас, когда впервые за два года непрерывных сражений и стычек в боевых действиях наметилось некоторое затишье.

Что ж, придется поскучать.

И поголодать. А воды здесь в избытке — вон сколько льда...

Все эти мысли пронесли в голове Лемана в один миг, а следующее мгновение ушло на то, чтобы осознать: он неисправимый оптимист. Серьезные маневры уклонения от огня на посадочной траектории невозможны, иначе либо сгоришь, либо рикошетом отскочишь в космос, как раз под удобный прицел. Три-четыре минуты торможения в атмосфере — более чем достаточный срок для поражения маломаневренной цели.

И все-таки он надеялся...

Два энергоимпульса, видимо, без точного прицела, слепящими молниями пробуравили атмосферу в стороне от него. Третьего Леман не увидел.

Вряд ли его обморок продолжался более нескольких секунд. Первым чувством было удивление: обзорный экран исчез. Вместо него имелся крошечный иллюминатор, а в нем — огненная буря. Спасательная капсула тормозилась об атмосферу. Значит, истребитель потерян... Леман потянулся к иллюминатору, надеясь сквозь плазменный кокон разглядеть сгорающие метеорами обломки своего корабля, но, конечно, ничего не разглядел. Ну ладно... Хорошо уже то, что остался жив, по счастью, автоматика отстрела капсулы сработала штатно...

Значит, есть шанс.

Если только комендоры дестроеров не соблазняются уничтожить еще и капсулу. Хотя зачем?

Радиомаячок капсулы работает долго, но воздуха хватит часов на двенадцать. Это в открытом пространстве. Именно столько времени враг будет находиться неподалеку, чтобы атаковать спасательное судно, используя капсулу вроде наживки. Знакомая тактика ренегатов, а впрочем, если честно, в равной степени

флота Великой Лиги. Именно поэтому командование не позволяет себе увлекаться спасательными операциями.

Допустим, местным воздухом можно дышать и предельное время ожидания не определено. Спасут ли?

Вопрос...

Ясно одно: надо продержаться максимум времени.

Парашют раскрылся неожиданно, заставив Лемана клацнуть зубами. Капсулу немного помотало в воздушных ямах, затем она вошла в слой спокойного воздуха, плавно устремилась вниз и, несмотря на тормозные пиропатроны, так основательно приложилась о плато, что потемнело в глазах. Все-таки атмосфера на этой высоте была изрядно разрежена.

Некоторое время Леман смотрел, как отстреленный сразу после посадки парашют, гонимый слабым ветерком, то лениво и важно надуваясь, то робко опадая, ползет по едва прикрытому снежной крупой ледяному полю. Затем он исчез из виду, наверное, уполз в незаметную трещину, и Леман перестал им интересоваться.

Хорошо еще, что капсула опустилась на плато, а не в каньон, — вот это уже было бы крайнее невезение, ибо капсула не истребитель и умеет летать только сверху вниз. Ближайший каньон глубокой резаной раной рассекал плато не более чем в тысяче шагов от места посадки. С высоты Леман оценил его ширину километра в полтора-два, а глубину оценить не сумел, ибо дна не увидел. Что там внизу — река? Очень может быть. Весьма вероятно, что ледник по краям подтаивает, вот и вода. А может, разлом столь глубок, что внизу плещут волны океана?

Вообще-то не исключено, но кому охота туда сунуться?

Он проверил маячок — тот работал как надо, наполняя эфир сигналами бедствия. Станут ли спа-

сать — вопрос второй. Валентина вот не стали... хотя что об этом можно знать наверняка? Только то, что три года назад Валентин пропал без вести где-то в этой части сектора, может быть, как раз на этой самой планете. Стало быть, наверняка погиб. И не он один. Конопатый Хенрик тоже загнулся где-то поблизости. Попытались ли их спасти? Неизвестно...

В любом случае оставалось только ждать и не поддаваться панике. Леман умудрился даже вздремнуть, рассудив, что во сне потребит меньше кислорода, и действительно сумел растянуть запас воздуха на четырнадцать часов вместо двенадцати. Больше не смог. Когда перед глазами замаячили багровые круги и страх потерять сознание стал навязчивым, он прошептал короткую молитву и дрожащими пальцами отвернул воздушный клапан, постепенно сбрасывая избыток давления. Это едва не убило его — что может быть глупее, чем погибнуть от удушья во время декомпрессии? — но вот наружный, он же единственный, люк капсулы сдвинулся, и струйка, а затем и целая лавина свежего воздуха плеснула в... в...

Она была холодна, как айсберг!

Обожгло легкие. Удар холодом! Нокдаун!

Словно прыжок с обрыва в ледяную воду. Хуже — в жидкий метан. Никто не ждал, что над ледяным полем будут субтропики, но все же...

От неожиданности Леман не сразу понял главное: этим воздухом можно дышать! А когда понял, разозлился. Что толку в дыхании, если предстоит замерзнуть? Разница, пожалуй, лишь в том, что замерзание, как утверждают, более легкая смерть. Солдату — наплевать. Гораздо существенней, что она же и более медленная.

Как можно плотнее застегнув комбинезон, стараясь вдыхать помалу и только носом, он ступил на плотный фирн ледяного поля. Солнце светило ярко и,

пожалуй, грело почти как на горном курорте, зато воздухом было далеко до курортных кондиций. Не температура жидкого метана, конечно, но минус пятьдесят — наверняка.

Раньше всего замерзли руки, затем лицо и шея, да и по спине побежал неприятнейший озноб. Ладно... Десять минут снаружи — потом час тепла в капсуле, ее объема на час дыхания хватит. Ничего, подумал Леман, стуча зубами. Жить можно. Могло быть хуже. Скажем прямо, вынужденная посадка на планету с атмосферой, пригодной для дыхания, сама по себе из разряда маловероятных чудес. Хорошо, что из правил бывают исключения...

Самое главное, можно дышать. Интересно, откуда берется кислород? Фотосинтезирующие водоросли в океане?

Наверняка. Хотя, по правде сказать, для дышащего это совершенно не важно.

Остаток дня Леман провел, то отогреваясь в капсуле, то выходя наружу подышать и размять ноги. Из носового платка и губки, служащей для протирки приборов, он соорудил себе нечто вроде намордника и приспособился дышать, не обжигая легкие. Воздуха все равно не хватало. Долго ли протянет человек в горах на высоте шести тысяч? Ответ на этот вопрос казался донельзя обидным. Хорошо экипированный альпинист, пожалуй, спокойно проживет и неделю, и две, но он-то, Леман, экипирован совсем не для этого! И если честно, то после исчерпания батарей капсулы ему останется жить совсем, совсем немного...

Он скоротал ночь, не выходя из капсулы и только временами впуская в нее воздух, охлажденный до совсем уже немислимой температуры, то коченея, то задыхаясь. Сколько времени капсула сможет оберечь его от превращения в ломкую сосульку? Точного от-

вета Леман не знал. Вероятнее всего, суток двое-трое, не больше.

За это время должна прийти помощь. Должна!

То ли этот день выдался теплее вчерашнего, то ли тело начало привыкать к укусам холода, но ближе к полудню Леман рискнул совершить дальнюю прогулку. До края каньона он бежал трусцой, по пути отметил две неглубокие трещины в ледяном поле и в одной из них неожиданно нашел парашют. Вот ты куда заполз, ползун... Надо будет подобрать тебя на обратном пути и смастерить какую-никакую хламиду, все теплее будет...

До самого края он так и не добрался — поле пошло под уклон, как бы не заскользить... Усвистишь вниз по льду — пока долетишь до дна каньона, о многом успеешь подумать. Может, даже сумеешь написать завещание, которое все равно никто не прочтет. Да и какое завещание у пилота? Личные вещи разыграют между собой товарищи по штаффелю, а в крошечную каюту на Базе волею квартирмейстера вселится другой пилот, вот и все, что касается подвижности и недвижности.

Зато он увидел противоположный край каньона, и не только лед, но и камень. Сверкающий ледяной панцирь оказался вовсе не чудовищем километровой толщины — скорее уж обычным горным ледником. Бывают льды и потолще. То ли в самом деле ледник подтаивает с краю, то ли, что вероятнее, не успевший слезаться снег сметается в пропасть ветрами...

Минутой спустя, когда на стоящее в зените солнце набежала хищная стремительная мгла, а в лицо с размаху швырнуло первый заряд крупы, Леман понял, что был прав в последнем предположении. Но похвалить себя за догадливость не сумел за недосугом.

Добежать до капсулы он не успел и даже не пытался, главное — укрыться, все равно где, пока буря не

разыгралась по-настоящему, иначе сдует в пропасть! Скользя, кренясь, изворачиваясь, бодая лбом ринувшееся на него ревушее чудовище, он бежал к трещине, к тому месту, где видел парашют — его надо прижать собой, не то выдует... А еще лучше попытаться плотно завернуться в него, тогда, может быть, удастся не замерзнуть, переждать буран...

Он втиснулся в трещину вовремя и сразу нашел парашют. И сейчас же над головой разверзся ад, разом взревели разбуженные демоны, загрохотали копыта всадников Апокалипсиса, и уже не разум, а животный ужас подсказал спасение: зарыться в невесомую, рвущуюся из-под тела ткань, заклинить в трещине и ждать...

Стихло на удивление быстро — уже через несколько минут. Снова засияло солнце, разбрызгалось о ледяной рафинад, ударило в глаза слепящими бликами. Отчаянно колотя зубами, Леман выбрался из трещины со второй попытки, а выбравшись и поверив в то, что увидел, со спокойной обреченностью подумал, что и первая попытка была совершенно излишней.

Капсулы не стало.

Ему не пришло в голову закрепить ее на льду, да, по правде сказать, закрепить было и нечем. Ветер оказался слишком силен. Леман предельно ясно представил себе, как ревущий вихрь играючи сдвинул с места легкосплавный шар, и тот заскользил по чисто выметенному льду все быстрее, быстрее, разгоняясь до скорости хорошего буера, перепрыгивая через малые трещины, потом пошел под уклон к краю пропасти...

Тогда он осознал, что все кончено.

Два выхода. Первый — сделать себе инъекцию «блаженной смерти». Второй — замерзнуть, до конца заставляя себя надеяться на появление спасательной команды, как на бога из машины. Если как следует

закутаться в парашют, можно, пожалуй, продержаться до ночи, но ночь — убьет наверняка. Леман принял этот вывод почти спокойно. Без тепла, без пищи, без помощи ему не дожить и до полуночи.

Он ухитрился поспать несколько минут и проснулся, вконец продрогнув. Ему приснился горячий чай. Наверное, перед самым концом приснится горячая ванна...

Ухнув в каньон, капсула, несомненно, разбилась и передатчик замолк. А если нет? Если произошло чудо и она зацепилась за какой-нибудь уступ, застряла в трещине? Мысль не давала покоя, здравый смысл восставал против нее, но терпел поражение. Если сигнал бедствия уже принят и спасательное судно вылетело (что вряд ли, но допустим...), кого найдут (если найдут) спасатели? Промороженный насквозь труп?

А в глубине каньона, наверно, тепло... Ну правильно, каньон идет почти точно с запада на восток, его дно освещено и, вероятно, прогрето. И воздух, недвижно-прозрачный над ледяной бесконечностью, дрожит над каньоном, как над чайником... Если бы можно было спуститься!

Он принял решение со спокойным отчаянием самоубийцы. Выпутался из парашюта. Приплясывая, чтобы хоть как-то разогнать кровь по жилам, часто и подолгу отогревая ладони под мышками, расстелил парашют на ледяном поле. Сложил, как умел. Едва не заоченел окончательно, в мучительных потугах пытаясь соорудить некое подобие обвязки, и в конце концов нашел приемлемое решение. Затем прижал к груди невесомый, но объемистый сверток и сомнамбулически побрел к краю каньона.

Внезапно заскользив вниз по ледяному языку, он не испугался и не удивился. На эмоции просто не осталось сил. Он перестал чувствовать холод и боялся заснуть прямо сейчас, не доскользив до конца этой

ледяной горки. Самое главное было не выпустить сверток из рук, не выпустить раньше времени, пока не начнется свободное падение, и эта последняя необходимая работа была чудовищно тяжела; он терпел ее, как преодолимую преграду перед блаженством отдыха... все равно какого. Пусть смерти. Мертвый счастлив: ему не приходится ничего делать.

В какой-то момент он почувствовал, что под ним больше нет льда. Полет? Да. Или падение — но какая разница?

Купол оглушительно хлопнул, расправляясь. Рывок был такой, что все предыдущие мучения показались досадными мелочами, но самодельная пародия на обвязку выдержала и кости остались целы. Леман даже не потерял сознание. Наоборот, грубый рывок неприятнейшим образом пнул уплывающее сознание назад в явь.

А потом Леман умудрился удивиться.

Он находился значительно ниже края каньона и, охваченный стропами, висел на одном месте в сотне шагов от отвесной каменной стены, практически не опускаясь. Иногда ему даже начинало казаться, что он поднимается. Снизу шел ровный и мощный поток тепла, воздух дрожал, но даль каньона все же просматривалась. Леман насчитал не меньше двадцати водопадов — все они начинались там, где вода с тающего ледника могла скопиться хотя бы в крохотный водоем, и тонкими струями срывались вниз. Ни один из них не достигал дна каньона, иные рушились на уступы в каменной стене, чтобы повторить прыжок, но большинство растрепывалось в водяную пыль задолго до падения на камень.

Капсулы нигде не было видно. Скорее всего, набрав скорость на леднике, она, как и он сам, была отброшена слишком далеко от стены, чтобы застрять

на каком-нибудь уступе... да и уступы чересчур узки, не застрять ей...

Стайка крылатых созданий, карикатурно похожих на птиц, проплыла далеко вниз, по удаленности Леман не смог оценить их размеры. Ага, значит, жизнь на этой планете существует не только в океанах. А коли так, можно попытаться выжить. Ведь птицы должны чем-то питаться? Должны. Допустим, рыбой. Дна каньона не видно, но по нему наверняка течет река. Как поймать рыбу — вопрос второй, а первый и главный — годится ли она в пищу человеку?

Пока не проверишь, не узнаешь.

Немного согревшись, он потянул за стропу, заставив купол скользнуть ближе к стене. Как он и ожидал, здесь оказался нисходящий поток холодного воздуха с ледника, и спуск удалось продолжить даже быстрее, чем хотелось. Мелькали неровности в скальной стене, набегали и уносились вверх узкие, невероятной длины уступы-карнизы. На некоторых медленно таяли осколки ледяных глыб, как видно, свалившихся сверху.

Неумело, но старательно управляя стропами, чтобы не шибануло о стену, Леман успел родить гипотезу о происхождении этих карнизов. Бывшие речные террасы! Только узкие. Неизвестно сколько миллионов лет река глодала камень, размывая тектоническую трещину вглубь, а расширить ее как следует оказалось ей не по зубам.

Он заметил, что дышать стало легче, — должно быть, опустился уже порядочно. Еще не до половины высоты этой чудовищной стены, но все же... С некоторых уступов десятками срывались похожие на птиц твари, напуганные скользкой по скале тенью, и начинали суетливо метаться, но не решались ни приблизиться, ни тем более атаковать, за что Леман мысленно сказал своей судьбе особое спасибо. Одна странная птица, гораздо крупнее остальных и, по-видимому, иного вида, кружи-

ла поодаль в восходящем потоке, без взмахов набирая высоту. На миг почудилось, что это не совсем птица, а скорее гибрид человека и птеродактиля. Ладно, с местной живностью разберемся потом, сейчас главное — уцелеть...

Увидев человека, сидящего на краю узкого, в полшага шириной уступа, Леман настолько оторопел, что даже не нашелся с ответом, когда человек дружелюбно помахал ему рукой и указал куда-то вниз.

Некоторое время Леман хлопал ртом, тшась разложить видение на логические составляющие. Галлюцинация? Не похоже. Мираж? Если и так, то это лишь означает, что странный субъект присел отдохнуть не на только что проплывший мимо уступ, а на какой-нибудь другой, поодаль. Так или иначе, в факте его существования сомневаться не приходится. Человек. Как видно, сильный и ловкий мужчина, раз не боится таких круч. Одет странно. Зарос дремучей бородищей, похоже, отроду не стриженной.

Что тут, примитивная цивилизация? Хм. А какая тут еще может быть? Именно примитивная. Главное, что ренегаты вроде бы никогда не считали эту планету своей. Впрочем, то же самое можно сказать о Великой Лиге...

Не важно, откуда взялись люди. Главное, они есть.

Вскоре он попал в облако, а просочившись сквозь него и вымокнув до нитки, увидел наконец дно каньона. Оно лежало чудовищно далеко внизу, там бесновалась река, белая от бурунов, и узкими зелеными полосами протянулись вдоль каменных стен уступы-карнизы. Выходит, тут есть и растительность?

Собственно говоря, почему бы нет.

Мимо первого зеленого уступа Леман промахнулся, несмотря на то что этот уступ был широк — пожалуй, шагов в пять. Зато на следующий уступ он нацелился заранее и исхитрился не только удачно

приземлиться, но и в борьбе с легким ветерком накрыть собой и тем спасти парашют. Еще пригодится. В примитивном мире и тряпочка — сокровище и булыжник — инструмент. А нож, возможно, окажется именно тем предметом, что позволит выжить среди себе подобных — мало ли, что первый абориген с виду не был агрессивным, аборигены бывают разные...

К счастью, нож имеется.

Было тепло и влажно. Под ногами росла трава, правда, незнакомого вида, но, несомненно, трава. А может, и знакомого вида. Мало ли в жизни любого пилота было планет, но какой ненормальный станет любоваться пыльной растительностью на пустырях вокруг космодромов? Сентиментальность — дурной признак. Валентин, тот был сентиментален, да. Цветики-лютики нюхал и не срывал их, а опускался на колени и тянул нос, когда думал, что его никто не видит. Вот и пропал зазря.

Сделав такое умозаключение, Леман похмыкал, затем решил, что нехорошо насмехаться над мертвыми, и перестал думать о пропавшем Валентине. Как бы самому не пропасть.

Он пощупал стену — твердая. Монолит. Можно и не ковырять ножом, все равно ничего не наковыряешь. Будь иначе, река вымыла бы настоящие террасы, а не эти полочки шириной с тротуар в захолустном городишке. В петрографии Леман был не силен и тип горной породы не определил.

Куда двинуться — направо или налево? Кажется, налево карниз немного расширился, и Леман, взвалив на плечо невесомый тюк, избрал именно это направление. Если там не удастся встретить людей, то хотя бы есть надежда найти достаточно широкую площадку, чтобы грамотно сложить парашют перед следующим прыжком...

Первого человека он встретил через полчаса ходьбы, совершенно неожиданно столкнувшись с ним нос к носу. Увидеть его издали помешал водопад, оседающий на уступ водяной пылью. Человек шел навстречу, прижимаясь к серой скале, и был одет в кожу, тоже серую и весьма ладно скроенную. Длинная черная борода была заплетена в косички, напоминающие крысиные хвостики.

— Привет, — сказал Леман от неожиданности.

— И тебе привет, — отвечивал абориген на сносном интерлинге, по виду несколько не удивившись. — К нам?

На всякий случай Леман кивнул.

— Сверху?

— Сверху.

— Ну и как там наверху?

— Сносно, — машинально ответил Леман, изумившись идиотскому вопросу.

Абориген прикоснулся к парашюту корявыми пальцами, пощупал ткань и неодобрительно пошевелил косичками бороды.

— Я видел, как ты летел, — сообщил он. — По моему, ты издалека. Не знаю, где летуны летают на таких штуках, а у наших в ходу крылья. Гораздо удобнее. Наверно, на этом можно только сверху вниз, да?

— В основном да, — сказал Леман, вспомнив о восходящем потоке. Но ведь там он не поднимался, а просто висел.

— Лучше выменяй эту штуку на настоящие крылья, — посоветовал абориген. — Эту ткань лучше на одеяла пустить, если набить чем-нибудь, хорошие выйдут одеяла. Только здесь не сменяешь, у нас сейчас летунов нет... Или ты к нам насовсем?

— Не знаю, — честно ответил Леман. Голова у него шла кругом. — Как получится.

— Ну смотри. — И абориген, по-прежнему держась стены, прошел мимо и исчез в водяной пыли.

Несколько секунд Леман очумело размышлял, не следует ли ему догнать странного субъекта и попытаться выжать из него побольше информации, затем решил отказаться от этой идеи. Как ни велико нетерпение, осваиваться в незнакомом мире нужно постепенно. «К нам насовсем» — уже куча информации. Раз спрошено насчет «насовсем», значит, здесь можно жить и выжить. А «к нам» означает, что этот одетый в кожу типчик с косичками на физиономии живет здесь не один и, по-видимому, давно. Жить на уступе... бр-р... И еще бывают какие-то летуны...

Под ноги по-прежнему стелилась трава — очень однообразные зеленые метелки, произросшие на скудном субстрате. У самой стены трава не росла — похоже, поколения ходоков набили здесь тропинку, довольно неудобную. Значит, живут люди... Чего это они ходят вдоль стены подалее от обрыва? Все поголовно страдают боязнью высоты?

Леман подошел к краю, плюнул вниз и посмотрел, как плевок канул в дымку. Страх не было. Может, конечно, он разовьется со временем...

— Эй! — донеслось сзади.

Он обернулся. В занавесе из водяной пыли кривлялась радуга, а под ней стоял все тот же абориген. Косички его бороды намокли, с них капало, как со сталактитов.

— Эй! Тропинку видишь?

— Да, — сказал Леман. — А что?

— Ничего. Будешь спать — не ложись близко к краю.

Дана вводная: ты попал в чужой мир, имея при себе лишь парашют, нож да собственную одежду. В кармане нет даже зажигалки. Ты не спал и не ел больше суток. Твои действия?

С подобными задачами Леман в последний раз сталкивался еще в свою бытность курсантом на сдаче обязательного минимума по курсу индивидуального выживания. Экзамен проводился на имитаторе. Экзаменуемому последовательно доставались виртуальные джунгли, виртуальная пустыня и виртуальное болото. Считалось, что этого в общем достаточно, чтобы худо-бедно научиться выживать в любой природной зоне любой планеты, включая вулканические поля Бестии и сочащиеся отвратительными газами водорослевые острова Амбрии. Но такой дурацкой ситуации, как эта, не предусматривал никакой тренажер.

Человеческая цивилизация на самой линии фронта! Неизвестная командованию! С ума можно сойти. Неудобная, никому не нужная планета с ничтожнейшей площадью, пригодной для жизни, а вот поди ж ты — и тут живут. На уступах шириной в один хороший прыжок. Над абиссалью. Приспособились. Наверно, местные мамы, укачивая младенцев, с особенным чувством поют им «баю-баюшки-баю, не ложися на краю...».

И этот с косичками о том же предупреждал. Взять бы его за косички да выпросить в подробностях, откуда у него такая забота о ближнем...

Леман прошел мимо углубления в стене — как раз в размер скорчившегося человека. Должно быть, кто-то пытался выдолбить здесь нишу, убил уйму труда и не преуспел в задуманном. Зачем долбил — покрыто мраком.

Уступ достигал теперь, пожалуй, шагов десяти в ширину. Довольно скоро Леман нашел кучку камней. Очень аккуратную кучку, сложенную у самой стены. Обходя ее, тропинка делала маленький крюк. Только сейчас Леман обратил внимание на то, что прежде ему не встретилось ни одного валяющегося булыжника, а ведь должны же они время от времени падать сверху,

несмотря на монолитную прочность стен! Значит, здешний люд просто-напросто собирает камни в такие вот кучки, то ли потому, что они здесь зачем-то нужны, то ли оттого, что они совсем не нужны где-то в другом месте...

Вот как! Он, оказывается, шел через поле! И эти скромные метелки травы, что он так лихо топтал, по всей видимости, не что иное, как питательные злаки! Тогда почему абориген с косичками не наорал на него, не попытался побить? Или он не крестьянин?.. Ничего не понятно.

Поле с зеленой травкой кончилось — началось другое, с толстыми изжелта-бурыми колосьями, почему-то стелющимися по земле. Ага, значит, местные собирают несколько урожаев в год. Оно и понятно: солнца и воды злакам хватает с избытком, а на самом дне этого просвеченного насквозь каньона вообще, наверно, страшная жара...

Уступ больше не расширялся, но и сужаться пока не собирался. Теперь в распоряжении путника имелись две тропинки: одна по-прежнему прижималась к скальной стене, вторая шла по самому краю уступа. Несмотря на предостережение, Леман ее и выбрал, здраво рассудив, что какие бы чудики здесь ни обитали, вряд ли они станут тропить пути в действительно опасном месте. Закон жизни примитивен: либо обитателям присущ инстинкт самосохранения, либо нет ни инстинкта, ни обитателей, а третьего не дано.

Шум реки был едва слышен. Сколько до нее по вертикали — наверно, километра два-три? Леман еще раз попытался увидеть дно каньона, но разглядел лишь следующий уступ в сотне метров внизу, оценил неровности в стене, вероятно, достаточные для хорошего скалолаза, и пробормотал «шайсе». А еще через четверть часа ходьбы он увидел людей.

Их было человек сто, включая древних стариков и грудных младенцев. Леман неспешно приблизился, не без брезгливости рассматривая скудную утварь аборигенов. Н-да... Назад к природе. Еще не каменный век, но уже далеко не индустриальный. Типичная сельская община. Вон и огороженная каменной стеночкой компостная куча, она же общее отхожее место, судя по амбре. Видать, зреет единственно доступное удобрение для местных злаков. Совсем люди опрimitивели. По лицам вроде не скажешь, что вырождаются, да разве в лицах дело? Пожалуй, лишь одежда из серой кожи на них хороша. Удобна, а на женщинах вон даже украшена вышивкой... Откуда такая кожа?

Он был начеку. От примитивных сообществ можно ожидать чего угодно, включая человеческие жертвоприношения и людоедство. А также сдирание кожи с пришлых чужаков на нужды местной кожевенной промышленности. Что ж, если нападут все разом, он попытается набросить на них парашют на манер сети гладиатора-ретиария, а потом пустит в дело нож...

Первыми обратили на него внимание дети. Стайка голопузой малышни обступила его семенящим кольцом, но кольцо не мешало идти, не галдело и не задавало вопросов. Самый смелый паренек пощупал ткань парашюта и тотчас отступил, поймав настороженный взгляд. Взрослые вели себя сдержаннее, и если бы не оскорбляли зрение своим видом, ничего лучшего нельзя было бы и желать. Кто-то спал. Кто-то усердно мочалил камнем солому из местных злаков, по-видимому, намереваясь отделить волокна и сплести из них веревку. Морщинистая старуха, греющаяся на солнышке, проводила Лемана внимательным взглядом. Двое мужчин скребли кожу осколками кремня, а третий — грубым железным скребком, достойным украсить археологическую коллекцию. Поодаль нагая женщина купалась под водопадом.

Идиллия...

Первобытная. Рай троглодитов.

Было в этом что-то от сна с нелепым сюжетом. Захотелось ущипнуть себя и проснуться на Базе... скажем, во время предполетного инструктажа. И пусть полковник Балуев, штабная задница, заметив разгильдяя, намылит разгильдю холку...

Один из мужчин, смуглый тип с выгоревшими до белизны волосами и огромной вислой папилломой, украшавшей правое веко, бросил скрести кожу, приблизился и протянул руку:

— Радхакришнан.

— Леман.

— Издалека? Впервые у нас?

Леман кивнул. Мужчина удовлетворенно хрюкнул.

— То-то я тебя здесь раньше не видел... Ну располагайся, отдохни. У нас хорошо. А если решишь совсем остаться, вряд ли кто возразит, нам летуны нужны... Ты ведь летун?

— Вроде того, — уклончиво ответил Леман. — А ты здесь старший?

— Я-то? — Радхакришнан рассмеялся. — Вон Марта, пожалуй, у нас старшая, ей за девяносто. Ну ты насмешил... Погоди, а это что у тебя такое?

— Парашют.

— Вроде крыла, да? Дай-ка его сюда. — Сказано было властно. — Давай, давай. Лететь тебе сейчас все равно нельзя. У Аниты мальчишка в лихорадке, укутать надо, а кож мало.

Секунду Леман боролся с собой, затем, решив не перечить, нехотя отдал парашют. Вполне вероятно, этот Радхакришнан не кто иной, как вождь племени, если не официальный, то, во всяком случае, реально признанный, и имеет власть приказывать. Сделал вид, что не понял насчет старшего — хм! Да назови он себя князем, царьком, сатрапом, ярлом, базилевсом или паханом — какая разница! Вождь есть вождь, как бы

он ни назывался, пусть даже ничтожнейшим среди ничтожных, если у окружающих одна и та же мания. Уже то хорошо, что не попытались убить чужака. Режим здесь, похоже, либеральный...

Интересно, почему нельзя уйти от них прямо сейчас? Чего проще — сложил парашют, разбежался и сиганул. Попробовав раз, входишь во вкус, во всяком случае, перестаешь пугаться. Можно спуститься на уступ ниже, а можно попытаться поймать достаточно сильный восходящий поток, чтобы подняться вверх...

Не то чтобы Леману хотелось это сделать, но запрет слегка задел за живое. Либерализм, но с принуждением?

В любом случае надо сначала осмотреться, а потом уж показывать когти. Если понадобится.

Назвавший себя Радхакришнаном не вернулся — отдав парашют одной из женщин, тут же принявшейся кутать ноющего ребенка, вновь принялся скрести кожу. Больше никто не подошел. Леман ловил на себе заинтересованные взгляды, и только. По правде говоря, не чрезмерно заинтересованные. Может, по местным обычаям, от чужака требуется какое-то специальное приветствие или иное ритуальное действие? Нет, не похоже...

Ясно, что гости на этот уступ иногда заходят. Залетают, а может, и заползают, если они хорошие скалолазы. Не чересчур часто, по всей видимости, не каждый день, но и не слишком редко, потому и не вызывают удивления. Такое впечатление, что гость может вести себя так, как ему вздумается, лишь бы не раздражал хозяев...

Он решил на эксперимент. Подошел к компостной куче, на ходу расстегивая комбинезон — аборигены немедленно перестали смотреть в его сторону. Ага,

понятие об интимном еще не растеряли... ну и ладно. Леман без толку постоял над кучей, застегнулся.

Интересно, а поесть дадут?

Он огляделся. Никто уже не обращал на него внимания. Нагая купальщица, женщина явно не первой молодости, вышла из-под водопада, неспешно и, как показалось Леману, напоказ, обтерла тело комком какой-то ветоши и, небрежно драпируясь на ходу в подобие грубой туники, продефилировала мимо. В одежде она выглядела лучше.

— Эй! — негромко позвал Леман.

— Да? — Женщина остановилась. Лишь легкое любопытство нарушало безмятежную доброжелательность ее лица.

— Прошу прощения, я тут не здешний...

— Я вижу.

— Словом, где бы мне раздобыть поесть?

Женщина наклонила голову набок и несколько мгновений пристально изучала чужака.

— Сильно голоден?

Леман только кивнул. Рот моментально наполнился слюной, кадык непроизвольно дернулся.

Женщина молчала. По-видимому, кормить чужаков задаром здесь было не принято. Значит, не совсем дикари, подумал Леман, хмыкнув про себя, значит, не так уж безнадежен этот мир...

Он разделил комбинезон на штаны и куртку, переложил нож в карман штанов, а куртку протянул женщине.

— Годится в уплату?

Женщина долго изучала ткань и покррой, вертя куртку так и этак, покачивая головой и временами удивленно присвистывая.

— Плохая одежда, — определила она наконец. — Но одной сытной кормежки стоит. Жди, я принесу.

Еда оказалась на удивление вкусной — холодная каша из зерен уже знакомых злаков, сдобренная прямой травой, с кусочками незнакомого мяса. Да еще ковш напитка, в котором Леман опознал пиво — странное на вкус, но, несомненно, пиво. И неплохое! Леман почмокал губами. Кой черт неплохое — отменное! Да за один рецепт этого пива любой пивовар из тех, кто сбывает свою продукцию поближе к военным базам, без колебаний заложит шакалью свою душонку и последние штаны в придачу! Узнать бы рецептик да не продешевить...

На миг Леман даже испугался мысли, что спасательная команда подберет его раньше, чем он узнает рецепт, но быстро опомнился. Какая такая спасательная команда? Капсула погибла, это ясно, и вряд ли его найдут без радиомаяка. Станут ли заглядывать в каждый каньон, обшаривать каждый уступ? Вряд ли. Еще рано терять надежду, но и слишком обольщаться тоже не стоит.

— Доволен? — спросила женщина.

— У-мм, — сказал Леман. — Неплохо. А пиво просто божественное.

— У вас что, религиозная община?

— Нет. А у вас?

— И у нас нет. Радхакришнан — тот немного проповедник, даже имя себе сменил, вообще-то его Михаем зовут, но не хочешь его слушать — пожалуйста. Не заставят и не прогонят. Уступчивость превыше всего, верно?

На всякий случай Леман кивнул.

— Я спросила только потому, что ты сказал «божественное». Станный оборот. Откуда ты?

— Издалека. — Леман решил не уточнять.

— Это я и так вижу. Говоришь с акцентом. Одежда у тебя такая, что сопреет за год. В твоих краях так шьют, да? У вас что, птицекрылов нет?

— А у вас? — спросил Леман.

— Сколько угодно. Как везде. Птицекрылы только Сумрачных уступов не любят, но ведь там никто и не живет... Или ты все-таки оттуда?

— Нет. Сумрачные уступы — это где?

— Везде, куда солнце не заглядывает. У вас не так, что ли? У нас-то каньон хороший, три урожая в год снимаем. Сам видишь, сколько тут людей. А на нижних уступах еще больше.

— А на верхних?

— Верхний жилой над нами всего один, ты разве не видел? Выше него плохие уступы: и узко, и холодно. Там только охотники иногда бывают, но они ведь летуны, им там не жить. — Женщина посмотрела на него испытывающе. — Странный ты все-таки... Прости, но я должна спросить: у тебя с головой все в порядке?

Леман кивнул.

— Послушай, я не навязываюсь, — сказала женщина, помолчав. — Не хочешь рассказать о себе — твое дело. У нас обиход понимают, неуступчивых нет. Ты к нам надолго?

— Не знаю. Как получится.

— Если тебе нужна твоя куртка, возьми ее обратно. Ты можешь рассчитаться за еду другим способом. Понимаешь, мой последний мужчина ушел к верхним, и у меня уже давно не было мужчины...

Леман подавился куском.

— Ты серьезно?

— Я всегда серьезно. Между прочим, меня зовут Идрис. Так что: да или нет?

— Еще не знаю, — пробормотал он. — Вот так, сразу...

— А у вас это бывает не сразу? — фыркнула Идрис. — Слушай, откуда ты такой чудной явился? Тебе нужно время, чтобы понять, хочешь ты переспать с

женщиной или нет? Если да, ты спишь под моим одеялом. Если нет — спишь один, и никаких обид. Какое я имею право мешать тебе мерзнуть без твоего согласия?

— Я... кха! — Леман наконец заглотнул застрявший кусок. — Можно я дам ответ позже, ладно? Ты только не обижайся...

Женщина расхохоталась:

— Нет, ты правда чудик. Кто же на это обижается? Смешной ты...

Леман решил:

— Ты, случайно, не знаешь, где можно найти хороший передатчик?

— У нас. — Идрис ничуть не была удивлена.

На этот раз Леман поперхнулся остатками пива.

— Где?!

— Да вон он ползет.

Оставив без внимания дикий глагол, примененный к передатчику, Леман вскинул голову, вглядываясь туда, куда указывала рукой Идрис. Сверху, временами несильно стучаясь о скалу, спускалась на веревке большая плетеная корзина. Один из разнежившихся на солнышке бородатых бездельников нехотя взгромоздился на ноги и пошел принимать груз.

— Это и есть ваш передатчик? — Леман постарался не выдать горечи.

— Ну да. Не карабкаться же с грузом с уступа на уступ, а на летуна много ли навьючишь? У нас с верхними хороший передатчик, совсем новый. Тебе ведь хороший нужен? А тот, что с нижними, будем подновлять, как только снизу прутья получим, а то как бы дно не отвалилось. На самом нижнем уступе хороший лозняк растет, не будь его, пришлось бы передатчики из соломы плести, а разве солома порядочный груз выдержит? Сам прикинь.

Леман мысленно обругал дикарей, а заодно ни в чем не повинную науку семантику, отколовшую такой фортель. Оказывается, речь шла всего лишь о меновой торговле! Зря раскатал губу, зря сердце пропустило такт...

— А ваш уступ чем торгует? — спросил он.

— Зерном, веревками и горным воском. Ну и транзит идет, само собой. Сверху — кожи, перепонки, а то и яйца птичекрылов, если охота удачна; снизу — и не перечесать всего. Фрукты оттуда хороши, рыба, ну и, понятно, изделия... На третьем снизу даже кузница есть.

Дать бы ей в лоб, да что толку? Ясно было одно: о настоящем передатчике, равно как и о сигнале бедствия, дикарка не имела ни малейшего понятия. Леман встал, поблагодарил кивком головы. Во рту остался горький привкус.

Дана вводная: ты попал в чужой мир, населенный людьми, которые называют корзину передатчиком. Твои действия?

Первым действием Лемана была прогулка за водопад. Ничего интересного там не оказалось: уступ вновь начал сужаться, пока не превратился в узенький карниз, куда и ступить-то было страшно. Возможно, дальше он снова расширялся, но Леман решил пока не рисковать. Да и что можно найти на смежном уступе — еще одно полудикое племя? Спасибо, в другой раз.

Назад Леман шел исполненный решимости. Поверхностная разведка, можно считать, произведена, выявила неизбежные трудности, но выявила также и то, что выжить здесь можно, а значит, хватит распускать нюни! Всему ему, от носа до пятки, не говоря уже о самой тупой мозговой извилине, понятно, что помощи извне ждать не приходится. Капсула сгнула,

и маячок не тревожит эфир. Вопрос: что из этого следует?

Только одно: надо любой ценой дать знать о себе на Базу и потребовать эвакуации. Он пилот, а не дезертир и в военное время не собирается греть пупок на здешних уступах. И сеять злаки, и варить пиво он тоже не собирается. А то, что местным это по душе, его не касается. Главное, что тут прижилась какая-никакая цивилизация, а это, с какой стороны ни взгляни, колоссально облегчает задачу. Не может быть, чтобы у аборигенов нигде не нашлось хотя бы одного передатчика, не являющегося корзиной! Не на этой же бросовой планете их предки произошли от обезьян, а прилетели откуда-то в давние времена, стало быть, какие-то осколки настоящей техники могли сохраниться. Где — вот вопрос. Похоже, этого не знают и местные...

Зато узнает он. Разумеется, нет нужды искать наугад, ползая по всем уступам всех каньонов, сколько их тут... На это не хватит всей жизни. Видно, придется все-таки переспать с этой блудливой бабой, как ее... Идрис, что ли? Издержки контакта, так сказать. От нее он узнает главное, через нее он войдет в местное племя на правах равного и очень, очень скоро станет вождем. Иначе просто не может быть. Кто может помешать достижению намеченной цели — местные беспечные лежебоки, притулившие к скале свой смехотворный раек, похожий с высоты на корочку плесени? Вырожденцы, забывшие, что такое служба и дисциплина? Ха! Им придется это вспомнить!

Задача не трудна, если знать, как за нее взяться. С помощью Идрис он подыщет себе сторонников, крепких молодых парней, тяготящихся авторитетом старших, и в обмен на безусловную преданность подымет их над инертной массой остальных. Он будет суров, но справедлив. Если именующий себя Радхакришна-

ном действительно не лидер, а всего лишь проповедник и если он согласится подчиниться, он может оказаться полезен, в противном же случае улетит в пропасть вниз головой. И все несогласные последуют за ним. Да. Леман на ходу ударил кулаком по каменной стене. Да, так и будет. Этих — не жаль. Люди, дошедшие до такой, с позволения сказать, жизни, вряд ли сохранили право называть себя людьми, ибо настоящие люди не первое столетие сражаются и умирают за Лигу — между прочим, рядом с их паршивым мирком! А когда на уступе воцарится настоящий порядок и настоящее почитание вождя, шансы найти на этой планете что-нибудь вроде передатчика увеличатся стократно! Вместо того чтобы с риском сорваться ползать по кручам самому или летать на каких-то идиотских крыльях, он начнет посылать экспедиции. Наверняка где-нибудь на дне самого глубокого каньона спрятан ржавый звездолетишко, некогда доставивший сюда первопоселенцев, а если вдруг окажется, что на него наложено табу — что ж, придется уничтожить местные суеверия...

Между прочим, задачу можно и нужно расширить! Почему это стратеги Лиги сочли планету бросовой? Ничуть она не бросовая, а наоборот, находится именно там, где нужно, имеет возобновляемый резерв неквалифицированной рабочей силы, и если подойти с умом, дабы устроить ренегатам неприятный сюрприз...

Додумать мысль не удалось. Воздух, минуту назад столь прозрачный, что Леман без труда мог сосчитать уступы на противоположной стене каньона и даже разглядеть черные точки людей, внезапно потемнел. Огромная гудящая туча насекомых, заняв собою весь каньон от стены до стены, стремительно неслась куда-то на восток. Похожие на птиц создания прорезывали тучу наподобие черных молний — то ли охотились, то ли, что вернее, спасались вместе с тучей от неведомо-

го бедствия. Вот одного из птицеподобных закрутило, ударило о скалу, понесло дальше смятым комком...

На всякий случай Леман перешел на бег.

Первый шквал настиг его у водопада, едва не швырнул ничком и заставил пробежаться так, как не снилось спринтеру-рекордсмену. По спине и затылку преобильно застучали насекомые, сразу отбив всякую охоту оборачиваться. Вихрь сдул растрепанную бороду водопада, и стало видно, как люди, только что занимавшиеся своими обыденными делами или мирно дремавшие, спешно образуют тесный, прижатый к скале полукруг. У самой скалы оказались женщины, дети и старики, присевшие на корточки, пригнувшие головы, сцепившиеся локтями в живой шевелящийся монолит, со всех сторон прикрытые мужчинами, также сцепившимися в какое-то нелепое подобие пчелиного роя. Со всех ног бежал к рою давешний косичкобородый знакомец, наклонившись к ветру под невыслышимым углом.

— Чужак, скорее! — долетел крик Идрис. — Сейчас начнется!

Повторять не было нужды — Леман уже понял, что надвигается буря, такая же, как та, от которой он прятался в ледниковой трещине, но бушующая в каньоне, как в аэродинамической трубе, и оттого более страшная. Второй шквал, куда сильнее первого, поднял его в воздух и швырнул на копошащуюся кучу людей. Леман сейчас же вцепился в чью-то одежду, в уме похвалив аборигенов за шитье из кож — любую тряпку сразу разорвало бы. И любого одиночку сдует с уступа, как пушинку, спастись можно только так, всем вместе... Дикари дикарями, но в примитивном здравом смысле им не откажешь...

Кто-то ударил его по руке, впился жесткими пальцами в запястье, силясь оторвать чужака от человеческой кучи. Это был косичкобородый. Леман попы-

тался лягнуть его и еще успел изумиться, как в первое мгновение изумляется всякий человек, неожиданно получивший удар в лицо от незнакомого прохожего, — но тут буря обрушилась по-настоящему, и изумляться стало некогда.

Вряд ли удар стихии длился больше пяти минут, но Леману они показались часами. Дважды его поднимало в воздух и мотало, словно нитку перед вентилятором, дважды онемевшие перетруженные пальцы готовы были разжаться; временами он повисал горизонтально, не в силах вобрать в легкие хоть капельку взбесившегося воздуха, удивляясь тому, что еще жив, не оторван от человеческой кучи, и кто-то — Леман знал кто! — продолжал при любой возможности бить его по рукам, пытался отжать намертво вцепившиеся пальцы...

Буря унеслась, не причинив бед. Один миг пронзительной тишины — и человеческая куча рассыпалась, слышались шутки и смех. Но сейчас Леман меньше всего был готов веселиться.

Его хотели убить! Подло, без предупреждения! И мерзавец наверняка объяснил бы его смерть силой бури и неумением чужака как следует цепляться...

Распираемый яростью, он очутился со своим противником лицом к лицу.

— Ты... — начал косичкобородый.

— Гад! — рявкнул Леман, помогая плечом стремительному полету кулака к физиономии негодяя.

Удар был хорош — косичкобородый впечатался в стену и, замычав, обхватил руками голову. Вовремя вспомнив о его соплеменниках, с трудом подавив горячее желание продолжить расправу с неудачливым убийцей, Леман нащупал в кармане нож. Кинутся — пусть пеняют на себя.

Никто не кинулся. Молчали, смотрели. Из ниши в скальной стене с кряхтеньем выбиралась старуха с

двумя спеленутыми младенцами на руках, недоумевающая, отчего мамыши не заберут у нее своих чад... Лишь один мальчонка лет двенадцати приблизился на несколько шагов и, очень серьезно глядя Леману в глаза, произнес писклявым дискантом:

— Не ложись спать на краю.

— Не ложись на краю, — поддержал Радхакришнан.

Остальные закивали.

— Не ложись спать на краю.

— Не ложись...

Косичкобородый отер кровь и поплелся прочь, по виду начисто забыв о Лемане. Мало-помалу разбрелись кто куда и его соплеменники. Молодая мать принялась кормить хнычущего младенца. Двое мужчин расстелили свертки невыделанной кожи и вновь принялись их скрести. Задержалась лишь Идрис:

— Ты симпатичный, но... не ложись на краю.

— Шайсе! — прошипел Леман, дергая щекой. — Тут у вас что, одни психи? Хоть ты мне объясни — что это значит?

— Уходи, — сказала Идрис. — Странно, что взрослому мужчине приходится объяснять такие вещи. Лучше уходи прямо сейчас, иначе подкараулят и спихнут с уступа. Я сама спихну. Удовольствия никакого, но надо же с тобой что-то делать...

Леману снился чудесный сон: ударная эскадра противника, развернутая в боевой ордер, преследует отходящие к Базе растрепанные остатки флота Лиги, еще огрызающиеся огнем, пытающиеся контратаковать, но уже безнадежно проигравшие сражение. Эскадренные дестроеры, крейсера, чудовищные линкоры ренегатов — и все это нацелено на развитие успеха, на прорыв к Базе и уничтожение всего и вся. Мутно-голубой шарик никчемной планетки на траверзе — кому до него есть дело?.. Но со дна глубочайших каньонов

единственного материка неожиданно для противника вырываются стаи вертких истребителей, тысячи управляемых ракет, сокрушительный удар разваливает ордер противника надвое, свежие силы Лиги наваливаются со всех сторон, битва превращается в свалку, затем в побоище, и вспыхивают, вспыхивают нестерпимым светом гибнущие корабли ренегатов, посмевших когда-то отделиться от Великой Лиги! Смерть и разрушение! Планетка-то отнюдь не бросовая... Космодромы подскока в ее каньонах — что может быть проще?

Просыпаться после такого сна не хотелось совершенно, и Леман, приоткрыв глаза и сообразив, где он находится, сейчас же вновь сомкнул веки, надеясь досмотреть сон. Как назло, сюжет сна не захотел развиваться в желательном направлении, а потом сон и вовсе куда-то пропал. Зато с особенной ясностью вспомнились вчерашние события: как ему посоветовали не спать на краю и Идрис разъяснила, что это значит, и как он, не пожелав смириться с приговором, настойчиво вызывал на честный бой любого желающего, но никто не откликнулся, и как он ударил еще кого-то, а затем еще, и швырял им в лицо грязные оскорбления — без всякого толку, ибо местный народец теперь уже окончательно потерял к нему какой бы то ни было интерес. Он мог кричать сколько ему хотелось, он мог всласть бить аборигенов, отнимать у них пищу — а они только отворачивались и не желали иметь с ним дела. Но они не желали и подчиняться, вот что бесило сильнее всего, а еще беспокоила туманная опасность в ближайшем будущем — Леман ясно ее почувствовал, когда Радхакришнан, сплюнув вместе с кровью выбитый зуб, спокойно, будто ничего не случилось, второй раз посоветовал не спать на краю.

Ночь упала быстро, и этой ночью Леману пришлось уйти. Только сумасшедший рискнул бы остаться на уступе шириной в несколько шагов, где так просто подкрасться к человеку в темноте и как следует толкнуть. И где будущему вождю так трудно, а вернее, попросту невозможно найти телохранителей...

По счастью, веревка «передатчика», примотанная к крупному обломку скалы, никуда не делась — стометровый спуск в кромешной темноте по одним лишь неровностям отвесной стены был бы чистым безумием даже для опытного скалолаза. Леман не знал, остался ли незамеченным его уход, и старался не думать о том, что аборигены могут перерезать веревку. Он вздохнул спокойно, только коснувшись ногой уступа — уже третьего сверху. А сколько их всего? Десять?.. Двадцать?..

Стараясь не спотыкаться о спящих, Леман отошел на порядочное расстояние, разумно держась скалы. Там, где уступ едва достигал трех шагов от стены до пропасти, он свернулся калачиком на голом остывающем камне, пожалел о том, что в своем бешенстве забыл забрать назад куртку и парашют, подумал, что завтра придется начать все сызнава на новом уступе, учтя ошибки минувшего дня, и уснул.

Чудесный сон так и не вернулся. Утреннее солнце согрело озябшее тело, стало даже жарковато. Леман с хрустом потянулся всем телом, окончательно разлепил веки и заморгал в растерянности — перед ним на корточках сидел Валентин.

— Ты?.. — только и выговорил Леман.

Валентин сдержанно улыбнулся.

— Узнал? А мне говорили, что я здорово изменился.

— Не очень, — почти не соврал Леман. — Ну, то есть, загорел, конечно, здорово, да и одежда эта кожаная... На местного похож.

— А я и есть местный. Вот, сегодня с утра залез сюда, а мне и говорят: появился, мол, нездешний человек, спит. Я и решил посмотреть. Так и знал, что когда-нибудь встречу знакомого.

— Ты здесь живешь? — спросил Леман.

— Я нигде не живу. Я путешествую. Собственно, мне надо наверх...

— Ищешь связь с Базой?

— Когда-то искал, — кивнул Валентин. — А только нет здесь никакой связи с Базой и не будет. Ты мне поверь.

Леман недоверчиво покачал головой.

— Тогда чего ради ты скалолазом заделался? От скуки, что ли?

— И это тоже, — усмехнулся Валентин, — хотя сейчас я не просто так, а с поручением. Я сват. На втором уступе нехватка молодых мужчин, вот я и хожу с известием: кто хочет переселиться, пусть поспешает. Девушки что надо, место тоже неплохое, хотя и не по мне: жарковато, и река чересчур шумит. Если я когда-нибудь осяду на одном уступе, то уж никак не ниже шестого. Да вот здесь хотя бы — чем не жизнь?

Вопрос был явно риторическим, но Леман решил все же выразить свое отношение к перспективам жизни на уступе — и выразил, отправив смачный плевок за кромку обрыва.

— Зря, — сказал Валентин. — Попадешь еще в кого-нибудь там, внизу. Зачем это тебе? А здешние увидят — могут и посоветовать не спать на краю, даром что ты новичок.

— Они уже поняли, откуда я? — Леман вытаращил глаза.

— Не считай их идиотами. Прекрасно поняли. Только их это не интересует.

— Если уже посоветовали — что, в самом деле попытаются спихнуть?

Валентин только кивнул в ответ.

— Это подло — исподтишка! — прошипел Леман, сжимая кулаки.

— Подло быть такой скотиной, чтобы людям захотелось от тебя избавиться, — возразил Валентин. — И избавятся, не сомневайся, если, конечно, вовремя не удерешь. Сверхбдительности надолго не хватит, и надо же когда-нибудь спать.

Помолчали.

— Тут что, никаких законов нет? — без особой надежды спросил Леман.

— Абсолютно. Сам понимаешь, нет и принуждения. Зачем оно? Есть единственно возможный способ жизни на этих уступах, и он, поверь мне, охраняет себя лучше любой полиции. Да ты сам подумай: разве закон, запрещающий, например, убийства, сработает там, где убить человека легче легкого? Будь здесь хотя бы один уступ шагов в пятьдесят шириной — тогда, конечно, другое дело... Да вот беда, — Валентин негромко засмеялся, — нет у нас таких. Ни одного.

— И все населены?

— Почему все? Есть опасные уступы, куда часто падают сверху ледяные глыбы. Там никто не живет, разве что летуны прилетают туда охотиться. Есть уступы, где невозможно защититься от ветра. Есть сколько угодно сумрачных уступов, не освещаемых солнцем, правда, в нашем каньоне таких почти нет. Наконец, есть слишком узкие уступы, где трудно заниматься земледелием или промыслом.

— Там тоже никто не живет? — спросил Леман.

— Иногда живут отшельники, — нехотя сказал Валентин. — Знаешь, есть такие... неуступчивые. Великие индивидуалисты, непризнанные гении, а то и попросту неисправимые склочники. Но их немного. Жить-то хочется, вот и живут. В одиночку. Только в одиночку у нас не особенно выживешь... ты уже по-

нял, да? В конце концов они либо гибнут, либо возвращаются на какой-нибудь населенный уступ и пробуют начать сначала.

— А если и там проявят неуступчивость? — ухмыльнулся Леман, но ухмылка вышла растерянная.

— Или приспособятся, или уйдут снова. Кому охота бояться спать у края?

Леман облизнул пересохшие губы.

— Как же жить — без законов?

— Очень просто. Например, ты летун и изготовил себе крылья, то есть складной балансирный планер из перепонки птичекрылов, прутьев, нитей и горного воска. Или выменял на что-нибудь, это совершенно не важно. Планер — твой. Но если кто-нибудь попросит тебя одолжить его, чтобы навестить приятеля, живущего на той стороне каньона, а у тебя нет чрезвычайно веской причины для отказа, ты должен пойти ему навстречу и предоставить планер, иначе у просящего появится повод для обиды. Сам понимаешь, тех, кто живет с тобой на одном уступе, лучше не обижать...

— А если он разобьет планер? — перебил Леман.

— То скорее всего погибнет при этом сам, а с мертвого взятки гладки. Если же он приведет планер в негодность, а сам останется жив и здоров, то он обязан компенсировать тебе потерю, иначе уже ты получишь законное право на него обидеться...

— И спихнуть с уступа?

— А почему нет? В любом случае, если люди тобой единодушно недовольны, а ты настолько глуп, что не видишь этого, полета не миновать. Только до крайностей дело доходит чрезвычайно редко. И вовсе незначительно убивать, если достаточно просто не помочь. Ты видел, каковы у нас бури. В спорных случаях иногда прибегают к суду старейшины уступа, но его решения вовсе не обязательны к исполнению. Скорее это ре-

комендации, как проще уладить конфликт. А самое главное в другом. Когда человек с младенчества воспитывается в твердом убеждении, что за нанесенную соседу обиду может запросто улететь в пропасть, неуступчивость у него как-то проходит сама собой. Понятно, за подростками приходится присматривать, чтобы не натворили глупостей, делать им небольшие скидки на возраст, но ведь так везде и всегда... Будь уверен, за поломанную вещь ты получишь компенсацию, превосходящую стоимость вещи. Только не вздумай требовать. Сами дадут. Тот, кто пользуется твоим планером, рассчитается с тобой и за простой износ, работой или подарком, или это сделают его родственники, если, конечно, захотят горбатиться за неуступчивого. Я привел тебе самый простой пример, но общий принцип универсален, что бы ты ни делал — скажем, засеял поле или собрался вступить в брак. Уступчивость — это у нас не каламбур и не всеобщий девиз, а единственно разумный способ жизни.

— А кровной мести у вас не бывает?

— Совсем редко. Последний такой случай произошел лет сто назад и не в нашем каньоне. Обычно и до ликвидации обидчика дело не доходит — достаточно намекнуть ему, чтобы не спал у края. Это такая форма предупреждения неуступчивым и заодно изощренное оскорбление. Предупрежденные обычно понимают правильно.

— И что?

— Либо стараются загладить вину, либо уходят с уступа. Проще загладить.

— Иначе спихнут? А если без долгих слов разделаться с предупредившим?

Валентин вздохнул.

— Хорошо, что ты спросил об этом меня, а не кого-нибудь другого... В этом случае, парень, у тебя вооб-

ще нет никаких шансов. Уйти с уступа тебе не дадут, это точно. Только повышенной скоростью и по нисходящей параболе...

— У меня в первый же день отобрали парашют, — мрачно сказал Леман. — Сказали, чтобы укутать больного.

— Это другое дело. Надеюсь, ты не очень сопротивлялся? Впрочем, ясно, что не очень, иначе ты бы сейчас со мной тут не разговаривал... погоди, а почему ты не остался на том уступе?..

— Ты, случайно, еще никого не успел убить? — настороженно спросил Валентин, выслушав краткий рассказ.

— Следовало бы. Но пока нет. Только побил кое-кого.

— Тогда не все так плохо. То есть я хочу сказать, что не фатально. А с чего началось?

— Кажется, я топтал их посевы.

— Худо, — осудил Валентин. — Впрочем, чего ради я тебе подсказываю? Твоя жизнь, тебе решать. У нас каждый сам решает, как ему жить, так что тебе виднее.

— Они отказались со мной драться...

— А зачем им? — Валентин заметно удивился. — Судьба неуступчивого ясна и без драк.

— Может, все-таки спасут? — с тоской спросил Леман.

Валентин наморщил лоб, пытаясь понять, о каком спасении идет речь, и, поняв, покачал головой:

— Отсюда не спасают. Никогда. Тех, кто пропадает без вести около этой планеты, никто не ищет. Командование сразу списывает их в расход.

Леман сглотнул.

— Почему?

— Чтобы, насмотревшись, не подрывали дисциплину. Я думал, ты догадливей... Кстати, командование вашего противника поступает точно так же.

— Вашего противника? — ошетинился Леман.. — Вашего?

Валентин равнодушно пожал плечами.

— Ну не моего же...

— Ты что, уже не лигист?

— Лигист, ренегат — какая мне разница? Я уступчивый. Не только Лига теряла здесь свои корабли, ренегаты тоже теряли. Теперь живем бок о бок. Конечно, такие, как мы с тобой, здесь редкость, большинство населения планеты на этих уступах и родилось. Кто уступчивый в двадцатом поколении, а кто и в тридцатом...

— А ты в первом? — съязвил Леман.

— Не один я, — сказал Валентин. — Еще Хенрик. А помнишь, лет семь назад была большая драка в этом секторе и нам навалили? Хотя ты же еще в курсантах ходил... Короче, минимум три подбитых истребителя нашли спасение на этой планете. Грег, Иост и Тенгиз. Может, и еще кто был, не знаю. Так вот, Тенгиза я встретил в прошлом году, он хороший летун и охотник на птицекрылов. Женат, очень привязан к детям, их у него двое. Звал к себе, обещал помочь сделать планер. Иоста пока не встречал, но как-нибудь соберусь навестить. Говорят, он живет где-то на нижнем уступе, рыбачит. Один Грег не выжил. Да ты-то его должен помнить, норв у него был тот еще! Уступчивым он никогда не стал бы, нечего было и пробовать...

— А ты? — спросил Леман.

— А я стал. Поначалу едва не спихнули, но потом обошлось. Только посоветовали впредь не ложиться на краю, ну я в тот же день и перебрался на другой

уступ. А там уже легче дело пошло, я после первого урока ученый стал...

— То есть уступчивый?

— Это не так плохо, ты поверь. Жить всегда хорошо. А иного способа жить здесь не существует. Не веришь — попутешествуй по уступам, посмотри. Ни тебе, ни мне не изменить то, что нащупывалось столетиями отсева негодяев. Люди разные, а система всюду одна. И знаешь, она мне нравится.

Лемана передернуло.

— Чем же, интересно?

— Свободой.

Это прозвучало до того смешно и дико, что Леман растерялся, вместо того чтобы расхохотаться во все горло. словно личинка короеда, заклинившись в прогрызенном отнорке, вздумала вдруг порассуждать о бесконечности Вселенной. Свобода — на этой каменной полочке?! Свобода невзначай сорваться с карниза — самому или не без посторонней помощи — и с долгим криком полететь вниз, навстречу гибельным бурунам беснующейся реки?!

— И ты не хочешь, чтобы тебя вытащили из этой дыры?

— Нет.

— Почему?

— Я уже ответил.

— Ты был классным пилотом, — сказал Леман, в ответ на что Валентин досадливо махнул рукой. — Нет, ты послушай... Кто, скажи мне, был лучшим в штаф-феле командиром звена? Ты. Кто подбил крейсер ренегатов и был награжден Золотой Молнией третьей степени? Тоже ты. Кому разрешали свободную охоту? На кого молились молодые лейтенанты — разве не на тебя? Я сам молился! — Леман уже кричал. — А скольким тыловым шавкам ты набил морду, помнишь? Ты

был человеком ТАМ, ты это еще не забыл? А кто ты здесь?

— Уступчивый. — Валентин лучезарно улыбнулся. — Ты погоди, не кипятись, я тоже не вдруг привык. Только вот какое дело: когда я, по твоим словам, был человеком, а по-моему, кем-то иным, надо мной стоял командир штаффеля, а над ним командир бригады, а над ним еще кто-то... много их было, всех не упомянуть. Я с удовольствием прожил бы без них — вот и живу. С удовольствием. Здесь надо мною только небо.

— В которое ты никогда не взлетишь!

— А кто сказал, что свобода дается бесплатно? Вопрос лишь в том, велика ли цена.

— А слева стена, — едко продолжил Леман. — А справа пропасть. Свобода!

— Потому и свобода, — благодушно сказал Валентин. — Потому и нет никакой власти, что любой объявившийся пахан в два счета опишет параболу, даже если навербует себе приспешников и вовсе откажется от сна. Какой-нибудь приспешник его и спихнет, чтобы самому стать паханом и тоже быть спихнутым... Наверно, были когда-то прецеденты, раз об этом до сих пор сказки рассказывают... детям, понятно. Взрослым не нужно.

— Свобода, основанная на страхе? — Леман язвительно pokrивил рот. — Она тебе нравится?

— Когда ты сможешь предложить другое основание, я тебя внимательно выслушаю. Но, по-моему, его просто нет. Для нас, людей, во всяком случае. Вернее, пока мы люди, а не ангелы.

Валентин отлип спиной от скалы и сладко, с ленцой, потянулся, разминая затекшие мышцы. Встал на ноги, взглянул вдоль каньона, затем вверх.

— Заболтался я...

— Тебе пора, — хмуро сказал Леман. — Я понимаю. Надеюсь, еще увидимся.

Удалось ли ему скрыть сомнение, нет ли — кто знает.

— Хочешь, полезли вместе, — предложил Валентин. — Вдвоем веселее. И безопаснее, между прочим. А не хочешь — оставайся здесь, уговаривать не стану. У нас каждый решает сам за себя — зачем ограничивать свободу? Кому это надо?

— Свободу подчиняться дурацкой необходимости или помереть в тот же день. — Леман сплюнул под ноги. — Ты это называешь свободой?

Валентин посмотрел на него с юмористическим прищуром.

— А другой свободы не бывает. Это я так говорю, на всякий случай. Вдруг до тебя еще не дошло? Хотя ведь простая вещь... Или ты подчиняешься безусловно необходимому для выживания, или можешь не стараться выжить — все равно не получится. Притом, по-моему, подчиняться необходимости много приятнее, чем какому-нибудь хмырю, чье преимущество перед тобой заключается лишь в количестве звезд на погонах, разве нет?.. Так ты со мной или остаешься?

— Мне нельзя наверх, — пробурчал Леман. — Там меня знают.

— И здесь скоро узнают, можешь не сомневаться. Даже если не сглупишь. Думаешь, тут связи нет? Где торговля, там и связь. Скоро по всем уступам пойдет весть, что появился неуступчивый с твоими приметами. Спихнуть вниз, может, и не спихнут, но и помощи не жди.

— А есть ли разница? — Леман выдавил улыбку. — Особенно во время бури?

— Никакой, — признал Валентин. — Так ты со мной или нет? Решай скорее, мне некогда.

— Убьют.

— Если я за тебя поручусь, сразу не убьют. А дальше сам решай, как жить. Выдолбишь, например, новую нишу под хранилище или убежище для немощных, так и совсем простят. Ниши всем нужны.

— Ни хрена себе! — изумился Леман. — Это ж работы на год!

— Лет на пять, — поправил Валентин. — Ну и что? Сколько надо, столько и будешь работать, причем по своей охоте, без принуждения. Или очень скоро совершишь продолжительный полет. Выбирай.

— Какой уж тут выбор...

— Какая свобода без выбора? Выбор всегда есть. Можешь попытаться пожить отшельником — вдруг тебе повезет? Только я бы тебе не советовал.

Не дождавшись ответа, Валентин махнул рукой и полез по скале, цепляясь за крошечные неровности ловко, как муха. Друг называется, с тоскливой маетой в душе подумал Леман. Хотя какой он мне теперь друг? Точно такой же, как всем другим в этом каньоне, на этих уступах. Уступчивый он...

— Стой! — закричал он, и Валентин, без видимых усилий вися на скале, повернул голову и посмотрел вниз.

— Решился наконец?

— Нет... То есть тьфу, я не о том... Я вот о чем подумал: представляешь, какую базу тут можно было бы построить! Какой космодром подскока, а! Расширить нижние уступы, перекрыть каньон фермами...

Валентин захохотал.

— Ты чего? — Леман нахмурился.

— А то, что не один ты такой умный. Командование Великой Лиги обратило внимание на эти каньоны еще тысячу лет назад и приказало построить именно то, что ты сказал. Собственно, с этого и началась наша история, и большинство населения планеты происходит от тех строителей, вынужденных жить на усту-

пах... Рассказать тебе, чем закончилась стройка, или сам сообразишь? В общем, повторить тот опыт командование не рискнуло.

— И вас не пытались уничтожить?

— А зачем? Мы никому не мешаем и не представляем никакой опасности. Своего рода нейтралы, которым нет дела до войны, — зачем же нас уничтожать? Впрочем, на пионеров-строителей все-таки сбросили бомбу, да только те не стали ее дожидаться, сидя на месте, — уступов вон сколько, да и удобный каньон вовсе не один...

Леман промолчал.

— Извини, — сказал Валентин. — К полудню наверняка поднимется буря. Я должен успеть.

Какое-то время Леман, задрав голову, смотрел, как он карабкается вверх. Затем подпрыгнул до первой зацепки, подтянулся до второй и начал карабкаться следом. С непривычки он лез медленно, но Валентин дождался его, и дальше они ползли по скале бок о бок, помогая друг другу.

Я, КАМЕНЬ

Не знаю, кто в незапамятные времена решил пошутить, так устроив наш мир, что все на свете кому-то завидуют.

Бедные — богатым. Слабые — сильным. Уродливые — красивым. Рабы — владыкам. Неудачливые — баловням судьбы. И если где-нибудь удастся сыскать богатого, сильного и удачливого красавца владыку, то наверняка окажется, что и он кому-то завидует. Например, богам, даже самым ничтожным из них, а то и вовсе забытым, не имеющим ни храмов, ни жрецов, ни алтарей, чахнувшим, но бессмертным. Или нищему певцу — за то, что сочиненные им песни подданные слушают охотнее, чем его, владыки, глашатаев.

Врут схоласты, будто мир стоит на панцире огромной черепахи, это вредный предрассудок. Панцирь давно бы треснул. На самом деле мир стоит на зависти и насквозь пропитан ею. Она как клей, без нее земной диск рассыпался бы песком. Ну что еще, спрашиваю я вас, способно скрепить его? Любовь? Верность? Дружба? Доблесть? Не трудитесь перечислять далее. Уже очень смешно.

Старые завидуют молодым. Безрукие — рукастым, слепцы — зрячим. Глухонемые завидуют тугим на ухо.

Слепоглухонемые — тем, кто имеет либо слух, либо хотя бы один глаз, пусть астигматичный и близорукый. Вечно жалующиеся тени непогребенных завидуют живым, включая слепоглухонемых. Бесплотные горемычные скитальцы, надоедающие мне по ночам своими жалобами, они вообще завидуют всем, кто хотя бы иногда может позволить себе отдых и полный покой. Вероятно, с особенной силой они завидуют мне.

А я завидую им. Полный покой надоел мне к концу первого года неподвижности. Герой в бессрочном отпуске...

Слава о моих подвигах гремит по свету. Мне известно, что во всех селениях, лежащих и по ту, и по эту сторону перевала, бродячие певцы, слетающиеся на каждую ярмарку, как мухи на клей, прославляют в балладах дела давно минувших дней — мои дела. Я действительно очень стар по человеческим меркам, хотя по геологическим чрезвычайно молод. Суший младенец.

Я — Камень. Довольно большой гранитный валун почти прямоугольной формы, высотой достигающий до пояса среднему человеку, шириной в полтора шага и длиной в три. Параллелепипед, как сказал бы ученый геометр. Та моя грань, что обращена вверх, особенно плоская и удобна для того, чтобы дать отдых усталому путнику. Что они и делают. Почти каждый норовит присесть на меня, но никому не приходит в голову сказать спасибо. Недавно какой-то варвар, направляющийся на юг явно ради того, чтобы побесчинствовать и пограбить, типичный гопник в кольчуге и рогатом шлеме, затупил о меня меч, но сумел-таки вкряк и вкось высечь свое имя: Харальд. Не то тренировался, предвкушая, как будет ставить автографы на памятниках исчезнувших цивилизаций, не то просто учился грамоте. Жаль, я не встретился с ним раньше на узкой дорожке — у него сразу пропала бы охота

пакостить. Впрочем, в те времена, когда я мог с ним встретиться, он, наверное, еще не родился...

Бесчувственный как камень — не про меня сказано. Согласно схоластической теории божьего зеркала, за которую в ближайшем городе лет пять назад закоптили в медленном дыму ученого монаха Шпикуса, всякая вещь отражает воздействие и наделена способностью чувствовать.

Я и чувствую.

Солнце. Дождь. Снег. Звуки. Запахи. Во мне нет ни единой трещины, я могу так лежать еще тысячи лет, если только какому-нибудь идиоту не придет в голову уложить меня в новую городскую стену или раздробить, дабы вымостить улицу перед магистратом. К счастью, до города не рукой подать.

Знакомый стервятник, набив брюхо мертвечиной, прилетает чистить о меня свой клюв. Это немного противно, но совсем не больно. Жаль только, что стервятник ужасный неряха и от него дурно пахнет. Еще он иногда гадит. Я сержусь, но, когда он улетает, мне становится одиноко.

Случается, на меня взбираются ящерицы, чтобы погреться. Когда у гадюк наступает период линьки, они трутся о мои бока, и мне приятно.

Я завидую змеям. Они умеют ползать без ног. Я завидую ящерицам — они умеют бегать. Но сильнее всего я завидую стервятнику. Ноги у меня, возможно, еще вырастут, а крылья — никогда.

Я очень удобно лежу. Пологий склон, мягкая травка. Здесь предгорья, дорога из города, обходя меня, делает специальный крюк (так и должно быть — в свое время я свалился прямо на дороге и перегородил ее), немного выше начинает сильно петлять и медленно взбирается к перевалу. Со своего места я хорошо вижу башни раскинувшегося вдали города и пасущиеся на равнине овечьи стада, а в погожие дни ясно

различаю на северном горизонте синие пики Рифейских гор. Дорога через перевал не слишком оживленная, однако не проходит и дня, чтобы по ней не прошел путник, а то и двое. Когда они вскарабкиваются на меня, чтобы отдохнуть, поболтать ногами и почесать языки, я узнаю новости. Я не был любопытным человеком, но я очень любопытный камень. Я внимательно слушаю, и мне кое-что известно о том, что произошло в мире за последние годы. Разумеется, лишь в самых общих чертах.

Менее всего мне известно о том, что происходит на севере за Рифейскими горами. В мое прошлое человеческое воплощение там лежали три великие страны: Гиперборея, Себоррея и Диарея, чье население по воле богов было поражено неизлечимыми хворобами, так что, пожалуй, приходилось радоваться тому, что прямого пути через Рифейские горы не существует. Это действительно так, я проверял, когда в дни монетного кризиса по просьбе королевы Лигатуры сопровождал караван, отряженный в горы за самородками. Кстати, золота в горах также не нашлось, горы как горы.

На западе живет храбрый и справедливый король, нечаянно утопивший в лесном озере свой волшебный непобедимый меч. Переодевшись из стыда перед народом простым рыбаком, этот достойный монарх удалился от власти, нанял плоскодонку и ежедневно посвящает несколько часов промерам глубин при помощи камня на длинной веревке, надеясь когда-нибудь вычислить местонахождение меча и послать за ним водолазов. Народ, обожающий монарха, делает вид, будто ни о чем не догадывается, однако местные острословы уже прозвали шалаш на озерном берегу, служащий королю пристанищем, замком Камень-лот.

На востоке совсем худо. После смерти великого кагана Калгана, правившего век без одной недели и

скончавшегося от удивления собственным долголетием, к власти пришел избранный народом престолодержатель Кворум, столь медлительный, что пока он собирается решить одну проблему, накапливается сотня других, и дела каганата плохи.

Страна, в пределах которой я нахожусь, называется Копролит. Это очень древняя страна, но скучноватая. Мне здесь никогда особенно не нравилось, притом меня здесь дважды делали камнем.

На юге за перевалом — кутерьма. Воюющие друг с другом королевства, непобедимые армии, неустрашимые воители, великие маги — все там. Новости с фронтов меняются на прямо противоположные раз в неделю, а то и чаще. Когда у меня вновь отрастут ноги, я непременно подамся на юг. Самое для меня место.

Но — чу! В мою сторону идут люди, причем с разных сторон. Панорамность зрения очень удобна, хотя я предпочел бы рассматривать окружающее глазами, а не всей поверхностью. У каждого свои слабости.

Со стороны перевала по дороге бредет седобородый старик с корявым посохом и заплатанной сумой через плечо. Наверно, нищенствующий певец или просто бродяга, состарившийся в скитаниях. Видно, что он устал. Дорога, спускаясь в долину, идет под уклон, но старик едва волочит ноги. Наверняка сядет передохнуть, потому что до самого города ничего удобнее меня ему не встретится. Я не против. Плохо только, что старик идет один, и если он не имеет привычки беседовать сам с собой, я опять не узнаю ничего нового. Но даже если он имеет такую привычку, с какой стати ему рассуждать вслух о том, что делается в мире? Скорее всего мне придется выслушать жалобы на стариковские болячки, сопровождаемые постаныванием и кряхтеньем, да так, пожалуй, что у меня самого заломит в пояснице, которой у меня вовсе нет. Внушение — великая, но жутковатая сила.

Зато со стороны города движется на рысях целая кавалькада из шести всадников. Вернее, из пяти, потому что вряд ли можно назвать всадником того, кто лежит на седле животом, напоминая выучный куль. Сначала я в самом деле принял его за вьюк, но теперь видно, что это все-таки человеческое существо, хотя на голову ему надет какой-то мешок. У меня хорошее зрение. Кавалькада еще далеко, и старик будет здесь раньше.

Как я и думал, он собирается отдохнуть. Кряхтя, кое-как вскарабкивается на меня и расслабленно блаженствует. Ему приятно, что я успел прогреться на солнышке, старые кости любят тепло. Зеленая ящерица, в первую секунду отбежавшая к моему краю, делает вывод, что старик безопасен, и продолжает греться. Знакомый стервятник с утра ко мне не навевался, а сейчас я различаю его над городом, он кружит там в сопровождении нескольких сородичей. Ну, это нам знакомо. И подмеченная мною кавалькада неспроста пылит по дороге.

Была драчка, верно? С убитыми. Никакой противник к стенам не подступал, значит, милейшие горожане передрались между собой. Небось пособники злых сил пытались свергнуть доброго короля Угорела и прекрасную королеву Варикозу, а преуспели или нет, пока не знаю. Но все уже кончено, не так ли? А поперек вьючного седла лежит важный фрукт, которого постеснялись убивать в городской черте, я угадал?

Интересно знать, кто он? Неужто сам Угорел?

Насколько мне известно, моя обидчица королева Лигатура умерла около года назад от медленного отравления ртутью, а две ее дочери, Геенна и Убиенна, во всем превзошедшие мамашу, по приказу Угорела были изгнаны из страны. Вообще-то народ, освободивший доброго короля из тюрьмы и ожидавший в знак монаршей признательности если не хлеба, то хотя

бы зрелищ, шумно требовал публичной казни негодяек, но добрый Угорел заливался слезами при всяком упоминании о плахе, костре или виселице, а чувствительная королева слегла в постель, жалуясь на расширение вен. Народ пошумел и успокоился.

Как оказалось, напрасно. Не прошло и месяца, как под стенами появилось войско каганата, ведомое Убиенной, младшей из сестер, и снабженное всем необходимым для правильной осады, включая трех черных магов, двух плюющих огнем драконов и одного стенобитного единорога. Каким образом интриганке удалось столь скоро уговорить нерешительного Кворума оказать ей военную помощь, осталось тайной.

Из этой затеи ничего не вышло. Огненные драконы сдохли от простуды, отведав льющегося со стен кипятка, оказавшегося для них чересчур прохладным, единорог покорился дочери Угорела и Варикозы непорочной Леноре и пошел на мясо для осажденных, маги перегрызлись друг с другом из-за придворных постов и больше вредили друг другу, чем помогали штурмующим. Начались прямые переговоры высоких сторон. Убиенну нечаянно убил сам Угорел, произнесший длинную речь о добродетели, чего преступница вынести не смогла и скончалась на месте задолго до финала замечательной речи. Войско ее с потерями откатилось в каганат. Маги смылись. С тех пор в стране наступил мир, а об исчезнувшей Геенне не было ни слуху ни духу.

И вот...

Возле меня всадники с гиканьем осаживают лошадей и спешиваются. Интересно, кто им понадобился — старик или я? И для чего?

Хорошо, что у камня нет сердца и нечему биться. Иначе сейчас оно могло бы выпрыгнуть наружу.

Предводитель отряда, плотный мужик в хороших доспехах, оглядывается на темнеющие вдаль город-

ские башни и, обращаясь к воинам, разевает волосатую пасть:

— Не будь я Зад Мелькал, доблестный тысячник армии непобедимой Геенны, если я сброшу эту девку в пропасть неповрежденной! Сперва я, а потом все по очереди, что скажете, ублюдки?

Ублюдки в доспехах поплоче шумно радуются. Они согласны. Двое из них шустро развязывают узлы на притороченной к седлу пленнице и снимают ее на землю. Летит в сторону сорванный с головы мешок. Ого!..

Она красивая, и я люблюсь. Что мне пока остается делать? А кто она, в сущности, не так уж важно.

— Ты скверно умрешь, Зад Мелькал! — кричит пленница. Воины регочут.

— Ты этого не увидишь, моя сладенькая, — под общее одобрение возражает Мелькал. Место действия он уже наметил — я очень удобный камень, других таких поблизости нет. А вот старика на мне он, кажется, разглядел только сейчас. — Отыди, презренный червь, ибо я обуян плотским желанием... Ох! — Это пленница впивается ногтями ему в лицо.

Старик покорно, но с неуместным достоинством сносит оплеуху и не собирается слезать с меня. Его сбрасывают пинком. Пленница кричит, призывая на помощь. Пока все идет как по маслу. Я заранее пытаюсь напрячь несуществующие мускулы или хотя бы вспомнить, как это делается.

Наконец-то дождался! И плевать, что мне предстоит драка. Чтобы не сглазить, я охотно плюнул бы через левое плечо, но у меня все еще нет ни плеча, ни слюны.

Зад Мелькал опрокидывает пленницу на меня. Кто-то из солдат затыкает ей рот, кто-то держит ей руки-ноги, кто-то дает скабрзные советы пыхтящему Мелькалу — что-то у него там заело с пряжками штанов. Проходит минута, затруднение устранено...

И вся компания разом валится друг на друга, барахтается на земле, вопит, копошится и ничего не понимает. Сверху воины, чуть ниже Мелькал, еще ниже пленница, а под всей этой человеческой кучей нахожусь я и являюсь ее частью.

Я снова человек.

Что для меня стряхнуть с себя шестерых? Пустое дело, не о чем и говорить. Но только не сейчас. Окаменение сразу не проходит, и прежде чем в мои мышцы вернется прежняя ловкость, не говоря уже о силе, пройдет как минимум несколько минут. За это время и убить могут, не поняв глупой шутки: был камень — стал человек! Одна надежда на растерянность солдатни.

Выпутавшись из общей кучи, они теряются лишь на несколько мгновений. Маловато...

— Убейте его! — визжит Зад Мелькал, одной рукой указывая на меня, другой поддерживая штаны. Пока он их не наденет, драться ему несподручно, а значит, у меня всего четыре противника.

Зато никакого оружия.

С нечеловеческими усилиями я встаю на четвереньки, и тут на мою шею опускается меч. Кто-то из солдат решил эффектно отсечь мне голову. Напрасное занятие — я все еще наполовину камень, поэтому меч выбивает о меня искру и ломается пополам. Но больно. На шее точно останется рубец, как навсегда осталась на моем боку татуировка «Харальд» с рунами вкривь и вкось.

Окаменение хорошая защита. Но оно быстро проходит.

Солдафон, сломавший о меня меч, по-моему, крайне обижен. Он тушуетя и пятится назад, зато трое остальных кружат вокруг меня, готовясь напасть. С одной стороны, это хорошо, поскольку с каждым

мгновением отсрочки в моем теле прибывает силы; с другой плохо, потому что я все более не камень...

Кое-как я поднимаюсь на ноги. Очень похожий на глиняного болвана для упражнений в рубке.

— Нападайте, олухи! — ревет Зад Мелькал, еще не закончивший свой туалет.

Если они действительно олухи, то, уж во всяком случае, олухи дисциплинированные. Три меча со свистом рассекают воздух на замахе, чтобы через мгновение разрубить меня на части. Затупятся, но разрубят.

— Лови! — Старик кидает мне свой корявый посох. Оп! Поймал. Руки уже слушаются.

Я принимаю на посох все три меча. Ох, неспроста дедуля не выбрал себе палку поровнее! Посох неказист, зато явно принадлежит к числу заговоренных, я это сразу заподозрил. И старичок тоже совсем не прост, знаю я таких...

Все три меча со звоном ломаются о тонкую деревяшку, не оставив на ней и следа. Зато деревяшка в моих руках приходит в неистовое смертоносное движение. Дело знакомое, бой совсем короткий. Воины Мелькала, не захватившие с собой пик, могут защищаться только кинжалами и обломками мечей. Спустя несколько мгновений трое из них уже смиренно лежат в дорожной пыли и вряд ли встанут, а четвертый корчится, насаженный со спины на кинжал, добытый нерастерявшейся пленницей у одного из убитых. Ловкая девчонка!

Четверо перебиты, один лишь Мелькал стремительно убегает по дороге к городу. Догнать его нет возможности: во время боя лошади, одурев от запаха крови, разбежались по всему Копролиту, а я еще не настолько быстроног, чтобы состязаться в скорости с насмерть перепуганным тысячником. Он не остановится до самого королевского замка и, навер-

но, сначала поднимет тревогу, а потом уже как следует застегнет штаны.

Пленница думает примерно так же:

— Кто бы вы ни были, ты, благородный воин, и ты, мудрый странник, нам надо скорее уходить в горы, ибо через полчаса здесь будет вся армия гнусной Генны...

Ага. Значит, я был прав, в городе действительно переворот. А насчет гор я согласен, иного пути нет.

Кстати, что это она так странно на меня косится?.. Ах да. Верно. Я же гол, как новорожденный, на мне только и есть что корявая татуировка на одном боку и корочка лишайника на другом. Когда пять лет назад я в очередной раз стал камнем, моя одежда, разумеется, лопнула по всем швам и разлетелась обрывками, ныне частично пропавшими, частично пришедшими в полную негодность. И чего это говорят, будто под лежащий камень вода не течет? Течет, уверяю вас. Еще как просачивается.

Штаны самого рослого из убитых мне коротки, но других нет.

— Идем же! — торопит девушка.

— Подожди... Как тебя зовут? — Вопрос ритуальный, ибо ответ я знаю почти наверняка.

— Ленора, дочь короля Угорела и королевы Вариказы, наследная принцесса Копролита. Ты готов?

— Нет еще. — Я принимаюсь разгребать руками землю там, где недавно лежал. — Великий Драхма, где же он?

— Кто?

Но я уже нашел. Не «кто», а «что». Мое оружие! Мой знаменитый на весь мир кистень Чтозаболь, предмет повышенной убойности, некогда доставшийся мне после долгого боя с верзилой Мертвожором, наводившим ужас на все земли восточнее каганата, да и на

каганат тоже. Тяжелый, чуть тронутый ржавчиной шар с заговоренными шипами, простая рукоять, сработанная из чьей-то бедренной кости, да витой кожаный ремешок, больше ничего. А каких врагов я побеждал этим оружием — самому вспомнить жутко! Сколько волшебных мечей вырвал из рук! Сколько шлемов расплющил в блин!

Теперь вид у кистеня самый непрезентабельный: костяная рукоять потемнела, ремешок подгнил. Вещь остро нуждается в починке. С другой стороны, если бы в прошлый раз я не упал на нее, становясь камнем, нашел бы я ее сейчас, пожалуй! Охотников до бесхозного добра всегда больше, чем нужно.

— Идем! — командует Ленора. Как ни мало правил Копролитом ее папаша, привычку командовать принцесса усвоила быстро. — Нет, стой. Я должна поблагодарить тебя, отважный воин...

О ужас — она тянется на цыпочках, намереваясь меня поцеловать!

— Не-е-е-ет!!!

От моего крика старик роняет посох, который он только что придирчиво рассматривал и скреб ногтем. Принцесса растерянна.

— Ты... ты брезгуешь?

— Потом объясню, — бросаю я, убедившись, что опасность пока миновала. — Идем!

— Все равно я благодарю тебя, — царственно изрекает принцесса, — хотя и не знаю твоего имени.

— Камень, — говорю я. — Меня зовут Камень.

Мы взбираемся на гору. Дорога вьется вниз, и вскоре по ней промчится отряд, высланный в погоню. Если мы успеем перевалить вершину и в отряде не найдется толкового мага, у нас есть шанс ускользнуть из страны невредимыми.

Старик не отстаёт. Он молчит, сберегая дыхание, зато принцесса, легкая как на ногу, так и на язык, болтает без умолку:

— ...и вот когда мой отец уволил со службы всех палачей и изгнал из пределов страны пыточных дел мастера гнусного Ортопеда, шайки грабителей наводнили страну, и народ начал роптать. Отец очень жалел, что не успел распустить армию, доставшуюся ему в наследство от узурпаторши Лигатуры, ибо он не хотел ни с кем воевать, воины же с каждым днем выражали все большее недовольство мудрым правлением отца...

— Почему? — интересуюсь я.

— Отец не позволял им грабить землепашцев.

Понятно...

— Мерзкая же Геенна, предводительница темных сил, через лазутчиков уговорила презренного Зада Мелькала и его приспешников изменить государю, — продолжает Ленора. — Зря отец не изгнал их из страны...

Действительно. Дельная мысль: изгнать всех, кто мешает доброму королю проявлять доброту, в первую очередь полицию, армию и полководцев. И остаться в совершенном одиночестве.

Короче говоря, произошел переворот. Угорел с Варикозой были схвачены взбунтовавшимся войском и, вероятно, убиты. Провозглашенная королевой Геенна торжественно въехала в Копролит, немедленно пообещав войску череду коротких победоносных войн и владычество Копролита над миром. Зад Мелькал получил повышение по службе, мучитель Ортопед вернулся к исполнению своих обязанностей, богам были принесены человеческие жертвы, словом, все вышло путем.

Оставалась одна проблема: что делать с Ленорой? Все знали о предсказании ее судьбы, данном при ее рождении вещей колдуньей Нонпарель: Зрячие Коль-

ца помогут принцессе победить силы зла и стать одной из величайших королев.

Казнить негодницу — тут и вопроса не было. Но как? Все знали, что предсказания Нонпарели всегда исполняются. Искушенная в чернокнижии Геенна нашла выход: сбросить принцессу в горную пропасть и завалить камнями — пусть-ка из-под завала попробует добраться до Зрячих Колец! Не знала темная Геенна другого, тайного предсказания: найти Зрячие Кольца Леноре поможет Камень...

Я, кстати, тоже не знал.

Это не первый случай. Как только я принимаю человеческий облик, у меня сразу находятся работодатели, убежденные в том, что я сплю и вижу, как бы вытащить их из беды. Особенно женщины, от коих мне следовало бы бежать, как зайцу от филина.

А Ленора вдобавок еще и красивая. Совсем плохо.

— А кем ты родился — человеком или камнем?

— Камнем, — отвечаю я нехотя и отворачиваюсь, не желая дальнейших расспросов.

Я не соврал. Когда-то очень давно, так давно, что никто из живущих этого и не помнит, ползущие льды, насланные на Копролит колдуньей Криогенной, откололи меня от Рифейских гор и вынесли на равнину. Там я и пролежал несколько столетий, всем довольный, пока однажды мимо меня не прошел в обличье обыкновенного мага великий бог Драхма, тот самый, что некогда создал наш мир, вынудив его из своей ноздри. Как многие до него, он присел на меня отдохнуть (кто сказал, что боги не устают?) и нашел, что я удобен. То ли в благодарность, то ли просто решив пошутить, он превратил меня в человека.

Меня! Которому так уютно лежалось на солнышке и думалось о своем, каменном! И вдруг ни с того ни с сего какой-то маг-проходимец... Еще не догадываясь, какая это сладкая отравка — быть человеком, я погнал-

ся за ним, чтобы убить, но в погоне не преуспел — ноги поначалу плохо слушались. Что до великого Драхмы, то он, оглянувшись на меня, усмехнулся и сказал мне, как я могу снова стать камнем. «Но уж коли тебе так хочется лежать при дороге, — добавил бог ласковым голосом и снова усмехнулся, — пусть не зависит от тебя условие твоего превращения в человека. Да будет так!»

Очень скоро мне понравилось быть человеком. И не просто человеком, а сильным мужчиной. По правде говоря, Драхма не схалтурил. Вот только никакой женщине нельзя целовать меня в губы, от этого я каменею. Много раз я пытался объяснить им это, но все без толку. Женщины вообще странный народ. Им говоришь, что нельзя, а их так и тянет сделать наоборот, причем в самый неподходящий момент, вроде ночи любви. Скольких из них я передавил — это же уму непостижимо!

Мы продолжаем карабкаться по склону. Старик по-прежнему бережет дыхание, зато Ленора атакует меня вопросами. Мало-помалу я выкладываю все.

— Короче говоря, моя принцесса, я становлюсь камнем после женского поцелуя. Таково мое проклятие. И снова превращаюсь в человека, как только на мне изнасилуют девственницу...

— Меня не изнасиловали! — резко возражает Ленора. — Вот еще!

— Ну... попытаются изнасиловать, — благодушно соглашаюсь я. — Я не очень хорошо расслышал Драхму.

— То-то же! — И Ленора обращается к старику: — А тебя как зовут, почтенный маг?

Старик, оказывается, нисколько не запыхался, его голос бодр и звучен:

— Я не маг. Я делаю хорошие вещи, а это... больше, чем маг. А зовут меня Потерявший Имя.

— То есть Безымянный?

— Не Безымянный, а Потерявший Имя! — не соглашается старик.

— А какая разница? — наивно спрашивает принцесса.

— Безымянный — он безымянный и есть. А Потерявший Имя может снова его найти, если удача будет ему сопутствовать.

— Ну и как — сопутствует? — интересуюсь я.

— Пока не очень, — бурчит в ответ старик. — Вы вон туда посмотрите.

Он прав. За нами погоня. Вьющаяся по подошве горы дорога пылит так, будто там резвится средних размеров дракон. За нами выслан даже не отряд — целое войско! Наверно, улепетнувший от нас тысячник Зад Мелькал по приказу темной Геенны поднял в погоню всю свою тысячу.

Нас прекрасно видно. Пыльный дракон делится надвое — часть войска скачет в обход горы, дабы перехватить нас там. Теперь дальнейший подъем лишается всякого смысла. Драки не избежать.

Это с десятью-то сотнями всадников? Гм. К тому же я вовсе не уверен в сохранности боевых качеств моего кистеня...

— Старик! — обращаюсь я к Потерявшему Имя, наблюдая, как спешившийся отряд, оставив внизу немногих коноводов, растягивается двойной цепью вдоль подножия горы и начинает подъем. Настоящая облава. — Твой волшебный посох в порядке?

— Сейчас проверим... Соблаговоли ударить кинжалом, принцесса.

Кинжал оставляет на корявой палке глубокую зарубку.

— Так я и знал!

— Неужели иссякла волшебная сила? — испуганно восклицает Ленора.

— Именно так, ваше высочество. — Старик отшвыривает палку прочь. — С потерей имени я потерял умение делать вещи без изъянов, а изъян этого посоха состоял в том, что он мог переломить лишь сто клинков. К сегодняшнему утру их счет доходил до девяносто семи, но я надеялся, что ошибся хотя бы на один-два...

Понятно... Хорошо, что один из солдафонов Мелькала сломал свой клинок о мою шею, иначе его было бы уже не обо что сломать.

А горазд подражаться старичок... Девяносто семь ударов меча о посох — надо же! Специально он, что ли, нарывался, или в мое отсутствие в мире умножилось зло? А может, старик по душевной доброте позволял пользоваться посохом всякому встречному-поперечному, вроде меня? Или давал напрокат за деньги?

Не важно.

— И лишь тогда ко мне вернется умение делать вещи без изъянов, когда я вновь обрету данное при рождении имя. А помогут мне в этом Зрячие Кольца...

Опять эти Кольца. Что-то новенькое появилось в мире за последние пять лет, что-то я пропустил, лежа камнем. Ну ладно, Зрячие так Зрячие. Старику и принцессе, похоже, по пути. А мне?

Пока тоже.

Ну хорошо, а сейчас-то нам что делать? Спустить на врагов каменный обвал? Склон недостаточно крут, не выйдет тут никакого обвала. Прорываться? Всего оружия у нас — кистень да кинжал...

Стоп. Старик с увлечением копается в своей заплатанной суме. Что там у него — волшебный жезл? непобедимый шестопер? зубочистка-невидимка?

Всего-навсего игральные кости. Два кубика и стаканчик, испещренный неведомыми знаками. Вещь,

несомненно, магическая, но на оружие абсолютно не похожа.

— Сейчас не время для азартных игр, Потерявший Имя! — негодует принцесса.

Старик хитренько усмехается.

— Стаканчик я выточил из драконьего зуба мудрости. Ведомо ли тебе, юная принцесса, что только у одного дракона из тысячи вырастает этот зуб? Он невероятно редко попадает людям в руки, ибо мудрого дракона человеку трудно убить и даже увидеть. Ну а кубики сделаны из камней, вынутых из печени людоеда. Это лучшая из моих вещей, дочь Угорела. Лучше, чем любой непобедимый меч. Надежней, чем волшебное покрывало. Если бы не изъян, я с ее помощью легко мог бы стать владыкой всего мира! Конечно, если бы захотел...

— А что за изъян? — Я также заинтересован.

— Ею можно воспользоваться лишь три раза. В четвертый раз она сыграет против своего хозяина.

— А в пятый?

— Пятого раза не будет.

Старик садится на торчащий из земли обломок базальта, неровный и неудобный. Куда ему до меня. На обломке высечено имя — Харальд.

— Подпустим поближе, так оно вернее...

— Великий Драхма! — восклицает принцесса, сверкая глазами. Настроение у нее воинственное. — Старик, ты потерял не только имя, но и рассудок! Я не хочу знать, как действуют твои кости, я буду сражаться сама! А... как они действуют?

Логика.

— Уменьшают число врагов во столько раз, сколько выпадет очков.

Двойная цепь врагов приближается. Края ее движутся быстрее, чем центр, — нас берут в полукольцо. Видны оскалы под забралами шлемов.

— Пора. — Потерявший Имя начинает трясти стаканчик и точным движением опрокидывает его на ладонь.

Единица и двойка. Три очка. Поднимающаяся в гору цепь воинов Геенны существенно редет. Я не успеваю заметить, куда подевались две трети отряда — их просто нет.

Цепь не останавливается. Недостаточно исполнительных подчиненных Геенна любит варить в смоле, это всем известно.

Старик наносит новый удар. На этот раз удачнее — пятерка и шестерка. В цепи страшные опустошения. Ленора ойкает.

— А чегой-то вон тот без рук, без ног? — задаю я вопрос, указывая на некий человеческий обрубок.

Старик пожимает плечами.

— Наверно, их число не делилось на одиннадцать без остатка...

Разумное объяснение.

В последний раз грохочут в костяном стаканчике граненые камни из печени людоеда. На этот раз всего два очка. Вражеских воинов осталось не более десятка, они напуганы и вот-вот повернут назад, несмотря на смолу.

Я иду на прорыв. За мной поспешают Ленора с кинжалом и старик без имени, едва успевший подхватить свою суму. Что мне десяток мечей, если со мной Чтозаболь? Шипастый шар с гудением описывает круги. Р-р-разойдись, ничтожные! Ушибу!

Они не расходятся. Кто-то суется прямо под шар. Сам виноват. Взмах — и глухой шлем следующего воина приходит в негодность вместе с содержимым. У меня не побалуешь. Еще взмах — и из забрала плечистого уroda, наседающего на Потерявшего Имя, летят какие-то брызги. Увы, гнилой ремешок не выдерживает следующего взмаха — раскрученный шар срыва-

ется с привязи, бьет в ухо обормота, пытающегося проткнуть Ленору пикой, и рикошетом задевает плечо самой принцессы. Сразу три воина, разобрав, кто в нашей троице главный боец, бросаются на меня, обезоруженного, но я уже успел подобрать меч одного из убитых. Клинок легковат для моей руки, и я трачу на эту троицу вдвое больше времени, чем приличествует бойцу с моей биографией.

Остальных мы гоним вниз по склону, убивая в спину. Внизу сотни лошадей, а коноводы, конечно, удрали. Мы спасены, у нас есть лошади, чтобы убраться из Копролита, а оставшаяся часть войска, если она вообще уцелела, вряд ли решится нас преследовать. Где Зад Мелькал? Принцессе хочется посчитаться с ним, мне тоже, несмотря на то что благодаря ему я снова человек. Неужели он исчез на горе вместе с большей частью своей тысячи?

Ничего подобного. Мелькал, как и подобает важному лицу, облеченному доверием королевы, командовал облавой издали, потому и уцелел.

Неожиданно вынырнув из-под брюха лошади, он выхватывает суму из рук Потерявшего Имя, шустро вынимает стаканчик с игральными костями, и ухмыляется во всю волосатую пасть.

— Я не настолько глуп, чтобы сражаться с тобой, человек, рожденный из камня, — скалится он, — и не настолько храбр, чтобы явиться пред очи своей королевы, не выполнив поручения касательно тебя, принцесса. А потому...

Я бросаюсь к нему, чтобы зарубить, — но поздно. Кости брошены.

Наверное, снова выпало два очка. Мелькала срезает до пояса, верхняя половина исчезает в никуда, а нижняя делает книксен и опускается на дорогу. Все кончено, тысячник Геенны отмелькал свое.

— Я же говорила, что он скверно умрет, — величественно произносит принцесса, зажимая рану на прекрасном плече. — Правда, надеялась, что еще сквернее...

— Ничего, сойдет и так, — утешаю я.

— Хорошо, что я не вспомнил сейчас свое имя. — И старик с облегчением переводит дух.

Рана принцессы воспалена. Мы со стариком, как умеем, пытаемся врачевать ее, но безуспешно. Принцессе все хуже — не зря мой пропавший в бою кистень имел заговоренные шипы. Заговаривала их колдунья по имени Бутадиен, помимо колдовства сведущая в алхимии и медицине, и, кажется, заговорила на гангрену.

Горячка и беспамятство. У раны очень скверный вид.

Мы живем в чьей-то хижине к югу от горного хребта в пределах страны Забугорн. Это старая эльфийская территория, но ввиду близости гор сюда могут забредать и гномы. У меня с ними счетов нет, а вот у старика... не знаю. И на всякий случай ночами мы дежури́м по очереди.

Давно я не видел ни одного гнома. Будучи обыкновенным гранитным валуном, я не интересовал их, как всякая пустая порода, а когда был человеком, сам не очень-то посягал на полезные ископаемые, охраняемыми этим народцем, — за исключением одного случая, когда я искал для королевы Лигатуры золото в Рифейских горах. Мы тогда вернулись ни с чем, за что разочарованная королева повелела напоить главного караванщика расплавленным свинцом из королевской казны, а меня чмокнула в губы так быстро и неожиданно, что я не успел вытащить кистень. Хорошо еще, что потом не приказала ни разбить, ни вывезти и утопить в болоте, так что я остался лежать на

полу в малом зале королевского замка и воскрес, когда какой-то пьяный стражник попытался изнасиловать на мне одну из младших служанок. В благодарность за возвращение человеческого облика и в компенсацию за улизнувшую служанку я был готов оплатить ему ночь в лучшем городском веселом доме, но он сдуру начал орать, созывая подмогу, и пришлось его придушить.

Хозяева хижины не появляются. Может, ушли в дальний поход на орков или гномов, а может, вообще забросили неудобную фазенду за ее отдаленностью от эльфийской столицы Кохинора. Вокруг хижины разросся одичавший сад, так что лечебное голодание не входит в наши ближайшие планы. Но я предпочел бы мясо.

Мы давим сок из плодов и поим им Ленору, когда она ненадолго выныривает из забвения. Это случается все реже.

— Вот что, Камень, — говорит мне Потерявший Имя на третий день после того, как принцесса слегла. — Нужен лекарь.

Обычно старик более церемонен и называет меня не иначе как «достойный Камень», но сейчас говорит коротко и по делу. Стало быть, считает, что все очень плохо.

Мне тоже так кажется.

В саду старик вырезал себе новую палку и три дня строгал ее, надеясь довести до кондиций магического посоха с врачебным уклоном, но не преуспел. Оказалось, что заготовка посоха годится для излечения одной лишь чесотки, и старик, с сожалением признав допущенную где-то ошибку, начал доводить палку до ума в направлении усиления боевых качеств. Разумеется, тоже с изъязном.

— Ты знаешь в этих краях хоть одного лекаря?

— А ты?

— Когда-то знал эльфийку Нежриэль, правда, она врачевала только от пьянства. Помню, как она лечила соседнего короля Кюрдамира, так он потом не только от эля отказался, но и все посева ячменя в стране потравил...

— Не то, — сокрушается Потерявший Имя. — А я в прежние годы знал многих, но вот беда: с эльфами я издавна не в ладах. Так что ухаживать за принцессой останусь я, а тебя, благородный Камень, прошу отправиться на поиски лекаря... — Старик снова начинает изъясняться в привычной ему манере.

Я не против отправиться за врачом. В случае чего Потерявший Имя как-нибудь сумеет оборонить Ленору: помимо оставленного мною меча у него еще есть кинжал и новый посох. Мне же бояться и вовсе нечего: как правило, с эльфами нетрудно договориться. А главное, эльфийки не имеют обыкновения целовать людей, за каковое качество я ставлю их минимум на одну ступень выше человеческих женщин.

Вечно у меня находится какое-нибудь дело. Иначе я давно бы уже откочевал на крайний юг, где, по слухам, люди, не зная поцелуев, в знак нежности трутся друг о дружку носами и верхом неприличия считается подхватить насморк.

Простившись со стариком и с сожалением взглянув на мечущуюся в горячечном бреду Ленору, я ухожу. Мой путь не близок. Проще всего поискать лекаря в Кохиноре, до него примерно сутки пешего хода, и часть пути пройдет по границе между эльфийским королевством и страной Кюрдамира. Пять лет назад здесь не было никаких пограничных конфликтов, но теперь — кто знает?

Между прочим, пять лет назад никто ничего не слыхивал и о Зрячих Кольцах, а теперь они вдруг понадобились всем! Кроме меня, но не бросать же мне Ленору и Потерявшего Имя! Красота и магия — это

хорошо, но сами по себе, без героя, привыкшего к походам и сражениям, они мало чего стоят. А герою крайне необходимо соответствующее оружие, какой-нибудь клинок не из самых плохих, желательно заговоренный... Эх, жаль, пропал мой верный кистень Чтозаболь!

Случись поблизости другой герой моих бойцовских качеств, я без особых колебаний уступил бы ему мою миссию. Но только откуда он возьмется? За десять лет моей жизни человеком и за тысячу — камнем я встретил лишь одного равного себе противника, и то это случилось давным-давно. Некий киммерийский варвар шел добывать себе королевство, а я шел просто так. Никакие королевства мне были даром не нужны. До сих пор не возьму в толк, с чего он решил, будто я могу стать его конкурентом, но кончилось тем, что мы с ним безрезультатно сражались целые сутки. Ох уж мне эти северные гопники!

Граница выложена белыми камнями. Круглые тесаные камни чередуются с длинными, снабженными нашлепками на торцах. Все правильно, так и на картах рисуют. Я шагаю по камням, демонстративно не нарушая ничьей границы — мне вовсе не хочется, чтобы из ближайших кустов в меня пустил стрелу какой-нибудь не в меру рьяный пограничный страж. На одном треснувшем камне надпись, гласящая, что этот обтесанный кусок известняка имеет имя собственное — Спорный камень, и что из-за споров о его правильном местоположении сто лет назад погибли пятьсот эльфов и триста людей плюс эскадрон назгулов. В сухой земле до сих пор отпечатаны следы ваг, которыми конфликтующие стороны двигали камень. Поперек надписи грубо высечено «Харальд». Гопник побывал и тут.

Рассматривая надпись, я стою на соседнем камне — круглом. И вдруг слышу:

— Сойди с меня.

Оглядываюсь — никого. Не камень же подал голос! Во-первых, камню нечем разговаривать, а во-вторых, вряд ли он мой собрат: Драхма не повторяет дважды одних и тех же шуток.

— Сойди с меня, кому сказано!

Ну ладно. Схожу. Не жалко.

— Так-то лучше. А то, понимаешь, встал, дубина, прямо на глаз... — И камень медленно моргает.

Интересно. Знал я, что иные драконы с возрастом приобретают способность мимикрировать, но чтобы настолько...

— Сам ты дубина, — отвечаю нагло. — Нашел, где разлечься... А я — Камень.

Из земли поднимается то, что я принимал за ровное поле с ниточкой пограничных камней, — крупный дракон южного подвида. Одноглавый. Кажется, не огнедышащий. На левом боку медленно тускнеют белые пятна — круглые и продолговатые.

— Раз Камень — значит, невкусный? — деловито осведомляется дракон.

— А ты попробуй на зуб! — дерзко предлагаю я. В дерзости мое спасение, отбиваться от трехэтажной зверюги мне нечем.

Дракон долго обнюхивает меня.

— Человек, — определяет он наконец. — Но не то. Не знаешь, где можно поблизости достать девственницу?

— А ты не знаешь, где можно поблизости достать лекаря?

— Найди мне девственницу, и будет тебе лекарь.

— Пожалуйста, — отвечаю я. — Королевство Копролит, что к северу от перевала. Нынешняя королева Геенна подойдет?

— Король я еще не ел, интересно будет попробовать, — благосклонно кивает дракон. Затем на его

морде отражается сильное сомнение. — А она девственница?

— Наверняка, — импровизирую я. — Ну кто к такой подойдет, ты сам подумай...

Дракон недоверчиво фыркает, но спорить не собирается.

— Ну, я полетел...

— погоди! — кричу я. — А лекарь?

— Ах да... — Дракон, уже начавший расправлять крылья, складывает их вновь. — Человека или эльфа искать долго... А может, я на что сгожусь?

— Может, и сгодишься, — говорю я, критически осматривая своего собеседника, — особенно если ты мудрый дракон.

— Мудреющий, — сознается он и разевает пасть. — Зубы мудрости видишь? Совсем еще маленькие. Только-только прорезались. Дай, думаю, в последний раз полакомлюсь девственницей — потом-то уж ни-ни...

— А людей врачевать умеешь?

— Невелика наука.

— Тогда пошли.

— Может, полетели? — И дракон расправляет крылья. На правом красуется татуировка «Харальд».

— Только невысоко. Привлекать внимание нам ни к чему.

Летим. На бреющем. В воздушной яме крыло дракона цепляет один из пограничных камней, тот откатывается в сторону. Ох, чую, быть еще одному камню спорным...

Я удобно сижу на спине дракона, держась за костяной шип. Кажется, мне — вернее, Леноре — повезло. Пока я добрал бы до Кохинора, пока нашел бы лекаря... Да и в эльфийском языке я не упражнялся с моего позапрошлого человеческого воплощения. А с драконом мы понимаем друг друга вполне прилично.

— Кого лечить будем? — спрашивает дракон, повернув голову так, чтобы видеть меня одним глазом.

— Принцессу Ленору.

— А-а. Она случайно не девственница?

— Ее на мне насильовали, — уклоняюсь я от прямого ответа. — Кстати, у нее можно узнать подробности о Геенне... Ты вперед-то посматривай. Врежемся в мэлорн — мало не покажется.

Словно в ответ прямо по курсу возникают несколько мэлорнов — большущих реликтовых деревьев, давным-давно вырубленных в человеческих странах, но сохранившихся в Забугорне. Эльфы их берегут, дракон тоже. Он закладывает крутой вираж, затем делает «горку». Неожиданно из кроны одного дерева вылетает стая стрел, стучит по драконьей шкуре. Мудреющий дракон не обращает внимания. Вообще, мудрый дракон отличается от глупого тем, что понимает: с двуногими лучше не связываться.

Вот и хижина.

За несколько часов моего отсутствия обстановка решительно изменилась: я не скажу, что здесь сталолюдно, только потому, что стало ГНОМНО. Перед хижинкой их собралось не меньше пятидесяти, они насаждают на Потерявшего Имя, и тот прыгает между ними, награждая наиболее настырных трескучими ударами нового посоха. Многие гномы явились с кирками и лопатами, но старика могут смять и просто числом...

Заходя на посадку, дракон сметает кожистым крылом половину гномьего отряда. Соскочив с драконьей спины, я разгоняю другую половину одним своим видом. Гномье поголовье с пискотом исчезает в кустах.

— Напрасен твой пыл, доблестный Камень, — с серьезным видом говорит старик, но, по-моему, внутренне хохочет. — Эти несчастные вовсе не угрожали ни мне, ни принцессе...

— А то я не видел!..

— Нет, в самом деле. Они пришли лечиться. Разве я не сказал тебе, что мой посох излечивает чесотку? Наверно, кто-то из гномов услышал, у них очень чуткий слух. А среди гномов чесотка очень распространенная хворь — у них под землей тесные жилища, жара, тяжкий труд... Потееют, а помыться чаще всего негде. Вот и пришли ко мне...

В ладони старика горсточка необработанных сапфиров — плата за лечение.

— А ты случайно не спросил их о пути к Зрячим Кольцам? — интересуюсь я. — Гномы-то должны его знать, они всюду ходов нарыли...

— Забыл... Но я и так знаю путь.

— Точно знаешь? — наседаю я.

— Ну... примерно. Направление — да. А вот насчет того, что может встретиться нам на пути... — Он смущенно разводит руками.

В кустах смородины раздается кашель. В то же мгновение я делаю рывок и сцапываю подземного жителя за ногу, прежде чем он успевает скрыться в норе. Вытаскиваю его на свет, хватаю поперек туловища, тащу к старику. Сейчас будем чинить допрос.

Гном возмущенно верещит. Я держу его под мышкой, чтобы не сбежал. Он маленький, толстый, лысый и очень сердитый. Его шапочка из кротового меха осталась в норе, как и кирка. Он молотит меня кулачками и пытается укусить. А еще он чешется.

— Как тебя зовут?

Молчание.

— Ты тоже потерял имя? Я буду называть тебя Амнезией, поскольку ты мужского пола. Чесоточным Амнезией.

В ответ сопение и попытка укусить.

Дракон вежливо молчит. Кажется, гномы не входят в его меню.

— Так вот, Амнезий. Ты получишь свободу и половину вот этих сапфиров, если подробно расскажешь, какие опасности ждут того, кто хочет найти Зрячие Кольца. Договорились?

— Нет! — Гном впервые обнаруживает голос.

— Не забывай, мы на эльфийской территории. Стоит мне отвести тебя в Кохинор... Ты получаешь свободу и все сапфиры в обмен на нужные нам сведения, это мое последнее слово. Согласен?

— Нет!

— Тебе что, из всех человеческих слов известно только «нет»?

— Нет!

Убивать столь жалкое существо я, разумеется, не собираюсь. По-видимому, толку мы от упряма не добьемся, так не лучше ли дать ему пинка и отпустить восвояси?

— погоди, доблестный Камень, — останавливает меня старик и обращается к гному: — Я успел тебя вылечить?

— Нет, — пищит гном и принимается яростно скрести спину. Для такого дела руки у него коротковаты. Вероятно, он привык использовать кирку.

Потерявший Имя без слов взмахивает посохом. Первый удар достается гному, второй — мне.

Больно. На плече вспухает синий рубец.

— Вещь, как всегда, с изъязном, — оправдывается старик, но тем не менее довольно оглаживает бороду. — Требуется приложения силы, а иначе не лечит...

— Меня-то зачем?

— На всякий случай. Зато теперь на тебе не осталось ни одного чесоточного клеща. Можешь не благодарить.

— И не собираюсь, — бурчу я, оглаживая вздувшийся рубец. Но Потерявшего Имя мои эмоции и я сам в данный момент не интересуют, он лишь просит

меня отпустить гнома. Что я и делаю с большим удовольствием.

Гном немедленно пытается удрать, но тут же сгибается пополам от приступа кашля. Кашляет он долго, с увлечением. Видно, что это для него привычное занятие.

— Сначала я найду Зрячие Кольца, — вкрадчивым голосом говорит старик, — а потом вернусь и сделаю вещь без изъяна. Хорошую вещь, такую, которой можно будет вылечить силикоз...

Мне становится понятно. Наверняка чесотка для подземных жителей — не самый ужасный бич.

Гном молчит, но колеблется.

— И радикулит...

Готово: гном сдался. И даже не требует назад сапфиров.

Мы узнаем много нового. Во-первых, Зрячие Кольца были сотворены много веков назад великим и просветленным магом Рефрактором, чья дальновзоркость с тех пор вошла в поговорку, ибо ничто в мире не могло укрыться от его глаз. После Рефрактора Кольца принадлежали его ученикам и ученикам его учеников, последним из которых был светлый Анастигмат. Пока Кольца находились в руках светлых сил, в мире царил относительный порядок, во всяком случае, число творимых злодеяний как минимум не превышало удесятеренного количества добрых дел. Все пошло иначе, как только Кольцами завладел Серый Властелин, мечтающий, разумеется, о власти над миром. Начались войны и дворцовые перевороты, всякая нечисть принялась пакостить в открытую, а маги, остро необходимые государям для ведения военных действий, обнаглели настолько, что в обмен на услуги требовали министерских постов.

Во-вторых. Серый Властелин владычествует над угрюмой горной страной Катаракт, что находится на

крайнем западе земного диска. Единственная дорога в Катаракт вьется по дну мрачного ущелья, где струятся воды Отравленной реки и самый воздух пропитан ядовитой сыростью. Дорогу сторожат три хорошо укрепленных замка: Танагр, Онагр и Тарбаган. Для того чтобы достигнуть начала этой дороги, нужно пересечь семь враждующих друг с другом королевств, одно княжество и Ничьи Земли, населенные созданиями Тьмы, а кроме того...

Гном рассказывает долго и обстоятельно, обращаясь главным образом к Потерявшему Имя. Похоже, он надеется, что тот вернется с полдороги достаточно живым, чтобы смастерить для гномьего народа средство от силикоза, хотя бы с изъяном. До моей судьбы ему нет никакого дела, он даже не скрывает, что я заведомо обречен погибнуть задолго до конца пути.

Досказав все, он неожиданно бросается наутек — только треск стоит в смородиновых кустах. Пуганые здесь гномы — слову не верят. Скверные времена, скверные нравы...

Переходим к лечению принцессы. На дворе трава, на траве рваный зеленый плащ, случившийся в хижине, на плаще — Ленора в беспомощности. Дракон осматривает ее одним глазом, затем другим.

— По-моему, она все-таки девственница, — плотоядно говорит он и шумно облизывается.

— Ты не гадай, ты лечи! — обрываю я. — Эта девушка не для тебя, понял? Не понял — будем сражаться!

По правде говоря, сражаться с драконом меня вовсе не тянет. Одна надежда на то, что он все-таки мудреющий.

— Ладно, понял. — Вздох дракона похож на сход небольшой лавины. Стены хижины трясутся. — Отойди, свет застишь...

Язык у него раздвоенный, но я только теперь понимаю, что у него и слюна разная. На левом кончике языка она мертвая, на правом — живая. Век живи, век учись.

По-моему, дракон не столько обрабатывает рану, сколько смакует вкусовые ощущения. Но дело сделано: рана закрылась, Ленора в сознании. И даже насколько не испугана.

— Это кто?

— Дракон, — объясняю. — Мудреющий. Он тебя вылечил.

Ленора произносит благодарственную речь. Дракон в показном смущении машет на нее крылом, отчего с эльфийской халупы ветром сносит крышу, и улыбается во всю кошмарную пасть:

— Не стоит меня благодарить, о деликатеснейш... то есть деликатнейшая из принцесс. За твое исцеление мне указан путь к усладе желудка Геенне...

— Ха! — Ленора веселится. — А ты знаешь, сколько у Геенны воинов? А магов? А ведомо ли тебе, что на стенах города установлены баллисты, числом пятьдесят, чьи стрелы пробивают дракона навывлет?

Дракон мрачнеет и поворачивается ко мне.

— Ты почему не сказал?

— А ты не спрашивал.

— Та-ак. — Дракон в раздражении колотит хвостом, оба его глаза наливаются кровью. — Сговорились, да? Думали, я настолько глуп, чтобы летать в пределах досягаемости баллист? Я же не глупый, я мудреющий! Надули, да?

— Погоди, — осаживаю я его. — Мы ищем Зрячие Кольца и приглашаем тебя пойти с нами. Если мы найдем их, могуществу Геенны наступит конец. Вот тогда и пообедаешь...

Дракон долго думает. Но уже остывает. Это хорошо: он не огненный дракон и перегрев ему вреден.

— Далек ли путь? — наконец осведомляется он.

— Порядочен.

— А куда идти?

На выручку мне приходит Потерявший Имя. Пропшептав заклинание, он плашмя швыряет свой посох на землю. С посохом немедленно происходит метаморфоза: он уплощается и удлиняется, быстро превращаясь в тропу. Вот это да! Самонаводящаяся дорога!

— Боевого оружия не получилось, — извиняется старик. — Но хоть что-то...

— С изъяном?

— Да. Надеюсь, с небольшим.

— Ну как, — вопрошаю дракона, — пойдешь с нами?

Тот тяжело вздыхает, отчего стены эльфийской халупы рушатся, как карточный домик.

— Придется...

— А коли придется сражаться с врагами, а?

— Ну... я ведь еще не мудрый, я только мудреющий. — И дракон сконфуженно прячет голову под крыло.

Мы идем через земли короля Кюрдамира. После небольшой бескровной стычки с пограничной стражей мы держимся настороже, хотя вообще-то это страна мирная. Говорят, что с тех пор, как славный Кюрдамир стараниями врачевательницы Нежриэль излечился от беспробудного пьянства, он настолько полюбил физические упражнения и стрельбу, что даже велел подданным забыть его прежнее имя и стал именоваться Биатлоном, носителем двух достоинств. Королевство Биатлона — процветающая страна, войны обошли ее стороной. Зато к западу от королевства воюют все кому не лень.

Туда мы и направляемся.

Леноре не сидится на привалах — она требует, чтобы я учил ее бою на мечях, коих у нас полный комплект после приграничной стычки. Я и учу. На дракона надейся, а сама не плошай. Мудро, принцесса, мудро. Со временем о тебе разнесется слава как о справедливой королеве-воительнице, но видел бы тебя твой покойный папаша Угорел — залился бы слезами. Ведь ты не постесняешься подержать в тюрьме крестьянина, не заплатившего налоги, и вздернуть на крепостной стене предателя? Ну и правильно.

Тропа, еще недавно бывшая посохом, пряма как стрела и вовсе не собирается обходить разные природные мелочи вроде буреломов, скал, оврагов и болот. Потерявший Имя, только что вытщенный нами из зыбучей трясины, хмурится на ходу, вычесывает из бороды сфагнум и объявляет, что эта-то неразборчивая прямизна и есть изъян его изделия, хорошо, если единственный.

Мы переправляемся через Мэйнстрим, когда-то самую могучую реку из всех, какие я знал. Теперь я точно вижу неустроение в мире: от реки остался хилый ручеек, петляющий по стрежню бывшего русла великой реки. Сухие водоросли, скелеты рыб, потрескавшаяся корка окаменевшего ила. Речные духи или погибли, или переселились жить в боковые протоки, прежде почти сухие, а теперь на диво многоводные.

Мне знакомы эти края, я бывал здесь когда-то, правда, в последний раз сравнительно давно: лет шестьдесят назад. Если не считать реки, ландшафт с тех пор мало изменился. Вон и знакомый холм с плоской вершиной стоит как стоял, и все та же хижина земледельца у подножия холма...

Нет, я не утерплю, я сбегаю посмотреть...

Когда в прошлый раз я проходил здесь, спеша на помощь робкому и богомольному королю Монастиру, взятому в плен жрецами Тьмы, то решил срезать путь

через вершину холма. Вершину я нашел еще более плоской, чем ей полагалось быть от природы, проще говоря, искусственно выровненной, со снятым слоем почвы и выкорчеванными кустами. На холме находился крестьянин, ничуть не испугавшийся при моем появлении. Он сидел на деревянной колоде, с ног до головы обсыпанный каменной крошкой, и тесал зубилом здоровенный гранитный валун. На валун-то я и присел, желая отдохнуть и поболтать со свежим человеком, ибо целых десять дней перед тем если что и слышал, то только свист клинков, грозный гул моего верного кистеня да стоны умирающих — вольно же им было подставлять свои головы под Чтозаболь!

— Если ты хочешь разбить этот камень, то неправильно держишь зубило, — сказал я, справедливо полагая, что знаю о камнях все.

— Я не хочу его разбить, — ответил крестьянин, не прерывая работы. — Я хочу его обтесать. Чтобы был прямоугольным. Четыре локтя в длину, три в ширину и два в высоту.

— Зачем?

— Площадку видишь? — показал он глазами. — Ее разровнял мой дед. Здесь будет... постройка. Сто шагов в длину, сто в ширину, сто локтей высоты. Это здание будет видно отовсюду, сюда будут приходиться люди...

— Значит, это будет храм? — спросил я в великом сомнении.

— Не храм, а Храм, — поправил он интонацией.

Понятно...

— Какому богу?

— Никакому. Всем. Какая разница? Просто Храм.

— И когда ты надеешься его закончить? — спросил я.

— Я — никогда. Мой дед за всю жизнь сумел лишь подготовить площадку. Если боги позволят мне до-

жить до старости, то, наверно, я сумею обтесать и уложить в фундамент первый камень. После меня работу продолжит мой сын, — крестьянин кивнул в сторону хижины, возле которой мальчонка лет пяти пытался сбить плод с грушевого дерева, — а потом его сын, а потом внук и так далее. До тех пор, пока на этом месте не встанет Храм — сто шагов в длину, сто в ширину, сто локтей высоты...

Я попытался прикинуть в уме, сколько понадобится времени для строительства Храма такими темпами, и не сумел: выходило что-то запредельное. Идеи столько не живут, не говоря уже о людях.

— Зачем? — только и спросил я.

— Людям нужен Храм, — объяснил крестьянин. — Просто Храм, куда можно хоть раз в жизни прийти, и не важно, что каждый будет искать в нем что-то свое. Не знаю, найдет ли, хотя мне хотелось бы, чтобы нашел, — но знаю, что каждый пришедший обязательно оставит здесь что-то свое, сокровенное, невидимое, может быть, даже бессмертным богам, и тогда Храм станет немножко больше. Ведь Храм — это не только камни. Он станет расти до тех пор, пока не объемлет весь мир...

Вернее, пока очередная война не размечет его по песчинке, мысленно поправил я. Бедняга фанатик. Но забавный.

— А ты уверен, что к моменту окончания строительства на земле еще будут жить люди? — спросил я.

— Не важно. Важно то, что кто-то начал строить Храм. Это уже надежда, верно? — Крестьянин отложил молоток, поплевал на точильный брусок и принялся поправлять затупившееся зубило. — А теперь, если отдохнул, иди. Ты воитель, я строитель. Не хочешь помочь — не мешай.

Я и пошел.

А теперь делаю крюк, взбегая на холм. Потерявший Имя, Ленора и мудреющий дракон медленно бредут по тропе недалеко от подножия холма и следят за мною. В глубине души все трое не уверены, что я не собираюсь дезертировать.

На холме сидит крестьянин и хмуρο стесывает с камня топорно высеченное имя «Харальд». Это второй камень будущей постройки — первый закончен и уложен неподалеку.

При виде грозного воина крестьянин несколько не пугается и не прекращает методично стучать зубилом. Мне удастся его разговорить.

— Тот камень, спрашиваешь? Его мой дед обтесал, а площадку разровнял прапрадед. Здесь будет Храм: сто шагов в длину, сто в ширину, сто локтей высоты...

— А что же отец?

Крестьянин хмурится.

— Отец отказался продолжить начатое прапрадедом и дедом. Сказал, что и в поле работы довольно. Таким же и прадед был... А я решил, что дед прав. Где лежит один камень, там должен быть и второй, верно? А третий втащит на холм и обтешет мой сын, если только не решит, что его отец сумасшедший...

Возле хижины под холмом мальчишка трясет грушу.

— А если не сын, то внук?

Крестьянин кивает. Я качаю головой, но, уходя, неожиданно для самого себя оборачиваюсь и говорю:

— Удачи тебе.

Удача скорее нужна нам. Покинув мирное королевство Кюрдамира-Биатлона, мы движемся по странам, полыхающим войнами. Кругом поля, заваленные трупами, дым и пепел, поставленные, но не снятые заклинания и ни одной уцелевшей деревни. Ни одного овечьего стада. Голодно. Мы еще терпим, а дракону для пропитания чрева приходится регулярно ле-

тать на фуражировку, и с каждым днем все дальше. Чем питаются армии, продолжающие боевые действия, совершенно непонятно.

В отсутствие дракона на нас нападают шайки ма-родеров, сборщиков податей, вербовщиков, лесных братьев, бандитов и просто людоедов. С нашей стороны потерь нет, и нам удастся пополнить оружейный запас. Теперь, помимо двух мечей, у меня имеется и кистень — похуже, чем Чтозаболь, но тоже ничего. Потерявший Имя наскоро заговаривает шипы на смертоносном шаре — заговор с изъяном все-таки лучше, чем никакого.

Мы пробираемся сквозь дремучий лес. Дракон устал, но исправно проламывает просеку. Он без труда сумел бы перенести нас по одному поверх деревьев, но за плотной зеленью крон ни за что не разглядел бы тропы. Поэтому он ворчит, но продолжает расчищать путь.

Непролазные чащобы Ничьих Земель населены свирепым зверьем. На нас бросаются чудовищной величины медведи, кабаны, единороги, крупные летающие птицы и существа, которым еще не выдуманы названия. Голодный василиск, питающийся окаменелостями, провожает нас долгим пристальным взглядом, напрасно надеясь, что кто-нибудь из нас посмотрит ему в глаза. Не на таких напал. Лесные овраги кишат всякой нечистью. Стаи небольших плотоядных существ, похожих на обезьян, скачут по веткам над нашими головами, днем гадят, а ночью пытаются загипнотизировать нас и сожрать. Потерявший Имя отбивается ответным колдовством, у него много работы и вечно какой-нибудь изъян в обороне.

Уже на выходе из леса меня предательски ранят отравленной стрелой какие-то человекоподобные создания Тьмы. Ринувшийся в кусты дракон догнал и

сожрал одного и тоже едва не отравился. А я совсем плох и, чувствую, долго не протяну.

Потерявший Имя, смастерив из кривого сучка предмет, названный им Волшебным Ухом, собирает консилиум магов-врачевателей, находящихся на разных краях земного диска. Он многократно переспрашивает — плохо слышно. Несомненно, Волшебное Ухо получилось с изъяном. Мне сильно повезет, если оно всего лишь поражено частичной глухотой и не искажает смысл сказанного.

Лечение найдено: я снова должен стать камнем. На время. Против гранита яд бессилён, он быстро скиснет и утратит смертоносные свойства. Но как, назгул меня заруби, я снова стану человеком?!

Очень просто. Можно подумать, что в стране, где тридцать лет не утихают войны и погромы, уже не найти ни одной девственницы — ан нет. Одна есть. Правда, она безобразна и горбата, зато совсем не прочь потерять невинность, особенно в обмен на обещанное удаление горба. Потерявший Имя инструктирует горбунью: она должна всячески сопротивляться, ибо насилие есть насилие, все должно быть натурально. Ленора быстро чмокает меня в губы, и...

Я снова камень. Лежу, выздоравливаю и злорадно наблюдаю, как Потерявший Имя варит какое-то зелье — наверняка возбуждающее. Других мужчин поблизости нет, а у старика годы не те, чтобы без специальных сильнодействующих средств бросаться даже на спелых красавиц, не говоря уже о горбунях.

Кажется, пора. Горбунья блудливо хихикает. Ленора деликатно отворачивается. Я страшно жалею об отсутствии век — закрыл бы глаза и ничего не видел...

Кошмар!..

Однажды по приказу какой-то теперь уже давным-давно покойной королевы ее воины насильовали в трех шагах от меня одну рыженькую. Они поленились до-

тащить ее до меня, такого удобного камня, и мне почти два столетия пришлось дожидаться другого случая! Но и тогда мне не было столь противно...

Что, уже?..

Дело сделано. Я пребольно придавлен горбом, зато снова нахожусь в человеческом облике. Из своего очередного посоха и дырявого булыжника старик мастерит Волшебный Молот — и одним ударом выпрямляет горбунье спину. От удара ее глаза съезжают к переносице — изъян есть изъян, — но женщина, поразив меня рассудительностью, решает, что косоглазие много лучше горба. Она чрезвычайно довольна.

Я тоже.

Крайне недоволен Потерявший Имя: изъян возбуждающего напитка проявился в неудержимой икоте. Продолжая путь, мы тихонько хихикаем, а дракон просто ржет. Но уже ночью громкая икота старика доводит нас до иступления, мешая спать. По счастью, к утру недуг прекращается, но старик настолько измучен, что не может идти, и дракон соглашается подвезти его на себе.

Мы идем по удивительным странам. В одной из них нет людей, зато оружие воюет само по себе. Мечи против бердышей, асгегаи против шестоперов. Поминутно саморазряжаются арбалеты. Мне почти удается уговорить один из не очень сильно затупленных мечей пойти с нами, но в последнюю минуту он отказывается. В другой стране, совершенно прямоугольной, почти сплошь покрытой ядовитым океаном, люди живут в великой тесноте на нескольких квадратных островках, постоянно подвергающихся набегам гигантской плотоядной каракатицы. На каменной стене, замыкающей эту страну, высечено: «Здесь был Боройгал» и «Харальд».

В следующей стране опять война. Великан по имени Полкодав, громадный человечище с простоватым лицом и русыми кудрями, касающимися облаков, в одиночку сражается с многочисленной армией. Тактика его незамысловата: прицельно упасть и задавить целый вражеский полк, операцию повторить необходимое число раз. Враги осыпают Полкодава стрелами и заклинаниями.

Дальше не пройти никак. Армия желтокожих воинов из империи Бань-Янь сошлась на равнине с дружиной княжества Вань-Встань. Не имея намерения лезть в драку, мы собираемся тихонько миновать поле брани, но не тут-то было: завидев нас издали, воины обеих ратей прекращают бой и перестраиваются для нападения. На нас.

— Это козни Серого Властелина! — в гневе и отчаянии кричит Ленора. — Он нас видит!

— Конечно, видит, — подтверждает Потерявший Имя. — Он наблюдал за нами с самого начала. С помощью Зрячих Колец очень удобно... наблюдать.

— Что же делать? — потерянно вопрошает Ленора. — А дракона они не испугаются?

— Уже не испугались, — огорчает старик. — В Бань-Яне драконов прорва, там привыкли.

Мудреющий дракон печально соглашается. В молодости он бывал в империи желтокожих и, как все молодые драконы, пробовал хулиганить, но едва успел убраться невредимым. Из всех видов искусств там в наибольшем почете боевые да еще художественная резьба по драконьей кости, а тамошние маги придумали швыряться больно жалящими шариками огня...

— Что же ты не сработал еще один набор игральных костей? — укоряю я старика.

— А когда мне было срабатывать? — отмахивается он от меня и обращается к дракону: — Ты сможешь поднять в воздух нас троих?

Дракон тяжело вздыхает.

— Нет?

— Одного мог бы, — сознается дракон, — даже двоих. Трех не могу. Прости, но изъяны есть не только в твоих изделиях, изъян есть и в тебе... Ты тяжелый.

Вот как.

Мой меч со свистом вылетает из ножен, другой рукой я раскручиваю кистень. Удирать поздно, придется идти на прорыв, хотя дело это безнадежное.

— Повремени, храбрый Камень, — останавливает меня Потерявший Имя. — У нас осталось еще одно средство.

Какое? Я наблюдаю с интересом. А! Старый маг сохранил Волшебное Ухо и вторично обращается к дружественным магам с просьбой о помощи.

И помощь приходит. Старик долго шевелит губами, запоминая спасительное для нас заклинание. Тем временем враги успевают окружить нас со всех сторон и медленно стягивают кольцо. Уже свистят первые стрелы, а с пальцев враждебных магов, идущих в первых рядах войска, срываются шарики огня.

— Приготовьтесь! — И старик, делая руками сложные пассы, выкрикивает длинное заклинание.

Стрелы и огненные шары проносятся над нашими головами, не причинив нам никакого вреда. Мы превратились в мух, а дракон в стрекозу. Ленора — красивая золотистая мушка; я — крупная волосатая тварь, завсегдакой помоек и вероятный переносчик холеры; старик — потрепанный слепень без одного крыла. Опять дефект. Стрекоза-дракон хватает Потерявшего Имя и взмывает в небо. Мы следом. Интересно, если сейчас золотистая мушка коснется моего хоботка своим — я превращусь в камень? Очень удобно было бы, упав с высоты, расплющить ту же Геенну, — но где гарантия, что я не расколуюсь при падении? И я помалкиваю.

Оп! Едва уворачиваюсь от стрижа. Разлетались...

Нет, быть мухой не так уж весело. Кстати, надо держаться подальше от деревьев — неровен час влетишь в паутину.

— Вдоль тропы — и вниз! — жужжит старик.

Наверное, действие заклинания должно скоро кончиться.

Так оно и есть. К нам возвращается прежний облик. Вражеские армии остались далеко позади. Я бросаюсь ничком в ближайший ручей и яростно скребусь, оттирая несуществующую грязь несуществующих помоек. Потерявший Имя посмеивается. Дракон доволен и впервые за много дней сыт: во время полета он успел сцапать пяток комаров. Любопытно, во что трансформировались эти насекомые в его желудке при смене обличья?

Но я не спрашиваю. В чужое колдовство с распросами не суйся.

Мы продолжаем путь. Мало-помалу тропа заводит нас в горы. В теснинах дракону трудно, он предпочитает их перелетать, а поперек бездонных пропастей ложится мостом, облегчая нам переправу. Горные демоны, несомненно служащие Серому Властелину, спускают на нас лавины и обвалы. Потерявший Имя отбивается магией. Дракону удастся поймать одного из пакостников, но, попробованный на зуб, демон выплевывается в пропасть. Невкусный.

То ли дело девственница!

На скальной стене высечена кривая надпись: «Я горад Мисину в розор розарил. Харальд». Несомненно, гопник не только хвастался тут подвигами, но и упражнялся в правописании. Похвально.

— Проклятая Геенна, овладевшая Копролитом, — шепчет Ленора, чуть отстав от старика и дракона. — Погоди, вот только доберемся до Зрячих Колец...

— Доберемся, — уверенно говорю я. — Уже близко.

— Я отвоюю свое королевство, — гордо продолжает она. — Но чтобы в Копролите установился прочный мир, одной королевы недостаточно. Мне понадобятся верные помощники, мудрые министры, храбрые военачальники, а самое главное, мой будущий супруг, король...

— Найдешь, — бросаю я.

— Ты действительно камень! — кричит Ленора, пугая горного демона, робко высунувшегося из расщелины. — Ты настоящий бесчувственный булыжник, если еще не понял, какой супруг мне нужен! Мне нужен ты!

Она смотрит на меня, а я на нее. На веках принцессы дрожат слезы.

Вот как...

У меня есть тысяча и одна причина не становиться королем, но я раскрываю лишь одну:

— В свадебный обряд, принятый в твоей стране, входит поцелуй?

— Входит... — Ленора вздыхает.

— Вот видишь.

— Мы могли бы придумать, как этого избежать, — настаивает принцесса.

Пожалуй, она растопит мое сердце, хотя, признаться, у меня нет никакого желания становиться королем, да еще женатым. Вдруг жена забудется да и поцелует супруга во сне?

— Хорошо, моя принцесса, — отвечаю я. — Но сперва мы добудем Зрячие Кольца и уничтожим Геенну, а потом уже подумаем.

Ущелье — узкое, мрачное, глубокое. Отравленная река шипит внизу, как миллион придавленных гадюк, разъедает свое каменное ложе, углубляя и без того глубочайшую пропасть. Когда она прогрызет всю толщи-

ну земного диска и едкая жидкость польется прямо на китов — или кто все-таки держит Землю? — вот тогда и наступит всему конец. Но до этого еще далеко.

Ядовитый туман, густым киселем повисший в ущелье, мешает видеть и дышать. Наши лица обмотаны тряпками, смоченными драконьей слюной, единственно верным средством. Иначе наши тела уже давно добавились бы к многочисленным телам несчастных, то и дело встречающимся на пробитой в стене ущелья тропе, единственном пути в мрачный Катаракт, страну Серого Властелина.

Замок Танагр — первый и, как говорят, наименее укрепленный из трех — вжался в каменную стену и частично вырублен прямо в ней. Он управляется двумя братьями-близнецами — Убедилом и Победилом. Воздвигнувшись перед подъемным мостом, я вызываю обоих на поединок. После серии перекрестных оскорблений вызов принят. Победил — сильный боец, а Убедил вдобавок обладает столь совершенным даром красноречия, что способен уговорить противника собственноручно снести себе голову или распороть живот. Проинструктированный Потерявшим Имя, я залепляю себе уши воском и выхожу победителем из схватки. Деморализованная охрана разбегается. Путь свободен!

Замок Онагр — висячий. Через ущелье ниже тропы переброшена чудовищная каменная арка, на ней громоздятся стены и башни, царапающие облака. Мост поднят. Никто не отвечает на вызов — вместо ответа со стен летят стрелы, камни и горшки с нечистотами. Нет больше дураков, готовых сразиться со мною в честном бою. А без дураков — как пройти?

Потерявшему Имя известно, что существует заклинание, от которого замок должен со страшным грохотом обрушиться на дно пропасти, но он не знает — какое. Мудреющий дракон с неохотой соглашается на

единственно возможный выход: он перенесет на себе меня и Ленору под замком, а затем вернется за Потерявшим Имя. Превратиться в мух на этот раз не выйдет: от испарений Отравленной реки сохнет любая муха.

Одной рукой держусь за драконий гребень, другой поддерживаю принцессу. Чиркая крыльями по скалам, дракон проносит нас под аркой — сверху льется кипяток, летят камни. К счастью, мимо. Мы высажены на тропе позади замка, дракон тем же путем возвращается за стариком...

Мы в напряженном ожидании. Вот в густом тумане под аркой появляется размытое пятно — летит мудреющий дракон, несет Потерявшего Имя... И вдруг арка рушится, грохочут камни, и весь замок Онагр обрывается в бездну. Еще целую минуту проносятся мимо нас разваливающиеся в падении фрагменты стен, зубцы, кровли... Изрыгая проклятия, пролетает мой старый знакомец в рогатом шлеме, а вслед за ним камень с незаконченной надписью «Хар»...

Они успели. Дракон удивлен, а Потерявший Имя чему-то улыбается и потирает макушку — его задело горшком с фекалиями. После этого он и произнес фатальное для замка заклинание.

— Какое?

— Ну не при дамах же...

Отравленная река куда-то делась, ущелье кончилось, и мы с облегчением избавляемся от тряпок на лицах. Замок Тарбаган — последний оплот Серого Властелина — на самом деле целый город, обнесенный тремя стенами, одна выше другой, защищаемый многочисленным гарнизоном и могучими заклинаниями. Намного выше стен поднимается центральная башня, служащая жилищем Серому Властелину и хранилищем Зрячих Колец. На стенах отчетливо видны

котлы с вечнокипящей смолой и драконобойные баллисты.

При виде котлов и особенно баллист дракон мрачнеет и пятится по тропе назад.

— Дальше вы пойдете одни.

— Ты отказываешься от Геенны? — Я не верю ушам.

Продолжая пятиться, дракон вздыхает.

— Не такой же ценой добывать себе пропитание... Пусть я не мудрый, но все-таки мудреющий, а штурмовать это, — кивок в сторону цитадели, — работа для вовсе глупого.

— Мы справимся! — обещаю я, а Потерявший Имя поддакивает.

— Пока мы справимся, я стану совсем мудрым, а питаться девственницами для мудрого — дурной тон и атавизм. Прощайте! — Он шумно срывается с места и кругами набирает высоту, предусмотрительно держась подальше от замка. Еще минута — и он исчезает за горной цепью.

Нас снова трое. Ничего не скажешь, грозное воинство... Против одного бойца, кое-как научившейся сражаться девушки да старого мага, неспособного сделать даже табуретки без неустранимого дефекта, — неисчислимая армия Серого Властелина и, самое главное, Зрячие Кольца, обращенные во зло. Ой-ой...

Три дня проходят в бездействии. Старик что-то мастерит, бормоча себе под нос, но не говорит — что. Мы не приближаемся к замку ближе, чем на полет стрелы; противник пока также не делает вылазок, справедливо опасаясь встретить отпор мечом, кистенем и магией. Наверно, до нас никто не решался штурмовать этот замок — вот там и ждут, что мы отступим без боя.

Да если это случится и если мне когда-нибудь суждено вновь стать камнем, я от стыда из серого гранита сделаюсь красным!

На третью ночь разоженный нами костер, едва успев разгореться, неожиданно проваливается под землю. Из дыры вместе с фейерверком искр выскакивает, кашляя и подвывая, опаленный гном в дымящейся спецовке. В руках у него лопата с тлеющим черенком.

Гном кашляет много дольше, чем требуется для того, чтобы очистить легкие от дыма. Ага, вот это кто! Старый знакомый! Как твой силикоз — не прошел?

Разумеется нет. Иначе зачем бы гному помогать нам? А ведь он явно пришел помочь. Не мне — Потерявшему Имя. На меня и не смотрит. Вот только прокопался он к нам с небольшой ошибкой — на тепло шел, что ли?

Вчетвером мы разрабатываем план операции. Гномий туннель проведет нас под двумя стенами и выведет перед третьей недалеко от ворот. Дальше не подкопаться — скала. Гномы из западных кланов обещали помощь, но в открытую схватку не вступят. Если нам удастся пробиться в ворота, а затем взломать заколдованную Железную Дверь, ведущую в башню, нам может улыбнуться удача...

По-моему, шансы вызвать эту улыбку у нас ничтожные. Но другого выхода все равно нет.

— Завтра после восхода солнца...

— А почему не прямо сейчас?

— Ночью ворота заперты. — Гном в своем небескорыстном рвении помочь снисходит до ответа даже мне.

Ох, какая рубка в воротах! Как свистит мой клинок, как поет новый кистень! Ленора с мечом и старик с посохом прикрывают мои фланги и тыл, а я разметываю неприятеля направо и налево. Одолели! Большой отряд врагов, сомкнув строй, пытается атаковать нас с тыла, но вдруг проваливается в колос-

сальную дыру — не подвели западные гномы. Ворота наши!

Внутренний. Двор. Быстро. Устиляется. Трусами. Одолели!

Железная Дверь. Не-под-да-ю-ща-я-ся...

Магия против магии. Потерявший Имя колдует над своим новым, только вчера вырезанным посохом, предоставляя мне отмахивать мечом стрелы, густо летящие в нас со стены. Мимо меня величаво проплывает крупнейшее бревно — так вот во что превратился посох! В стенобитное орудие! Бревно самостоятельно берет разгон — удар!!! — и путь свободен. Заколдованные дверные засовы устояли, и петли тоже, зато не выдержал косяк — так и выпал вместе с Железной Дверью. Наверняка Серый Властелин не ожидал такого поворота. Сам виноват — укрепляй двери лучше!

Башня. Первый этаж. Полным-полно врагов. Высокий свист рассекающего воздух клинка, низкий баритон усаженного шипами шара, стаккато падающих на пол отрубленных конечностей...

Одолели!

Винтовая лестница, естественно, закручена слева направо. Кистень здесь не поможет, да и меч приходится переложить в левую руку. Но неужели строитель башни надеялся остановить меня столь мелкими пакостями?!

Одолели.

Второй этаж. То же самое. Снова лестница... Третий этаж...

Одолели! Одолели!! Одолели!!!

Ближайшая охрана Серого Властелина делает последнюю попытку остановить наш порыв. Тщетно. Шар моего кистеня неожиданно разлетается с ужасным грохотом, пламенем и дымом — визжат, рикошетируя от стен, осколки-шипы. Мы даже не задеты, зато охранникам пришлось куда хуже. Пока я шинкую последнего,

еще пытающегося злобно наскакивать, старик с удивлением чешет в затылке:

— Повезло... Знал я, что не сумею без изъяна заговорить оружие, но чтобы такой удачный изъян...

— Вперед! — кричит Ленора.

Тронный зал. Серый Властелин может находиться только здесь. Почему — не знаю. Но чувствую.

Вот он.

Серый Властелин.

Высокая фигура в сером плаще до пят. Серый капюшон скрывает лицо. Даже клинок длинного меча кажется серым в скудном свете, пробивающемся сквозь узкие окна-бойницы.

Со смехом, похожим на карканье, фигура вытягивает вперед руку — и три совсем не серые молнии срываются с пальцев в серых перчатках. В Потерявшего Имя, в Ленору, в меня. Серый Властелин собирается разделаться с нами одним ударом.

Не тут-то было. Старый маг ловко швыряет навстречу молниям свое последнее оружие — лошадиную подкову, опутанную блестящей серебряной проволокой, и точно направленные молнии бьют мимо. Ну, с таким прикрытием я спокоен...

Бой на мечах. Искусство Серого Властелина велико, но и мое не меньше. Противник теряет хладнокровие и предпринимает бешеный натиск, затем тушует, отступает... Мой клинок поражает Серого Властелина как раз в момент его трансформации в гигантскую летучую мышь — поняв, что проигрывает, он собирался улететь. Кончен бой... Одним Властелином меньше.

Плащ поверженного врага уже успел превратиться в перепончатые крылья, но карман еще цел. В кармане лежит продолговатый серый футляр, совсем небольшой. Неужели Зрячие Кольца столь малы? Я ожидал

чего-то сравнимого с тележными колесами, если не больше...

Потерявший Имя, чующий магические предметы за версту, подтверждает: Зрячие Кольца здесь. Учащенно дышит Ленора. Открываю футляр...

— Великий Драхма! — восклицает старик. — Вот это вещь!

Я беру в руки Зрячие Кольца, дивясь их легкости. Они сработаны из тонкого блестящего металла — два небольших, не совсем круглых кольца, соединенных короткой металлической дужкой. Две дужки подлиннее прикреплены к кольцам с боков и могут двигаться на крошечных шарнирах. В оба кольца искусно вставлены прозрачные стекляшки.

— Как ими пользоваться? — спрашиваю я.

Ленора беспомощно пожимает плечами:

— Я... не знаю.

— А ты? — обращаюсь я к Потерявшему Имя.

— Тоже не знаю, но догадываюсь. Наверное, надо просто посмотреть сквозь них и, может быть, произнести заклинание...

— Тогда смотри и произноси.

Некоторое время старик вертит Кольца в руках, затем нерешительно подносит их к глазам. Ему неудобно, и он отгибает большие дужки. Они забавно ложатся ему на уши, а малая дужка — на переносицу. Удобно! Вид у старика препотешный, но теперь я вижу, что Кольца на то и рассчитаны, чтобы сидеть на носу, цепляясь за уши.

— Ну как?

— Мутно, — жалуется Потерявший Имя. Я впервые вижу его растерянным. — Плохо видно, словно в воде. И... я не вижу своего настоящего имени! Не вижу!!! — Он в отчаянии. — Не вижу, не знаю!..

— Попробуй произнести заклинание.

— Если бы я еще знал какое!

— Все равно попробуй, — настаиваю я. — Давай размыслим. Это вещь светлая, так? Значит, заклинать нужно светлые силы, никак не темные. Уже легче. Уже половина ненужных заклинаний долой. Даже больше половины, не так ли?

— Больше-то больше, — плаксиво соглашается Потерявший Имя, — а все равно их тысячи. Разве я их все помню? Я ведь не настоящий маг, я так, делаю вещи... Говорила мне в детстве моя наставница, светлая эльфиня Карамель: учись прилежно, Стилобат, а то недоучкой вырастешь... Вот недоучкой и вырос. Не-ет, видно, судьба мне до самой смерти ходить Потерявшим Имя, и вещи мои всегда будут с изъянами. О горе, горе!.. Великий Драхма, за что?

— Стой! — перебиваю я. — Как ты себя назвал?

— Никак я себя не называл! Недоучкой я себя называл! Нет, я не маг, а ремесленник, причем плохой...

— Ты сказал: «Учись прилежно, Стилобат». Не твое ли это имя?

Он словно громом поражен и падает навзничь, успев прошептать «мое». Я вовремя подхватываю Зрячие Кольца, иначе стекляшкам пришлось бы худо.

Здорово на него подействовало... Но он жив, это у него обморок от радости. Скоро очнется.

— Теперь ты, принцесса. — Я протягиваю ей Зрячие Кольца. — Твоя очередь. Не беспокойся, если упадешь — подхватчу.

Задыхаясь от волнения, Ленора помещает малую дужку Колец на прелестный, чуть облупленный от горного солнца носик и долго всматривается. Затем со вздохом протягивает Кольца мне.

— Посмотри и ты, храбрый Камень...

— Разве ты ничего не увидела? — тревожно спрашиваю я.

Ленора снова вздыхает.

— Геенна лежит при смерти. Она отравилась свинцом, пробуя на зуб монеты из подвалов своей мамы Лигатуры, — думала, в сплаве и серебро есть. Теперь мне нужно всего лишь вступить в пределы Копролита и объявить о своих правах на престол. Я прошу тебя, не покидай меня. Что бы ты ни увидел в Кольцах — не покидай!..

— А если я увижу то же, что и ты?

— Каждый видит в Кольцах что-то свое. — Обморок старика прошел, и он, кряхтя, встает на ноги.

Мне страшно. Удивительное дело: я не боялся штурмовать неприступные замки и сражаться с армиями — а теперь боюсь. Боюсь, что увижу в Кольцах конец своего пути, развязку затянувшейся шутки великого Драхмы...

Ощущение, как перед прыжком в пропасть. Даже хуже: как перед поцелуем.

— Смелее! — подбадривает Стилобат.

Он что, считает меня трусом?.. И малая дужка Кольца садится мне на переносицу, а две большие ложатся на уши. Я успеваю подумать о том, что выгляжу, должно быть, крайне нелепо.

Туман... Ничего, кроме тумана.

Я шагаю вперед. Моя бестелесная сущность пронизывает белесые струи, и туман, вначале плотный, как горное облако, начинает слоиться, слои плавают отдельно друг от друга, не смешиваясь, и в просветах между ними начинают проступать изображения...

Странные картины. Первая — людская толчея на городской площади. Люди диковинно одеты, и их очень много, я не думал, что столько бывает. Но это не войско, собравшееся в поход: никто не отдает приказов, да никто и не стал бы их слушать. Никакого порядка, все снуют туда-сюда, как ошпаренные. По краям площади, разумеется, торгуют со столиков. По большей

части — странными книгами. Это не свитки, и мне приходится сделать усилие, чтобы понять, что прямоугольные кипы нарезанной бумаги, обьятые блестящей гладкой корой, — тоже книги. Еще более странно, что торговец не зазывает покупателей, а сучает, позевывая.

На книгах — искусно выполненные рисунки. Тут мне многое знакомо. Вот изображена Ленора с мечом, вот Стиллат с посохом, а вот и я. Немного подкачал дракон, но, в общем, тоже похож. В какой стране живет умелец, делающий подобные книги? Я не знаю этой страны, но там, выходит, нас знают...

В соседнем просвете открывается еще более озадачивающая картина. Несколько юнцов и юниц, сойдясь стенка на стенку, бестолково размахивают подобиями мечей — сразу видно, что деревянными. Если их стране грозит опасность и они готовятся к сражению с силами Тьмы, то результат этого сражения известен мне заранее. Несчастные... Где же их наставники в боевом искусстве — неужели все погибли? Не-ет, я непременно приду к ним на помощь, ведь без меня их легко перебьет любой солдафон квалификации Зада Мелькала...

Но как найти их страну?..

Моя бестелесная сущность взмывает вверх — я заглядываю в следующий просвет.

Комната. Толстый мальчишка лет восьми, похожий на избалованного наследника сильно занятого государственными делами правителя, развалился на подобии стула перед серым ящиком, непрерывно жует, а рука его, обнявшая маленькую плоскую коробочку, зачем-то шарит по столу... Ага, ящик магический! Что-то вроде Зрячих Колец, только лучше: одна грань ящика прозрачна, и в ней застыли фигуры.

Эти фигуры — мы.

Вот я. Рядом — принцесса и старый маг. А вон там на полу распростерся поверженный Серый Властелин, не успевший удрать в облике летучей мыши...

Я — Камень. А сейчас и вовсе бесплотный дух. Но мое сердце стучит так, как никогда не стучало во время самой отчаянной схватки.

В том ящике на мне Зрячие Кольца, и я не должен видеть то, что происходит вокруг меня. Не должен видеть, как прекрасная Ленора, повинувшись движению пухлой детской лапки, приближается ко мне, встает на цыпочки, чтобы поцеловать, — и по мановению той же лапки резво отскакивает, спотыкаясь о Серого Властелина. И как мальчишка хихикает...

Но я вижу.

Вот кто наш настоящий властелин. Может быть, это сам великий бог Драхма, для забавы принявший жалкий облик?

Вряд ли...

Это не Драхма. Я вижу, как в комнату неожиданно врывается мужчина с брюшком и пробивающейся на макушке лысиной, и я слышу его повизгивающий крик: «Так я и думал! Ты чем занимаешься, а?! А уроки?!» — в ответ на что мальчишка принимается что-то лепетать, плаксиво и одновременно нахально. Никакой бог не повел бы себя так позорно...

И я срываю с лица Зрячие Кольца. Нет! Не-е-е-ет!!! Я не хочу! Это неправда!.. Кольца солгали мне!

Слабая попытка самоутешения. Чтобы солгать, надо выдумать, — но разве можно выдумать ТАКУЮ ЯВЬ? Нельзя, а значит, она существует на самом деле...

Я снова в башне замка Тарбаган и теперь знаю все. Не могу, не желаю смириться — но знаю.

Старик отбирает у меня Кольца, пока я не растоптал их, швырнув на каменные плиты, и быстро прячет в свою суму. Вовремя.

— Не ответишь ли ты, что удалось тебе увидеть, доблестный Камень? — Он любопытен.

— Ничего. — Мое вранье его не обманет, но будь я орк позорный, если поведаю ему правду. — Совсем ничего. Только туман.

Гаснет закат.

Уцелевшие после побоища воины, узнав о смерти Серого Властелина, устроили вече между первой и второй стенами и орали полдня. Мы решили их не трогать. Несомненно, они вот-вот пришлют к нам выборных с выражением покорности и предложением верной службы, на чем и закончится еще одна история о подвигах воина по имени Камень. Со временем она обрстет неправдоподобными деталями и превратится в легенду. Впрочем, это уже не моя забота.

Обо мне ходит немало легенд. Но эта станет последней.

Скоро мы расстанемся. Нашедший Имя, обретя должность хранителя Зрячих Колец, останется править Катарактом, мастерить на досуге магические предметы без изъянов, а заодно лечить гномов, ибо он честный маг; путь же принцессы труден и долог. Геенна вот-вот умрет, не оставив наследника, и военачальники в Копролите передерутся из-за престола. Пожалуй, я все же пойду с Ленорой и помогу ей отвоевать королевство — теперь это сравнительно нетрудно. Конечно, я ни слова не скажу принцессе о том, что увидел сквозь Зрячие Кольца. Ей незачем знать.

А потом я уйду.

Я сделаю это, потому что ни я, ни любой другой герой нашего мира, ни самый умудренный маг, ни даже великий бог Драхма не смогут сделать наш мир хоть чуточку настоящим.

Я уйду, потому что не хочу жить и геройствовать в придуманном кем-то мире. В этом странном театре

дергающихся марионеток я стану лишь частью декорации — уверен, что это менее противно, чем быть его героем.

Пожалуй, я сумел бы жить и действовать в мире, придуманном мною самим. И то — надоело бы. Но жить, топтать тропы, махать волшебным кистенем, спасать принцесс и уклоняться от поцелуев в мире, придуманном ради детской забавы?!

Увольте. Жаль, что из этого мира невозможно выскочить. Но не быть марионеткой, пожалуй, можно. Во всяком случае, я попытаюсь.

Я пойду туда, где крестьянин строит Храм. Если надо — прорвусь с боями. Я поздороваюсь с крестьянином-каменотесом и пожелаю ему удачи. А потом я уговорю его жену поцеловать меня в губы. Пусть в фундаменте Храма Никакого Бога станет одним камнем больше. Единственное, чего я не хочу, — чтобы из меня сделали алтарь. Кто знает, какие верования овладеют душами людей через несколько столетий и какие действия будут совершаться на алтаре? Лежать в фундаменте гораздо лучше.

Может быть, мудрый Драхма предвидел такой конец моего пути?

Интересно знать, не завидует ли он мне?

Ему-то, всеведущему, а стало быть, прекрасно понимающему, кто он есть в этом мире, приходится хуже...

У меня будет время об этом подумать. Очень много времени, ибо я сделаю то, что решил. Так говорю я, Камень.

Содержание

МЕНУЭТ СВЯТОГО ВИТТА	5
РАССКАЗЫ	215
Багровые пятна. Доисторический рассказ ...	217
Вопрос права	242
Счастливая звезда Агафокла-младшего	293
Уступчивые	313
Я, камень	357

ЛУЧШИЕ

КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

- ◆ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз
- ◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".
- ◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неведомого", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".
- ◆ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Картленд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил — в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".
- ◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.
- ◆ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джорданс, А.Сапковского, Т.Гудкайнда, Г.Кука, К.Шашефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.
- ◆ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К. Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.
- ◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".
- ◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".
- ◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные книжки-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".
- ◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршака, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрэн
- ◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".
- ◆ Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам. А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

**Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав
БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ**

по адресу: 107140, Москва, а/я 140. "Книги по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины
издательской группы "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 232-1905.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Лутанская, д.7. Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

В Санкт-Петербурге: Невский проспект, д.72, магазин №49. Тел. 272-90-31

Книга-почтой в Украине: 61052, г. Харьков, а/я 46, Издательство «Фолио»

Литературно-художественное издание

Громов Александр

Вопрос права

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина
Младший редактор Е.А. Лазарева

Подписано в печать 25.05.00.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 11 000 экз. Заказ № 4438.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия,
г. Назрань, ул. Кирова, д. 13
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

Официальная страница Александра Громова в Интернете:

[http:// www. rusf. ru / gromov/](http://www.rusf.ru/gromov/)

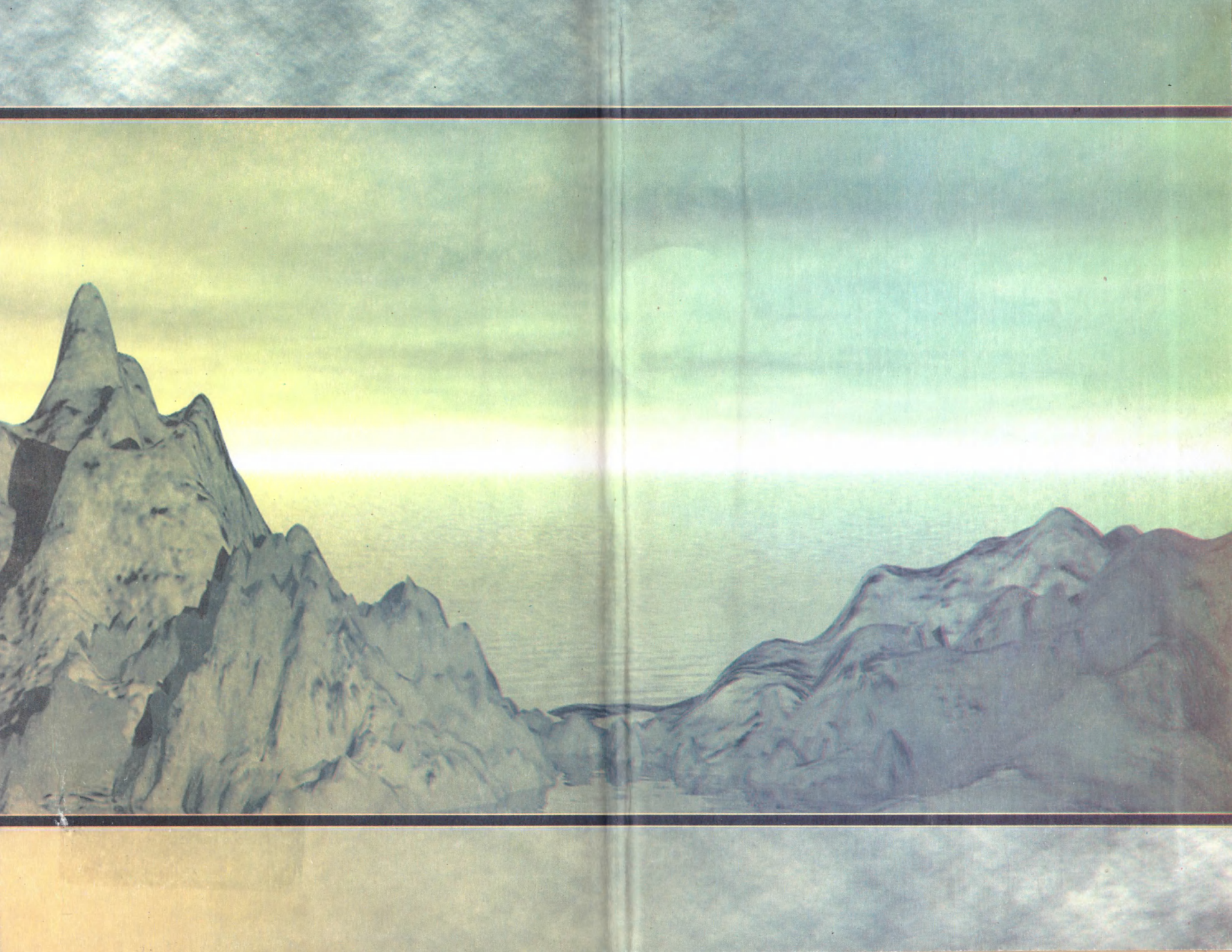
Зеркала:

[http:// sf. convex. ru / gromov/](http://sf.convex.ru/gromov/)

[http:// rusf. dhs. org / gromov/](http://rusf.dhs.org/gromov/)

[http:// sf. alanet. com. /gromov/](http://sf.alanet.com./gromov/)

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосояна, 25.

ISBN 5-17-001069-9

9 785170 010691

Александра Громова называют верным последователем братьев Стругацких. То есть фантастом, рискующим исследовать в своем творчестве проблемы социальные.

Произведения Александра Громова не просто талантливы, но — оригинальны. Увлекательная приключенческая форма и захватывающие сюжеты становятся здесь лишь обрамлением для заданных писателем вопросов. Вопросы, заставляющих всерьез задуматься о прочитанном!..

ВОПРОС ПРАВА

**АЛЕКСАНДР
ГРОМОВ**

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДАНЫЙ